Вѣры Предѣл

Dubl N 28355
S

№ 41

СБОРНИКЪ.

СБОРНИКЪ.

РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ, СКАЗКИ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Е. САЛТЫКОВА (Щедрина).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Бассейная, № 2).
1881.

Высшая школа Народовед. в Москве
библиотека
098342

СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ.

Юбилей удался какъ нельзя лучше. Сначала, юбиляръ былъ сконфуженъ и даже прослезился, но, наконецъ (нужно думать, что онъ уже окончательно былъ подъ вліяніемъ торжества), до того освоился съ своимъ положеніемъ, что обратился къ чествующимъ и во всеуслышаніе произнесъ: Господа! благодарю васъ! но думаю, что, если бы вы потрудились взглянуть въ ревизскія сказки любой деревни, то нашли бы множество людей, которые если не больше, то, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и я, заслужили право быть чествуемыми. И, слѣдовательно, всѣ эти юбилеи...

И такъ далѣе. Затѣмъ юбиляръ зарыдалъ и многимъ послышалось, что онъ сквозь всхлипыванія произнесъ слово: «наплевать!». Послѣ чего, мы разошлись по домамъ.

Впрочемъ, за исключеніемъ этой маленькой неловкости, все шло какъ по маслу.

Юбилей, о которомъ идетъ рѣчь, былъ устроенъ нами въ честь нашего департаментскаго помощника экзекутора (кажется, что онъ, въ то же время, пользовался титуломъ главноуправляющаго клозетами). Ныньче вообще въ ходу юбилеи. Сначала, праздновали юбилеи генераловъ, отличавшихся въ побѣдахъ неодолѣніемъ, потомъ стали праздновать юбилеи дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, выказавшихъ неустрашимость въ перемѣщеніяхъ и увольненіяхъ, а наконецъ, дошла до насъ вѣсть, что департаментъ Всеобщихъ Умопомра-

ченій съ успѣхомъ отпраздновалъ юбилей своего архиваріуса. Вотъ тогда-то мы, чиновники департамента Препонъ, и рѣшили: немедленно привлечь къ отвѣтственности по юбилейной части почтеннѣйшаго нашего помощника экзекутора, Максима Петровича Севастьянова.

Севастьяновъ, по правдѣ сказать, совсѣмъ даже позабылъ, что 15-го іюля 1875 года минитъ пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ облаченъ въ вицъ-мундиръ министерства Препонъ и Неудовлетвореній, и тридцать съ той минуты, какъ онъ довѣріемъ начальства былъ призванъ на постъ помощника экзекутора, къ обязанности котораго главнѣйшимъ образомъ относился надзоръ за исправнымъ содержаніемъ департаментскихъ клозетовъ. Для него было, въ сущности все равно, что пять, что пятьдесятъ лѣтъ, ибо клозеты, или замѣняющія ихъ установленія, одинаково существовали какъ въ первое пятилѣтіе его государственной дѣятельности, такъ и въ послѣднее. Онъ даже не помнилъ, точно-ли онъ когда-нибудь *въ первый разъ* надѣлъ на себя вицъ-мундиръ, и не былъ-ли онъ облаченъ въ тотъ достопамятный день, когда сенатской регистраторъ Морковниковъ и жена корабельнаго секретаря Огурцова воспринимали его отъ купели. Севастьяновъ былъ старикъ угрюмый и застѣнчивый, на лицѣ котораго было, такъ сказать, неизгладимыми чертами изображено, что онъ выросъ въ уединеніи клозета. Въ справедливости этой мысли въ особенности удостовѣряло то, что онъ весь, т. е. всѣ незакрытыя части его тѣла, поросли волосами, такъ что издали онъ казался какъ бы подернутымъ плѣсенью сырого мѣста. Волоса выступали у него на выпуклостяхъ щекъ, на пальцахъ, закрывали почти весь лобъ; вылѣзали изъ носа и изъ ушей, а борода его, даже въ тѣ дни, когда онъ ее брилъ, была синяя, пресиняя. Лицо у него было пепельнаго цвѣта, глаза больные, слезящіеся, какъ у человѣка, давно отвыкшаго отъ дневного свѣта. Такъ что когда ему сказали, что въ честь его готовится юбилей, то онъ смутился и покраснѣлъ. Да, говоря по совѣсти, и было отъ чего покраснѣть, ибо тридцатилѣтіе его состоянія въ должности помощника экзекутора какъ разъ совпадало съ тридцатилѣтіемъ же реформы клозетовъ въ департаментѣ Препонъ (кажется, что по этому поводу даже и самая должность его была учреждена).

Заручившись согласіемъ предполагаемаго юбиляра, мы от-

правили депутацію къ директору департамента, который не только одобрилъ наше намѣреніе, но даже обѣщалъ, къ срединѣ обѣда, прислать поздравительную телеграмму. Съ своей стороны, вице-директоръ заявилъ, что лично приметъ участіе въ юбилейномъ торжествѣ и пригласитъ къ тому же всѣхъ начальниковъ отдѣленій. Тогда, на живую руку, былъ составленъ краткій церемоніалъ слѣдующаго содержанія:

1. 15-го сего іюля, имѣетъ исполниться пятьдесятъ лѣтъ со времени состоянія помощника экзекутора департамента Препонъ, Максима Петровича Севастьянова, на службѣ въ офицерскихъ чинахъ. Въ ознаменованіе сего событія устраивается обѣденное торжество въ одной изъ залъ Палкинскаго трактира (на углу Владимірской и Невскаго проспекта).

2. Чины департамента Препонъ, съ вице-директоромъ во главѣ, въ 5 часовъ пополудни, соберутся въ общемъ залѣ Палкинскаго трактира и будутъ тамъ ожидать виновника торжества.

3. Когда юбиляръ прибудетъ, то вице-директоръ, подавъ ему руку, поведетъ въ предназначенный для торжества залъ, гдѣ участниковъ будетъ ожидать роскошно сервированный столъ.

4. По вступленіи въ залъ, приступлено будетъ къ закускѣ, а по удовлетвореніи первыхъ позывовъ аппетита, вице-директоръ предложитъ юбиляру за обѣденнымъ столомъ президентское мѣсто, самъ же сядетъ по правую его руку.

5. По лѣвую руку юбиляра займутъ мѣсто старшій изъ начальниковъ отдѣленій, а напротивъ экзекуторъ, какъ непосредственный юбиляра начальникъ, лицо котораго, тоже не чуждое клозетовъ, должно непрестанно напоминать виновнику торжества объ истинномъ характерѣ его заслугъ на пользу отечества. Прочіе члены займутъ за столомъ мѣста по пристойности.

6. Во время обѣденнаго торжества, имѣютъ быть предлагаемы тосты, произносимы рѣчи и прочитываемы поздравительныя телеграммы, при чемъ, однакожь, изъ пушекъ палимо не будетъ.

7. По окончаніи обѣда, участвующіе въ торжествѣ перейдутъ въ сосѣдній залъ, гдѣ имъ будутъ предложены кофе, чай и ликёры. Съ этой минуты, торжество принимаетъ характеръ семейный, и правила какого бы то ни было церемоніала перестаютъ быть обязательными.

Сверхъ того, были приняты мѣры, чтобъ изъ провинцій, отъ подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, присланы были ко дню юбилея поздравительныя телеграммы.

Повторяю: юбилей состоялся на славу. Юбиляръ возсѣдалъ на президентскомъ мѣстѣ, вице-директоръ по правую руку его и т. д. Послѣ ботвиньи, прочтенъ былъ адресъ отъ имени департаментскихъ чиновниковъ, въ которомъ, однакожь, о клозетахъ не упоминалось, а говорилось о дѣятельномъ участіи юбиляра въ великой реформѣ замѣны курьерскихъ тележекъ пролётками. По выслушаніи этого адреса, вице-директоръ всталъ съ своего мѣста и торжественно провозгласилъ, что, вмѣсто громкихъ словъ, онъ публично цалуетъ любезнаго виновника торжества, желая тѣмъ заявить, что начальство никогда не оставалось равнодушнымъ къ его служебнымъ подвигамъ. Затѣмъ, по мѣрѣ разнесенія блюдъ, прочитываемы были поздравительныя телеграммы. Телеграмма директора департамента гласила: «Поздравляю любезнаго старичка и надѣюсь, что усерднымъ исполненіемъ обязанностей онъ и впредь не вынудитъ меня къ принятію противъ него мѣръ строгости. Директоръ Дуботолкъ - Увольняевъ». Телеграмма изъ Конотопа выражалась: «Поднимаю бокалъ за здоровье дорогого юбиляра. Увы! вотъ ужь два дня, какъ нашъ прекрасный Конотопъ горитъ. Начальникъ конотопскихъ Препонъ Свирѣповъ». Телеграмма изъ Лаишева: «Съ бокаломъ въ рукѣ шлю привѣтъ почтеннѣйшему Максиму Петровичу. Вчера сгорѣла половина Лаишева. Исправляющій должность начальника Лаишевскихъ Препонъ, помощникъ его Гвоздилло». Телеграмма изъ Обояни: «Одинъ на одинъ съ бокаломъ вина возглашаю ура и многая лѣта высокочтимому юбиляру. Сегодня съ утра, здѣсь свирѣпствуетъ пожаръ; до сихъ поръ сгорѣло около ста домовъ. Извѣстный вамъ Скулобоевъ». А подъ самый конецъ обѣда пришла телеграмма изъ Ѳеодосіи, которая удивила всѣхъ своею загадочностью и именемъ подписавшагося подъ нею. Содержаніе ея было слѣдующее: «При отличнѣйшей погодѣ (сижу въ одной рубашкѣ), въ виду плещущаго моря, съ бокаломъ въ рукахъ, восклицаю: да здравствуетъ! и никогда да не погибнетъ! Здравствуйте, почтеннѣйшій Максимъ Петровичъ! никогда не забуду вашего содѣйствія по доставленію мнѣ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ къ исторіи русскихъ клозетовъ, первый корректурный листъ которой уже

лежитъ передо мною. Пишу вашу біографію и помѣщу ее въ приготовляемомъ мною сборникѣ біографій отличнѣйшихъ русскихъ людей. Два выпуска готовы. *Подписалъ:* Вёдровъ, старый воробей, одинъ изъ тѣхъ (спасшійся чудомъ), къ хвостамъ коихъ великая княгиня Ольга (вспомните тропарь, который 11-го іюля поютъ) привязала сожженный трутъ и такимъ образомъ сожгла древній Коростень. За телеграмму уплочено изъ моей собственности восемь рублей, кои благоволите въ непродолжительномъ времени возвратить».

— Такъ вотъ вы съ какими знаменитостями знакомство ведете? пошутилъ вице-директоръ, когда была прочтена замысловатая телеграмма.

— А много-таки этому господину Вёдрову лѣтъ! замѣтилъ старѣйшій изъ начальниковъ отдѣленія.

Начали считать, сколько прошло лѣтъ со времени сожженія Коростеня, но какъ учебника русской исторіи г. Погодина подъ руками не было, то ничего опредѣлительнаго сказать не могли.

— Старъ-старъ, а какъ былъ воробей, такъ воробьемъ и остался! со вздохомъ сказалъ экзекуторъ.

Замѣчаніе это вызвало сначала общій смѣхъ, а потомъ и серьёзныя размышленія о томъ чѣмъ достославнѣе быть, старымъ-ли воробьемъ, или молодымъ, да орломъ. И такъ какъ, во время этого орнитологическаго разговора, вице-директоръ постоянно дѣлалъ иносказательныя движенія руками (какъ бы расправляя молодыя крылья), то было рѣшено, что удѣлъ молодого орла достославнѣе, нежели удѣлъ стараго воробья, хотя бы послѣдній былъ и изъ тѣхъ, которыхъ на мякинѣ не обманешь.

— Сколько я на свѣтѣ ни живу — ни одного путнаго воробья на своемъ вѣку не видѣлъ! сказалъ экзекуторъ: — сюда порхнетъ — клюнетъ, туда порхнетъ — клюнетъ... клюнетъ и чирикнетъ, словно и ни вѣсть какое добро нашелъ! А чтобы основательное что-нибудь затѣять — никогда! Я даже такъ думаю, что онъ и самъ не разумѣетъ, что клюётъ и объ чемъ чирикаетъ?

Такой судъ надъ воробьями всѣ нашли справедливымъ и, дабы подтвердить это заключеніе самымъ дѣломъ, сейчасъ же провозгласили здоровье вице-директора, который, въ отвѣтъ, окончательно расправилъ крылья и обнялъ юбиляра.

Наконецъ, обѣдъ кончился, и участники торжества перешли, согласно церемоніалу, въ другой залъ, гдѣ ихъ ожидали чай, кофе и ликёры. Тутъ, чувствуя себя уже достаточно выпившими, всѣ единодушно приступили къ юбиляру съ просьбой, чтобъ онъ поразсказалъ кое что изъ видѣннаго и слышаннаго имъ въ теченіи многолѣтней служебной карьеры. Нѣкоторое время, юбиляръ находился въ недоумѣніи, какъ бы спрашивая себя: да что же бы я, однако, могъ видѣть и слышать? Но потомъ, сдѣлавши надъ собой нѣкоторое усиліе, онъ отыскалъ въ памяти нѣсколько очень интересныхъ воспоминаній, которыми и подѣлился съ нами.

— Скажу вамъ, господа, такъ началъ онъ: — что всѣ мои начальники были, такъ сказать, на одно лицо: всѣ — генералы и всѣ начальники. Одно только отличіе вижу: прежнее начальство какъ-будто проще было, а потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше ожесточалось.

— Надѣюсь, однакожь, любезнѣйшій, что замѣчаніе ваше не относится до нынѣшняго начальства? перебилъ вице-директоръ, нѣсколько обиженный этимъ вступленіемъ.

— Про нынѣшнее начальство, ваше превосходительство, сказать ничего не могу, но вообще — это дѣйствительно, что въ старину начальники были обходительнѣе.

— Очень любопытно. Напримѣръ, генералъ-маіоръ Безпортошный-Волкъ? ха-ха! иронически замѣтилъ вице-директоръ.

— Ваше превосходительство! по человѣчеству-съ! ни мало не робѣя возразилъ почтенный юбиляръ: — конечно, они словами не дорожили: какое слово первое попадется на языкъ, то и выкинутъ, — да вѣдь тогда это въ модѣ было. И на парадахъ, и на смотрахъ, вездѣ эти слова допускались-съ! За то, когда, бывало, опять въ свой видъ войдутъ, то даже очень обходительны были. Скажу, напримѣръ: любили они, этотъ самый генералъ Безпортошный-Волкъ, спину себѣ чесать а объ стѣну неловко-съ: неравно мундиръ замараютъ. Вотъ и кликнутъ, бывало: Севастьяновъ! встань, братецъ! Ну, встанешь это, они прислонятся къ плечу, свое дѣло потихоньку объ косякъ справятъ... гдѣ, смѣю спросить, такого обхожденія нынче сыщешь? А что я истинную правду говорю, такъ вотъ Анисимъ Иванычъ (экзекуторъ) — живой человѣкъ, можетъ сейчасъ засвидѣтельствовать.

— Это такъ точно, при мнѣ, ваше превосходительство,

сколько разъ бывало! поспѣшилъ подтвердить Анисимъ Иванычъ.

— Такъ вотъ оно и помянешь добромъ старину! продолжалъ юбиляръ, дѣлаясь болѣе и болѣе словоохотливымъ: — многіе послѣ того были, которые тоже на слова вниманія не обращали, а такихъ, чтобъ съ подчиненнымъ обхожденіе имѣть, такихъ уже не было!

Юбиляръ вздохнулъ и нѣсколько минутъ сидѣлъ потупившись.

— Разскажу вамъ, напримѣръ, такой случай про того же Безпортошнаго-Волка, вновь началъ онъ. — Купилъ онъ въ ту пору себѣ арапа въ услуженіе, а супруга ихняя, какъ на грѣхъ, возьми да и роди, черезъ десять мѣсяцевъ послѣ того, сына — чернаго, пречернаго! Туда-сюда, какъ да почему — къ кому, какъ бы вы думали, онъ въ этомъ важномъ фамильномъ случаѣ за утѣшеніемъ обратился? — А вотъ, къ этому самому Севастьянову, который имѣетъ честь вашему превосходительству докладывать! Да̀-съ! призываетъ это меня: «Севастьяновъ, говоритъ, мнѣ сына-арапченка жена принесла! ка̀къ ты думаешь, отъ чего?» Ну, я, знаете, обробѣлъ-было, да ужь видно самъ Богъ мнѣ внушеніе свыше послалъ.—Должно быть, говорю, ихъ превосходительство какой-нибудь табачной вывѣски, во время беременности, испугались? А тогда, знаете, у всѣхъ табачныхъ магазиновъ такія вывѣски были, на которыхъ былъ нарисованъ арапъ съ предлиннымъ чубукомъ въ рукахъ. Ну-съ, хорошо-съ. Выслушали они меня и смотрятъ во всѣ глаза, словно понять хотятъ. «Стой! говорятъ, наконецъ: ка̀къ же это такъ? на вывѣскахъ арапы съ чубуками представлены, а мой-то арапченокъ безъ чубука?» Ну, какъ онъ это сказалъ, такъ я ужь увидѣлъ, что дѣло въ шляпѣ. — Ежели только за этимъ, ваше превосходительство, дѣло стало, говорю, такъ вѣдь чубукъ не дорогого сто̀итъ, сейчасъ же можно купить и младенцу въ ручку вложить! И что̀жь бы вы думали? Постоялъ онъ-это, постоялъ, подумалъ, подумалъ: «ну, говоритъ, будь ты проклятъ, купи!» Только всего и сказалъ, и хотя, быть можетъ и понялъ, что тутъ дѣло не однимъ табакомъ пахнетъ, однако тѣмъ только и удовольствовался, что арапа въ дальную деревню сослалъ, а кучерамъ приказалъ, чтобъ на будущее время барыню мимо табачныхъ магазиновъ отнюдь не возили.

Разсказъ этотъ возбудилъ бы общую веселость, если бы не вице-директоръ, который нашелъ, что онъ только компрометируетъ начальство и вовсе не относится къ дѣлу.

— Вы говорили о какой-то снисходительности, сказалъ онъ: — но въ чемъ тутъ снисходительность — рѣшительно не понимаю!

— А какъ же, ваше превосходительство! Въ такомъ, можно сказать, фамильномъ дѣлѣ — и какое довѣріе! А вѣдь намъ какъ это довѣріе дорого, ваше превосходительство! ахъ какъ дорого!

— Не понимаю... Ну, а другихъ исторій у васъ нѣтъ?

— Разскажи-ка намъ, какъ тебя баронъ Эспенштейнъ на колѣняхъ Богу молиться заставлялъ! вступился Анисимъ Иванычъ, иронически прищуривая въ нашу сторону однимъ глазомъ.

— Заставлялъ—это точно, что заставлялъ. Доложу вашему превосходительству, что этотъ самый баронъ Эспенштейнъ, до поступленія въ нашъ департаментъ, губернаторомъ состоялъ и былъ лютеранинъ. И случись ему однажды на усмиреніи въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи быть, и узнай онъ отъ господина помѣщика, что главный науститель всей смуты есть мѣстный священникъ. Хорошо. Не долго, знаете, думая, созвалъ онъ сельскій сходъ, послалъ за священникомъ, и какъ только тотъ явился: влѣпить, говоритъ, ему двѣсти! Не успѣли это оглянуться: ахъ-ахъ-ахъ, — анъ рабу Божьему что слѣдуетъ ужь и отпустили! И точно, какъ только мужички увидѣли, что пастыря ихъ въ новый чинъ пожаловали, сейчасъ же и бунтъ прекратили, пошли на барщину, выдали зачинщиковъ—словомъ, все какъ слѣдуетъ. Ѣдетъ нашъ баронъ обратно въ губернію, ѣдетъ и радуется, что ему удалось дѣло миромъ. Да вдругъ, знаете, среди радостей и вспомнилось ему, что вѣдь онъ, собственно говоря, духовное лицо тѣлесному-то наказанію подвергъ! Вспомнилъ и обробѣлъ. Какъ быть? Какъ дѣлу пособить? Думалъ-думалъ да и выдумалъ. Пріѣхалъ домой и притворился, что чуть живъ. День лежитъ, а на другой, говорятъ, ужь и при смерти. И было, сказываютъ, ему тутъ видѣніе. Явился будто бы къ нему мужъ свѣтлый, и сказалъ: Карлъ Иванычъ! прими православную вѣру! Сейчасъ—къ архіерею, а тотъ натурально радъ: легко-ли какую красную рыбу въ сѣти изловилъ! Однако, радъ, а процедуру свою все-таки исполнилъ: поѣхалъ къ болящему и просилъ

его не спѣшить, а обдумать дѣло хорошенько. Подумайте, говоритъ, ваше превосходительство! вѣдь съ старой-то вѣрою разставаться не то чтобъ что̀! Это—не сапоги!—Такъ куда тебѣ! Вскочилъ нашъ больной съ постели, какъ встрепанный, да самъ же всѣхъ торопитъ! увидите, говоритъ, ваше преосвященство, что съ меня эта ересь, какъ съ гуся вода соскочитъ! Ну, послѣ этого, въ одночасье и окрутили милостиваго государя! Только покуда все это дѣлалось, а попъ между тѣмъ, трюхи-трюхи, да тоже въ губернію явился. Пріѣхалъ и прямо къ архіерею. Да не тутъ-то было. Не только архіерей никакой защиты ему не оказалъ, а на него же разгнѣвался. «Тебя, говоритъ, провидѣніе орудіемъ такого дѣла избрало, а ты, говоритъ, еще жаловаться смѣешь!»

На этомъ мѣстѣ, разсказчика прервалъ взрывъ смѣха, въ которомъ удостоилъ принять участіе и вице-директоръ.

— Ну-съ, такъ вотъ этотъ самый баронъ Эспенштейнъ, вскорѣ послѣ своего присоединенія, и назначенъ былъ къ намъ директоромъ. И повѣрите-ли, ваше превосходительство, такой изъ него вышелъ ревнитель, что пожалуй почище другого православнаго. Самое первое распоряженіе, которое онъ сдѣлалъ, въ томъ состояло, чтобъ чиновники каждый день къ ранней обѣдни ходили, а по субботамъ и ко всенощной. И ходили-съ, потому что онъ всѣ приходы, гдѣ кто жилъ, переписалъ, и всѣмъ церковнымъ причтамъ о распоряженія своемъ сообщилъ для наблюденія. Мало этого: созвалъ департаментскихъ чиновниковъ и объявилъ, что впредь за всякую вину у него такое наказаніе будетъ: виноватъ—становись на колѣни! И дѣйствительно, чуть что̀, бывало—сейчасъ звонитъ; позвать такого-то!—и тутъ же, при себѣ въ кабинетѣ, и поставитъ поклоны отбивать. Очень это сначала обидно было, ну, а потомъ обошлось. И вѣдь, знаете, ваше превосходительство, поставить онъ на поклоны, а самъ сидитъ и считаетъ: разъ—два, разъ—два. Грѣшный человѣкъ, мнѣ-таки больше всѣхъ доставалось: я и въ департаментскомъ кабинетѣ, и на квартирѣ у него, чуть не во всѣхъ комнатахъ стаивалъ. Бывало, чуть запахнетъ—сейчасъ: Севастьяновъ! чѣмъ пахнетъ? Ну, иной разъ сробѣешь, не такъ объяснишь—а! говоритъ, посмотримъ, какъ ты своего Бога любишь! И такимъ манеромъ, жили мы съ нимъ пять лѣтъ, покуда до самого Государя объ его чуделесіяхъ не дошло. Ну, натурально, въ отставку подать

велѣли. И чтожь бы вы думали, ваше превосходительство! до того онъ этою вѣрою распалился, что пуще да пуще, глубже да глубже—взялъ да черезъ два года въ расколъ ушелъ! Потомъ попомъ раскольничьимъ, сказываютъ, сдѣлался—такъ въ скитахъ и умеръ!

— Отлично! безподобно! ура юбиляру! ура! воскликнулъ вице-директоръ, подавая знакъ къ общему восторгу.

Веселой толпой подбѣжали мы къ виновнику торжества, схватили его на руки и начали деликатно подбрасывать въ воздухѣ. По окончаніи этого чествованія, онъ, натурально, сдѣлался еще словоохотливѣе, и, когда вице-директоръ сказалъ ему:

— А жаль, что вы не пишете своихъ мемуаровъ! очень—очень жаль! Я полагаю, что ни въ одной странѣ... Да, именно, ни въ одной странѣ ничего подобнаго этимъ мемуарамъ не могло бы появиться!—

то онъ, уже никѣмъ невызываемый, усладилъ насъ еще новымъ разсказомъ изъ служебной практики.

— А вотъ я вамъ, ваше превосходительство, про Балахона, про Ивана Иваныча доложу, началъ онъ.—При немъ, знаете, эта реформа клозетная въ первый разъ была введена—ну, а онъ, признаться сказать, сначала не понялъ, думалъ, что въ томъ и реформа состоитъ, чтобы какъ есть въ одеждѣ, такъ и... Вотъ только однажды слышимъ мы крикъ, гамъ преужаснѣйшій: «Севастьяновъ! Севастьянова сюда! Мерзавецъ! говоритъ, всегда у тебя по службѣ неисправности!» Бѣгу, знаете, оправдываюсь, показываю — ну, понялъ! «Извини, братецъ!», говоритъ.

— Хо-хо! разразился вице-директоръ.

— Ха-ха! грянули мы.

Что потомъ было, я рѣшительно не помню. Кажется, что юбиляра разъ пять качали на рукахъ и что онъ послѣ каждаго чествованія разсказывалъ новую исторію. Вино лилось рѣкой, тосты слѣдовали за тостами. И вдругъ, въ ту самую минуту, когда всѣ чувствовали себя какъ нельзя лучше, юбиляръ совершенно неожиданно началъ говорить какія-то странныя рѣчи.

— Господа! обратился онъ къ намъ:—очень я вамъ благодаренъ. Утѣшили вы старика. И обѣдъ, и все такое...

— Урррааа! подхватили мы.

— Только вотъ что сдается мнѣ: если бы вы заглянули въ

ревизскія сказки любой деревни, то, навѣрное, сказали бы себѣ: сколько есть на свѣтѣ почтенныхъ людей, которые всѣ юбилейные сроки пережили и которыхъ никто никогда и не подумалъ чествовать! Никто господа, никогда!

На этомъ мѣстѣ юбиляръ остановился и заплакалъ.

— И, стало быть, всѣ ваши юбилеи, продолжалъ онъ сквозь всхлипиванія:—всѣ ваши юбилеи—одна собачья комедія... Да̀, именно такъ! всѣ эти юбилеи... коли вы, напримѣръ, не цѣните истинныхъ заслугъ... всѣ эти, значитъ, юбилеи... не сто̀ютъ выѣденнаго яица! И значитъ, надо плюнуть на нихъ да растереть!..

И онъ плюнулъ на право и растеръ лѣвой ногой.

Я возвратился домой усталый, до краевъ наполненный винными парами, и тотчасъ же легъ въ постель. Вѣроятно, впрочемъ, заключительная сцена юбилея произвела на меня сильное впечатлѣніе, потому что она нѣкоторое время мѣшала мнѣ заснуть, и потомъ дала содержаніе тѣмъ сновидѣніямъ, которыя тревожили меня въ послѣдующую ночь.

Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, сколько есть на свѣтѣ людей, существующихъ какъ бы для того только, чтобъ имена ихъ числились въ ревизскихъ сказкахъ? И сколько между ними есть лицъ, вполнѣ почтенныхъ и добродѣтельныхъ, которыя и понятія не имѣютъ о томъ, что за штука «юбилей»? Объ нихъ ни въ газетахъ не пишутъ, ни въ трубы не трубятъ; но этого мало: самые сограждане ихъ, т. е. односельчане, смотрятъ на нихъ, какъ на людей обыкновенныхъ, и ни во что не вмѣняютъ имъ ихъ добродѣтелей, какъ-будто добродѣтель есть вещь столь обыденная, что и заслуги составлять не должна! И умираютъ эти люди въ забвеніи, не слыхавъ ни стиховъ Майкова, ни прозы Погодина... Справедливо ли это?

Увы! люди культуры (нынче всѣ русскіе помѣщики, занимающіеся раскладываніемъ гранпасьянса, разумѣютъ себя таковыми) жестоки и не дальновидны. Они считаютъ ни во что этотъ безконечный муравейникъ, который кишитъ у ихъ ногъ, за предѣлами культурнаго слоя, или, лучше сказать, считаютъ его созданнымъ для того, чтобъ быть попираемымъ культурными ногами. И въ то же время, они едва-ли даже понимаютъ, что каждый изъ членовъ этого муравейника живетъ своею отдѣльною жизнью, имѣетъ свои характеристическія особен-

ности, свои требованія, свои идеалы. Если бы они поняли это, они убѣдились бы, что ихъ собственная культурная жизнь именно отъ того дѣлается все болѣе и болѣе скудною, что для нея закрытъ цѣлый міръ явленій, стоящихъ внѣ всякаго культурнаго наблюденія. Сколько узнали бы мы благороднѣйшихъ біографій! сколькихъ отличнѣйшихъ подвиговъ могли бы мы быть свидѣтелями! И какъ расширился бы нашъ умственный горизонтъ! И много-ли нужно, чтобъ достигнуть этого?—Нужно только почаще заглядывать въ ревизскія сказки и отъ времени до времени дѣлать начальственныя распоряженія о празднованіи юбилеевъ. Тогда передъ нами обнаружатся вещи неслыханныя и невиданныя, и мы воочію увидимъ героевъ, о которыхъ не имѣли понятія... Повторяю, ткните пальцемъ въ любое мѣсто ревизскихъ сказокъ, и вы, навѣрное, попадете въ человѣка, о которомъ гораздо больше можно поразсказать, нежели даже объ Севастьяновѣ.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что народъ не слѣдуетъ баловать — согласенъ! Но развѣ это баловство? — нѣтъ, это только справедливость! Сѣките — слова нѣтъ! Но будьте же и справедливы! Ибо, въ противномъ случаѣ, получится односторонность, торая можетъ произвести сначала уныніе, а потомъ, пожалуй, и ропотъ...

Да, мы, представители русской культуры, несправедливы. Но мы-ли одни? — Увы! всегда, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ дѣйствительно существуетъ культура, и тамъ несправедливость преслѣдуетъ внѣ-культурнаго человѣка. Вамъ показываютъ разные запустѣлые шлоссы, въ которыхъ когда-то жилъ культурный человѣкъ и оставилъ слѣды своего культурнаго существованія. Въ этихъ шлоссахъ до днѣсь благоговѣйно сохранены всѣ подробности канувшей въ вѣчность жизни, лучи которой нѣкогда согрѣвали вселенную. Вотъ комната, въ которой такая-то маркграфиня занималась оргіями съ своими любовниками, вотъ знаменитая тѣмъ-то постель, вотъ часовня, въ которой та же маркграфиня, утомленная оргіями, искупала свои грѣхи, носила вериги (вотъ и самыя вериги), бичевала себя, проводила ночи на голомъ полу (вотъ ея покаянная спальная), обѣдала съ восковыми куклами, представляющими святыхъ (и куклы эти уцѣлѣли); вотъ, наконецъ, подземелье, въ которое сажали нагрубившихъ подданныхъ — прекрасно! Знаніе домашняго быта канувшихъ въ вѣчность маркграфинь,

конечно, имѣетъ свой историческій интересъ; но спрашивается, почему же представители культуры такъ ревниво сохранили, во всей ихъ неприкосновенности, старые дворцы и зàмки, и не позаботились о сохраненіи хотя одного экземпляра мужицкаго жилья, современнаго этимъ дворцамъ и зàмкамъ?

Но на этотъ вопросъ я уже не далъ отвѣта, ибо мгновенно заснулъ...

Мнѣ снилось, что я присутствую на сходкѣ въ селѣ Безкормицынѣ и что мужики обсуждаютъ, не слѣдуетъ-ли отпраздновать юбилей старика Мосеича, которому, 15-го іюля, имѣетъ исполниться ровно пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ несетъ рабочее тягло. Впрочемъ, собственно говоря, мысль объ юбилеѣ принадлежитъ не крестьянамъ, а мѣстному сельскому учителю Крамольникову и мѣстному же священнику (изъ молодыхъ) Возсіяющему, которымъ не малыхъ-таки усилій стоило пустить ее въ ходъ и на столько заинтересовать мужичковъ, чтобъ по такому необыкновенному поводу была собрана сходка.

И Крамольниковъ, и Возсіяющій были соединены узами умѣреннаго либерализма и питали сладкую увѣренность, что слова̀ «потихоньку да полегоньку» должны быть написаны на знамени истинно разумнаго русскаго прогресса. Рядомъ каждодневныхъ дружескихъ бесѣдъ, въ которыхъ принимала сочувственное участіе и молодая попадья, они пришли къ убѣжденію, что почтенное крестьянское сословіе до тѣхъ поръ не займетъ принадлежащаго ему по праву мѣста въ государственной организаціи, покуда въ немъ не развито чувство самоуваженія. Отсутствіе этого чувства влечетъ за собой цѣлый рядъ прискорбныхъ административныхъ явленій, каковы: рылобитіе, скулобитіе, зубосокрушеніе, неряшливое употребленіе непечатныхъ словъ и т. д. Отъ чего становой приставъ никогда не позволитъ себѣ назвать благороднаго человѣка курицынымъ сыномъ? Отъ того, что у благороднаго человѣка, такъ сказать, на лицѣ написано, что онъ уважаетъ себя! Тогда какъ у мужика, при современной его неразвитости, и спина, и лицо составляютъ какъ бы постороннія вещи, на которыхъ всякій можетъ собственноручно расписываться. И это многихъ проводитъ въ соблазнъ и служитъ источникомъ дурныхъ административныхъ привычекъ, которыя, при частомъ повтореніи, могутъ дискредитировать самую власть.

Слѣдовательно, прежде всего, нужно испытать въ мужикѣ

чувство самоуваженія, а потомъ уже постепенно переходить къ развитію чувства своевременной уплаты податей и повинностей и т. д. Но затѣмъ самъ собой возникаетъ вопросъ: какъ возбудить это чувство самоуваженія, отъ котораго въ столь значительной степени зависитъ будущее всего крестьянскаго сословія? Словесными-ли внушеніями и теоретическими собесѣдованіями, или какими-нибудь символическими дѣйствіями, которыя, такъ сказать, практически давали бы чувствовать мужику, что за нимъ числятся извѣстныя заслуги передъ государствомъ?

Сообразивъ и взвѣсивъ доводы pro и contra, Крамольниковъ пришелъ къ тому заключенію, что слѣдуетъ отдать предпочтеніе послѣднему способу, какъ наиболѣе доступному для мужицкаго пониманія и, притомъ, безопасному.

— Понимаете? объяснилъ онъ Возсіяющему: — разговаривать много не слѣдуетъ: во-первыхъ, объ разговорахъ становой пронюхать можетъ; а во-вторыхъ, и мужикъ на слова не очень понятливъ; а надо такъ устроить, чтобъ мужикъ самъ, изъ сцѣпленія обстоятельствъ, уразумѣлъ, въ чемъ суть. Понимаете?

— Очень даже понимаю, отвѣчалъ Возсіяющій.

И вотъ, на первый разъ, Крамольниковъ предложилъ устройство юбилейныхъ торжествъ въ пользу такихъ крестьянъ, которые отличились долголѣтнею твердостью въ бѣдствіяхъ, а дабы одна эта заслуга не показалась подозрительною, то предполагалось присовокупить къ ней еще: непоколебимость въ уплатѣ недоимокъ и неукоснительность въ исполненіи начальственныхъ требованій, *хотя бы даже и лишенныхъ законнаго основанія.*

— Чудесно! воскликнулъ Возсіяющій: — а ежели къ сему присовокупить прилежаніе къ церкви Божіей, то, кажется, уже ничего предосудительнаго не будетъ!

Именно такимъ субъектомъ, который въ одномъ своемъ лицѣ соединялъ и непоколебимость въ уплатѣ недоимокъ, и безотвѣтность и набожность, представлялся старикъ Мосеичъ. Онъ никогда не выигрывалъ сраженій, пятьдесятъ лѣтъ сряду неутомимо обработывалъ свой земельный участокъ, самоотверженно выплачивалъ подушныя, былъ битъ и не роптал, раза три въ жизни сидѣлъ въ тюрьмѣ и никогда не поинтересовался даже узнать, за что онъ посаженъ, пять разъ замер-

залъ, тонулъ и однажды былъ даже совсѣмъ задавленъ. И за всѣмъ тѣмъ — отдышался. Однимъ словомъ, это былъ такой человѣкъ, по случаю котораго самая подозрительная административная фантазія не нашла бы повода разыграться.

Остановившись на этомъ выборѣ и заручившись сочувствіемъ молоденькой попадьи, оба друга прониклись такимъ энтузіазмомъ, что начали цаловаться и порѣшили приступить къ дѣлу, по возможности, внезапно, дабы становой приставъ ни подъ какимъ видомъ не могъ его разстроить.

— А впрочемъ, ежели придется и пострадать, въ восторгѣ воскликнулъ Возсіяющій: — то и пострадать за такое дѣло не стыдно! Такъ-ли, попадья?

— Я, батя, за тобой — всюду! Въ Сибирь, такъ въ Сибирь... чтожь! отвѣтила попадья, зарумянившись подъ вліяніемъ мысли, что и она нѣчто значитъ въ механикѣ, затѣваемой двумя друзьями.

Одинъ только человѣкъ приводилъ друзей въ нѣкоторое смущеніе: это — волостной писарь Дудочкинъ. Это былъ закоренѣлый консерваторъ, который, сверхъ того, подозрѣвался въ тайныхъ сношеніяхъ съ становымъ приставомъ, по дѣламъ внутренней политики. И дѣйствительно, сношенія эти существовали, и онъ не только не скрывалъ ихъ, но не однажды имѣлъ даже гражданское мужество прямо произнести слово: донесу! Но что было въ немъ всего опаснѣе—это то, что онъ всѣ свои доносы обусловливалъ преданностью консервативнымъ убѣжденіямъ (онъ кончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ и потомъ служилъ писцомъ въ уѣздномъ судѣ, гдѣ и понабрался кое-какихъ словъ).

— Нашъ народъ — неучъ! все одно: что стадо свиней, что народъ нашъ! безпрестанно повторялъ онъ, и притомъ съ такимъ торжествомъ, какъ-будто обстоятельство и не вѣсть какой бальзамъ проливало въ его писарское сердце.

На сочувствіе этого человѣка надѣяться было невозможно, но необходимо было, по крайней мѣрѣ, добиться, донесетъ онъ или не донесетъ. Но едва Крамольниковъ изложилъ ему (и притомъ въ самомъ невинномъ и даже административно-привлекательномъ видѣ) предметъ своего предпріятія, какъ Дудочкинъ тотчасъ же загалдилъ.

— Неучъ нашъ народъ! свинья нашъ народъ! не чествовать, а пороть его слѣдуетъ!

— Но... не преувеличиваете-ли вы, Асафъ Иванычъ? какъ-то неувѣренно возразилъ Крамольниковъ.

— Ни мало не преувеличиваю, а прямо говорю: пороть надо! утвердился на своемъ Дудочкинъ.

Какъ ни безнадежны были эти мнѣнія, но Крамольниковъ уже и тому былъ радъ, что Дудочкинъ, высказывая ихъ, оставался на теоретической высотѣ и ни разу не употребилъ слово «доносъ». Разумѣется, друзья наши какъ нельзя лучше воспользовались этимъ обстоятельствомъ. Не выводя спора изъ сферы общихъ идей, они прибѣгли къ той остроумной тактикѣ, которая всегда отлично удавалась умѣреннымъ либераламъ, а именно: объявили Дудочкину, что, хотя мнѣній его не раздѣляютъ, но тѣмъ не менѣе, не могутъ его не уважать.

— Главное дѣло въ мнѣніяхъ — искренность, деликатно замѣтилъ Крамольниковъ: — и вотъ это-то драгоцѣнное качество и заставляетъ насъ уважать въ васъ противника добросовѣстнаго, хотя и не уступчиваго. Но позвольте, однако, сказать вамъ почтеннѣйшій Асафъ Иванычъ: хотя дѣйствительно у всѣхъ благомыслящихъ людей цѣль должна быть одна, но вѣдь пути къ достиженію этой цѣли могутъ быть и различные!

— То-то, что ваши-то пути глупые! отрѣзалъ Дудочкинъ.

— Отъ чегожь бы, однако, не попробовать?

— Пробуйте! мнѣ что̀! вы же въ дуракахъ будете!

— Такъ стало быть, пробовать не возбраняется?

Вопросъ былъ сдѣланъ на столько въ упоръ, что Дудочкинъ на минуту остался безмолвнымъ.

— То есть, вы... это на счетъ доноса, что-ли? произнесъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, не то, чтобъ... а такъ... искренность убѣжденій, знаете...

— Ну, да ужь что̀ тутъ! Сказывай прямо, донесешь или не донесешь? вступился Возсіяющій, который съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ относился къ политиканству своего друга.

— Эхъ, господа, пустое вы дѣло затѣяли! вздохнулъ Дудочкинъ.

— Ты не вздыхай, а говори прямо — донесешь или не донесешь? настаивалъ Возсіяющій.

Дудочкинъ нѣкоторое время уклонялся отъ яснаго отвѣта, но когда друзья вновь повторили, что уважаютъ въ немъ противника искренняго и добросовѣстнаго, то онъ не выдержалъ напора лести и обѣщалъ. Однако, уже и тогда Возсіяющій замѣтилъ, что, давая слово не доносить, онъ, яко Іуда, скосилъ глаза на сторону.

Заручившись обѣщаніемъ писаря, друзья немедленно приступили къ пропагандѣ своей идеи между крестьянами, сказали одному мужичку, сказали другому, третьему — отъ всѣхъ получили одинъ отвѣтъ: Мосеичъ — мужикъ старый. Тогда настояли па томъ, чтобъ въ ближайшее воскресенье, послѣ обѣдни, была созвана сходка для обсужденія на міру предложенія о введеніи между крестьянами села Безкормицына обычая празднованія юбилеевъ.

Въ воскресенье, за обѣдней, Возсіяющій сказалъ краткое поученіе о пользѣ юбилеевъ вообще и крестьянскихъ въ особенности.

— Отличнѣйшая польза, отъ юбилеевъ происходящая, сказалъ батюшка: — несомнѣнна, и всѣми древними народами единодушно была признаваема. Юбилеи возвышаютъ душу чествуемаго, ибо они предназначаются лишь для лицъ воспрославленныхъ и знаменитыхъ, а чья же душа не почувствуетъ паренія, ежели познаетъ себя прославленною и вознесенною? Но возвышая душу чествуемаго, юбилеи, въ то же время, возвышаютъ и души чествующихъ — ибо чествуя чествуемаго мы тѣмъ самымъ ставимъ и себя на высоту высокостоящаго и дѣлаемся сопричастниками прославленію прославляемаго. И такъ, братіе, потщимся и т. д.

Послѣ обѣдни, состоялася и сходка. На нее, въ качествѣ сторонниковъ юбилея, явились Крамольниковъ и Возсіяющій, но тутъ же присутствовалъ и противникъ торжества, Дудочкинъ, по обыкновенію своему восклицая:

— Неучъ — нашъ народъ! Свинья — нашъ народъ!

Сходка, впрочемъ, шла довольно вяло, во-первыхъ, потому что крестьяне не понимали самого предмета сходки, т. е. слово «юбилей», а во-вторыхъ, потому что, повидимому, они даже и не интересовались понять его.

— Юбилей, господа, есть торжество, имѣющее значеніе коммеморативное, началъ Крамольниковъ.

— Въ воспоминаніе творимое, пояснилъ Возсіяющій.

— Ну, да, въ воспоминаніе; и ежели, напримѣръ, лицо даже крестьянскаго сословія извѣстно своими добродѣтелями, или повиновеніемъ начальству, или исправною уплатою податей и повинностей...

— Или же усердно посѣщаетъ церковь Божію, творитъ добро ближнему, почитаетъ Божіихъ угодниковъ, добавилъ Возсіяющій.

— Ну, да, и угодниковъ; и ежели онъ все это неослабѣваючи выдерживаетъ въ теченіи извѣстнаго періода времени...

— Періодомъ называется опредѣленное число лѣтъ, напримѣръ пятьдесятъ. Но не возбраняется праздновать юбилеи даже черезъ пятьсотъ и черезъ тысячу лѣтъ.

— Ну, да; такъ вотъ, ежели кто все вышесказанное въ теченіи пятидесяти лѣтъ выдержалъ...

— И не возропталъ...

— То сограждане этого человѣка устроиваютъ въ честь его торжество, чествуя, въ лицѣ этого человѣка, добродѣтель, трудъ и безнедоимочную уплату податей.

— «Торжество» — или, лучше сказать, трапезу; «сограждане» — или, лучше сказать, односельчане...

— Ну, да, односельчане. Затѣмъ, господа, дѣло заключается въ слѣдующемъ: черезъ два дня, одному изъ вашихъ согражданъ или односельчанъ, почтеннѣйшему крестьянину Ипполиту Моисеевичу, исполнится шестьдесятъ восемъ лѣтъ жизни. Въ этотъ самый день, будучи осьмнадцатилѣтнимъ юношей, вступилъ онъ въ законный бракъ съ почтеннѣйшей супругой своей, Ариной Тимоѳеевной, и тѣмъ самымъ возложилъ на плеча свои рабочее тягло. Въ теченіи этихъ пятидесяти лѣтъ, онъ ни разу не отступилъ отъ правилъ истинной крестьянской жизни и безпрекословно принималъ всѣ ея невзгоды. Всегда въ трудахъ, всегда въ потѣ лица добывая хлѣбъ свой...

— И памятуя церковь Божію...

— Онъ прокармливалъ семью свою, не щадя ни силъ, ни крови своей...

— И ложе супружеское нескверно содержа...

— Никогда не задерживалъ податей, сидѣлъ въ острогѣ, былъ битъ... однимъ словомъ, въ совершенствѣ исполнилъ то назначеніе, которое, въ совѣтѣ судебъ, предопредѣлено...

— Въ чемъ я, какъ пастырь, всегда готовъ засвидѣтельствовать...

— Такъ вотъ, въ этотъ-то достопамятный день пятидесятилѣтія, говорю я, не худо бы намъ, собравшись за братской трапезой, отъ лица всего міра, засвидѣтельствовать почтеннѣйшему Ипполиту Моисеевичу то уваженіе, которое мы всѣ, и каждый изъ насъ въ особенности, питаемъ къ его добродѣтели. По теплому нынѣшнему времени, трапезу эту, я полагаю, приличнѣе всего было бы устроить на вольномъ воздухѣ.

По окончаніи этой рѣчи, въ толпѣ произошелъ смутный говоръ. Мужики недоумѣвали. Во-первыхъ, имъ казалось страннымъ, почему добродѣтельный мужикъ Мосеичъ, пятьдесятъ лѣтъ сразу работая безъ отдыха и самоотверженно платя казенныя подати, всегда былъ въ загонѣ, а теперь, когда онъ отъ старости уже утратилъ способность быть добродѣтельнымъ, вдругъ понадобилось воздавать ему какую-то честь. Во-вторыхъ, они опасались, не было бы чего отъ начальства за то, что они будутъ на вольномъ воздухѣ добродѣтель чествовать.

— Да и не до праздниковъ намъ!.. Шестьдесятъ восемь лѣтъ Мосеичу — легко ли дѣло! Тягло съ него снимутъ — вотъ и праздникъ! На печи будетъ лежать — пусть и празднуетъ тамъ!

Однимъ словомъ, дѣло непремѣнно приняло бы неблагопріятный оборотъ, если бы Дудочкинъ, своимъ легкомысленнымъ вмѣшательствомъ, не поправилъ его. По своему обыкновенію, онъ былъ грубъ и не дорожилъ словами.

— Не чествовать, кричалъ онъ во все горло: — а пороть ихъ надо! порррoть!

Крестьяне смолкли и искоса поглядѣли на бѣснующагося писаря.

— Да; порроть! не унимался онъ: — а вы думали что? Неучъ — народъ! Свиньи — народъ! Нашли кого чествовать!

Мужики обидѣлись окончательно.

— Ты чего, ворона, каркаешь? обратились къ писарю нѣкоторые смѣльчаки.

— Порррoть, говорю! ничего вамъ другого не надобно!

— А мы развѣ за то тебѣ жалованье платимъ, чтобъ ты насъ свиньями обзывалъ?

— Жалованье я не отъ васъ, а изъ конторы получаю; не ваше это жалованье, а мое заслуженное. А что вы свиньи—это всякій скажетъ! И начальство васъ такъ разумѣетъ... да!

— То-то «да!» Дакало нашелся! вотъ мы тебѣ жалованье-то прекратимъ, — и посмотримъ тогда, какъ ты будешь дакать да въ кулакъ свистать!

— Такъ васъ и спросили! «Жалованье прекратимъ»! Ахъ, испугали! Сдерутъ, голубчики! не посмотрятъ!

— Православные! да чтожь онъ надъ нами куражится! Ахъ ты, собачій огрызокъ! Не люди мы, что-ли, въ самомъ дѣлѣ?

Общественное мнѣніе вдругъ сдѣлало крутой поворотъ. Предложеніе Крамольникова и Возсіяющаго, которое готово было зачахнуть, совсѣмъ неожиданно получило всѣ шансы успѣха.

Воспользовавшись колебаніями, вызванными писаремъ, изъ толпы выскочилъ «ловкій человѣкъ» и сразу сорвалъ сходку.

— Православные! крикнулъ онъ: — что на крапивное сѣмя глядѣть! согласны, что-ли?

— Чтожь, коли ежели Мосеичъ два ведра выставитъ... пошутилъ кто-то.

Но на этотъ разъ шутка не имѣла успѣха. Подъ вліяніемъ горькой обиды, нанесенной писаремъ, мужички раскуражились. Даже умудренные опытомъ старики — и тѣ, обратясь къ Дудочкину, сказали: — тебѣ бы, прохвосту, надобно насъ на добро научать — анъ ты, вмѣсто того, что сдѣлалъ? — только міръ взбунтовалъ!

И не смотря ни на какія противодѣйствія и угрозы писаря, сходка опредѣлила: предложеніе Крамольникова принять, но съ тѣмъ, чтобъ въ трапезѣ онъ лично принялъ участіе вмѣстѣ съ священникомъ, а въ случаѣ чего, былъ за всѣхъ въ отвѣтѣ, какъ смутитель и бунтовщикъ.

— Праздновать такъ праздновать — хуже мы, что-ли, людей! говорили мужички: — только ужь ежели что, вы, насъ, господа, не оставьте! Мосеичъ! милости просимъ! Просимъ, почтенный!

Мосеичъ прослезился и отвѣчалъ, что онъ отъ міра не прочь.

— Что міръ прикажетъ, я все исполнить долженъ, сказалъ онъ: — и ежели, напримѣръ, міръ велитъ...

— Ну, ладно, ладно! чего еще канитель тянуть! Раскаше-

ливайтесь, господа! Покуда еще что будетъ, а выпить смерть хочется! крикнулъ кто-то.

Черезъ минуту, послышалось звяканье мѣдяковъ, а черезъ двѣ — бойкій кабачникъ, со штофомъ въ одной рукѣ и стаканомъ въ другой, уже порхалъ между рядами крестьянъ и поздравлялъ сходку съ благополучнымъ рѣшеніемъ дѣла.

Крамольниковъ и Возсіяющій шли со сходки по направленію къ поповской усадьбѣ. Первый былъ задумчивъ и какъ-будто даже недоволенъ.

— Подгадили-таки подъ конецъ! сказалъ онъ печально: — ну, что бы, кажется, отнестись къ почину великаго дѣла крестьянскаго самоуваженія трезвенно, съ достоинствомъ, благородно? Нѣтъ, нужно же вѣдь было объ этой проклятой водкѣ вспомнить!

— Да, таки не забыли, усмѣхнулся Возсіяющій.

— Такъ это горько! такъ это горько, батюшка! за прогрессъ въ отчаяніе придти можно!

— Ну, Богъ милостивъ. И всегда первую пѣсенку зардѣвшись поютъ! Какое дѣло въ началѣ не прихрамываетъ!

— Нѣтъ, батюшка, если они ужь теперь ведро потребовали, то что же 15-го іюля будетъ?

— Никто какъ Богъ! загадывать впередъ нечего, а вотъ объ чемъ подумать да и подумать надо: какъ бы и въ самомъ дѣлѣ Дудочкинъ не донесъ, что мы превратными толкованіями народъ смущаемъ!

Крамольниковъ какъ-то подозрительно и, въ то же время, грустно взглянулъ на Возсіяющаго.

— Ослабѣваете, батюшка? спросилъ онъ слегка взволнованнымъ голосомъ.

— Ослабѣвать, не ослабѣваю, а изъ-за пустяковъ тоже... Попадью жалко, Іона Васильичъ!

Подозрѣнія, высказанныя Возсіяющимъ относительно Дудочкина, даютъ новый полетъ моей сонной фантазіи. Она незамѣтно переноситъ меня на край села Безкормицына, въ небольшую, но довольно опрятную избу, въ которой, судя по отсутствію двора и хозяйственныхъ пристроекъ, долженъ жить одинокій человѣкъ. И дѣйствительно, здѣсь, въ узенькой горницѣ, за столомъ, закапаннымъ каплями чернилъ и сала, при

слабомъ мерцаніи нагорѣвшей свѣчи, сидитъ волостной писарь Дудочкинъ.

Увы, онъ не выдержалъ и строчитъ въ эту минуту такого сорта бумагу:

Господину приставу 2-го стана NN уѣзда.
Волостнаго писаря Безкормицынской волости,
Асафа Иванова Дудочкина.

Доношеніе.

«Случилось сего числа въ нашемъ селѣ Безкормицынѣ происшествіе, или лучше сказать, образъ мыслей, имѣющій свойство подозрительное и даже политическое. Села сего учитель школы, Іона Васильевъ Крамольниковъ, и священникъ Стефанъ Матвѣевъ Возсіяющій, и прежде сего замѣченные мною въ приватныхъ толкованіяхъ, возымѣли намѣреніе совратить въ свою пагубу и нѣкоторыхъ изъ здѣшникъ крестьянъ. А именно: кромѣ установленныхъ правительствомъ воскресныхъ и табельныхъ дней, дерзостно придумали ввести еще праздновать добродѣтели и другимъ мужицкимъ якобы качествамъ. Для чего избрали крестьянина здѣшняго села, Ипполита Моисеева Голопятова, въ лицѣ котораго добродѣтель будто бы преимущественное дѣйствіе свое оказала. И хотя на предложеніе означенныхъ Крамольникова и Возсіяющаго присоединиться къ ихъ образу мыслей я формально отозвался, и даже имъ съ приказательностью совѣтовалъ отъ сего отстраниться и жить тихо, согласно съ правилами, правительствомъ въ разное время изданными, но они въ намѣреніи своемъ остались непреклонными, и только просили о семъ вашему благородію не доносить. Я же отъ исполненія таковой ихъ просьбы воздержался. И затѣмъ, собравъ оныя лица въ селѣ нашемъ, сего числа, самовольную сходку изъ наиболѣе буйныхъ и извѣстныхъ закоренѣлостью крестьянъ, дѣлали имъ о той добродѣтели явное предложеніе каковое предложеніе о добродѣтели и прочихъ мужицкихъ свойствахъ сходка приняла съ благосклонностью, ассигновавъ на празднованіе два ведра вина, а съѣстное и хлѣбъ каждый долженъ принести съ собою по силѣ возможности. И 15-го сего іюля долженъ быть у насъ сей новый праздникъ, «добродѣтелю» называемый, и чѣмъ оный кончится и въ чемъ будетъ состоять — того заранѣе опредѣлить нельзя. А какъ ваше высокородіе строжайше изволили мнѣ наказывать, чтобъ въ слу-

чаѣ появленія въ нашей волости образа мыслей, немедленно о семъ доносить, то симъ оное и восполняю, опасаясь, какъ бы отъ праздниковъ сихъ не произошло въ нашемъ селѣ расколовъ и тому подобныхъ безчинствъ, какъ уже и былъ тому примѣръ въ прошломъ году, когда солдатка показывала простое гусиное перо, увѣряя, что оно есть то самое, которымъ подлинная воля подписана, и тѣмъ положила основаніе новой сектѣ «пёрушниками» называемой. И мое мнѣніе таково, чтобъ мужикамъ потачки не давать, по дабы они впослѣдствіи не могли отговориться невинностью, то дать имъ покуражиться и весь упомянутый образъ мыслей выполнить, а потомъ и накрытъ съ поличнымъ по надлежащему.

Волостной писарь Асафъ Ивановъ Дудочкинъ.

Сонъ продолжается...

Полдень. Въ затишьи, на огородѣ избы богатаго безкормицынскаго крестьянина, Василія Егорова Бодрова, разставлено нѣсколько столовъ, за которыми сидитъ человѣкъ до тридцати домохозяевъ, чествующихъ своего односельца, Ипполита Моисеича Голопятова. Голопятовъ президентствуетъ; по правую руку его сидитъ Крамольниковъ, по лѣвую — сельскій староста, Иванъ Матвѣевъ Лобачевъ, напротивъ — хозяинъ дома и сотскій. Возсіяющій воздержался; онъ явился къ началу трапезы, благословилъ яствіе и питіе, и удалился подъ предлогомъ, что не подобаетъ пастыреви вмѣшиваться въ дѣла міра сего...

Мужички чинно хлѣбаютъ изъ поставленныхъ передъ ними чашекъ. Хлѣбаютъ и, въ то же время, оглядываются и прислушиваются. Виновникъ торжества, словно бы передъ причастіемъ, надѣлъ синій праздничный кафтанъ и чистую бѣлую рубашку; прочіе участники тоже въ праздничныхъ одеждахъ. Неподалеку отъ пирующихъ, у сосѣдней анбарушки, собрались старухи-крестьянки, и гуторятъ между собой; изъ-за огороднаго плетня выглядываетъ толпа ребятишекъ, болтающихъ въ воздухѣ рукавами; съ улицы доносится звонъ хороводной пѣсни.

Долгое время молчаніе царствуетъ за столами, какъ-будто надъ сотрапезниками тяготѣетъ смутное опасеніе. Уклончивость Возсіяющаго всѣми замѣчена, и многіе видятъ въ ней недобрый знакъ. Къ великой собственной досадѣ, и Крамоль-

никовъ не можетъ свергнуть съ себя иго неловкаго безмолвія, сковавшаго уста и умы присутствующихъ. Онъ былъ приготовилъ цѣлую рѣчь, но думаетъ, что въ началѣ трапезы произнести ее еще преждевременно. Надо сначала завести простую крестьянскую бесѣду, и Крамольниковъ знаетъ, что достигнуть этого очень легко: стоитъ только пустить въ ходъ подходящее слово, но этого-то именно слова онъ и не находитъ. Наконецъ, однакожь, онъ убѣждается, что долѣе ждать невозможно.

— Жать, Василій Егорычъ, начали? обращается онъ къ хозяину огорода такимъ тономъ, словно бы ему клещами давили горло.

— Мы-то вчерась зажали, а другіе хотятъ еще погодить, отвѣчаетъ Василій Егорычъ, не безъ гордости оглядывая собравшихся.

— Чегожь бы, кажется, годить! На дворѣ жары стоятъ — самая бы пора за жнитво приниматься!

— Съ силами, значитъ, не собрались, Іона Васильичъ. У кого силы побольше, тотъ впередъ ушелъ, у кого поменьше силы — тотъ позади остался.

— Это, ваше здоровье, такъ точно, подтверждаетъ и староста: — коли ежели у кого сила есть, у того и въ полѣ, и дома — вездѣ исправно. Ну, а безъ силы ничего не подѣлаешь.

— Что̀ безъ силы подѣлаешь! отзывается сотскій.

— А вы, Ипполитъ Моисеичъ, ка̀къ? скоро-ли думаете начать жать? втягиваетъ Крамольниковъ въ бесѣду виновника торжества.

— Надо бы, сударь, скромно отвѣчаетъ Мосеичъ: — вчерась въ поле ходили: самая бы пора жать!

— У насъ же, ваше здоровье, рожь сыпкая, слабкая. День ты ее перепусти, анъ гладишь, третье зерно на полосѣ осталось, объясняетъ Василій Егорычъ, еще гордѣе оглядывая присутствующихъ и какъ бы говоря имъ: зѣвайте, вороны! вотъ я ужо̀, какъ у васъ весь хлѣбъ выйдетъ, съ васъ же за четверикъ два возьму!

— Не пойму я тутъ вотъ чего, недоумѣваетъ Крамольниковъ: — вы вѣдь землю-то по тягламъ берете; сколько у кого тяголъ въ семьѣ, столько тотъ и земли беретъ — стало быть, по настоящему, сила-то у каждаго должна быть ровная.

— То-то, что не ровная: у одного, значитъ, одна сила, а у другихъ — другая.

— Это такъ точно, подтверждаетъ староста.

— Воля ваша, а я этого не понимаю.

— А въ томъ тутъ и причина, что у меня, значитъ, помочью вчера жали. Купилъ я, напримѣръ, мужикамъ вина, бабамъ пива — ко мнѣ всякій мужикъ съ радостью бабу пришлетъ. Ну, а какъ у другаго силы нѣтъ — и на помочь къ нему идти не весело. Онъ бы и радъ въ свое время работу сработать — анъ у него другихъ дѣловъ по горло. Покуда съ сѣномъ возжается, покуда что — рожь-то и утекаетъ.

— Страсть, какъ утекаетъ!

— Опять и то: теперича, коли ежели я въ засиліе вошелъ — я за цѣлое лѣто изъ дому не шелохнусь. А другой, у котораго силы нѣтъ, тотъ раза два на недѣлѣ-то въ городъ съѣздитъ. Высушитъ сѣнца, навьетъ возокъ и ѣдетъ. Потому, у него дома ѣсть нечего. Смотришь — анъ два дня изъ недѣли и вонъ!

Въ рядахъ пирующихъ проносится глубокій вздохъ.

— Такъ-то, ваше здоровье, и объ землѣ сказать надо: одному она въ пользу, а другой ею отягощается. У меня вотъ въ семьѣ только два работника числится, а я земли на десять душъ беру: пользу вижу. А у Мосеича пять душъ, а онъ всего на двѣ души земли беретъ.

Крамольниковъ вопросительно взглядываетъ на виновника торжества.

— Дѣйствительно... скромно подтверждаетъ послѣдній.

— Странно! вѣдь ему бы, кажется, еще легче съ малымъ-то количествомъ справиться?

— То-то, сударь, порядковъ вы нашихъ не знаете. Коли настоящей силы нѣтъ — ему и съ огородомъ однимъ не управиться. Народу у него числится много, а загляни къ нему въ избу — анъ нѣтъ никого. Старый да малый. Тотъ на фабрику ушелъ, другой въ извощикахъ въ Москвѣ живетъ, третьяго съ подводой сотскій выгналъ, четвертый на помочь, хошь бы примѣрно ко мнѣ ушелъ. Свое-то дѣло и упадаетъ. Надо бы ему еще вчера свою рожь жать, анъ глядишь — его бабы у меня зажинали.

— Зачѣмъ же онѣ на сторонѣ работаютъ, коли у нихъ и своя работа не ждетъ?

— Опять-таки, ваше здоровье, вся причина, что вы нашихъ порядковъ не знаете.

Такъ - таки на томъ и утвердились: не знаете нашихъ порядковъ — и дѣло съ концомъ.

Бесѣда на минуту упадаетъ; но на этотъ разъ уже самъ Василій Егорычъ возобновляетъ ее.

— А я вотъ объ чемъ, ваше здоровье, думаю, обращается онъ къ Крамольникову: — какая тутъ есть причина, что батюшка къ намъ не пришелъ?

— Право, не знаю, нерѣшительно отвѣчалъ Крамольниковъ.

— А я полагаю: не къ добру это! Самъ первый затѣйщикомъ былъ, да самъ же и на попятный дворъ, какъ до дѣла дошло. Не знаю, какъ вашему здоровью покажется, а по моему, значитъ, невѣрный онъ человѣкъ.

— Признаться сказать, вступается староста: — и я вчерась къ батюшкѣ за свѣтомъ ходилъ: — какъ, молъ, собираться или не собираться завтра мужикамъ?

— Ну?

— Чего! и руками замахалъ: «не знаю, говоритъ, ничего я не знаю! и что ты ко мнѣ присталъ!» Сказано, невѣрный человѣкъ — невѣрный и есть!

Крамольниковъ потупился: поступокъ Возсіяющаго горькимъ упрекомъ падаетъ на его сердце.

— Онъ у насъ, ваше здоровье, и до воли самый невѣрный человѣкъ былъ! говоритъ кто-то изъ толпы:—признаться, на послѣдяхъ-то мы не въ миру съ помѣщикомъ жили. Вотъ и пойдутъ, бывало, крестьяне къ батюшкѣ: какъ, молъ, батюшка, слѣдуетъ-ли теперича крестьянамъ на барщину ходить? ну, онъ и скоситъ-это глазами, словно какъ и не слѣдуетъ. А черезъ часъ времени — глядимъ, онъ ужь у помѣщика очутился, ужь съ нимъ шуры да муры завелъ.

— Такъ ужь ты смотри, Іона Васильичъ! предупреждалъ Василій Егорычъ: — коли какой грѣхъ — ты въ отвѣтѣ!

— Да чего вы боитесь? что мы, наконецъ, дѣлаемъ? пробуетъ ободрить присутствующихъ Крамольниковъ.

— Ничего мы не дѣлаемъ; такъ промежду себя собрались; а все-таки, какова пора ни мѣра, насъ вѣдь не погладятъ!

— За что же?

— А здорово живешь — вотъ за что! Никогда, молъ, такихъ дѣловъ не бывало.— вотъ за что! Мужику, молъ, полагается въ своей избѣ праздники справлять, а тутъ путка... вотъ за что! Писаренокъ вотъ тоже: давича, отъ обѣдни шедши, я съ нимъ встрѣтился — и не глядитъ, рыло воротитъ! Стало быть, и у него на совѣсти что ни на есть нечистое завелось!

Въ это время на улицѣ раздается свистъ.

— А вѣдь это онъ, это писаренокъ посвистываетъ! Гляньте-ко, ребята, не ѣдетъ-ли по дорогѣ кто-нибудь?

— Чего глядѣть! Я на колокольню Минайку сторожа поставилъ: чуть что, говорю, сейчасъ, Минайка, бѣги! успокоиваетъ общество староста.

— Такъ ты ужь сдѣлай милость, Іона Васильичъ! просимъ тебя: какъ ежели что, такъ ты и выходи впередъ: я, молъ, одинъ въ отвѣтѣ!

Крамольникову дѣлается грустно, и слова Возсіяющаго: «не стоитъ изъ-за пустяковъ» невольно приходятъ ему на мысль. Но онъ еще бодрится, и даже самое негодованіе, возбуждаемое маловѣріемъ крестьянъ, проливаетъ какую-то храбрость въ его сердце.

— Сказалъ, что одинъ за всѣхъ въ отвѣтѣ буду — и буду въ отвѣтѣ! говоритъ онъ твердымъ и увѣреннымъ голосомъ: — и не боюсь! никого я не боюсь, потому что и бояться мнѣ нечего.

— А если ты не боишься — такъ и слава Богу! и мы не боимся — намъ что! Когда ты одинъ въ отвѣтѣ — стало быть, мы у тебя все одно, какъ у Христа за пазушкой!

Крестьяне успокоиваются и словно бодрѣе принимаются за ложки. На столахъ появляется вторая перемѣна хлѣбова и по стакану вина. Крамольниковъ подмигиваетъ однимъ глазомъ Василію Егорычу, который встаетъ.

— Ну, Мосеичъ, будь здоровъ! провозглашаетъ онъ: — пятьдесятъ лѣтъ для Бога и для людей старался, постарайся и еще столько же!

— Мосеичу! Палиту Мосеичу! раздается со всѣхъ сторонъ:— пятьдесятъ лѣтъ здравствовать!

Виновникъ торжества видимо взволнованъ, хотя и старается казаться спокойнымъ. Блѣдное старческое лицо его кажется

еще блѣднѣе и словно чище: онъ тоже встаетъ и на всѣ стороны кланяется.

— Благодаримъ на ласковомъ словѣ, православные! произноситъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ: — а чтобъ еще пятьдесятъ лѣтъ маяться — отъ этого уже увольте!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Пятьдесятъ лѣтъ да еще съ хвостикомъ! настаиваютъ пирующіе.

Здѣсь бы собственно и сказать Крамольникову приготовленную рѣчь, но онъ разсчитываетъ, что времени впереди еще много, и потому рѣшается предварительно проэкзаменовать юбиляра. Съ этою цѣлью, онъ дѣлаетъ ему точь въ точь такой же допросъ, какой ловкій прокуроръ обыкновенно дѣлаетъ на судѣ подсудимому, котораго онъ, въ интересахъ казны, желаетъ подкузьмить.

— А что̀, Ипполитъ Мосеичъ, говоритъ онъ: — много-таки, я полагаю, вы на своемъ вѣку видовъ видѣли?

— Всего, сударь, было, просто и скромно отвѣчаетъ юбиляръ.

— Онъ у насъ и въ огнѣ не горитъ, и въ водѣ не тонетъ! подсмѣивается староста.

— Какъ и всѣ, Иванъ Михайлычъ.

— Ну-съ, а скажите, правду-ли говорятъ, что вы нѣсколько разъ замерзали? продолжаетъ Крамольниковъ.

— Было, сударь, и это.

— А скажите, пожалуйста, какое это чувство, когда замерзаешь?

— То есть, ка̀къ это «чувство»?

— Ну да, что̀ вы чувствовали, когда съ вами это случилось?

— Что̀ чувствовать? По началу зябко, а потомъ — ничего. Словно бы въ сонъ вдаритъ. Послѣ хуже, какъ оттаивать начнутъ. Я въ Москвѣ два мѣсяца въ больницѣ пролежалъ — вотъ и пальца одного нѣтъ.

Онъ поднимаетъ правую руку, на которой, дѣйствительно, вмѣсто третьяго пальца оказывается дыра.

— Какъ же вы работаете съ такой рукой? вѣдь я думаю, неспособно?

— Приспособился, сударь.

— Намъ, ваше здоровье, нельзя не работать, вставляетъ свое слово Василій Егоровъ: — другого и всего болѣсть изломаетъ, а все ему не работать нельзя.

— Мы на работѣ, сударь, лечимся, отзывается какой-то мужичокъ изъ толпы: — у меня, намѣднись, совсѣмъ поясница отнялась; всталъ-это утромъ — что̀ за чудо! согнусь — разогнуться не могу; разогнусь — согнуться не въ мочь. Взялъ косу да отмахалъ ею четыре часа сряду — и болѣзнь какъ рукой сняло!

— Да и работы по нашему хозяйству довольно всякой найдется, поясняетъ староста: — ежели одну работу работать неспособно — другая есть. Косить не можешь — сѣно съ бабами вороши; пахать нельзя — боронить ступай. Работа завсегда есть.

— Какъ не быть работѣ! откликаются со всѣхъ сторонъ.

— А вотъ, говорятъ, что вы, однажды, чуть не утонули вновь допрашиваетъ Крамольниковъ: — что̀ вы при этомъ чувствовали?

— Тоже въ сонъ вдаряетъ, отвѣчалъ юбиляръ: — сначала барахтаешься въ водѣ, выпрыгнуть хочешь, а потомъ ослабнешь. Покажется мягко таково. Только круги зеленые въ глазахъ — неловко словно.

— По какому же случаю вы тонули?

— Съ подводой въ ту пору гоняли. Подъ солдатъ, солдаты шли. Дѣло-то осенью было, паводокъ случился, не остерегся, стало быть.

— Ну, а пожары у васъ въ домѣ бывали?

— Бывали, сударь. Разъ десятокъ пришлось-таки власть Божью видѣть.

— У него, ваше здоровье, даже сынъ въ пожаръ сгорѣлъ, припоминаетъ кто-то изъ толпы.

— И какой мальчишка былъ шустрый! Кормилецъ былъ бы теперь! отзывается другой голосъ.

— Какъ же это такъ? Неужто спасти не могли?

— Ночью, сударь, пожаръ-то случился, а меня дома не было, въ Москву ѣздилъ...

— Прибѣгаютъ-это мужички на пожаръ, говоритъ староста: — а онъ, сердечный, мальчишечко-то, стоитъ въ окнѣ, въ самомъ, значитъ, въ полымѣ... Мы ему кричимъ: спрыгни, милый, спрыгни! а онъ только ручонками рубашенку раздуваетъ!

— Не смыслилъ еще, значитъ!

— И вдругъ-это закружился...

При этомъ разсказѣ, Мосеичъ встаетъ и набожно крестится. Губы его что-то шепчутъ. Всѣ присутствующіе вздыхаютъ, такъ что на минуту торжество грозитъ принять печальный характеръ. Къ счастію, Крамольниковъ, помня, что ему предстоитъ еще кой о чемъ допросить юбиляра, не даетъ окрѣпнуть печальному настроенію.

— А вотъ въ тюрьмѣ вы за что̀ были? спрашиваетъ онъ.

— Такъ, сударь, Богу угодно было.

— Мы вѣдь въ старину-то бунтовщики были, поясняетъ Василій Егорычъ: — съ помѣщиками все воевали. Ну, а онъ, какъ въ своей-то порѣ былъ, горячій тоже мужикъ былъ. Иной бы разъ и позади людей схорониться нужно, а онъ впередъ, да впередъ. И на поселеніе сколько разъ его ссылать хотѣли — да отъ этого Богъ, однако, миловалъ.

— Не допустилъ Царь Небесный на чужой сторонѣ помереть!

— А безпремѣнно бы его сослали, договариваетъ староста:— коли бы ежели сами господа въ немъ нужды не видѣли.

— Вотъ что̀!

— Именно такъ. Лѣсникомъ онъ у насъ въ вотчинѣ служилъ. Лѣса у насъ здѣсь, надо прямо сказать, большущіе были, а онъ каждый кустъ зналъ, и чтобъ срубить что-нибудь въ барскомъ лѣсу безъ спросу — и ни-ни! Прута унести не дастъ! Вотъ господамъ-то и жалко. Пробовали было, и не разъ, его смѣнять, да не въ пользу. Какъ только провѣдаютъ мужики, что Мосеича нѣтъ — смотришь, анъ на другой день и порубка!

— Ну-съ, а помѣщики... хорошо съ вами обращались? продолжаетъ допрашивать Крамольниковъ.

— Бывало... всякое... отвѣчаетъ юбиляръ уже усталымъ голосомъ. Очевидно, что, если бы не невозмутимое природное благодушіе, онъ давно бы крикнулъ своему собесѣднику: отстань!

— У насъ, ваше здоровье, хорошіе помѣщики были: шесть дней въ недѣлю на барщину, а остальные на себя — хо̀шь-гуляй, хо̀шь-работай! шутитъ староста.

— А послѣдній помѣщикъ у насъ Василій Порфирычъ Птицынъ былъ, отъ котораго мы ужь и на волю вышли, говоритъ Василій Егорычъ: — такъ тотъ, бывало, по ночамъ у крестьянъ капусту съ огородовъ воровалъ! И чудородъ вѣдь! Бывало, подкараулишь его: хорошо-ли, молъ, вы, Василій

Порфирычъ, этакъ-то дѣлаете? Ну онъ ничего, словно съ гуся вода: что̀ ты! что̀ ты! говоритъ, ничего я не дѣлаю, я только такъ... И сейчасъ это маршъ назадъ, и даже кочни, ежели которые срѣзалъ, отдастъ!

— Болѣзнь, стало быть, у него такая была! отзывается кто-то.

— Ну-съ, Ипполитъ Моисеичъ, а разскажите-ка намъ теперь, какъ вы женились? какъ-то особено дружелюбно вопрошаетъ Крамольниковъ и даже похлопываетъ юбиляра по колѣнкѣ.

— Что̀ же «женился»?! Женился — и все тутъ!

— Нѣтъ, ужь вы по порядку намъ разскажите: какъ вы склонность къ вашей нынѣшней супругѣ получили, или, быть можетъ, вашъ бракъ состоялся не по любви, а подъ вліяніемъ какихъ-либо принудительныхъ мѣръ? Знаете, вѣдь въ прежнее время помѣщики...

— Года вышли; на тягло надо было сажать... Извѣстно — женихъ.

— Нѣтъ, вы ужь, сдѣлайте одолженіе, по порядку разскажите!

— Года вышли — ну, староста пришелъ. У Тимофея, говоритъ, дочь дѣвка есть. Ну — женился.

— У насъ, ваше здоровье, не спрашивали, люба или не люба дѣвка. Тягло чтобъ было — и весь разговоръ тутъ! объясняетъ староста.

— Такъ-съ, а подати, и оброки вы всегда исправно платили?

— Завсегда... ни единой, то есть, полушки... И барщина, и оброкъ... какъ есть! отвѣчаетъ юбиляръ и словно даже приходитъ въ волненіе при этомъ воспоминаніи.

— И, вѣроятно, тяжелымъ трудомъ доставали вы эти деньги?

Юбиляръ молчитъ. Ясно, что его уже настолько задѣли за живое, что ему дѣлается противно. Но староста оказывается словоохотливѣе и, по мѣрѣ разумѣнія своего, удовлетворяетъ любознательности Крамольникова.

— Это на счетъ тягостей, что-ли, ваше здоровье, спрашиваете? говоритъ онъ: — и не приведи Богъ! Каторжная наша жизнь — вотъ что! Вынь да положь — вотъ какая у насъ жизнь! А откуда вынь — никому это значитъ, не любопытно.

Прошлый годъ я цѣлую зиму сѣно въ Москву возилъ: у помѣщиковъ здѣсь по разнотѣ скупалъ, а въ Москвѣ продавалъ. И Боже ты мой! сколько я тутъ мученья принялъ! Ѣдешь этта тридцать верстъ цѣлую ночь, и стытъ-то, и глаза-то тебѣ слѣпитъ, и вѣтромъ лицо жжетъ — смерть! Ну, цалковый — рупь выгадаешь, привезешь изъ Москвы. А вашему здоровью со стороны-то, чай кажется: вотъ-молъ мужичекъ около возочка погуливаетъ!

— Ну, нѣтъ, мнѣ... я вѣдь и самъ...

— Знаемъ, что не дворянской крови, а все-таки... вы изъ приказныхъ, что-ли?

— Отецъ мой былъ канцелярскимъ служителемъ... и тоже...

— Тоже, чай, по кабакамъ мужикамъ просьбы писалъ — что ему? Въ кабакѣ свѣтло, тепло... Сидитъ да перомъ поскребываетъ! Ну, а наше дѣло почище будетъ! И вѣдь чудо это! Маемся мы маемся, а все какъ-будто гуляемъ!

— Наша должность такая, что все мы на вольномъ воздухѣ, скромно поясняетъ юбиляръ: — отъ того и кажется, будто гуляемъ.

— Косимъ — гуляемъ, сѣно ворошимъ — гуляемъ, пашемъ — гуляемъ! отзывается кто-то.

— А ты сочти, сколько верстъ хоть бы на пашнѣ этого гулянья на нашъ пай достанется. Въ лѣтній день, мужику, это бѣдно, полдесятины вспахать нужно. Сколько это, по твоему, верстъ будетъ?

— Да верстъ двадцать слишкомъ.

— Ты, вотъ, двадцать-то верстъ въ день порожнемъ по гладкой дорогѣ пройдешь и то запыхаешься, а тутъ по пашнѣ иди, да еще налягъ на соху-то, потому она неравно выбьется!

Мужики смолкли, словно призадумались. Крамольниковъ тоже облокачивается рукой объ столъ и ерошитъ себѣ волосы. Онъ чувствуетъ, что теперь самое время произнести юбилейную рѣчь.

— Неприглядное ваше житье, господа! говоритъ онъ.

— Какого еще житья хуже надо!

Крамольниковъ встаетъ, держа въ рукѣ стаканъ съ виномъ. Онъ, видимо, взволнованъ; лицо блѣдно, плечи вздрагиваютъ, руки трясутся, волосы стоятъ почти дыбомъ.

— Господа! говорилъ онъ задыхаясь: — пью за здоровье

почтеннаго, изнуреннаго, но все еще не забитаго и бодраго русскаго крестьянства! Да, неприглядное, горькое, ваше житье, господа! Вы слышали сейчасъ показанія почтеннаго юбиляра, вы слышали свидѣтельство и другихъ, не менѣе почтенныхъ и свѣдущихъ лицъ — и изъ всѣхъ этихъ показаній и свидѣтельствъ явствуетъ одно: горькое, трудное житье русскаго крестьянина! Можно сказать даже больше: его жизнь полна такихъ опасностей, которыя неизвѣстны никакому другому сословію. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, прослѣдимъ судьбу его съ самаго начала. Онъ родится, и съ первыхъ минутъ своей жизни уже составляетъ не радость и утѣшеніе, но бремя для своихъ родителей! Да, бремя, ибо ежели впослѣдствіи тѣ же родители будутъ имѣть въ народившемся малюткѣ кормильца и поддержку ихъ старости, то въ началѣ они видятъ въ немъ только лишній ротъ и обременительную заботу, отвлекающую отъ выполненія главной задачи ихъ жизни: поддержки того бѣднаго существованія, которое, такъ или иначе, они обязываются нести. Ребенокъ безпомощенъ; онъ требуетъ ухода и попеченій; но какой же уходъ можетъ дать ему его бѣдная мать? Согбенная подъ лучами палящаго солнца, она надрываетъ свои силы надъ скудною полосою ржи; покрытая перлами пота, она ворошитъ сѣно и помогаетъ достойному своему мужу навить его на возъ; она встаетъ съ зарею и для всей семьи приготовляетъ скудную трапезу; она ѣдетъ въ лѣсъ за дровами, въ лугъ за сѣномъ, задаетъ кормъ скотинѣ, убираетъ ее... И все это время ребенокъ остается безъ призора, мокрый, безъ пищи, ибо можно-ли назвать пищею прокислую соску, которую суютъ ему въ ротъ, чтобъ онъ только не кричалъ? Упоминать-ли о болѣзняхъ, которыя, вслѣдствіе всего этого, такъ часто поражаютъ крестьянскихъ дѣтей? Удивляться-ли смертности, необходимой спутницѣ этихъ болѣзней? Крупъ, скарлатина, оспа, головная водянка — всѣ бичи человѣчества стерегутъ злосчастныхъ малютокъ и нерѣдко похищаютъ у жизни цѣлыя поколѣнія!.. Нѣтъ, не болѣзнямъ, не смертности нужно удивляться, а тому, что еще находятся отдѣльныя единицы, которыя, по счастливой случайности, остаются жить. Жить — для чего? Для того, господа, чтобъ и дальнѣйшее ихъ существованіе продолжало быть искупительною жертвою, приносимою на алтарь отечества! Проходитъ годъ, два, три, крестьянскій малютка на столько вы-

росъ, что можетъ уже стоять на ногахъ и лепетать кой-какія слова. Какія попеченія окружаютъ его въ этомъ нѣжномъ и опасномъ возрастѣ? Мнѣ больно, господа, но я долженъ сказать, что ничего похожаго на уходъ тутъ не существуетъ. Та нужда, которая съ ранняго утра выгоняетъ изъ дома родителей ребенка, косвеннымъ, но очень рѣшительнымъ образомъ отражается и на немъ самомъ. Онъ дѣлается, такъ сказать, гражданиномъ деревенской улицы, товарищемъ птицъ и звѣрей, которые бродятъ по ней, на столько же лишенные призора, на сколько лишенъ его и крестьянскій малютка. Сообразите, сколько опасностей ожидаетъ его тутъ? Хищный волкъ, бѣшеная собака, прожорливая свинья — все находитъ его беззащитнымъ, все угрожаетъ ему безвременной смертью! Еще надняхъ у насъ былъ такой случай, что пѣтухъ выклюнулъ глазъ у крестьянской дѣвочки. Гдѣ, спрашиваю я, въ какомъ сословіи можетъ случиться что-нибудь подобное? Но крестьянскій малютка живучъ; онъ бодро идетъ впередъ по усѣянной терніемъ жизненной тропѣ и посмѣивается надъ жаломъ смерти, вездѣ его преслѣдующимъ, вездѣ готовымъ его настигнуть. Поднявши рубашенку, шлепая по грязи или возясь съ непокрытой головой въ дорожной пыли подъ лучами палящаго солнца, онъ ростетъ... Я хотѣлъ бы сказать, что онъ ростетъ, какъ крапива у забора, но, право, и это было бы слишкомъ роскошно для него, ибо едва-ли найдется въ цѣлой природѣ такой злакъ, котораго возрастаніе могло бы быть приведено здѣсь, какъ мѣрило для сравненія. Тѣмъ не менѣе, онъ ростетъ и крѣпнетъ, и восьми лѣтъ дѣлается уже небезполезнымъ членомъ своей семьи. Онъ помогаетъ родителямъ въ болѣе легкихъ работахъ, онъ пѣстуетъ своихъ малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже приноситъ семьѣ извѣстный заработокъ. Этотъ заработокъ — святой, господа! Вы, вѣроятно, слыхали отъ священника вашего о лептѣ вдовицы, и, конечно, умилялись надъ разсказомъ объ ней! Но сообразите, во сколько разъ святѣе и умилительнѣе эта другая лепта, которую я назову лептою русскаго крестьянскаго малютки? Древле Авраамъ, по слову Господню, готовился принести въ жертву сына своего Исаака, и ангелъ Господень остановилъ руку его. Русское крестьянство каждый день приноситъ эту жертву, и увы! останавливающій руку ангелъ не прилетаетъ къ нему!

Древле пророкъ, оплакивая судьбы святаго города, восклицалъ въ смятеніи души своей: да будетъ забвенна рука моя, аще забуду тебя, Іерусалиме! Нынѣ я, какъ учитель дѣтей крестьянскихъ, проведшій сладчайшія минуты жизни своей въ общеніи съ ними, во всеуслышаніе восклицаю: дѣти! русскія дѣти! Да будетъ забвенна десница моя, ежели забуду часы, проведенные съ вами! Господа! пью за здоровье крестьянскихъ русскихъ дѣтей!

Голосъ Крамольникова прервался; онъ былъ до того взволнованъ, что едва держался на ногахъ. Старушки, приблизившіяся къ пирующимъ, чтобъ послушать, что учитель гуторитъ, стояли пригорюнившись, а нѣкоторыя и прослезились. Мужики говорили: ну вотъ, и спасибо тебѣ, ваше здоровье, что ребятишекъ нашихъ вспомнилъ! Черезъ нѣсколько минутъ, однакожь, Крамольниковъ на столько успокоился, что могъ продолжать.

— Я не буду представлять вамъ здѣсь, господа, сказалъ онъ: — полную картину перехода русскаго крестьянскаго ребенка отъ ребячества къ юношеству. Это заняло бы у насъ слишкомъ много времени, недостатокъ котораго заставляетъ меня останавливаться лишь на самыхъ характеристическихъ подробностяхъ предмета, насъ занимающаго. Итакъ, перейдемъ прямо къ крестьянину-юношѣ, и прежде всего займемся судьбой русской крестьянки. Признаюсь откровенно, мое сердце сжимается при одномъ имени русской крестьянки, и сжимается тѣмъ больше, что часть тѣхъ тяжелыхъ веригъ, которыя выпали на долю ея, идетъ отъ васъ самихъ, господа. Я знаю, что въ этомъ фактѣ не столько виноваты вы сами, сколько ваше горе, ваша нужда, но я знаю также, что одинаковость горя и равная степень нужды должны бы послужить поводомъ для круговой поруки несчастія, а не для притѣсненія однихъ несчастныхъ посредствомъ другихъ. Пора бы подумать объ этомъ, господа. Пора сказать себѣ: мы несчастны, слѣдовательно, наша обязанность подать другъ другу руку, а не раздирать другъ друга. Нѣтъ ничего безотраднѣе, даже безпримѣрнѣе существованія русской крестьянки. Начать съ того, что у нея почти нѣтъ дѣвичества. То, о чемъ поется въ пѣсняхъ подъ именемъ дѣвической воли, продолжается не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, т. е. отъ конца лѣтней страды, до январскаго мясоѣда, въ которомъ обыкновенно вѣнчаются

крестьянскія свадьбы. Лѣтомъ — она была отроковица, зимою — она уже жена и работница. Да, именно работница, и останется ею во всю жизнь, ибо только немногимъ русскимъ крестьянкамъ удается цѣною долголѣтняго искуса страданій купить себѣ въ старости почтенное положеніе главы дома. Мало радостей у крестьянина, а у нея и совсѣмъ нѣтъ ихъ. Крестьянинъ все-таки отлучается на заработки, слѣдовательно видитъ свѣтъ Божій, чувствуетъ себя дѣйствующимъ и отвѣтственнымъ лицомъ. Крестьянка — на всю жизнь прикована къ семьѣ, на всю жизнь осуждена на безотвѣтственность. Сознайтесь, господа, что ваше обращеніе съ женами и матерями потому только не заслуживаетъ названія жестокаго, что оно слишкомъ уже вошло въ нравы. А между тѣмъ, не будь въ домахъ вашихъ этихъ вѣковыхъ печальницъ, этихъ неутомимыхъ охранительницъ бѣднаго крестьянскаго двора — вы не имѣли бы даже и тѣхъ скудныхъ жизненныхъ удобствъ, которыми пользуетесь теперь. Ежели жилища ваши имѣютъ видъ человѣческихъ жилищъ, если въ нихъ свѣтло и тепло, то и этотъ свѣтъ, и эта теплота исходятъ исключительно отъ нея, отъ этой загубленной русской женщины, объ которой не даромъ русская пѣсня поетъ:

День — денная ты печальница,
Ночь — ночная богомольница!
Вѣковѣчная сухотница!

Если вы не умираете съ голоду, ежели видите дворы свои не расхищенными, ежели не пропадаютъ, какъ ничтожное быліе, ваши дѣти — этимъ вы обязаны все той вѣковѣчной сухотницѣ! Исторія отмѣтила много видовъ геройства и самоотверженности, но забыла объ одномъ: о геройствѣ и самоотверженности русской крестьянской женщины. Это — скромное, безпримѣрное геройство, никогда не прекращающееся, не ослабѣвающее ни при первомъ крикѣ пѣтела, ни при третьемъ. Это геройство, замкнутое въ тѣсныхъ предѣлахъ крестьянскаго двора, но всегда стоящее на стражѣ и готовое встрѣтить врага. Не забудьте, что женщина, по самой природѣ своей — существо слабое, существо, обреченное на болѣзни; но русская крестьянка, въ этомъ случаѣ, составляетъ какъ бы исключеніе: для нея не существуетъ ни болѣзней, ни слабости, не потому, чтобъ она ихъ не чувствовала, но потому,

что она *не имѣетъ права* чувствовать. Я сейчасъ упоминалъ о случаѣ, когда пѣтухъ выклюнулъ глазъ дѣвочки Матреши. Въ это время, мать ея, Надежда Петровна, была въ лѣсу, верстъ за пять и рубила дрова. Изнуренная тяжелой работой, тѣмъ не менѣе она бѣгомъ пробѣжала эти пять верстъ, и никто даже не удивился этому подвигу, ибо всякой понималъ, что именно такъ должа была поступить русская крестьянка. Я не говорю о томъ, что ваши женщины суть устроительницы домовъ вашихъ, что работы, которыя онѣ несутъ, немногимъ чѣмъ легче тѣхъ, которыя вы сами несете, но есть одно обстоятельство еще болѣе горькое, болѣе безотрадное. Онѣ раздѣляютъ всѣ тяготы ваши, всѣ неудачи, невзгоды и несчастія, и никогда не дѣлятъ вашихъ радостей или удовольствій. Вы имѣете хоть какіе-нибудь внѣ-семейные интересы, вы встрѣчаетесь съ новыми людьми, съ новою обстановкой, вы, наконецъ, какъ я уже сказалъ разъ, можете, на вашъ личный страхъ, бороться съ невзгодой. Крестьянка лишена всѣхъ этихъ преимуществъ. Она даже бороться не можетъ, а можетъ только втихомолку проливать слезы. Въ продолженіи всей ея жизни, у нея постоянно что-нибудь да отнимаютъ. Замужество отнимаетъ у нея мать и отца, заработки—мужа, рекрутчина—сына, совершеннолѣтіе дочери—дочь. И на всѣ эти притязанія слѣпой судьбы она можетъ отвѣтить только слезами! Кто видитъ эти слезы? Кто слышитъ, какъ онѣ льются капля по каплѣ, подтачивая драгоцѣннѣйшее человѣческое существованіе? Ихъ видитъ и слышитъ только русскій крестьянскій малютка, но въ немъ онѣ оживляютъ нравственное чувство и полагаютъ въ его сердцѣ первыя сѣмена любви и добра. Школа материнскихъ слезъ — добрая школа, господа, и не утратитъ вѣры въ свою силу тотъ, кто воспитался въ этой школѣ. Но вы, господа— я обращусь теперь уже къ вамъ— вы, главы крестьянскихъ семействъ, что дали вы вашимъ женамъ и матерямъ, взамѣнъ ихъ самоотверженности и любви? Видѣли-ли вы ихъ слезы, знаете-ли объ нихъ? Я знаю, вы на столько совѣстливы, что не нужно даже ждать вашего отвѣта на мой вопросъ: этотъ отвѣтъ, навѣрное, осудитъ васъ. По этому поводу, позвольте мнѣ еще разъ возвратиться къ уже высказанной мною прежде мысли. Господа! васъ ожесточаетъ горе и вѣчно преслѣдующая нужда, и, конечно, это въ значительной степени облегчаетъ вашу вину, но знайте,

что, въ кругу одинаково несчастныхъ людей, горе и нужда должны быть сплачивающимъ звѣномъ, а не сѣменемъ раздора. Иначе, самое существованіе сдѣлается невозможнымъ и исчезнетъ всякая надежда на лучшее будущее. Вникните пристальнѣе въ слова мои, провѣрьте ихъ судомъ собственной совѣсти, и вы, навѣрное, сами придете къ тому, что относительная слабость женщины должна вызывать не презрѣніе къ ней, а ласку и покровительство. Вотъ почему я пользуюсь этою братскою трапезой, чтобъ возгласить тостъ за улучшеніе участи русской крестьянской женщины, охранительницы, устроительницы русской крестьянской семьи! Ура!

Громкое «ура» отвѣчаетъ на вызовъ Крамольникова. Не смотря на нѣкоторую витіеватость его рѣчи, крестьяне поняли сущность ея. А крестьянки даже весело улыбались и громко выражали свое удовольствіе учителю за урокъ, данный мужьямъ и сыновьямъ. Ободренный успѣхомъ, Крамольниковъ продолжалъ:

— Теперь приступаю къ главному предмету моей бесѣды съ вами — къ русскому крестьянину. Изъ объясненій почтеннаго вашего односельца, котораго мы нынѣ вкупѣ чествуемъ, вы сами видите, сколько онъ поднялъ трудовъ и сколькимъ подвергался опасностямъ. Увы! это примѣръ не единственный и не исключительный: вы всѣ находитесь въ томъ же положеніи, какъ и почтеннѣйшій Ипполитъ Моисеичъ. Я не говорю уже о крѣпостномъ правѣ, порождавшемъ помѣщиковъ, которые, злоупотребляя своимъ положеніемъ, требовали отъ крестьянъ шестидневной изнурительной барщины, для которыхъ тѣлесное наказаніе было обычною формой отношеній къ крестьянину, которые, наконецъ, доходили до такого малодушія, что по ночамъ воровали изъ крестьянскихъ огородовъ овощи. Крѣпостное право умерло и больше не возвратится. Но даже и теперь, когда, по манію Державнаго Освободителя, цѣпи рабства спали съ васъ, освободились-ли вы отъ тѣхъ тягостей и опасностей, которыя на каждомъ шагу осаждаютъ существованіе русскаго крестьянина? Изъ словъ Ипполита Моисеича видно, что онъ не разъ былъ на одинъ волосъ отъ смерти: онъ замерзалъ и тонулъ. Своей-ли охотой и для своихъ-ли дѣлъ онъ рисковалъ въ этихъ случаяхъ жизнью? Нѣтъ, онъ, конечно, предпочелъ бы остаться дома въ теплѣ, чѣмъ тащиться съ подводой въ зимнюю вьюгу и въ весеннюю ростепель.

Нужда выгоняла его изъ домашняго тепла. Но этого мало: Ипполитъ Моисеичъ, сравнительно, даже не много рисковалъ, ибо, по самому роду своихъ занятій, онъ могъ подвергаться только опасностямъ извѣстнаго характера и, притомъ, хотя съ трудомъ, но все-таки отвратимымъ. А есть занятія, которымъ предается все то же почтенное крестьянское сословіе, и при которыхъ рискъ жизнью составляетъ, такъ сказать, обыкновенную и почти неизбѣжную принадлежность. Стоитъ побывать лѣтомъ въ любомъ городѣ, чтобъ увидѣть штукатуровъ и маляровъ, висящихъ на воздухѣ въ утлыхъ садкахъ, кровельщиковъ, ползающихъ по крышамъ четырехэтажныхъ домовъ, каменьщиковъ, стучащихъ молотомъ на необозримой высотѣ, носильщиковъ, взбирающихся съ тяжелою ношей по выстроеннымъ на живую нитку лѣсамъ. Стоитъ постранствовать по нашимъ деревнямъ и болотамъ, чтобъ увидѣть землекоповъ, роющихся въ нѣдрахъ земли, торфяниковъ, работающихъ по поясъ въ водѣ. Стоитъ посѣтить первую попавшуюся фабрику, чтобъ увидѣть цѣлый муравейникъ людей, снующій между колесами машинъ, изъ которыхъ каждое въ одно мгновеніе можетъ превратить человѣка въ массу крови и мяса. Малѣйшая неловкость, ничтожнѣйшее неосторожное движеніе — и человѣкъ пересталъ существовать. Но этого мало, что онъ умираетъ: онъ не просто умираетъ, а умираетъ безслѣдно. Ибо это даже не человѣкъ: при жизни — это рабочая единица, часто неизвѣстная и по имени; по смерти — это мертвое тѣло. Выбыла рабочая сила изъ строя — не пройдетъ мгновенія, какъ она уже замѣнена другою. Киньте камень въ воду — пустое пространство, которое при этомъ образуется въ массѣ воды, конечно, немедленно заплываетъ, но все-таки вы видите нѣкоторое время на поверхности кругъ, который свидѣтельствуетъ, что здѣсь нѣчто произошло. Смерть крестьянина, заработывающаго свой хлѣбъ и свои подати на чужбинѣ, даже этого круга не оставляетъ по себѣ... Ни дѣлъ, ни памяти... Спрошу у всѣхъ честныхъ людей: чье существованіе можетъ сравниться съ этимъ безмолвнымъ геройствомъ, наградой которому служитъ одно забвеніе? Намъ часто приводятъ въ примѣръ жизнь солдата и тѣ опасности, которыми она окружена. Я согласенъ, что существованіе солдата благородно и самоотверженно, но, клянусь, на каждую пожертвованную солдатскую жизнь приходится, по малой мѣрѣ, сто

пожертвованныхъ крестьянскихъ жизней! И не забудьте при этомъ, что солдатъ, все-таки, знаетъ характеръ угрожающей ему опасности, что онъ жертвуетъ собою, понимая, что эта жертва должна принести извѣстные плоды. Крестьянинъ — ничего этого не знаетъ. Онъ идетъ впередъ, потому что идти ему больше некуда, идетъ впередъ — и никогда не имѣетъ увѣренности, разверзнется или не разверзнется подъ нимъ земля... Но, скажутъ мнѣ, случайныя опасности не могутъ же служить мѣриломъ для оцѣнки чьей бы то ни было жизни. Случайности могутъ встрѣтиться вездѣ, и ударъ грома одинаково поражаетъ человѣка, къ какому бы званію онъ ни принадлежалъ. Прекрасно. Но возраженіе это, очевидно, теряетъ всякую силу тамъ, гдѣ опасность, такъ сказать, составляетъ краеугольный камень всего человѣческаго существованія, гдѣ она настигаетъ человѣка до того легко, что представляется уже не случайностью, а какъ бы неразрывною частью всей жизненной обстановки. Ударъ грома, конечно, безразлично убиваетъ человѣка всякаго званія, но каждому понятно, что, напримѣръ, пастухъ, проводящій цѣлые дни въ полѣ и въ лѣсу, легче подвергается опасности быть убитымъ грозой, нежели человѣкъ, который во всякое время можетъ укрыться отъ непогоды подъ кровлей надежнаго жилища. Но допустимъ, однако, что это возраженіе, само по себѣ, неправое, должно быть уважено. Оставимъ міръ случайностей и взглянемъ на бытъ русскаго крестьянина внѣ этой сферы, въ кругу такихъ занятій, которыя ужь никакъ не могутъ быть названы случайными, но представляютъ собой естественную обстановку всей его жизни. Занятія эти суть: пахота, бороньба, молотьба хлѣба, сѣнокосъ, отвозка сельскихъ произведеній на базаръ для продажи и т. д. Всѣ эти занятія, какъ справедливо выразился одинъ изъ почтенныхъ нашихъ односельчанъ, имѣютъ издали видъ гулянья, но, спросимъ себя по совѣсти, такъ-ли это? Нѣтъ, это — не гулянье, ибо для того, чтобъ вспахать полдесятины земли (обыкновенный дневной крестьянскій урокъ), нужно пройти пѣшкомъ не меньше двадцати верстъ по почвѣ, въ которой вязнутъ ноги, пройти, упираясь всѣмъ тѣломъ въ соху. Это — не гулянье, ибо для того чтобъ скосить одну пятую десятину луга (тоже дневной урокъ), нужно сдѣлать безчисленное количество взмаховъ косы, причемъ напряженіе человѣческихъ мышцъ равняется, по малой мѣрѣ, напряженію,

дѣлаемому при поднятіи двухпудовой тяжести. Это — не гулянье, потому что, во время сопровожденія воза до базара, стужа захватываетъ дыханіе, снѣгъ слѣпитъ глаза, не говоря уже о физической усталости, которая неизбѣжна при нашихъ разстояніяхъ и которая не полагается ни во что. А рубка дровъ? а пилка теса и досокъ? а земляныя работы? Однимъ словомъ, куда бы я ни обратилъ взоры, какъ бы ни старался отыскать крестьянское занятіе, сколько-нибудь льготное — я ничего не нахожу, кромѣ самой горькой, никогда не прерывающейся страды. Вся жизнь крестьянина есть сплошная страда, хотя онъ самъ почтилъ этимъ наименованіемъ только лѣтнее время. Нѣтъ, не только лѣтомъ (лѣто — это крестный путь крестьянина), но круглый годъ, и зиму, и осень, и весну — никогда онъ не освобождается отъ ига страды. О, господа! я — человѣкъ уже въ лѣтахъ, и мнѣ стыдно плакать, но я чувствую, что слезы неудержимо подступаютъ къ глазамъ моимъ! Онѣ грозятъ прервать мою рѣчь въ самомъ началѣ ея, ибо передо мной стоитъ еще вопросъ громадной важности, котораго я до сихъ поръ не коснулся — вопросъ о томъ, какія радости, какія удобства и льготы купилъ себѣ русскій крестьянинъ цѣною столькихъ опасностей и непосильныхъ трудовъ?

. . . . . .

Къ сожалѣнію, окончаніе рѣчи Крамольникова осталось для меня тайною, ибо съ этой минуты сновидѣнія мои приняли рѣзко-хаотическій характеръ. Я помню, что кто-то стремглавъ прибѣжалъ и голосомъ, исполненнымъ ужаса, крикнулъ: ѣдутъ! ѣдутъ! Я помню, что за этимъ крикомъ послѣдовала невообразимая паника, среди которой одинъ Крамольниковъ остался невозмутимымъ, и, мнѣ показалось даже, что на его губахъ играла улыбка. Я помню звонъ колокольчика, и потомъ еще чей-то голосъ: а, голубчики!.. Затѣмъ все исчезло...

Утромъ, я всталъ съ головною болью, и первою моею мыслью было: а нѣтъ-ли еще какого-нибудь помощника архиваріуса, или главноначальствующаго надъ курьерскими лошадьми, котораго бы тоже можно было подкузьмить по части юбилейныхъ торжествъ?

ДѢТИ МОСКВЫ.

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій, царствъ великихъ мать!
Москва! Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать!
. . . . . .
Твои сыны, питомцы славы,
Прекрасны, горды, величавы,
А дѣвы — розами цвѣтутъ...

И. Дмитріевъ.

I.

Немногое, сказанное въ этихъ стихахъ, исчерпывало почти все содержаніе моего отрочества. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, я тяготѣлъ къ Москвѣ, чувствовалъ себя сыномъ ея. Здѣсь я получилъ первыя впечатлѣнія бытія, здѣсь же заложены были во мнѣ начальныя основанія русской граматики по Востокову. Съ наслажденіемъ, полнымъ благоговѣнія, декламировалъ я стихи Ивана Ивановича Дмитріева, не упуская при этомъ изъ вида, что авторъ ихъ, самъ сынъ Москвы, былъ въ свое время министромъ юстиціи. Меня не смущала даже странность, оказывавшаяся при синтаксическомъ разборѣ перваго четверостишія, а именно, что, по своеобразной генеалогіи, придуманной поэтомъ, Россія, будучи матерью Москвы, становится бабушкой относительно княженій и царствъ. Напротивъ, это казалось даже трогательнымъ. Ежели мать — баловница по ремеслу, то для бабушки и придумать другое занятіе трудно. Какихъ желать лучшихъ условій для процвѣтанія княженій!

Княженія! это слово, изданное Карамзинымъ въ двѣнадцати томахъ (въ то время еще у всѣхъ въ свѣжей памяти), наполняло мою душу восторгомъ. Казалось, что и на меня, сидящаго въ четырехъ стѣнахъ «заведенія», падаетъ оттуда какой-то лучъ, и что, не признай я за этимъ волшебнымъ словомъ освѣщающаго значенія, я немедленно утону въ безразсвѣтной тьмѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачу и право именовать себя «питомцемъ славы». А для меня это право было очень важно, ибо оно давало въ будущемъ возможность, умалчивая о не весьма славныхъ чинахъ, въ родѣ коллежскаго регистратора или отставного корнета, прямо подписываться: «къ сему заемному письму питомецъ славы такой-то руку приложилъ».

Вообще, я былъ юноша восторженный, любящій и благодарный. Я всѣхъ благодарилъ: великаго князя Святослава — за то, что онъ ѣлъ конину, спалъ подъ открытымъ небомъ и имѣлъ свиданіе съ Іоанномъ Цимисхіемъ; великую княгиню Ольгу — за то, что она искусно отомстила древлянамъ смерть Игоря; великаго князя Владиміра — за то, что онъ сказалъ: *веселіе Руси есть пити* (я уже въ то время догадывался, что слова эти предвѣщали вольную продажу вина); царя Іоанна III — за оказанную имъ распорядительность относительно Новгорода; царя Іоанна IV — за то, что онъ покорилъ Казань и принялъ подъ свою державу богатую Сибирь («Богатая Сибирь, наклонишись надъ столами»)... Но, въ особенности, я былъ благодаренъ учителю русскаго языка за то, что онъ на всѣ эти тэмы заставлялъ насъ писать «сочиненія», въ которыхъ я съ гордою настойчивостью употреблялъ выраженія, въ родѣ: «стольный градъ», «стогны», «дружина», «стягъ» и проч.

И по какому-то странному психическому процессу, всѣ эти признательности сердца приурочивались мной всецѣло, исключительно — къ Москвѣ. Даже Святославъ, Ольга, Владиміръ неразрывно связывались съ представленіемъ о Москвѣ, хотя, разумѣется, они и въ помыслахъ держать не могли, что гдѣ-то на сѣверѣ, въ отдаленномъ будущемъ, явятся «собиратели», и будутъ, подобно Гоголевской Коробочкѣ (съ значительной, впрочемъ, примѣсью Чичиковской изобрѣтательности), класть въ одну кучу и медъ, и пухъ, и сушеные грибы, и даже мертвыя души. Хорошъ былъ стольный городъ Новгородъ, но онъ омрачилъ себя вѣчевою неурядицей; еще лучше былъ столь-

ный городъ Кіевъ, но и онъ омрачилъ себя, подпавъ подъ иго иновѣрца; одна Москва ничѣмъ себя не омрачила, и за это удостоилась высшей въ мірѣ награды: именовать сыновъ своихъ «питомцами славы» (тогда мнѣ казалось, что званіе это представляетъ собой что-то въ родѣ общедоступнаго камеръ-юнкерства, для полученія котораго не требуется протекціи).

Москва! какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца русскаго слилось!

всечасно восклицалъ я, и опять, по тому же странному психическому процессу, рядомъ съ этими стихами припоминались мнѣ и слова великаго князя Святослава: *не посрамимъ земли русскія, но ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имутъ!*

Умремъ! ляжемъ костьми! — вотъ слова, которыя пламенемъ горѣли въ моей благодарной душѣ, какъ-будто и тогда уже чувствовалось, что смерть есть единственное въ своемъ родѣ благо, которому предназначено въ будущемъ освобождать «питомцевъ славы» отъ узъ срама.

Мой культъ къ Москвѣ былъ до того упоренъ, что устоялъ даже тогда, когда, ради воспитательныхъ цѣлей (а больше съ тайной надеждой на легкое полученіе чина титулярнаго совѣтника), я долженъ былъ, по волѣ родителей, переселиться въ Петербургъ. И тутъ продолжала меня преслѣдовать Москва, и всегда находила во мнѣ пламеннаго и скораго заступника своихъ стогновъ. Я до сихъ поръ не могу забыть споровъ о томъ, гдѣ больше кондитерскихъ, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, и тѣхъ вопіющихъ натяжекъ, которыя я долженъ былъ дѣлать, чтобъ отстоять хотя въ этомъ отношеніи славу «порфироносной вдовы» передъ выскочкой Петербургомъ. Я припоминалъ и о кондитерской Тени на Арбатѣ, и еще о какой-то кондитерской у Никитскихъ воротъ, и, благодаря тому, что политическіе мои противники игнорировали большую часть равносильныхъ кондитерскихъ, которыми изобиловали Мѣщанскія, Мастерскія, Офицерскія и проч., выходилъ изъ споровъ побѣдителемъ. Этого мало: когда мы, москвичи (а насъ было въ «заведеніи» довольно), разъѣзжались лѣтомъ на каникулы, то всякій разъ, приближаясь къ Москвѣ, требовали, чтобъ дилижансъ остановился на горкѣ, вблизи Всесвятскаго, затѣмъ вылѣзали изъ экипажа и цаловали землю, воспитавшую столько

отставныхъ корнетовъ, въ просторѣчіи именующихъ себя «питомцами славы».

Такъ шло дѣло вплоть до упраздненія крѣпостнаго права. Я вышелъ изъ «заведенія», поступилъ на службу, и, какъ говорится, жилъ—не тужилъ. Себя называлъ «питомцемъ славы», а на отечество и его исторію смотрѣлъ съ точки зрѣнія маневровъ Ходынскаго Поля. Быть можетъ, читатель не повѣритъ, но это было именно такъ: будучи уже балбесомъ лѣтъ двадцати пяти, я все еще сны на яву видѣлъ. Россія представлялась мнѣ мѣсторожденіемъ сказочныхъ витязей, «прекрасныхъ, гордыхъ, величавыхъ», а исторія ея — какимъ-то свѣтозарнымъ кругомъ, въ которомъ княженія смѣняли другъ друга, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ славы. Слава! слава! слава! восторженно твердилъ я на яву и во снѣ:

Грозные полки идутъ,
Золотое вьется знамя,
На штыкахъ играетъ пламя
Бà — рабаны громко бьютъ,
Грррромко бьютъ! *)

И что еще удивительнѣе: все это не мѣшало мнѣ, въ то же время, и «заблуждаться», что̀ въ ту пору (да, кажется, и теперь) было строго воспрещено. Вотъ какъ странно перебиты и перепутаны были тогдашнія сновидѣнія «питомцевъ славы!»

Даже тогда, когда подъ стѣнами Севастополя совершилась великая искупительная жертва, и когда, вслѣдъ затѣмъ, въ обществѣ начали ходить слухи о предстоящихъ реформахъ — и тогда я не вдругъ освободился отъ угнетавшаго меня угара, но все продолжалъ вѣрить, что никакія силы въ мірѣ, никакое волшебство не въ состояніи разжаловать меня изъ «питомцевъ славы» въ непомнящіе родства (а о пришествіи «червонныхъ валетовъ» я даже и не подозрѣвалъ). Ничто не казалось страшнымъ потомку тѣхъ витязей, которые, менѣе полувѣка тому назадъ, побывали въ Парижѣ и всю Европу наполнили громами побѣдъ и славы. Реформы! — но вѣдь это только добавочный лучъ къ тому солнцу

*) Стихи эти принадлежатъ покойному поэту Ершову. Не могу, впрочемъ, сказать навѣрное, дословно-ли правильно цитирую я эти стихи, но ежели и есть неточность, то она совершенно ничтожна.

славы, въ которомъ, мы, «питомцы славы», и безъ того искони утопали! Реформы! — вѣдь это лишь новый варіантъ на тэму «разумѣйте языцы», которая и прежде, съ юныхъ лѣтъ, составляла излюбленное содержаніе нашихъ сновидѣній! Надъ чѣмъ же тутъ задумываться? И я не только не задумывался, но отвлеченная, лучезарная точка зрѣнія и на этотъ разъ осталась во мнѣ преобладающею. Ничто практическое, будничное не смущало паренія моей мысли. Мысль сдѣлалась нетерпѣливою, нервною; она даже не довольствовалась единичною какою-нибудь реформою, но стремилась впередъ и впередъ, прозрѣвая въ близкомъ будущемъ цѣлый рядъ преуспѣяній. Сперва—воля крестьянамъ, потомъ—воля вину, затѣмъ—начатки самоуправленія: хочешь—чини мосты, хочешь—нѣтъ, хочешь—на паромѣ переѣзжай, хочешь—вплавь переправляйся!—и, наконецъ, открытыя настежь двери въ суды: придите и судитесь, сколько вмѣстить можете! Все это уже заранѣе прозрѣвала моя мысль, и все это именно такъ и случилось...

Свершилось! добрая вѣсть о паденіи крѣпостнаго права въ одинъ день облетѣла всю Россію. Самоотверженность, съ которою «питомцы славы» принесли на алтарь отечества свои «права» (теперь я позабылъ, въ чемъ они состояли, но тогда не только помнилъ, но даже по пальцамъ ихъ перечислялъ), наполняла меня гордостью, а безграничныя перспективы, которыя при этомъ открывались, проводили въ восторгъ. Всѣ художественные инстинкты моей души были разомъ взбудоражены, я не загадывалъ, не примѣривалъ, не опредѣлялъ, я только метался. Въ увлеченіи своемъ, я даже того не понималъ, что мои новые восторги служатъ косвеннымъ укоромъ моимъ старымъ восторгамъ. Я былъ такъ радъ, что могу, наконецъ, говорить, что, дѣйствительно, говорилъ много и съ убѣжденіемъ, говорилъ съ утра до вечера, волнуясь, радуясь, негодуя... Но что всего ужаснѣе, и чего я въ то время совсѣмъ не замѣтилъ: по мѣрѣ того какъ «разговоръ» овладѣвалъ мною, я совершенно нечувствительно договаривался, договаривался и наконецъ договорился до того, что началъ изображать прежнюю «славу» въ нѣсколько смѣшномъ видѣ.

Клянусь, я сдѣлалъ это «такъ», безъ яснаго разумѣнія, но, во всякомъ случаѣ, это была очень горькая ошибка съ моей стороны. «Смѣшной видъ» — вещь очень опасная, особливо если онъ служитъ подспорьемъ для подкрѣпленія восторговъ,

и притомъ является орудіемъ въ рукахъ «питомца славы», и безъ того одержимаго художественными инстинктами. «Смѣшной видъ» беретъ человѣаа въ полонъ и иногда сразу рѣшаетъ споръ, надъ которымъ не худо бы и призадуматься. Притомъ, прибѣгнувъ къ «смѣшному виду», я вовсе не рѣшался разсчитаться съ прошедшимъ и выйти изъ заколдованнаго круга отвлеченныхъ понятій о «славѣ»; нѣтъ, я упорно пребывалъ все въ томъ же кругѣ, но только безконечно расширилъ предѣлы его. «Слава», по прежнему, продолжала оставаться моимъ девизомъ и питать мои идеалы, но слава, до того уже лишенная границъ, что я не могъ ни указать на центръ ея, ни опредѣлить ея содержаніе иначе, какъ съ помощью сопоставленій и картинъ. Вотъ тутъ-то и сослужило мнѣ службу прошлое, но уже не въ видѣ примѣра для подражанія, а въ формѣ архивной справки, въ которой все, и слогъ, и содержаніе, все представляло сплошной «смѣшной видъ».

Не знаю, надѣялся-ли я, при этомъ сохранить за собой наименованіе «питомца славы», но кажется, что не только надѣялся, но даже во имя этого наименованія и творилъ чудеса критики и разоблаченія. Откровенія сыпались за откровеніями. Сколько вѣковъ мы твердили о силѣ — и оказались слабыми; сколько вѣковъ мнили себя богатыми — и оказались бѣдными. А между тѣмъ, и богатство и сила состояли внѣ всякихъ сомнѣній (иначе, на чемъ же основывалось бы наше представленіе о «славѣ»?), но только неизвѣстно было, гдѣ, въ какихъ нѣдрахъ, они лежатъ. Свиданіе Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ не давало по этому предмету никакихъ разъясненій, а потому гораздо болѣе цѣлесообразнымъ представлялось свиданіе кабатчика Антошки Стрѣлова съ лабазникомъ Осипомъ Ивановымъ Деруновымъ. Ужь они-то навѣрное, знаютъ, гдѣ раки зимуютъ! Стрѣловъ! Деруновъ! Прожженые! Идите и проповѣдите, ка̀ко на обухѣ рожь молотить!

Все это было и великодушно, и «славно», а отчасти даже и справедливо. Но какимъ образомъ я не догадывался, что, возлагая на Стрѣлова, Дерунова и прочихъ «непомнящихъ» обазанность строить будущую славу Россіи, я тѣмъ самымъ устранялъ самого себя отъ всякаго участія въ строительствѣ— этого я рѣшительно не берусь объяснить. Послѣдствія доказали, однакожь, что «смѣшной видъ», вмѣстѣ съ незнаніемъ, въ какихъ нѣдрахъ скрываются сила и богатство Россіи, были

первымъ шагомъ къ обезличенію «питомцевъ славы», и что за симъ, какъ ни упорны были ихъ усилія продолжать именовать себя таковыми, но въ ближайшемъ будущемъ ихъ уже ждала иная кличка, болѣе соотвѣтствующая «смѣшнымъ» вѣяніямъ времени, а именно кличка «червонныхъ валетовъ».

Дальнѣйшимъ испытаніемъ моихъ представленій о «славѣ» явились выкупныя свидѣтельства. Не могу не сознаться, что даже въ самый разгаръ моихъ симпатій къ меньшей братіи, надежда на выкупныя свидѣтельства никогда не оставляла меня. Языкъ говорилъ: до послѣдней капли крови! а тайный голосъ шепталъ: дадутъ же, однако, что-нибудь! И дѣйствительно, выкупныя свидѣтельства были отпечатаны... и я не имѣлъ силы отказаться отъ нихъ! Не могъ же, однако, я не понимать, что самоотверженность, эта обязательная спутница «славы», по самому существу своему, безвозмездна! И не на столько же я неразуменъ, чтобъ разсчитывать на такое счастливое стеченіе обстоятельствъ, которое поможетъ мнѣ и капиталъ пріобрѣсти, и «славу» соблюсти!

И какъ диковинно мы — не я одинъ, а всѣ мы, «питомцы славы» — поступили съ этими выкупными свидѣтельствами! Одни, увлекшись ученіемъ объ искусствѣ на обухѣ рожь молотить, накупили плуговъ, молотилокъ, вѣялокъ, въ чаяніи устрашить ими нѣдра земли; другіе, болѣе вѣрные чистымъ принципамъ «славы», раздѣлили выкупную ссуду по ровной части между трактирами: московскимъ, новотроицкимъ и саратовскимъ. То была послѣдняя вспышка доказать, что представленіе о «славѣ» еще не умерло, но сколько было по этому случаю выпито водки — про то знаютъ только грудь да подоплёка!

Во всякомъ случаѣ, ни арміи, ни флоты, ни кадетскіе корпуса, однимъ словомъ, ни что изъ всего цикла учрежденій, составлявшихъ когда-ло необходимую обстановку «славы» — при этомъ не выиграли. Изъ цѣлой массы выкупныхъ свидѣтельствъ ни одного клочка не было дано на поддержаніе славы дѣйствительной, той, которая дозволяла намъ съ полнымъ основаніемъ восклицать: съ нами Богъ! никто же на ны! Все сполна было истрачено на покупку устрашающихъ машинъ, тотчасъ же оказавшихся негодными, и на безчисленное количество рюмокъ водки, на днѣ которыхъ все больше

и больше выяснялся образъ «червоннаго валета», съ бубновымъ тузомъ на спинѣ.

Эти первыя эмансипаціонныя рюмки привели за собой множество другихъ. Вслѣдъ за крестьянскою волей объявлена была воля вину, и въ природѣ произошло нѣчто неслыханное. Ни взятіе Хотина, ни сраженіе подъ Синопомъ не производили такихъ восторговъ. Безконечный лиризмъ охватилъ большихъ и малыхъ, сильныхъ и слабыхъ. Слѣпые прозрѣли, чающіе движенія воды взяли подъ мышку одръ и на рысяхъ побѣжали въ кабакъ. Даже торжественныхъ одъ не предстояло надобности сочинять, потому что каждый кабакъ, въ эту всерадостную минуту, былъ самъ по себѣ воплощенной торжественной одой, освобождавшей «питомцевъ славы» отъ непосильныхъ витійственныхъ упражненій.

«Поврежденіе нравовъ», признаки котораго были уже замѣчены при первыхъ выдачахъ выкупныхъ свидѣтельствъ, пріобрѣло тѣмъ большую яркость, что усложнилось поврежденіемъ умовъ. Пьяный лиризмъ, охватившій сердца, при извѣстіи о паденіи откуповъ, мало по малу улегся и уступилъ мѣсто пьяному эпосу. Создалось особое пьяное ремесло, тяжелое, мрачное, отъ котораго пахло самоубійствомъ. Прежде люди предавались кутежамъ, какъ бы отбывая повинность молодости, и въ разсчетѣ со временемъ остепениться; теперь— они дѣлались пьяницами на вѣкъ, безъ всякой надежды на вытрезвленіе. Прежде, при словѣ «пьяница», воображенію представлялось нѣчто въ родѣ особеннаго сословія, ряды котораго преимущественно наполнялись между приказными: теперь, это названіе сдѣлалось всесословнымъ, почти всенароднымъ. Въ такомъ положеніи застали насъ земскія учрежденія.

Но такъ какъ, подъ вліяніемъ «упоительныхъ напитковъ», мы уже не могли въ это время отличить воды отъ суши, дороги отъ забора, то очевидно, что подобная же неясность должна была закрасться и въ наши понятія о своемъ и чужомъ. Начали пропадать земскія деньги. Ничто не спасало: ни коллегіяльные порядки, ни контроль властей, ни замки. Отъ «хладнихъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды», повсюду слышалась одна и та же, до назойливости однообразная пѣсня: унесли! Правда, что и тутъ еще замѣчались проблески представленія о «славѣ» — унесенныя деньги, собственно говоря, не были украдены, а только раздѣлены поровну

между трактирами: Патрикѣевскимъ, Лопашовскимъ и Эрмитажемъ — но за эти проблески начали уже сажать въ тюрьму.

«Червонный валетъ» созрѣлъ, вышлифовался и выработался окончательно...

И что всего прискорбнѣе, мѣсторожденіемъ его оказалась та самая Москва, сыны которой еще такъ недавно съ гордостью именовали себя «питомцами славы». Оставалось только ждать толчка, который выдвинулъ бы это порожденіе новыхъ вѣяній времени изъ укромныхъ угловъ, въ которыхъ оно скрывалось, и представилъ на судъ публики въ цѣломъ рядѣ существъ, изнемогающихъ подъ бременемъ праздности и пьяной тоски, живущихъ со дня на день, лишенныхъ всякой устойчивости для борьбы съ жизнью, и не признающихъ иныхъ жизненныхъ задачъ, кромѣ удовлетворенія вожделѣній минуты.

Обязанность эту приняли на себя новые гласные суды.

II.

Что такое воръ? какого рода художественный образъ представляетъ собой человѣкъ, имѣющій о чужой собственности понятія, очевидно, недостаточныя и запутанныя? въ какой формѣ могутъ установиться отношенія между «воромъ» съ одной стороны, и обывателями и полиціей, съ другой? — вотъ вопросы, которые на первомъ же шагу встрѣчаютъ современнаго человѣка при вступленіи на поприще жизни.

Классическія традиціи отвѣчаютъ на эти вопросы довольно опредѣленно, но какъ-то черезчуръ ужь голо, и непремѣнно съ подчеркиваніемъ. Для классиковъ не существовало той сложности мотивовъ, которая нынче, какъ свои пять пальцевъ, извѣстна самому простодушнѣйшему изъ прокуроровъ и адвокатовъ. Сверхъ того, классики, въ своихъ представленіяхъ о ворѣ, строго придерживались принципа сословности: доблестями высшаго разбора (вѣрность, самоотверженіе, любовь къ престолу и проч.), и таковыми же пороками (измѣна, коварство, кровосмѣшеніе и т. д.) надѣляли особъ высшаго сословія, а доблестями и пороками низшаго разбора — надѣляли чернь.

Со словомъ «воръ» классическое преданіе соединяло поня-

тіе, не имѣющее ничего общаго съ идеей о «питомцѣ славы». Воръ предоставлялся чѣмъ-то отвратительнымъ, заклейменнымъ самой природой. Фаталистически осужденный на присвоеніе чужой собственности, онъ, въ согласность съ этимъ предопредѣленіемъ, такъ и устраивалъ всю свою жизнь. Дѣтство и отрочество употреблялъ на то, чтобъ изощрить прирожденную наклонность къ воровству непрерывными практическими упражненіями; когда же приходилъ въ совершенный разумъ, то дѣлалъ изъ нея для себя ремесло. Понятно, что при подобномъ художественномъ воззрѣніи на вора, нельзя было вообразить себѣ его иначе, какъ въ видѣ человѣка, непрерывно воруюшаго, очень часто излавливаемаго, заключаемаго въ участковый клоповникъ, и, по недостатку уликъ, обратно оттуда для воровства выпускаемаго. Словомъ сказать, если вѣрить классическимъ воззрѣніямъ, воръ есть членъ особенной касты, имѣющей резиденціей: въ Петербургѣ — въ домѣ Вяземскаго, въ Москвѣ — въ домѣ Шипова; человѣкъ, постоянно живущій подъ угрозой переломанія реберъ, ради кошелька, нѣрѣдко заключающаго въ себѣ не больше двухъ двугривенныхъ, и, не смотря на эту угрозу, безсознательно влекущійся къ этому кошельку, единственно во имя цѣлей, составляющихъ провиденціальное его назначеніе. На картинкахъ вора писали (и нынѣ нерѣдко такъ пишется) очень типично: въ подлой, запятнанной одеждѣ, въ рваныхъ сапогахъ, съ гнусной физіономіей, явственно говорящей о принадлежности къ низкому званію и испещренной ссадинами и синяками, съ понурыми взорами, хищнически устремленными на чужой карманъ, съ руками, свидѣтельствующими о цѣпкости и проворствѣ, которое было бы выше всякихъ похвалъ, еслибъ примѣнялось на пользу ближнему, и которое награждается карой закона и тумаками частныхъ лицъ, коль скоро примѣняется къ взлому запертыхъ помѣщеній. Таковъ классическій образъ вора, образъ до того незатѣйливый и строго опредѣленный, что самый простодушный изъ будочниковъ могъ прямо отыскать его въ толпѣ, взять за шиворотъ и вести въ участковый клоповникъ.

Классическія представленія о «мошенникѣ» хотя нѣсколько тоньше, но тоже далеко не исчерпываютъ всей полноты содержанія этого типа. Классическій «мошенникъ» уже смотритъ опрятнѣе. Онъ прилично одѣтъ и, судя по наружному виду,

успѣлъ выбиться изъ «простого званія». Вотъ уступка, которую сдѣлало классическое воззрѣніе относительно людей этой корпораціи. За то, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, мошенникъ такъ незрѣло, почти по дѣтски скомпонованъ, что питать къ нему довѣріе нѣтъ никакихъ средствъ. Увѣровать въ этого человѣка можетъ только или слѣпенькая старушка, которая любитъ, чтобъ ей оказывали небольшія услуги, безвозмездно, ради одной почтительности, или очень молоденькая дѣвица, только что кончившая культурное воспитаніе, для которой и то уже благо, что не успѣла она на улицу выйти, какъ ужь навстрѣчу ей кавалеръ идетъ. Но люди, маломальски одаренные здравымъ смысломъ, сейчасъ же замѣтятъ: а) что у мошенника платье, хотя и «хорошее», но все-таки поношенное, съ чужого плеча, б) что лицо у него, не безъ намѣренія, нарисовано на перекоски, и в) что ноги выгнуты колесомъ, ступни несоразмѣрно длинны, а руки безъ перчатокъ и красны, какъ у лапчатаго гуся. Сверхъ того, ни одинъ художникъ-классикъ никогда не отказывалъ себѣ въ удовольствіи надѣлить «мошенника» озирающимся видомъ, который такъ и говоритъ: а вотъ погодите, какую сейчасъ съ вами штуку съиграю. Очевидно, однакожь, что никакой штуки онъ не съиграетъ, ибо съ озирающимся видомъ и вывернутыми ногами никто его до большого дѣла не допуститъ. Напротивъ того, обыватель самый смирный и тотъ, насмотрѣвшись вдоволь на классическаго «мошенника», не только не устрашится, но улыбнется и скажетъ: хорошъ «мошенникъ», но это не тотъ, которому суждено когда-нибудь надуть меня!

Классическое представленіе о казнокрадѣ уже значительно полнѣе, и причина этому очень понятная: самое занятіе казнокрадствомъ предполагаетъ извѣстную внѣшнюю облагороженность. На картинкахъ, посвященныхъ изображеніямъ казнокрада, мы, по большей части, встрѣчаемъ жуира, съ полнымъ брюшкомъ, предвѣщающимъ толкъ въ кушаньяхъ и винахъ, съ заплывшими, но лукаво смѣющимися глазками, съ нѣсколько маслянымъ (все-таки признакъ подлаго происхожденія!), но открытымъ лицомъ, на которомъ написано безграничное гостепріимство. Вообще говоря, концепція эта и остроумна и не лишена жизненной правды; но все дѣло портитъ тотъ исключительно провіантско-комиссаріатскій характеръ, который слишкомъ уже густо ложится но всю обстановку

картины. Зачѣмъ, напримѣръ, эти лампадки, которыя горятъ передъ образами въ дорогихъ окладахъ? зачѣмъ этотъ уголъ окованнаго сундука, выглядывающій изъ глубины картины? зачѣмъ эти ключи, которыми вооружены руки казнокрада, въ знакъ того, что онъ сейчасъ только опустилъ украденное сокровище на дно сундука, и теперь благодаритъ своего Создателя за ниспосланный ему насущный хлѣбъ? Все это, коли хотите, довольно затѣйливо, а быть можетъ, даже и умно, но умно какъ-то по дѣтски. Вамъ нужно видѣть всего человѣка, а вы видите только профессіональную, провіантскую его обстановку, да и то не всю, а только ту часть ея, за которую казнокрадъ несомнѣнно долженъ пойти подъ судъ. Невольно приходитъ на умъ вопросъ: неужели это кругленькое брюшко составляетъ необходимое послѣдствіе и какъ бы тавро казнокрадства? неужели этотъ человѣкъ только тѣмъ и занимается, что опускаетъ въ сундукъ украденное сокровище, и потомъ, совсѣмъ по дурацки, благодаритъ Создателя, держа въ рукахъ ключи? Нѣтъ, это не такъ. Навѣрное, у него есть семейство, въ которомъ онъ являетъ себя примѣрнымъ мужемъ и отцомъ, есть начальники, относительно которыхъ онъ являетъ себя примѣрнымъ исполнителемъ предначертаній и почтительнымъ подчиненнымъ; есть подчиненные, между которыми въ двухъ словахъ сложилась его репутація: строгъ, но справедливъ; есть пріятели, быть можетъ, даже вовсе не причастные казнокрадству, которые его любятъ, потому что онъ, во всякое время, готовъ «одолжить». Наконецъ, онъ служитъ гласнымъ въ городскомъ или земскомъ собраніяхъ, состоитъ членомъ благотворительныхъ обществъ, и во всѣхъ этихъ собраніяхъ и обществахъ его мнѣніе имѣетъ вѣсъ, какъ согласное съ обстоятельствами дѣла и притомъ почти всегда либеральное. Конечно, *должны быть* у него минуты, когда онъ прячетъ украденное сокровище, но, во-первыхъ, для этого, по нынѣшнему времени, совсѣмъ не нуженъ окованный сундукъ, а во-вторыхъ, это именно только *минуты*, и притомъ до того исключительныя, что ихъ-то, навѣрное, никто у него подмѣтить не могъ. Странное дѣло! даже жена казнокрада досконально не знаетъ, откуда идетъ добыча и какъ она велика, и только догадывается, что Богъ нѣчто послалъ, а художникъ, изволите видѣть, все видитъ и знаетъ! Да и не только думаетъ,

что знаетъ, а такъ-таки прямо и рекомендуетъ почтеннѣйшей публикѣ: вотъ дескать, человѣкъ, который сейчасъ укралъ!

Такая простота въ обращеніи съ внутреннимъ естествомъ человѣка свидѣтельствуетъ о несомнѣнной и великой простотѣ нравовъ. Времена процвѣтанія классическихъ традицій, очевидно, совпадали съ миѳологическимъ золотымъ вѣкомъ, когда, съ одной стороны, не существовало науки о томъ, какъ на обухѣ рожь молотить, а съ другой — не было ни выкупныхъ свидѣтельствъ, а слѣдовательно и поврежденія нравовъ, ни вольной продажи сивухи, а слѣдовательно и поврежденія умовъ. Мошенники дѣйствовали просто, то есть ловили обывателей арканами и ихъ столь же просто брали тогдашніе будочники за шиворотъ и отправляли въ часть.

Нынѣ хищничество всѣхъ видовъ и формъ (вотъ что значитъ примѣсь элемента «питомцевъ славы»: даже новое слово «хищникъ» придумали, взамѣнъ стараго и столь опредѣленнаго слова «воръ»!) до того усложнилось, или, лучше сказать, слилось съ всевозможными ремеслами, изъ которыхъ одни положительно ставятся въ примѣръ благонамѣренной дѣловитости, другіе же, хотя и не ставятся въ примѣръ, но слывутъ въ обществѣ подъ именемъ милыхъ шалостей — что даже очень тонкій наблюдатель врядъ-ли съумѣетъ въ точности опредѣлить, гдѣ кончается благонамѣренность и гдѣ начинается «хищничество». Я, по крайней мѣрѣ, ни мало не буду удивленъ, ежели будочники усомнятся, какъ имъ въ данномъ случаѣ поступать, т. е. брать-ли воровъ за шиворотъ, согласно указаніямъ дореформенной практики, или дѣлать подъ козырекъ, согласно съ правилами вѣжливости, установившимся вслѣдствіе вольной продажи вина? Въ самомъ дѣлѣ, это очень трудно, ибо все въ данномъ случаѣ запутано, темно, загадочно. Кто знаетъ, быть можетъ, въ образѣ какихъ-нибудь арканщиковъ, скрываются совсѣмъ не мошенники, а упраздненные іомудскіе и каракалпакскіе принцы (ихъ развелось такъ много, благодаря успѣхамъ русскаго оружія), которые, ловя арканами обывателей, выражаютъ этимъ способомъ тоску по родинѣ и утраченному величію? или, быть можетъ, это какіе-нибудь «питомцы славы», которые, во имя «славы», вчера размѣняли въ Москвѣ, въ гостинницѣ «Крымъ», послѣднія выкупныя свидѣтельства, а сегодня, преслѣдуемые тѣмъ же представленіемъ о «славѣ», нагрянули на беззащитныхъ обы-

вателей, дабы, обременивъ себя добычею (вѣдь всѣ заправскіе средневѣковые рыцари такъ поступали), вновь возвратиться въ гостинницу «Крымъ», и тамъ уже окончательно утонуть въ лучахъ солнца славы, то есть предварительно попасть въ острогъ, а оттуда, быть можетъ, и въ мѣста не столь отдаленныя?

Вотъ эта-то всесословность дѣйствій, предвидѣнныхъ такими-то статьями уложенія о наказаніяхъ, и представляетъ собой источникъ великой современной полицейской скорби. Дѣло идетъ не объ томъ, какъ поступить съ мошенникомъ низкаго званія, съ гнусною физіономіей и въ запятнанномъ пальто (какого можно и должно прямо брать за шиворотъ), а о томъ, какъ подойти къ тоскующему іомудскому принцу, о помолвкѣ котораго съ дочерью концессіонера Губошлепова надняхъ объявлено, или къ «питомцу славы», еще вчера дирижировавшему танцами на балу у предводителя дворянства?

Но этого мало: современное воровство, утративъ кастовый характеръ и страннымъ образомъ перепутавшись съ благонамѣренностью, пошло и еще далѣе, усложнилось до того, что сдѣлалось неосязаемымъ, не допускающимъ мысли ни о поличномъ, ни объ отвѣтчикѣ. Господа «арканщики» слишкомъ добры: ихъ арканы все-таки еще могутъ, отъ времени до времени, фигюрировать на столѣ вещественныхъ доказательствъ въ залѣ засѣданій суда; но, что сказать объ арканѣ духовномъ, который невидимо и недосягаемо паритъ надъ современнымъ человѣкомъ, и въ то же время самымъ реальнымъ и грандіознымъ образомъ заявляетъ о своихъ хищническихъ свойствахъ? кто этотъ новоявленный, загадочный «воръ»? какіе отличительные его признаки? какія мѣры представляетъ жизнь для обороны противъ него?

На эти вопросы ни современный судъ, ни современная жизненная практика, ни современное искуство просто-на-просто не даютъ никакого отвѣта. Судъ, хотя и выбрасываетъ ежедневно въ публику цѣлую массу фактовъ, но самъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствуетъ на основаніи классическихъ традицій, т, е. караетъ «мерзавца» завѣдомаго, и ни мало не разъясняетъ представленіе о «мерзавцѣ» невидимомъ, но всѣми явственно уже чувствуемомъ. Жизнь и искуство успѣли взбудоражить сомнѣнія, побудили въ современномъ человѣкѣ

чувство тупого безпокойства, но, въ концѣ-концовъ, тоже указали только на пустое пространство...

Классическія традиціи упразднены, какъ недостаточныя и, видимо, неудовлетворяющія современному уровню цивилизаціи, а новыхъ ученій о «новомъ воровствѣ» не издано, кромѣ развѣ упомянутаго выше ученія о томъ, какъ на обухѣ рожь молотить, каковое, однакожь, тоже въ счетъ нейдетъ, потому что признается не только не зазорнымъ, но и обѣщающимъ несомнѣнные прибытки для тѣхъ, кто принялъ твердое намѣреніе слѣдовать его указаніямъ. Такимъ образомъ, все утрачено: и надежда спокойно спать, положивши деньги на текущій счетъ, и руководящая нить въ различеніи мазуриковъ, которые украдутъ лишь *столько*, *сколько успѣютъ*, отъ такихъ, которые, какъ говорится, не оставятъ и синь-пороха, да сверхъ того заставятъ безплодно метаться и взывать: Господи! да чтожь это! да какимъ же это образомъ... все, все, все!

Воспитанный на лонѣ классицизма, я до сихъ поръ относился къ сословію воровъ поверхностно, и въ различеніи ихъ руководился исключительно наружными признаками. Я не боялся ни за мой кошелекъ, ни за мою шкатулку, ибо былъ увѣренъ, что покуда я живу въ мирѣ съ будочникомъ, который вообще мною завѣдуетъ — онъ оградитъ меня во всѣхъ путяхъ моихъ. Онъ знаетъ, говорилъ я себѣ, всѣхъ воровъ, нетолько по наружнему виду, но и по имени и отчеству, и стало быть, ежели воръ полѣзетъ ко мнѣ ночью въ окно, то онъ крикнетъ: Эй, Ванька! сегодня въ этомъ домѣ не воруй, а воруй вонъ тамъ, по сосѣдству! Но теперь, когда внѣшніе признаки перепутались и стерлись, когда воруютъ не по ночамъ, а среди бѣла дня, когда воръ-мошенникъ, какъ каста, пересталъ быть опаснымъ, а явился угрозой, въ видѣ тонкаго начала, насыщающаго атмосферу, когда сами будочники остановились въ недоумѣніи передъ величіемъ реформы, превратившей «питомца славы» въ «червоннаго валета» — признаюсь, я струсилъ!

Каждый день вынимаю я изъ шкатулки послѣднее мое выкупное свидѣтельство, смотрю на него и никакъ не могу взять въ толкъ, мнѣ-ли оно принадлежитъ, или какому-то Иксу, котораго я даже назвать по имени не могу. Мысль эта до такой степени мутитъ меня, что иногда просто хо-

чется, чтобъ у меня поскорѣе украли это злосчастное выкупное свидѣтельство. Вѣдь сравнительно, это все-таки болѣе благопріятный исходъ, нежели покончить жизнь въ духовномъ арканѣ, брошенномъ вѣрною, но невидимою рукою!

Представленіе объ этомъ духовномъ арканѣ, разжигаемое почти ежедневными повѣствованіями газетъ то о «червонныхъ валетахъ», то о банкротствахъ такихъ несомнѣнныхъ столповъ какъ Баймаковъ, Лури и проч., сдѣлалось до такой степени обыкновеннымъ, почти обязательнымъ, что незамѣтно вошло въ мой ежедневный обиходъ.

Я присутствую на балѣ, смотрю на выходки милыхъ молодыхъ людей, которые токъ ловко танцуютъ и такъ убѣдительно объясняютъ своимъ дамамъ, между второй и третьей фигурами кадрили, что прелюбодѣяніе есть одна изъ привлекательнѣйшихъ формъ современнаго общежитія — и не могу свободно отдаться наслажденію, которое возбуждаетъ во мнѣ и эта ловкость, и эти умные разговоры, и этотъ соединенный блескъ свѣчей и женскихъ бюстовъ. Мысль, что у меня лежитъ въ карманѣ бумажникъ, и что покуда я зѣваю по сторонамъ, а этотъ очаровательный юноша дѣлаетъ въ пятой фигурѣ соло, онъ, этотъ бумажникъ, словно волшебствомъ можетъ очутиться совсѣмъ въ другомъ карманѣ — эта горькая мысль отравляетъ всѣ мои радости. Конечно, я не только не имѣю прямыхъ основаній указать на кого-либо изъ этихъ обворожительныхъ молодыхъ людей, какъ на причину этой отравы, но даже самому себѣ сознаться въ своей подозрительности стыжусь — но и за всѣмъ тѣмъ, не могу унять расходившагося чувства самосохраненія, не могу не страдать! И зачѣмъ только я этотъ бумажникъ съ собой бралъ! въ сотый разъ мысленно укоряю я себя: — оставилъ бы его дома... Но вѣдь и дома... ахъ, какъ отлично поддѣлываютъ нынче ключи! точно ассигнаціи или векселя: и не узнаешь фальшиваго отъ настоящаго!

Другой случай. Я прихожу въ казанскій соборъ, съ твердымъ намѣреніемъ испросить себѣ «ангела вѣрна», безъ котораго, по нынѣшнему строгому времени,шагу ступить нельзя. Но едва начинаю я заводить глаза и отлагать житейское попеченіе, какъ рядомъ со мной становится почтеннаго вида мужчина, на котораго я невольно заглядываюсь. Онъ такъ благообразенъ въ ореолѣ своихъ сѣдинъ, такъ скромно во-

шелъ въ божій храмъ и сталъ на мѣсто,такъ смиренно поклонился на всѣ стороны,такъ вкусно сотворилъ первое крестное знаменіе и затѣмъ съ такимъ сердечнымъ сокрушеніемъ палъ на колѣна, что я просто-на-просто думаю: вотъ милый старикашка! чай, и грѣхи-то у него куриные, а онъ такъ безпокоитъ себя! Подумавши это, я конечно, вновь обращаюсь къ молитвѣ, и помаленьку опять начинаю отлагать житейское попеченіе. И вдругъ, чувствую,что меня что-то кольнуло въ бокъ. Въ сущности, однакожъ, меня ничто не кольнуло, а только вспомнилось, что въ карманѣ моемъ лежитъ бумажникъ. Опять эта проклятая идея! И гдѣ же, въ виду кого! Въ виду этого почтеннаго благообразнаго убѣленнаго сѣдинами мужчины, который... Каюсь: я сто разъ, тысячу разъ неправъ; но развѣ терзанія, которыя я въ эту минуту испытываю, не служатъ достаточнымъ возмездіемъ за несправедливыя подозрѣнія, которыя родились во мнѣ при видѣ благоговѣйно склонившагося старца?

Третій случай. Я сижу въ итальянской оперѣ, и, въ ожиданіи поднятія занавѣса, думаю: такъ какъ мы, «питомцы славы», рождены для вдохновеній, то ужъ теперь-то я до-сыта наслушаюсь соловьиныхъ трелей, которыя изведутъ мою душу изъ темницы поскудной дѣйствительности и перенесутъ ее въ міръ «сладкихъ звуковъ и молитвъ». Но едва раздались первые аккорды увертюры, какъ я уже ощущаю безпокойство, сначала смутное, а потомъ все болѣе и болѣе отчетливое, и опять-таки преимущественно сосредоточивающееся около того пункта, гдѣ находится мой бумажникъ. Я начинаю озираться (вотъ кому приличествуетъ озираться, господа классики! не мошеннику, а тому, который имѣетъ основаніе трепетать передъ мошенникомъ!), я не могу спокойно усидѣть на мѣстѣ и безпрестанно вглядываюсь въ физіономіи моихъ сосѣдей по креслу. Я отлично понимаю, что въ эту минуту и въ этомъ мѣстѣ бояться мнѣ нечего — и все-таки боюсь. Не реальнаго чего-нибудь, а волшебства. Зачѣмъ я *его* взялъ съ собой! тоскливо спрашиваю я себя: — вѣдь здѣсь нуженъ только двугривенный, чтобъ отдать за сохраненіе шубы... и эта шуба! ахъ, эта шуба, гдѣ-то она теперь?! Между тѣмъ, аккорды, одинъ другого слаще, слѣдуютъ своимъ чередомъ. Занавѣсъ безшумно взвивается и цѣлый громъ рукоплесканій возвѣщаетъ, что началось производство трелей. Но я ничего не слышу, все ду-

маю: а что, если этотъ старичекъ, у котораго глаза бѣгаютъ и носъ крючкомъ — что̀, если онъ и есть тотъ самый волшебникъ и магъ который въ совершенствѣ постигъ тайну обращать чужіе кредитные рубли въ старую газетную бумагу, и наоборотъ, свою собственную газетную бумагу — въ кредитные рубли? Гонимый этою мыслію, я съ трудомъ досиживаю до конца перваго дѣйствія и едва успѣваетъ застыть въ воздухѣ послѣдняя трель, какъ я уже вскакиваю съ кресла и бѣгу въ корридоръ: шуба! гдѣ моя шуба?!

Наконецъ, четвертый случай: я захожу въ гастрономическую лавку. Я облюбовалъ фунтъ сёмги и фунтъ винограду, товаръ мой уже свѣшанъ и завернутъ, остается, стало быть, заплатить и уйти. Но едва протянулась моя рука къ карману, въ которомъ лежитъ мой бумажникъ, какъ я припоминаю, что мнѣ слѣдуетъ уплатить всего какихъ-нибудь рубль пятьдесятъ копѣекъ, а въ бумажникѣ у меня цѣлыхъ сто рублей. Между тѣмъ, въ лавкѣ людно, одинъ покупатель смѣняетъ другого, во всѣхъ углахъ раздается чавканіе, и нѣтъ никакой надежды, чтобъ этотъ гомонъ хоть на минуту перемежился. Я тревожно всматриваюсь въ пеструю толпу, и рѣшительно ничего не могу различить. Всѣ люди какъ люди, у всѣхъ лица одинаково напоминаютъ стертые пятиалтынные стараго чекана, ни на одномъ не написано: сія физіономія принадлежитъ вору, но ни на одномъ, однакожь, не видно и яснаго ручательства, что чужой кошелекъ — святыня! И вотъ, я рѣшаюсь выжидать, пока толпа отольетъ; жду полчаса, жду часъ. Это становится на столько оригинальнымъ, что прикащики начинаютъ отъ времени до времени взглядывать на меня, а одинъ даже довольно развязно напоминаетъ: вотъ, господинъ, ваша покупка! Но я все еще крѣплюсь, перехожу отъ одного лакомства къ другому, словно надумываюсь, что̀ бы еще купить, какъ вдругъ въ публикѣ происходитъ шопотъ, и до ушей моихъ долетаетъ странное слово, отъ котораго краска бросается мнѣ въ лицо. Наконецъ, старшій прикащикъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Господинъ! коли, ежели вы дѣйствительно... такъ извольте взять ваши покупки *за благодарность*! и пожалуйте въ слѣдующій магазинъ!

Представьте себѣ! и публика, и прикащики приняли меня за шш... то-бишь за члена торговой полиціи!

Положимъ, что моя подозрительность преувеличена до болѣзненности, положимъ, что подъ вліяніемъ процесса московскаго ссуднаго банка и разсказовъ о подвигахъ «червонныхъ валетовъ» я сдѣлался нервенъ и раздражителенъ, но вѣдь не все же въ моихъ опасеніяхъ представляется плодомъ разстроеннаго воображенія! есть же и въ нихъ какое-нибудь реальное основаніе, коль скоро они до того неотступно преслѣдуютъ меня, что доводятъ почти до состоянія ясновидѣнія! Да и одного ли меня? О, ты, читающій эти строки, ты, отъ рожденія своего безпечно думавшій, что жизнь среди «питомцевъ славы» навсегда освобождаетъ тебя отъ обязанности запираться на ключъ и спускать шторы, всякій разъ, какъ приходится вынимать деньги на расходъ кухаркѣ — развѣ не вопіялъ ты, на всѣ лады: караулъ! унесли! — когда, подобно трубному звуку, разразилась надъ тобой вѣсть о крушеніяхъ московскаго банка, Баймакова, Лури и проч.? Развѣ не метался ты, восклицая въ безсильномъ недоумѣніи: да какъ же это! да неужто же въ самомъ дѣлѣ! да почему же, наконецъ, правительство, начальство, полиція?!.. Не клялся-ли ты, что впредь никогда, никогда...

Да, основаніе для опасеній есть, и притомъ не фиктивное, а вполнѣ реальное. Спрашивается, однакожь: въ какомъ положеніи долженъ находиться принципъ собственности, когда со всѣхъ сторонъ несется одинъ и тотъ же вопль, когда одинъ и тотъ же трепетъ обуялъ всѣ сердца? Что онъ посрамленъ и поруганъ — въ этомъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія, но что всего жестче, онъ посрамленъ и поруганъ не одними «червонными валетами», но и мною съ тобой, благосклонный читатель. Ибо и мы съ тобою не по поводу принципа собственности вопіемъ и мечемся, а исключительно по поводу того, что *у насъ* украли столько-то рублей. Такъ что если бы *у насъ* украли въ десять разъ меньше, мы въ десять разъ меньше же метались бы, а если бы украли только гривенникъ, то, пожалуй, даже и пошутили бы: вотъ такъ дуракъ! на гривенникъ польстился! А вѣдь, по настоящему-то, это не такъ; по настоящему, мы должны метаться не только за себя и за други своя, но и преимущественно за принципъ. Вотъ какъ мечутся, напримѣръ, прокуроры — безмездно, но въ чаяніи получить повышеніе, и адвокаты гражданскихъ истцовъ — за опредѣленное, по цѣнѣ иска, вознагражденіе.

Предположимъ, впрочемъ, что принципъ собственности еще какъ-нибудь да прорвется сквозь облаву, устроенную «червонными валетами», и найдетъ себѣ охрану въ сводѣ законовъ (вѣдь тамъ, собственно говоря, и находится дѣйствительное его мѣстожительство), но что навѣрное и на многіе годы останется посрамленнымъ и лишеннымъ всякой охраны — это человѣческая мысль, додумавшаяся, подъ гнетомъ испуга, до серьезнаго убѣжденія, что отнынѣ вся задача человѣческаго существованія должна быть сосредоточена на защитѣ рубля.

Вопли, наполняющіе вселенную, по поводу волшебныхъ исчезновеній рубля, не только назойливы своимъ однообразіемъ, но и прямо поскудны. Мало того, что у меня «отнимаютъ», но еще заставляютъ ломать голову надъ вопросомъ: откуда наскочило это отнятіе? Да и этого мало: положительнымъ образомъ удостовѣряютъ, что завтра и повторится тотъ же процессъ отнятія, а за нимъ и опять послѣдуютъ тѣ же тщетныя усилія выбиться изъ-подъ гнета вопросовъ: какъ, зачѣмъ, почему? И такимъ образомъ будто бы пройдетъ вся жизнь. Эти скверные вопросы оцѣпили все мое существованіе, взяли въ полонъ мою душу, отучили меня мыслить, отбили отъ дѣла, отъ всего, что сообщало моей жизни маломальски порядочный смыслъ. Я маленькій человѣкъ, но если мнѣ суждено съ каждымъ днемъ все больше и больше сокращать мою порцію, то я хочу, по крайней мѣрѣ, знать, ради чего наслано на меня это насильственное сокращеніе и какъ называется та бездна, которая притягиваетъ къ себѣ всѣ соки и ничего назадъ не отдаетъ?

Да, это именно бездна, а не лично тотъ или другой «червонный валетъ». «Червонный валетъ» подвернулся тутъ только для прилику, какъ corpus delicti, къ которому можно привязаться, чтобъ отвести глаза и приличнымъ образомъ выйти изъ затрудненія. Съ единичнымъ червоннымъ валетомъ не трудно управиться (да и управляются: всѣ мѣста не столь отдаленныя кишатъ этою новою человѣческою разновидностью), но противъ *неумирающаго червоннаго валета* — я безсиленъ. Въ виду этой неумираемости, я долженъ сложить оружіе. Ибо я не могу *существовать*, если въ умѣ моемъ безвыходно мечется мысль, что на меня ежеминутно откуда-то надвигается нѣчто загадочное, непредвидѣнное, могущее въ конецъ меня подорвать. Я не могу ни предусматривать, ни производить, ни

накоплять, ни распредѣлять — зачѣмъ? для чего? Къ чему ведутъ всѣ извороты и усилія ума, на что нужно трудъ, талантъ, аккуратность, умѣренность, если завтра, сейчасъ, черезъ мигъ покажется изъ-за угла медузина голова и...

Я знаю, что когда этотъ мигъ настанетъ, когда все уже совершится, тогда явится прокуроръ и приметъ мой хладный прахъ въ свое завѣдываніе. Онъ все взвѣситъ, все разберетъ и за все отомститъ. Отомститъ — кому? Лично вотъ этому червонному валету, который унесъ у меня столько-то рублей? Помилуйте! да неужто же я до того мелоченъ непонятливо золъ, чтобъ не уразумѣть, что во всей этой исторіи червонный валетъ ни при чемъ, что онъ только вещественный знакъ тѣхъ невещественныхъ отношеній, передъ которыми самыя похвальныя усилія прокуроровъ и ихъ товарищей разобьются, какъ волна разбивается о гранитный утесъ?

Но, допустимъ даже, что я мелоченъ и золъ, и что личная месть могла бы удовлетворить меня, однако, и этотъ крохотный результатъ едва-ли ужь такъ несомнѣнно-достижимъ, какъ это можно предположить съ перваго взгляда. Легко сказать: прокуроръ отомститъ, но вѣдь не соло же онъ будетъ выдѣлывать на судѣ, а выйдетъ навстрѣчу ему адвокатъ, вынетъ изъ кармана святое евангеліе (онъ ужь съ недѣлю назадъ его въ синодальной лавкѣ купилъ, и все рылся: плевелы... плевелы... плевелы... а! вотъ, наконецъ, нашелъ!) и проклянетъ часъ своего рожденія, убѣждая вселенную вообще и господъ присяжныхъ въ особенности, что истинный виновникъ постигшаго меня умертвія, не сей «питомецъ славы», велѣніями судебъ, превратившійся въ червоннаго валета, а я самъ, дуракъ и простофиля, введшій его въ соблазнъ.

Кто устоитъ въ неравномъ боѣ?

III.

Тоска! некуда дѣваться, не къ чему приступиться, не объ чемъ думать! Стучаться въ запертую дверь — безплодно; ломиться въ нее — надорвешь силы. Вышла было линія — воровать, да и та повернулась не на пользу, а по направленію къ скамьѣ подсудимыхъ. Даже коренные, прожженные хищники и тѣ удивляются: воруютъ, а никакъ-таки наворованное

къ рукамъ пристать не можетъ — все, словно сквозь сито, такъ и плыветъ, такъ и плыветъ... куда?

— У меня, братъ, третьяго дня деньги унесли, говорю я, вмѣсто привѣта, входящему ко мнѣ Глумову.

— А у меня — вчера унесли, привѣтствуетъ меня и онъ въ свою очередь.

— У меня Сидоръ Кондратьичъ унесъ, а у тебя кто?

— У меня? а прахъ ихъ знаетъ! Говорятъ на Ивана Иваныча, да я не вѣрю. Впрочемъ, и ты, любезный другъ, на Сидора-то Кондратьича клевещешь, кажется.

— Какъ, клевещу! Сказываютъ, что за день передъ тѣмъ, какъ объявиться, онъ сто тысячь унесъ, веселый такой былъ!

— Не въ томъ дѣло. Вѣдь и мой Иванъ Иванычъ третьяго дня уйму денегъ унесъ, а сегодня все-таки ни ему, ни семьѣ его жрать нечего!

— Чортъ знаетъ, однако, что ты говоришь! Куда же онъ деньги дѣвалъ?

— Угадай, любезный, подумай! Ты вѣдь любишь помечтать на тэму: кабы у бабушки... ну, и потрудись!

— Да и тебѣ, пожалуй, не мѣшаетъ подумать!

— Нѣтъ, братъ, я давно ужь думать оставилъ. Живу просто... ну, живу — и шабашъ!

Глумовъ остановился противъ меня, пристально взглянулъ мнѣ въ глаза, и запѣлъ: ah! ah! que j'aime, que j'aime les milimilimilitairrrres!

— Вотъ какъ я ныньче живу! прибавилъ онъ: — и вчера въ «Буффѣ» былъ, и сегодня Гранье пойду слушать! Люблю, братецъ я, люблю эту французскую безпардонность, ибо подобіе земного нашего странствія въ ней вижу!

Но шутка Глумова даже улыбки не вызвала на мое лицо. Я человѣкъ аккуратный и счетъ деньгамъ знаю. Сверхъ того, я понимаю (очень многіе этого не понимаютъ, а женщины — сплошь и рядомъ), что если у меня нѣтъ въ карманѣ расходныхъ денегъ, то мнѣ, пожалуй, и обѣдать не дадутъ. Такъ что, ежели я, проснувшись утромъ, замѣчаю исчезновеніе дроби, которую я наканунѣ вечеромъ считалъ закономъ предоставленною мнѣ собственностью, то это меня огорчаетъ. А тутъ, представьте себѣ, не дроби, а прямо цѣлыя числа пропадаютъ, обращаются въ нули — каково же должно быть мое огорченіе! Да вдобавокъ еще, начнешь жаловаться, вопіять — а

тебѣ въ упоръ плоскія шутки отпускаютъ, говорятъ, что Сидоръ Кондратьичъ здѣсь ни при чемъ! Вѣдь покуда я былъ увѣренъ, что третьеводнишнія мои деньги именно Сидоръ Кондратьичъ укралъ — все-таки какъ-то легче мнѣ было. Думалось: можно будетъ и поприжать молодца! посидитъ съ мѣсяцъ въ Тарасовкѣ (я ужь въ общую складчину и на кормовыя пожертвовалъ) — смотришь, анъ копѣечекъ по десяти и выдавитъ изъ себя! А еще съ мѣсяцъ посидитъ — и еще по десяти копѣечекъ выдавитъ! Помаленьку да полегоньку, да съ Божьею помощью, въ одномъ мѣстѣ давнутъ, въ другомъ діагностику сдѣлаютъ — гляди, полтина-то и набѣжала! Полтина... вѣдь это почти что кушъ! Полтина... гм... однакожь, только полтина! а другая-то полтина куда же дѣвалась?

Должно быть, много скорби вылилось на моемъ лицѣ подъ вліяніемъ этихъ думъ (въ особенности же послѣдней), потому что даже черствое сердце Глумова тронулось моимъ горемъ.

— Копилъ, чай? сказалъ онъ голосомъ, полнымъ участія.

— Какъ же, братецъ! Жена, дѣти... предусматривалъ тоже... чортъ знаетъ что такое! Теперь пристаютъ: вотъ, папаша, всегда вы такъ дѣлаете! А прежде приставали: папаша! да отъ чего же вы Сидору Кондратьичу вашихъ денегъ не отдадите? вѣдь онъ на текущій счетъ изъ восьми процентовъ беретъ!

— Да, другъ, понимаю я это: тяжко! Давича утромъ, ни свѣтъ ни заря, ко мнѣ совсѣмъ неизвѣстный генералъ прибѣжалъ; я еще спалъ, такъ разбудить велѣлъ. Выхожу: что вашему превосходительству угодно? спрашиваю. — Помилуйте! говоритъ, дѣдушка мой копилъ, батюшка покойникъ копилъ, я самъ... да-съ самъ-съ! копилъ-съ! И вдругъ какой-то проходимецъ въ одну минуту все это въ трубу выпустилъ! И весь, знаешь, трясется, брызжетъ, руками машетъ! до Государя, говоритъ, дойду! — Жаль, говорю, что ваше превосходительство такъ, въ одинъ мигъ... да я-то тутъ при чемъ?—А вы, говоритъ, тоже въ числѣ кредиторовъ значитесь, такъ неугодно-ли на кормовыя пожертвовать, чтобъ ему, негодяю, впредь не повадно было?

— Ты... подписалъ?

— И не подумалъ. Ивана-то Иваныча — въ долговое?! Этакого умнѣйшаго, обстоятельнѣйшаго... словомъ сказать, финансиста?! Вѣдь я, десять лѣтъ сряду, въ него, какъ въ Провидѣніе, вѣровалъ! въ церковь не ходилъ — все къ нему!

шептался съ нимъ! перемигивался! душу передъ нимъ выкладывалъ! Иной разъ на сотню выложишь, въ другой — на цѣлую тысячу! И чтобъ я сталъ мины подъ этого человѣка подводить! Напротивъ! я все утро сегодня убѣждалъ, что первый нашъ долгъ — объ семьѣ его позаботиться... и убѣдилъ!

— Ну, нѣтъ! мы своего Сидора Кондратьича запрятали-таки. И я на кормовыя подписался.

— Чтожь — и это ничего! правильно! Вы — «правильно» поступили, а мы — великодушно! но ни мы, ни вы одинаково ничего не получимъ. За то, кабы ты видѣлъ, какой въ немъ, въ Иванѣ-то Иванычѣ, переворотъ вдругъ сдѣлался, когда онъ объ рѣшеніи-то нашемъ узналъ! Все воровство вдругъ соскочило, одно просвѣтленіе осталось! И слезы-то, и смѣется-то, и губы трясутся, и кланяется (руки, однако, не протягиваетъ: понимаетъ, что недостоинъ!), и лепечетъ... Все! говоритъ, вся моя жизнь, все до послѣдней капли крови — все отнынѣ принадлежитъ кредиторамъ! И ежели, говоритъ, я всего, до послѣдней копѣйки... о, Господи!

— Тсс... А кто его знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ отдастъ!

— Нѣтъ, ужь, что ужь! Я, братъ, говорилъ съ нимъ объ этомъ. Вотъ, говорю, дружище, въ новую жизнь вступаешь!— Въ новую говоритъ.—Вѣдь это говорю, все равно, что снова съ коллежскаго регистратора начинать... трудно! А впрочемъ, не ропщи, ежели съ усердіемъ да съ терпѣніемъ — пожалуй, и опять въ тайные совѣтники произведутъ!—Ахъ, говоритъ не для себя я, а для господъ кредиторовъ... Господи! кабы только силы да разумѣнія!.. И вдругъ — опять слезы, опять губы трясутся, опять просвѣтленіе.—Отдашь? говорю.—Вотъ какъ передъ Истиннымъ!.. какъ на исповѣди, такъ и теперь... послалъ бы только Богъ силы да разумѣнія...—Ну, да ужь гдѣ! не отдастъ — это вѣрно. Губы онъ какъ-то облизываетъ, и глазами врозь смотритъ, когда у Бога силы и разумѣнія проситъ. Да и не разсчетъ вѣдь ему отдавать-то!

— А ты увѣренъ, что у него ничего не спрятано? что семьѣ его, дѣйствительно, нечего ѣсть?

— Куска нѣтъ — вѣрное слово тебѣ говорю. Я и объ этомъ съ нимъ разговоръ имѣлъ. — Кудажь, братецъ, ты деньги дѣвалъ? спрашиваю. — Ну и онъ тоже меня спрашиваетъ: А вы вѣрите, говоритъ, что я честный человѣкъ? — Вѣрю, го-

ворю. — Такъ вотъ, говоритъ, суди меня Богъ и Государь, ни копѣйки у меня на совѣсти нѣтъ! — Подумай однако, говорю, можетъ, и вспомнишь! — Ничего я не вспомню, и не знаю, и не понимаю! на неосторожность сослаться — не могу, потому что я всегда достаточно остороженъ былъ. Мотать тоже не моталъ, такъ чтобъ ужь слишкомъ... Извѣстно, квартира была, экипажъ держалъ... ну, повара нанималъ! Сами посудите, при моихъ дѣлахъ — какъ же иначе?

— Да, иначе нельзя! Онъ вѣдь на биржу ѣздилъ, дѣйствительныхъ статскихъ кокодесовъ обѣдами кормилъ — нельзя безъ обстановки ему обойтись!

— Вотъ ты и суди! Ни неосторожности, ни мотовства — а въ трубу вылетѣлъ! И даже самъ не можетъ объяснить, куда все подѣвалось!

— Ну, онъ-то знаетъ!

— Говорю тебѣ, не знаетъ. Онъ, братъ, вѣдь глупъ. Вотъ мы съ тобой и досужіе люди, а въ центру попасть не можемъ — такъ ему ужь куда! Онъ всю жизнь, словно во снѣ прожилъ, благо въ заведенное колесо попалъ. Сегодня на биржу, завтра на биржу, сегодня — купить-продать, завтра— купить-продать: вотъ и премудрость его вся. Мысли — никакой, итоги — по двойной бухгалтеріи сведены. Такъ-то, братъ!

— Чудеса!

— Такія чудеса, что вотъ я, человѣкъ ужь искушенный, возьму въ руки рубль, и не разберу, что у меня: полтинникъ, четвертакъ, или кусочекъ третьеводнишней афишки. Покажешь извощику — тотъ увѣряетъ: рупь! Ну, и слава Богу!

— Да, извощики покуда еще выручаютъ. Крѣпкій это народъ, достовѣрный!

— Кнутъ имъ Богъ въ руки далъ — вотъ они и думаютъ, что не кормя, на одномъ кнутѣ, и ни вѣсть куда доѣдутъ!

— И доѣдутъ. Потихоньку да полегоньку, тутъ подпругу подтянутъ, въ другомъ мѣстѣ шлею подправятъ, въ третьемъ — просто хвосты подвяжутъ: эй вы, соколики!

Сказалъ я это, и задумался. «А какъ вдругъ, со всѣхъ четырехъ ногъ...» внезапно представилось мнѣ, да такъ живо представилось, что со всѣми подробностями, во всей, такъ сказать художественной образности. И круча, и слабосильныя разбитыя лошади, несущіяся во весь карьеръ, и гнилой мо-

стишко впереди и оврагъ... «Угодятъ онѣ на мостъ, или не угодятъ?» словно молнія блеснуло передъ моими глазами, и я совершенно явственно ощутилъ, какъ волосы шевельнулись у меня на головѣ.

— Что̀ задумался? пари держу, что образъ какой-нибудь художественный сію минуту воспроизвелъ? прервалъ Глумовъ мою художественную производительность.

— Помилуй! съ какой стати!

— Чего ужь — вижу вѣдь я! И руками уперся, и напружился, весь корпусъ въ комо̀къ собралъ... боишься?

— Да какъ бы тебѣ сказать...

— То-то я вижу, что ты словно изловчаешься, какъ бы головой объ столбъ не угодить... Ничего, братъ, Богъ милостивъ!

— Милостивъ-то милостивъ, а денегъ намъ все-таки не отдадутъ. Плакали наши денежки! И куда онѣ дѣвались... Господи! да кудажь онѣ, въ самомъ дѣлѣ, дѣвались?

— Куда все прочее дѣвается, туда и онѣ. Вотъ ты, конечно, струсберговскій процессъ читалъ — понялъ что-нибудь?

— Гм... да... нѣтъ, воля твоя, а у Ландау денежки есть!

— Ты какъ объ этомъ узналъ?

— Должны быть у Ландау деньги, должны! Полянскій — тотъ заплакалъ, а Ландау... есть у него деньги! есть! Это... это, я тебѣ скажу... Вотъ какъ теперича день на дворѣ, такъ и это... Нѣтъ, этакъ нельзя!

Я разгорячился и вскочилъ съ мѣста. Коварство Ландау было такъ очевидно, такъ осязательно, что фигура его, подробно описанная газетными репортерами, такъ и металась у меня передъ глазами. Полянскій — тотъ, по крайней мѣрѣ, заплакалъ, а Ландау...

— Нельзя такъ! нельзя! нельзя! нельзя! почти грозно восклицалъ я.

— Чудакъ ты, братецъ! Вдругъ закричалъ, точно изъ ляписнаго раствора промывательное ему поставили! А ты образумься, пойми! вѣдь и у твоего Сидора Кондратьича, небось, на молочишко осталось, такъ чтожь: копѣечку что-ли на рубль тебѣ получить хочется?

— Нѣтъ, тутъ не объ копѣечкѣ рѣчь, а о принципѣ! Нельзя такъ! нельзя!

— Нельзя да нельзя — что̀ нельзя-то?

— Воровать нельзя! запрещается воровать! Да-съ, запрещается-съ!

— Запрещается — а воруютъ! Нѣтъ ужь ты выйди лучше на площадь, закричи «караулъ» — можетъ, и полегчитъ!

Слова эти какъ-будто отрезвили меня, но не вдругъ, однако. Нѣкоторое время, утроба моя еще колыхалась, и я совершенно явственно слышалъ, какъ въ ней урчало: нельзя! Но такъ какъ я человѣкъ впечатлительный, то минуты черезъ двѣ мнѣ ужь самому казалось нѣсколько страннымъ, съ чего я вдругъ такъ разгорячился. Какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ до того ужь меня ущемило отъ того, что надняхъ какія-нибудь три-четыре цифры, по недоразумѣнію, обратились въ нули! Пожалуй, со стороны могутъ еще подумать, что я жадный... Я-то жадный! Я-то!.. да вотъ у меня выкупное свидѣтельство осталось— два ихъ было, да одному Сидоръ Кондратьичъ на дняхъ другое назначеніе далъ — ну, хотите, я это самое выкупное свидѣтельство сейчасъ же, сію минуту...

На мое счастіе, Глумовъ прервалъ теченіе моихъ мыслей и не далъ совсѣмъ уже созрѣвшему порыву самоотверженія вылетѣть изъ груди.

— Ну вотъ, теперь у тебя восторженность какая-то въ лицѣ явилась, сказалъ онъ: — опять, должно быть, художественную картину воспроизвелъ!

— Ахъ, отстань, пожалуйста! преотвратительная это у тебя привычка — выраженіе лица подглядывать!

— Зачѣмъ подглядывать — прямо видно! Пари держу, что еще минута, и ты закричалъ бы: «человѣкъ! шампанскаго!» Ну-ну, не сердись, не буду! Ты объ «червонныхъ валетахъ» имѣешь понятіе?

— Знаю.

— Такъ вотъ, по моему, отличнѣйшій наглядный примѣръ. Полянскій, Ландау — это, положимъ, загадочные люди, а въ «червонныхъ валетахъ» даже загадочности никакой нѣтъ. Все извѣстно: и сколько наворовали и гдѣ сколько истратили—все есть! Только одного не видать: какимъ образомъ тысячные документы въ десятирублевыя бумажки превращались.

— Ну, какъ не видать?

— Именно не видать. Укралъ онъ, положимъ, облигацію, или документъ въ тысячу рублей выманилъ — ну, извѣстно, первымъ долгомъ въ трактиръ навѣдался, документъ за бу-

фетъ размѣнять послалъ, просидѣлъ три-четыре часа за полштофомъ — смотритъ, анъ у него въ рукѣ только десятирублевая бумажка зажата! Ну, и опять, стало быть, завтра воровать надо!

— Наѣлъ да напилъ, можетъ быть?

— Нѣтъ, и этого не было, потому что у нихъ вѣдь водка главную роль играетъ — куда же тутъ тысячу рублей разсорить! А такъ вотъ: одинъ взялъ съ него куртажные, другой — за «поворованное» учелъ (какъ прежде за постоялое, да за полежалое брали), третій — за то взялъ, что у такихъ парней и Богъ не велѣлъ много денегъ оставлять, четвертый — за то, что воровъ князьями да графами величалъ, пятый — за то, что въ участокъ не препроводилъ... Такъ она и разошлась вся, тысяча-то, словно невидимый духъ ее разнесъ.

— Да, но ты все-таки можешь объяснить себѣ, куда она разошлась. Эти первый, второй, третій, которыхъ ты сейчасъ назвалъ — все-таки они воспользовались!

— Нѣтъ, и они не воспользовались, потому что и съ каждымъ изъ нихъ та же исторія завтра повторится. Опять пойдутъ и куртажные, и за «поворованное» и за величаніе... А послѣ завтра, ужь съ тѣхъ возьмутъ, которые вчера взяли... И выйдетъ на повѣрку, что изъ тысячи-то рублей, на сто, много на двѣсти пропито да проѣдено, а прочее все на различныя невещественныя статьи изведено.

— Такъ что въ результатѣ окажется, что воръ для того только и воруетъ, чтобъ издержки воровства покрыть? Это что-ли ты хочешь сказать?

— Именно. А сверхъ того, еще и то, что ежели бы воры понимали, изъ-за какой малости они безпокоятъ себя, такъ, право, девять десятыхъ изъ нихъ давно бы эту привычку кинули.

— Да ты никакъ даже жалѣешь ихъ?

— Да, заправскихъ воровъ, тѣхъ, которые, со взломомъ или безъ взлома, но во всякомъ случаѣ рискуютъ своими боками и заранѣе знаютъ, что не попасть имъ въ мѣста не столь отдаленныя нельзя — тѣхъ жалѣю. А объ тѣхъ, которые крадутъ невидимо, которые занимаются только тѣмъ, что мой рубль, съ Божью помощью, обращаютъ въ полтинникъ — объ тѣхъ ничего не говорю: еще не вникъ.

— А, по моему, такъ и въ заправскомъ ворѣ ничего достойнаго симпатіи нѣтъ.

— Ремесло у него тяжелое — вотъ что. Украсть на полтинникъ, а измучаться на сто рублей — развѣ это не каторга? Особливо, ежели кто еще не забылъ, что онъ въ благородномъ пансіонѣ воспитаніе получилъ.

— Напримѣръ, твой Иванъ Иванычъ?

— А какъ бы ты думалъ! Вотъ я тебѣ давеча говорилъ, что у него даже руку кредиторамъ подать смѣлости не хватаетъ! у него, которому не дальше, какъ третьяго дня, стоило только пальцемъ поманить, чтобъ вся эта ватага, сложивши на груди руки крестомъ, въ умиленіи внимала, какъ онъ, понюхивая табачекъ, бормочетъ: купить-продать, продать-купить! Нѣтъ пропасть еще въ немъ совѣсти, пропасть! Ужь по одному этому, по одной этой несмѣлости ты можешь угадывать, какую онъ ночь долженъ былъ провести наканунѣ того дня, какъ ему «объявиться» пришлось! Чай, и дѣтство-то все и невинность вся прошла, и папенька, и маменька, и первая любовь (онъ за «нею» двацать тысячъ взялъ, и тутъ же ихъ, вмѣстѣ съ прочими, ухнулъ) — все, все передъ глазами его пронеслось! Это ужь не художественные инстинкты всполошились, а кровь, собственная кровь заговорила! И прибавь къ этому: онъ даже не укралъ, въ строгомъ смыслѣ этого, а только не оправдалъ довѣрія... Почему же онъ совѣстится и держитъ себя такъ, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ укралъ?

— Да, да, въ благородномъ пансіонѣ воспитывался, похвальные листы получалъ... Вотъ и червонные валеты, и они тоже...

— И ихъ двѣ трети изъ «питомцевъ славы» — знаю я и это. Помнишь Дмитріева:

Твои сыны, питомцы славы,
Прекрасны, горды, величавы,
А дѣвы — розами цвѣтутъ?

— Какъ же! Какъ же! Передъ приходомъ твоимъ только что вспомнилъ! А помнишь-ли, какъ ты послѣдній стихъ передѣлалъ: *И дѣвокъ розгами сѣкутъ?* Видно, мы ужь съ малолѣтства «славу»-то въ смѣшномъ видѣ любили представлять!

— Ну, что было, то прошло. Нынче ни того, ни другого ужь нѣтъ: ни дѣвы розами не цвѣтутъ, ни дѣвокъ розгами не

сѣкутъ. Развѣ подъ пьяную руку на Казихѣ, да и то — что̀ за радость, какъ на мировую пятьдесятъ рублей сдерутъ?

— Да, некрасивая это штука — червонные валеты, и не поздоровится отъ нея «питомцамъ славы»! А для меня, признаюсь, еще того прискорбнѣе, что на скамьѣ подсудимыхъ опять будутъ фигюрировать дѣти Москвы. Давно-ли сидѣли струсберговцы, давно-ли гремѣли адвокаты, доказывая, что они-то и суть излюбленные люди, дѣти Москвы, и что иныхъ дѣтей Москва отнынѣ и производить не можетъ — и вотъ, точно еще недоставало для полноты картины, опять дѣти, да въ добавокъ еще... червонные валеты!

— И замѣть, что если относительно струсберговцевъ нужно было еще доказывать, что они дѣти Москвы, то тутъ даже доказательствъ никакихъ не потребуется. Прямо валяй стихами:

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима!

всякій присяжный засѣдатель чутьемъ пойметъ.

— И представь себѣ, что вѣдь это та самая Москва, которая, впервые, собрала Русь...

— А теперь собираетъ «червонныхъ валетовъ?» — представляю! Но, во-первыхъ, такому городу, который самъ себя называетъ «сердцемъ Россіи», надо же что-нибудь собиратъ, а во-вторыхъ, опять-таки повторю: я и вообще ничего противъ господъ воровъ не имѣю, а червонныхъ валетовъ — даже люблю. Русскіе парни! душевные, разымчатые! Не мошенничество у нихъ на первомъ планѣ, а выдумка и смѣшной видъ — гдѣ въ какой другой странѣ ты это найдешь? И притомъ, скромны.. ну право же скромны! украдетъ красненькую, четвертную — и будетъ! И сейчасъ же спѣшитъ изъ этой красненькой удѣлить рубль тому, кто его графчикомъ назоветъ! Спроси-ка объ нихъ у трактирныхъ половыхъ, у извощиковъ — всѣ въ одинъ голосъ скажутъ: душевные господа, первый сортъ господа! Нѣтъ! право... не знаю, какъ ты, а я чѣмъ больше съ ними знакомлюсь, тѣмъ чаще говорю себѣ: хорошо съ такими парнями недѣльку-другую пожить — утѣшатъ!

— Ну, меня не особенно къ нимъ тянетъ!

— Это отъ того, что ты въ Петербургѣ засидѣлся, освѣжаться рѣдко ѣздишь. А въ сущности, что̀ такое Петербургъ? тотъ же сынъ Москвы, съ тою только особенностью, что

имѣетъ форму окна въ Европу, вырѣзаннаго цензурными ножницами. Особенность, можетъ быть, и пользительная, да живется при ней какъ-то ужь очень не весело.

— А, по твоему, лучше въ Москвѣ? по твоему, весело, какъ надъ тобой, какъ надъ дуракомъ, утѣшаются, да тутъ же, съ хохотомъ и съ визгомъ, и существованіе твое кстати подрываютъ?

— Дуракомъ никому не весело быть — это я знаю, да вѣдь не въ томъ и задача веселыхъ русскихъ «выдумокъ»; чтобъ «дураку» было весело, а въ томъ, чтобъ вотъ у нихъ, разымчатыхъ парней, сердце играло, да и посторонніе, чтобъ не очень обижалить, что въ ихъ глазахъ съ прохожаго человѣка пальто снимаютъ. Русскій человѣкъ любитъ смѣшной видъ, и многое за него прощаетъ — какъ ты хочешь, а что-нибудь это да значитъ!

— А именно?

— Да хоть бы то, что русскій человѣкъ не видитъ мірового событія въ явленіи, которое само по себѣ, ломаннаго гроша не стоитъ; не кричитъ, не мститъ, не хранитъ затаенной злобы, а можетъ быть даже, — инстинктивно, разумѣется — связываетъ съ этимъ явленіемъ своего рода внутренній вопросъ... Согласись самъ, можно-ли сердиться, напримѣръ, на такую выдумку, объ которой я надняхъ отъ одного москвича слышалъ. Встрѣчается червонный валетъ въ трактирѣ или въ другомъ публичномъ мѣстѣ съ иностранцемъ, и, разумѣется, какъ малый общительный, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Не забудь, что червонный валетъ хоть и «воръ», но это отнюдь не мѣшаетъ ему быть обворожительнымъ молодымъ человѣкомъ. Манеры у него — прекрасныя, разговоръ — текучій, и при этомъ такія обстоятельныя свѣдѣнія о Москвѣ, объ ея торговлѣ, богатствахъ, нравахъ, обычаяхъ и проч., которыя прямо свидѣтельствуютъ о всестороннемъ и очень добросовѣстномъ изученіи. Иностранецъ тѣмъ болѣе очарованъ, что съ этими манерами и свѣдѣніями соединяется безграничный досугъ и чисто славянская готовность услужить, успокоить человѣка, находящагося вдали отъ родины, среди чужихъ. Мало-по-малу — конечно, не въ одинъ и не въ два дня — очарованіе приноситъ желаемый плодъ: иностранецъ, въ свою очередь, дѣлается изліятельнымъ. Происходитъ обмѣнъ мыслей, произносятся жалобы на обиліе за-границей ка-

питаловъ, дѣлающее помѣщеніе ихъ до крайности затруднительнымъ, и въ результатѣ оказывается, что Россія есть единственная въ мірѣ благословенная страна, въ которой капиталъ безъ труда (ежели не украдутъ), можетъ приносить очень серьезный процентъ. Какъ только разговоръ установился на этой почвѣ, такъ червонный валетъ ужь смотритъ на своего собесѣдника, какъ на «фофана». И вдругъ — мысль! продать этому «фофану» казенныя присутственныя мѣста. Сказано-сдѣлано. Весь клубъ червонныхъ валетовъ въ движеніи: одинъ бѣжитъ къ экзекутору присутственныхъ мѣстъ, и предупреждаетъ его, что надняхъ его посѣтитъ знатный иностранецъ, интересующійся вопросомъ о чижовкахъ вообще и московскихъ въ особенности; другой — на̀-скоро нанимаетъ помѣщеніе и устраиваетъ въ немъ псевдонотаріяльную контору; третій — спѣшитъ щегольнуть такими фальшивыми документами, чтобъ лучше настоящихъ были; четвертый—приготовляется разыграть роль владѣльца-продавца; пятый, шестой — просто радуются и думаютъ: вотъ-то удивится фофанъ! Словомъ сказать, всѣ заняты и всѣмъ весело. Въ назначенный день происходитъ осмотръ; экзекуторъ, какъ истинно гостепріимный хозяинъ, показываетъ: вотъ чижовка! вотъ еще чижовка! и еще, и еще, и еще чижовка. Червонный валетъ служитъ при этомъ переводчикомъ, стучитъ кулакомъ объ стѣну, и говоритъ: Милордъ! посмотрите, какая толщина! Потомъ ѣдутъ къ нотаріусу, получаютъ съ иностранца задаточныя деньги, провожаютъ его въ гостинницу, и затѣмъ — все исчезаетъ. Ни нотаріуса, ни очаровательнаго молодого человѣка, ни владѣльца дома — ничего. Остаются лицомъ къ лицу: экзекуторъ, который еще разъ готовъ казенныя чижовки лицомъ показать, и знатный иностранецъ, который никакъ не можетъ втолковать экзекутору, что онъ этотъ домъ купилъ и надѣется получать на свой капиталъ не меньше десяти процентовъ... Скажи по совѣсти: будь ты въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, неужели ты могъ бы разсердиться на такую «выдумку»?

— Да вѣдь сердиться и не требуется; требуется только сказать, совершено-ли мошенничество, о которомъ идетъ рѣчь, или не совершено?

— То-то, что не это одно. Нужно и еще на вопросъ отвѣтить: виновенъ-ли такой-то въ совершеніи мошенничества, или не виновенъ?

— Конечно, виновенъ! тутъ и сомнѣнія не можетъ существовать!

Признаюсь, я сказалъ это хоть и бойко, но на сколько было въ этой бойкости искренности — это еще вопросъ. Какъ ни страннымъ можетъ это показаться, но разсказъ Глумова о продажѣ зданія присутственныхъ мѣстъ произвелъ во мнѣ нѣкоторое раздвоеніе: съ одной стороны, представлялась законопреступность дѣянія, съ другой — выдумка. Ежели первая стояла внѣ всякихъ сомнѣній, то вторая... можно-ли, при обсужденіи дѣла, въ которомъ главную роль играетъ «выдумка», обойту эту «выдумку»? справедливо-ли исключить ее изъ счета обвиняемаго? На всякій случай, предположите, напримѣръ, что, по безпримѣрной снисходительности суда, въ числѣ прочихъ вопросовъ, предложенныхъ на разрѣшеніе присяжныхъ, значится слѣдующій: «заключаетъ-ли въ себѣ выдумка объ отчужденія зданія казенныхъ присутственныхъ мѣстъ на столько завлекательности, чтобъ заинтересовать людей, коихъ природное веселонравье въ значительной степени возращено и выхолено полученнымъ въ благородномъ пансіонѣ воспитаніемъ?» — что̀ могутъ отвѣтить на него присяжные?

По моему мнѣнію, тутъ можетъ произойти одно изъ двухъ: или присяжные, убоясь скандала, попросятъ ихъ отъ отвѣта уволить, или же они сойдутъ въ глубины своей совѣсти, и, не найдя тамъ ничего, кромѣ веселости, вынесутъ отвѣтъ: «да, выдумка достаточно завлекательна». Это будетъ, конечно, скандалъ, но скандалъ вѣдь и въ первомъ случаѣ неминуемъ, потому что самое отступленіе передъ трудностями разрѣшенія доказываетъ ясно, что вопросъ только по формѣ представляется скабрёзнымъ, а по существу, затрогиваетъ самыя чувствительныя струны человѣческаго существованія.

Но, возразитъ мнѣ читатель, присяжные вѣдь могутъ отвѣтить и такъ: «нѣтъ, ничего завлекательнаго въ выдумкѣ червонныхъ валетовъ не видится». Да, они несомнѣнно могутъ и такъ отвѣтить, но клянусь, что подобнымъ отвѣтомъ они все-таки отнюдь не избѣгнутъ скандала. Ибо, кромѣ оффиціальныхъ присяжныхъ, въ залѣ суда присутствуетъ еще цѣлая толпа присяжныхъ неоффиціальныхъ, которые, навѣрное, найдутъ вынесенный приговоръ не только противорѣчащимъ вѣяніямъ времени, но и прямо кляузнымъ. «Суди да не засуживай! — вотъ общій голосъ, который вынесется на встрѣчу

мертворожденному рѣшенію, и я, право, на знаю, не сколько выиграетъ отъ этого «институтъ» присяжныхъ.

— И ихъ, разумѣется, поймали? продолжалъ я, обращаясь къ Глумову.

— Разумѣется, поймали, и притомъ со всѣми онёрами: съ раскаяніемъ, съ разоблаченіями, съ дѣтскими противорѣчіями. Но ты вотъ что сообрази: во-первыхъ, они взяли съ знатнаго иностранца, за свою выдумку, не больше четырехъ-пяти тысячъ рублей, что, при разверсткѣ между членами братства, и за исключеніемъ издержекъ, дало не болѣе полутораста-двухъ сотъ рублей на человѣка; во-вторыхъ, они все дѣло вели почти открыто, и не только не заметали своихъ слѣдовъ, но, навѣрное, отпраздновали свою побѣду надъ «фофаномъ» самымъ шумнымъ образомъ и притомъ непремѣнно въ такомъ мѣстѣ, куда самая простодушная полиція — и та получила свободный доступъ. Развѣ таковы признаки настоящаго мошенника? Мошенника современнаго закала, напримѣръ, который прямо изъ кармана не воруетъ, а невидимо превращаетъ рубль въ полтинникъ, не оставляя за собой ни поличнаго, ни отвѣтчиковъ, ни даже истцовъ?

— Хорошо, оставимъ на время «червонныхъ валетовъ». Какое же, по твоему, средство избавиться отъ того невидимаго вора, о которомъ мы сейчасъ упомянули? Какимъ образомъ такъ устроить, чтобъ хоть завтрашній-то день, благодаря ему, не стоялъ передъ нами угрозой?

— Ты это на счетъ того что-ли, чтобъ завтра было что дать на расходъ кухаркѣ? ну, на это, и безъ экстренныхъ мѣропріятій, средства еще найдутся.

— Нѣтъ, ты не шути, тутъ не о кухаркѣ рѣчь, а вообще... Жить сдѣлалось не ловко — вотъ что! Деньги — какія-то загадочныя сдѣлались, кредита — нѣтъ... Прежде вотъ «портфель» былъ, ну, «балансъ» тоже, а теперь сказываютъ, и, «портфель», и «балансъ» — все потеряли.

— На этотъ счетъ я могу тебя успокоить: обращено вниманіе!

— Слава Богу! Ты развѣ слышалъ что-нибудь?

— Достовѣрно знаю. Вчера, какъ изъ собранія кредиторовъ шелъ — Левушку Колѣнцова встрѣтилъ. «Поздравь меня, говоритъ, я ужь въ Семиозерскъ не ѣду!» — Что такъ? говорю, то охотился, а теперь вдругъ... «Другая миссія представляется,

говоритъ. Entre nous soit dit, надняхъ имѣетъ быть возбужденъ... ну вотъ, на счетъ этого «портфеля»... такъ я... И назвалъ мнѣ такую миссію, и съ такимъ, братецъ, содержаніемъ, что я, отъ удовольствія, пальцемъ его прямо въ животъ ткнулъ!

— Ну, хорошо... ну будетъ, положимъ, коммиссія... что же эта коммиссія сдѣлаетъ?

— Да печаль твою разсѣетъ — и то хорошо. «Портфель» отыщетъ, «балансъ» подведетъ...

— Поди, чай, опять сто одинъ томъ «Трудовъ» издадутъ?

— Ужь это само собой!

— Прескверная это привычка у нашихъ коммиссій... Да притомъ и «Труды-то»... Представь себѣ, вѣдь Левушка Колѣнцовъ участіе въ нихъ принимать будетъ!

— Довѣрія что-ли въ тебѣ онъ не возбуждаетъ? — напрасно! Не знаю, какъ на счетъ «баланса», а на счетъ «портфеля» ему Богъ такой разумъ далъ, что онъ любого финансиста за поясъ заткнетъ!

— То-то, что только на счетъ портфеля!

— А ты не торопись! сперва пускай «портфель» сыщетъ, а потомъ догадается, что и безъ «балансу» нельзя — и «балансъ» поднесетъ.

— То-то на экономическихъ обѣдахъ радость будетъ! Только, воля твоя, а у меня эти сто одинъ томъ «Трудовъ» изъ головы не выходятъ. Покуда они потрошатъ, да соображаютъ, да округляютъ...

— А мы будемъ жить, время проводить. Вотъ объ струсберговцахъ еще забыть не успѣли, а ужь червонные валеты грядутъ! И не увидимъ, какъ время пролетитъ!

— Но вѣдь ты самъ сейчасъ говорилъ, что въ общественномъ смыслѣ, какъ знаменіе времени, значеніе «червонныхъ валетовъ» — неважное!

— И все-таки! Конечно, въ громадномъ процессѣ отнятія и исчезновенія, охватившемъ вся и все, роль этихъ молодыхъ людей второстепенная и эпизодическая, но не забудь, что большая часть ихъ еще очень недавно называла себя «питомцами славы», «дѣтьми Москвы» и другими звонкими именами, какія нынче даже и адвокату на языкъ не вдругъ взбредутъ. Вѣдь это тоже чего-нибудь да стоитъ! Такъ вотъ ты и займись ими, пока Левушка Колѣнцовъ будетъ «портфель» и «ба-

лансъ» отыскивать. А о прочемъ не тужи, и, главное, не копи денегъ, потому что Сидоръ Кондратьичъ, коли захочетъ — все равно отниметъ!

Я рѣшился послѣдовать совѣту Глумова. Хоть я и увѣренъ, что все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, и что не только «портфель» съ «балансомъ», но со временемъ даже и «стыдъ» будетъ отысканъ (недаромъ Глумовъ говоритъ: стыдъ — это главное! покуда «стыда» не будетъ — ничего ни будетъ!), но, въ ожиданіи этихъ благъ, время все-таки проводить надо. Такъ я и поступаю. Сегодня — окриляюсь надеждами; завтра — увядаю. Одинъ день читаю въ газетахъ: усилія г. Колѣнцова, повидимому, близки къ осуществленію, и есть надежда, что не только портфель будетъ отысканъ, но и балансъ подведенъ. А на другой день, въ тѣхъ же газетахъ читаю: съ появленіемъ на сцену новыхъ дѣйствующихъ лицъ, гг. Бритнева и Юханцева, надежды г. Колѣнцова разсѣялись, какъ дымъ. Портфель вновь исчезъ, и на этотъ разъ, кажется, безвозвратно...

А время, между тѣмъ, идетъ да идетъ. И всѣ, слава Богу, живы.

ПОХОРОНЫ.

Скучно жить на свѣтѣ, господа!
Гоголь.

Мы уныло шли за траурными дрогами, изрѣдка только перебрасываясь отрывочными замѣчаніями. Быть можетъ, намъ не объ чемъ было бесѣдовать другъ съ другомъ (хотя почти всѣ, составлявшіе печальный кортежъ, были, по профессіи, литераторы), но, можетъ быть, и самая обстановка, среди которой совершалась погребальная церемонія, располагала къ угрюмой сосредоточенности.

Хоронили Пимена Коршунова, русскаго литератора, не особенно знаменитаго, но и не вовсе безвѣстнаго — такъ, средней руки. Хоронили на счетъ семидесяти пяти рублей, которые ассигновалъ литературный фондъ, предварительно, впрочемъ, удостовѣрившись, что покойный пилъ водку только передъ обѣдомъ, и «не предаваясь». Стояло хмурое октябрьское утро, но, благодаря наступившимъ морозамъ, на улицахъ было сухо и слегка скользко; низко, почти надъ самыми домами, стояла непроглядная масса сѣрыхъ облаковъ, изъ которыхъ попархивалъ первый снѣжокъ. Близкихъ по крови у Коршунова не было, изъ близкихъ по духу собралось на похороны четыре-пять сотрудниковъ газеты, въ которой, подъ конецъ жизни, участвовалъ покойный. Эти послѣдніе ближе жались къ гробу, но и ихъ горесть формулировалась какъ-то черезъ чуръ несложно, словно одна только мысль и представлялась уму: вотъ и умеръ! Вообще, весь кортежъ состоялъ изъ пятнадцати-двадцати человѣкъ, разбившихся по группамъ. Всѣмъ

было не по себѣ, всѣ шли понуривши голову, какъ-будто каждый думалъ: вотъ скоро надорвусь и я... да и надъ чѣмъ надорвусь!! Только какой-то проворный газетчикъ, ликуя подъ впечатлѣніемъ успѣшной розничной продажи, порхалъ отъ группы къ группѣ и таинственно сообщалъ всѣмъ, и хотѣвшимъ и не хотѣвшимъ слушать: вчера разошлось двадцать восемь тысячъ нумеровъ!

На театральной улицѣ, противъ дома, гдѣ помѣщается цензурное вѣдомство, отслужили литію. Самъ покойный пожелалъ этого, и наканунѣ смерти говорилъ: пускай хоть по поводу моего переселенія въ лучшій міръ совершится сближеніе литературы съ цензурой! Во время литіи, цензурный сторожъ пронесъ въ ворота ведро алыхъ чернилъ, и кто-то громко, безъ предварительной цензуры, съострилъ: вотъ писательская кровь, невинно проліянная! Но и эта острота ни въ комъ не вызвала отголоска, и затѣмъ, кортежъ убійственно-медленнымъ шагомъ потянулся дальше.

Чувство безконечной отчужденности и наготы овладѣвало всякимъ при взглядѣ на эту бѣдную обстановку. Думалось, что везутъ какого-то отщепенца, до котораго никому изъ «публики» дѣла нѣтъ (а онъ именно для «публики» то и жилъ, и ради «публики» безвременно зачахъ и сошелъ въ могилу). Да и своихъ не особенно поражала эта потеря, потому что «свои» ужь давно освоились съ могилами. Даже больше, чѣмъ просто «отщепенство» тутъ видѣлось: казалось, что только по ошибочному неизреченному благосердію допущена эта бѣдная церемонія, предметомъ которой служила совершенно особенная и притомъ не вполнѣ безопасная человѣческая разновидность, именуемая русскимъ писателемъ.

По мѣрѣ того, какъ дроги приближались къ мѣсту назначенія (митрофаніевское кладбище), кортежъ, и безъ того немноголюдный, постепенно рѣдѣлъ. Одни разбрелись по попутнымъ кондитерскимъ и кухмистерскимъ, обѣщавшись «нагнать» — и не нагнали; другіе окончательно возвратились по домамъ, мотивируя свое отсутствіе спѣшностью предстоящей срочной работы. У Обводнаго Канала оказалось на лицо не больше шести-семи человѣкъ, которые прежде не догадались, а теперь ужь совѣстились улизнуть. Обстоятельство это, однакожь, послужило къ оживленію кортежа; оставшіеся скучились, и бесѣда между ними пошла бодрѣе. Но предметомъ

этой бесѣды служилъ не Пименъ Коршуновъ («онъ умеръ» — этимъ все было сказано), а то, что наболѣло на душѣ у каждаго, что у всѣхъ на памяти свело въ могилу десятки надорвавшихся людей, что каждаго изъ пережившихъ преслѣдовало по пятамъ, устраняя всякую мысль о возможности освободиться когда-нибудь отъ ига жгучей боли.

О, литература! о, змѣя — мачиха всѣхъ этихъ отщепенцевъ! ты, постылая! ты, напояющая оцтомъ и желчью сердца своихъ дѣятелей! ты, ты была предметомъ ихъ внезапно оживившагося собесѣдованія! Много сѣтованій, много гнѣва слышалось въ ихъ рѣчахъ, но еще больше безконечной любви къ постылому ремеслу и какой-то дѣтской увѣренности, что все-таки только тутъ, на этомъ тернистомъ пути, кишащемъ всевозможными гадами, можно спасти душу.

Разумѣется, начали со слуховъ, имѣвшихъ ближайшее прикосновеніе къ современности. Какое отношеніе можетъ имѣть эта животрепещущая современность къ литературѣ? чего нужно ждать? будетъ-ли лучше? Всѣ эти вопросы какъ-то искони фаталистически тяготѣютъ надъ литературой, а по временамъ врываются въ нее съ особенною назойливостью. Натурально, что они перенеслись и сюда. Кто-то изъ собесѣдующихъ высказался, что лучшія времена недалеко и что въ виду этого требуется только осторожность и терпѣніе; но остальные отнеслись къ этимъ надеждамъ скептически, хотя терпѣть соглашались, потому что «не терпѣть» — нельзя. Одинъ даже такой выискался, который прямо объявилъ, что надѣяться можно только на розничную продажу, а больше ни на что; что современныя условія литературнаго ремесла таковы, что самое существованіе литератора представляется чѣмъ-то несовмѣстнымъ съ здравыми традиціями о внутреннемъ убѣжденіи; что, вообще, если относительно массы смертныхъ принято говорить: благо живущимъ, то въ примѣненіи къ русскимъ писателямъ правильнѣе выражаться такъ: благо умирающимъ, и еще бо̀льшее благо — умершимъ. Высказавши это, онъ указалъ рукой на колебавшійся впереди на дрогахъ гробъ, и это напоминаніе невольно вызвало у нѣкоторыхъ чуть замѣтную дрожь.

— Я не говорю уже о томъ, продолжалъ расходившійся ораторъ:—что мы терпимъ отъ глада и труса, что мы живемъ чуть не въ засадѣ, но мы не знаемъ даже, для чего и для

кого мы пишемъ. Кто насъ слышитъ и что извлекаетъ этотъ слышащій изъ обращеннаго къ нему слова? Многіе изъ насъ готовы положить душу (да и дѣйствительно полагаютъ ее) «за други своя», а кто знаетъ объ этомъ? Кто отличитъ страстнаго литературнаго труженика отъ легковѣсной литературной балалайки, которая, по случаю распутной подвижности темперамента, готова сватать себя любому проходящему? Кому вдомекъ, что гдѣ-то, въ какой-то лишенной свѣта и воздуха литературной норѣ, ежемгновенно совершается жертвоприношеніе, при которомъ сердце истекаетъ кровью, и сгараетъ многострадальная писательская душа подъ бременемъ непосильныхъ болей?

Рѣчь эта несомнѣнно страдала нѣкоторыми риторическими преувеличеніями, но сущность ея была не безосновательна. Стали розыскивать, что̀ такое русская публика? изъ какихъ элементовъ она составляется? кто эти прекрасные незнакомцы, ради которыхъ русскій писатель волнуется въ своей конурѣ? Съ какими намѣреніями они подписываются на журналы, покупаютъ книги? что̀ они вычитываютъ въ этихъ книгахъ? можетъ быть, видятъ въ нихъ только пресловутую «фигу»? а можетъ быть, кромѣ «фиги», и видѣть-то нечего?

— Ахъ, господа, господа! вздохнулъ кто-то, когда дѣло дошло до «фиги», какъ мѣрила для оцѣнки содержанія русской книги.

Что современная русская литература небогата силами — это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Но не въ этой относительной бѣдности скрывается главная бѣда. Есть нѣчто гнетущее, что, при самомъ рожденіи, кладетъ на русскую мысль своеобразную печать. Литература наша и доднесь представляетъ два совершенно отличные типа: съ одной стороны, недоконченность, невысказанность, боязнь, съ другой стороны — такая ясность, которая равносильна наглости, доведенной до разврата. Очевидно, въ воздухѣ носится еще крѣпостное право. Оно провело заповѣдную черту, подъ которой похоронило громадное количество явленій и закупорило наглухо цѣлыя миріады существованій, которыя бьются гдѣ-то на днѣ, тщетно усиливаясь выйти на божій свѣтъ. И оно же вызвало и пригрѣло безчисленное множество литературныхъ паразитовъ, которые съ изумительнымъ легкомысліемъ вливаютъ ядъ распутства въ русскій жизненный обиходъ.

Да, крѣпостное право упразднено, но еще не сказало своего послѣдняго слова. Это цѣлый громадный строй, который слишкомъ жизненъ, всепроникающъ и силенъ, чтобъ исчезнуть по первому манію. Обыкновенно, говоря объ немъ, разумѣютъ только отношенія помѣщиковъ къ бывшимъ крѣпостнымъ людямъ, но тутъ только одна капля его. Эта капля слишкомъ специфически пахла, а потому и приковала исключительно къ себѣ вниманіе всѣхъ. Капля устранена, а крѣпостное право осталось. Оно разлилось въ воздухѣ, освѣтило нравы; оно изобрѣло путы, связывающіе мысль, поразило умы и сердца дряблостью. Наконецъ, оно же вызвало цѣлую орду прихлебателей-хищниковъ, которыхъ дѣятельность такъ блестяще выразилась въ безчисленныхъ воровствахъ, банкротствахъ и всякаго рода распутствахъ.

Само начальство изнемогаетъ подъ бременемъ борьбы съ этимъ недугомъ. Возьмемъ для примѣра хоть литературу: кажется, ей дана самая широкая свобода, а между тѣмъ, она бьется и чувствуетъ себя, точно въ капканѣ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ точь въ точь такая же свобода — вездѣ литература процвѣтаетъ. А у насъ? У насъ мысль, несомнѣнно умѣренная, на которую въ цѣлой Европѣ смотрятъ, какъ на что-то обиходное, заурядное — у насъ эта самая мысль коломъ застряла въ головѣ писателя. Писатель не знаетъ, въ какія чернила обмокнуть перо, чтобъ выразить ее, не знаетъ, въ какія ризы ее одѣть, чтобъ она не вышла ужь черезъ-чуръ доступною. Кутаетъ-кутаетъ, обматываетъ всевозможными околичностями и аллегоріями, и только выполнивъ весь, такъ сказать, сложный маскарадный обрядъ, вздохнетъ свободно и возмолвитъ: слава Богу! теперь, кажется, никто не замѣтитъ!

Никто не замѣтитъ? а публика? и она тоже не замѣтитъ? ужели есть на свѣтѣ обида болѣе кровная, нежели это нескончаемое езопство, до того вошедшее въ обиходъ, что нерѣдко самъ езопствующій перестаетъ сознавать себя Езопомъ?

Дойдя до этого заключенія, всѣ отдали полную справедливость либеральнымъ намѣреніямъ начальства. Не начальство стѣсняетъ — оно, напротивъ, само неустанно хлопочетъ — стѣсняетъ сама жизнь, пропитанная ингредіентами крѣпостного права. Что̀ можетъ начальство противу разнообразныхъ и всемогущихъ вліяній, которыя, подобно безчисленнымъ электрическимъ токамъ, со всѣхъ сторонъ устремляются къ одному

центру—литературѣ? что можетъ оно, въ виду громовъ, готовыхъ разразиться каждоминутно и невѣдомо по какому поводу? что можетъ оно, наконецъ, въ виду того литературнаго распутства, которое ревниво коментируетъ мысль противника, а повременамъ не откажется и прилгать?

Вотъ почему покойный Коршуновъ никогда не роптал на литературное начальство, хотя, какъ человѣкъ грѣшный, иногда и любилъ ввести его въ заблужденіе.

— Поддержать, братъ, насъ некому — вотъ въ чемъ бѣда! сколько разъ говаривалъ онъ мнѣ: — читатель у насъ какой-то совсѣмъ особенный, словно непомнящій родства: ни любовь его, ни негодованіе — ничто въ грошъ не ставится!

Когда я напоминалъ объ этихъ словахъ покойнаго, то всѣ опять принялись розыскивать, изъ какихъ элементовъ состоитъ русская читающая публика. Перечисляли, перечисляли (выходило какъ-то удивительно разношерстно по внутреннему содержанію и однообразно по костюму), и въ концѣ концовъ опустили руки. Въ заключеніе, рьяный ораторъ, который такъ краснорѣчиво говорилъ о писательскихъ жертвоприношеніяхъ, какимъ-то болѣзненно-надорваннымъ голосомъ крикнулъ:

— Читатель! русскій читатель! защити!

Но возгласъ этотъ потерялся въ шумѣ деревьевъ, охраняющихъ митрофаніевское кладбище.

Мы были у цѣли. Церковь была полна народа и гробовъ. Гробы были почти сплошь бѣдные, только одна усопшая раба божія Пулхерія, 1-ой гильдіи купчиха, смиренно возвышалась на катафалкѣ, противъ самаго алтаря, въ богато изукрашенной домовинѣ. По ея поводу, за обѣдней пѣли «хорошіе» пѣвчіе, и, благодаря этому обстоятельству, и Пименъ воспользовался сладкогласнымъ пѣніемъ. Мы скромно поставили нашего друга поодаль и терпѣливо ожидали очереди. Нашелся добрый батюшка изъ недавно кончившихъ курсъ, который посвятилъ себя умершему литератору, и сказалъ, по поводу этой смерти, увѣнчавшей отверженное существованіе, отличнѣйшее, полное глубокаго состраданія слово. О Пименъ! если бы ты могъ изъ своей домовины слышать эти простыя, полныя любви слова, ты, навѣрное, по великой своей скромности, воскликнулъ бы: батюшка! я человѣкъ маленькій, и право рисковать изъ-за меня...

Наконецъ, мимо насъ пронесли съ парадомъ усопшую 1-ой гильдіи купчиху Пулхерію, и церковь, мало по малу, начала

пустѣть. Вынесли и мы своего покойника, шли довольно долго между рядами памятниковъ и рѣшетокъ, и, наконецъ, нашли уголокъ, въ которомъ готова была свѣжая могила. Черезъ полчаса все было кончено.

Съ кладбища мы зашли было въ одну изъ ближайшихъ кухмистерскихъ, гдѣ обыкновенно устраиваются поминальныя торжества, но минутъ съ пять потолкались передъ буфетомъ, поглазѣли на собравшуюся публику, и, не совершивъ возліянія, разбрелись по домамъ.

Я зналъ Коршунова довольно хорошо. Это былъ человѣкъ всецѣло литературный, жившій одною жизнью съ русской литературой, не знавшій никакихъ интересовъ, кромѣ интересовъ литературы, не вкусившій ни одной радости, которая не имѣла бы источникомъ литературу. Онъ съ жадностью слѣдилъ за всѣми подробностями литературнаго движенія, за всякою литературной полемикой; онъ ничего не зналъ, ни съ чѣмъ не хотѣлъ имѣть общенія, кромѣ литературы. Нынѣ, этотъ типъ, мало по малу, исчезаетъ, но еще въ недавнее время такихъ людей встрѣчалось достаточно. Я не могу сказать навѣрно, на сколько цѣнны и существенны были интересы, ихъ волновавшіе, но навѣрно знаю, что только благодаря ихъ горячей преданности, ихъ беззавѣтной, неподдавшейся никакимъ невзгодамъ любви, ихъ самоотверженному долготерпѣнію, русская литература не прекращала своего существованія.

Эти люди на весь міръ смотрѣли лишь по стольку, по скольку онъ представлялъ матеріалъ для литературнаго воздѣйствія. Многіе, даже въ то глухое время, надъ этимъ посмѣивались. Говорили: вы все съ вашими мизерными литературными интересишками носитесь. Ну, что̀ такое ваша литературная безсильная стряпня въ сравненіи съ плавнымъ и неусыпающимъ движеніемъ административнаго механизма! Вотъ гдѣ истинный центръ жизни, вотъ гдѣ настоящее жизненное творчество! А задача литературы — забавлять и безвреднымъ образомъ занимать досуги читателей.

Въ то время, такого рода приговоры считались безапелляціонными. Въ любомъ указѣ губернскаго правленія предполагалось больше творческой силы, нежели, напримѣръ, въ произведеніяхъ Гоголя. И точно: указъ губернскаго правленія объявлялъ о рекрутскомъ наборѣ, напоминалъ о своевремен-

номъ вносѣ податей, предписывалъ о пополненіи продовольственныхъ запасовъ, предупреждалъ, угрожалъ, понуждалъ. Словомъ сказать, и прямо, и косвенно врѣзывался въ жизнь множества людей; однимъ давалъ возможность тучнѣть, другихъ заставлялъ вытягиваться въ струнку. Напротивъ того, дѣйствіе повѣсти Гоголя, относительно большинства читателей, ограничивалось только взрывомъ хохота, и только въ рѣдкихъ случаяхъ производило что-то похожее на отрезвленіе. Но для того, чтобъ оцѣнить это отрезвленіе, надобно было самому быть уже достаточно трезвымъ.

Коршуновъ и подобные ему очень хорошо понимали, какая область имъ отмежевана. Они ни мало не обижались мнѣніями о ничтожествѣ литературныхъ «интересишковъ», въ сравненіи съ величественнымъ воздѣйствіемъ административнаго механизма, а просто приняли ихъ къ свѣдѣнію. Но за то они ушли въ раковину и уже упорно не выходили изъ нея. Однажды убѣдившись, что жизнь есть администрація, они относились къ ней отчасти робко, отчасти какъ къ чему-то фантастическому, заповѣдному и неподдающемуся анализу. Сонное видѣніе, которое подчасъ могло воплотиться и ушибить— вотъ въ чемъ заключалось представленіе о жизни въ понятіяхъ тогдашнихъ литературныхъ пустынниковъ.

Все существованіе литературнаго подвижника проходило въ этой отчужденности, посреди которой душа человѣческая не знала инаго идола, кромѣ литературнаго «дѣланія». Всѣ жизненныя силы и привязанности были сосредоточены тутъ, а остальной міръ, даже міръ близкихъ по крови и воспитанію, представлялся какъ бы безсодержательною формой, которая напоминала о себѣ лишь въ качествѣ докучнаго спутника, навязаннаго слѣпою судьбой. Но эти не особенно блестящіе труженики были люди свободные духомъ и вполнѣ чистые сердцемъ, въ которыхъ литература нуждалась едва-ли не больше, нежели въ личностяхъ, бьющихъ въ глаза своею блестящею одаренностью. Повторяю: если бы ихъ не было, литература перестала бы существовать. Они имѣли безповоротныя привязанности и безповоротныя вражды; они и любили и ненавидѣли одинаково беззавѣтно и страстно. Тогдашняя литература какъ-то сама собой подѣлилась на два лагеря; причемъ не допускалось ни смѣшеній, ни компромиссовъ, ни эклектизма. Говорятъ, что это было односторонне, но лучше-ли было бы,

если бы существовала разносторонность — въ этомъ позволительно усомниться. По крайней мѣрѣ, довольно странно представить себѣ Бѣлинскаго, отъ времени до времени понюхивающаго съ Булгаринымъ табачекъ. Во всякомъ случаѣ, если это и была односторонность, то она спасала литературу отъ податливости. Ежели и въ наши дни тяготѣніе къ дому терпимости составляетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, язву, которая подтачиваетъ лучшія основанія литературной профессіи, то можно себѣ представить, что было бы, если бы это тяготѣніе существовало — тогда?

Къ счастію, тогда была замкнутость, явленіе, конечно, не особенно плодотворное, но охранявшее литературный декорумъ и положившее начало нѣкоторымъ литературнымъ преданіямъ, на которыя не безъ пользы можно ссылаться и нынѣ. Право, не безъ пользы.

Коршуновъ пробавлялся почти исключительно рецензіями. Да болѣе любезнаго сердцу дѣла и подыскать было невозможно, потому что въ то время, въ отдѣлѣ критики и библіографіи сосредоточивалась вся жизнь литературы. Пименъ не былъ «критикомъ», но рецензентъ изъ него вышелъ отличный: цѣпкій, обладавшій фразой и умѣвшій прятать концы въ воду. Тогдашнія рецензіи были своего рода руководящія статьи, имѣвшія предметомъ не столько разбираемую книгу, сколько высказъ по ея поводу совершенно самостоятельныхъ мыслей. Краткость не была въ числѣ достоинствъ этихъ статей, но за то въ нихъ всегда что-нибудь «проводилось». Разумѣется, очень часто (даже болѣе, чѣмъ часто) проводимое, благодаря безчисленнымъ покровамъ, подъ которыми оно скрывалось, было понятно только членамъ «кружка», но случайно оно могло проникнуть и далѣе. Я заранѣе соглашаюсь, что теперь ни на одну изъ этихъ статей никто не сошлется, что имъ суждено покоиться безмятежнымъ сномъ въ тѣхъ толстыхъ томахъ, гдѣ онѣ увидѣли свѣтъ; но иногда всетаки сдается, что не безслѣдны онѣ были. Въ свое время нѣкто надъ ними задумывался; въ свое время онѣ производили въ человѣческихъ душахъ извѣстное наслоеніе, и притомъ періодически и все въ одну и ту же сторону. Что нынче онѣ совсѣмъ, совсѣмъ ненужны — это безспорно, но тогда...

Не надо забывать, что тогда совсѣмъ другое было. Движенія имѣли меньше простора, но за то они были, такъ ска-

зать, поневолѣ пріурочены, такъ что область ангельская рѣзко отличалась отъ области аггельской. Журналовъ и книгъ было меньше, но между ними не было межеумковъ, которые сегодня кажутъ кукишъ въ карманѣ, а завтра раболѣпствуютъ. И хоть я не буду утверждать это навѣрное, но кажется, что и читатель, мало но малу, узналъ, въ чемъ заключается секретъ тѣхъ безконечныхъ баснословій, которыми отличалась литература того времени.

Нечего и говорить, что Коршуновъ былъ бѣденъ, какъ Иръ. Тогдашній журнальный гонораръ очень мало походилъ на нынѣшній, да сверхъ того и самое поле литературной дѣятельности было до крайности ограничено. Трапеза, предлагаемая однимъ или двумя органами печати (изъ наиболѣе распространенныхъ, потому что прочіе сами едва дышали), была слишкомъ скудна, чтобъ напитать всѣхъ желающихъ. Поэтому, тѣ, которые почерпали средства къ жизни только въ литературномъ ремеслѣ, положительно бѣдствовали. Коршуновъ былъ блѣденъ и тощъ отъ недостаточнаго и худого питанія, но онъ не только не жаловался на это, а просто, кажется, забывалъ, что существуетъ впроголодь. Его волновало совсѣмъ другое: невозможность высказаться.

Цензура того времени была строгая и притомъ разнообразная, разбросанная по всевозможнымъ вѣдомствамъ. Я не говорю, чтобъ цензора были люди жестокіе, но они сами постоянно находились какъ бы на скамьѣ подсудимыхъ, потому что въ ихъ сторону отовсюду направлены были стрѣлы. Ежели прибавить къ этому, что, вслѣдствіе такой разбросанности цензуры, всякій (даже не цензоръ по профессіи) вычеркивалъ изъ корректуры или изъ рукописи все, что ему лично приходилось не по вкусу, то ясно будетъ, какъ мудрено было проскользнуть.

Пишущая братія это знала и потому всякій замахивался какъ можно шире, въ предвидѣніи, что ежели три четверти и будетъ выброшено, то все-таки хоть что-нибудь возвратится нетронутымъ. Даже Булгаринъ не пренебрегалъ этимъ пріемомъ, потому что и въ отношеніи къ нему цензура была нелицепріятна. Конечно, никто не считалъ его «разбойникомъ пера», но такъ какъ и онъ могъ провраться, то, слѣдовательно, и изъ-за него могла выйти «исторія». Сверхъ того, онъ былъ бѣльмомъ на глазу, потому что подсиживалъ писа-

телей противоположнаго лагеря, и стало быть, въ то же время подсиживалъ и цензуру, яко виновную въ слабомъ смотрѣніи. Цензоръ Крыловъ всѣмъ безразлично говорилъ: я никакъ не желаю, чтобъ мнѣ изъ-за васъ лобъ забрили! Это было очень похоже на шутку, но какая ужасная шутка! Когда Мусинъ-Пушкинъ былъ назначенъ попечителемъ учебнаго округа, то многіе цензора содрогались при одномъ напоминаніи объ немъ и зачеркивали всегда двѣ-три строки лишнихъ. Они усиливались попасть ему въ мысль, но, вмѣсто того, часто попадали на гауптвахту, откуда, какъ извѣстно, недалеко и до рекрутскаго присутствія. Это былъ тотъ самый Мусинъ-Пушкинъ, которому нѣкогда профессоръ Горловъ посвятилъ свой курсъ политической экономіи, и въ посвященіи упомянулъ о всѣхъ чинахъ, должностяхъ, званіяхъ и орденахъ своего патрона. Вышла почти цѣлая страница, и я помню, что, въ школѣ, мы эту страницу пѣвали хоромъ на мотивъ «бѣрую во единаго». Вотъ какой это былъ строгій человѣкъ, что даже несомнѣнно либеральный партизанъ принципа laissez passer, laissez faire — и тотъ, какъ могъ, ублажалъ его. Что же мудренаго, если корректура возвращалась къ автору не только изъязвленная и вся облитая красными чернилами, какъ кровью, но и доведенная почти до степени бормотанія. Въ тогдашнее время, эти цензурныя проказы назывались «окошками въ Европу».

Вотъ въ какомъ щекотливомъ положеніи находилась литература, и какую изумительную школу обязывались пройти ея служители! Нынче все это замѣнено предостереженіями и арестомъ книгъ и журналовъ, что̀, конечно, несравненно удобнѣе.

И вотъ, все, что̀ не могло прорваться въ печать, высказывалось въ интимныхъ собесѣдованіяхъ, имѣвшихъ чисто кружковый характеръ. Замкнутость и общія невзгоды удивительно какъ сближали людей. На эти бѣдные и скудные вечера̀ такъ и тянуло. И, не смотря на то, что почва для собесѣдованій имѣла характеръ чисто-отвлеченный, и что, благодаря общему единомыслію, критики почти не существовало—все-таки скуки не чувствовалось. Участники расходились съ этихъ вечеровъ поздно, восторженные, полные ежели не намѣреній, то какой-то сладчайшей музыки. И будочники (городовыхъ тогда не было) не только не хватали ихъ, но добродушно улыбались, словно понимали, что эти люди совсѣмъ занапрасно терпятъ мѝку мученскую отъ своего начальства, которое, въ свою оче-

редь, такую же муку мученскую терпитъ отъ своего начальства (это была цѣлая лѣстница). Да, тогдашніе будочники ничего не знали ни о подрыванія авторитетовъ, ни о потрясеніи основъ, о чемъ нынче всякій подчасокъ безъ малѣйшаго затрудненія на бобахъ разведетъ.

О, будочники и всѣхъ сортовъ квартальные добраго стараго времени! да оскудѣетъ рука моя, если она напишетъ недоброе слово объ васъ! Миръ и благоволѣніе да почіютъ надъ могилами вашими, если вы ужь достигли пристани, и да удесятерится вашъ пенсіонъ, если вы еще продолжаете пользоваться таковымъ!

Какъ бы то ни было, но Коршуновъ существовалъ. Три четверти этого существованія были поглощены вопросомъ: пройдетъ, или не пройдетъ? остальную четверть наполнялъ отвѣтъ: нѣтъ, не пройдетъ. Но иногда случалось нѣчто чудесное: прошло! совсѣмъ прошло! Это была радость; это были тѣ рѣдкіе солнечные, теплые дни, которые, по временамъ, прорываются и среди сумерекъ туманной петербургской осени.

Да, бывали сладкія минуты, доставляемыя и цензурою; но нужно было пройти сквозь цѣлый искусъ горчайшихъ испытаній, чтобъ оцѣнить эту случайную минутную сладость. Нынѣшняя печать не знаетъ такихъ минутъ, потому что она свободна.

Наконецъ, наступила эпоха возрожденія. Радовались всѣ, а литература — по преимуществу. Изъ сферъ отвлеченныхъ, заоблачныхъ, она сходила на арену дѣйствительности, дѣлалась участницей жизненнаго праздника, будила общество, ставила вопросы и блюла за ихъ рѣшеніемъ. Да, блюла, и даже сдѣлала выговоры и замѣчанія. Отовсюду неслись сочувственные отголоски и присылались корреспонденціи, спѣшившія довести до свѣдѣнія блюстителей возрожденія, что

. . . . . лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся,
И весенней полонъ жаждой...

Литература гордилась этимъ пробужденіемъ, записывала на скрижалахъ своихъ его признаки и приписывала себѣ иниціативу его. Цензура, съ своей стороны, тоже не препятство-

вала общему веселію, хотя въ государственномъ бюджетѣ, по прежнему, назначалась соотвѣтствующая сумма на заготовленіе красныхъ чернилъ и карандашей. Въ концѣ концовъ, веселье до того обострилось, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» г. Валентинъ Коршъ объявилъ прямо: «живемъ хорошо, а ожидаемъ — лучше», и съ этимъ девизомъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и приступилъ къ редактированію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Пименъ не то чтобъ порицалъ общее ликованіе, а какъ бы держался въ сторонѣ отъ него. Это многимъ казалось страннымъ, а между прочимъ и мнѣ.

— Помилуй, голубчикъ, говорилъ я ему: — какъ же ты не раздѣляешь общей радости! Сравни недавнее положеніе русской литературы съ теперешнею почти свободой ея — и ты, конечно, сознаешься, что это ужь не фантасмагорія, а фактъ. Во-первыхъ, литература не имѣетъ надобности прибѣгать къ езоповскимъ аллегоріямъ, а можетъ говорить яснымъ и выразительнымъ языкомъ. Во-вторыхъ, она смѣло вкладываетъ пальцы въ родныя язвы и, не выжидая начальственныхъ по сему предмету мѣропріятій, сама предлагаетъ средства къ уврачеванію. Въ-третьихъ, она не только не трепещетъ передъ начальствомъ, но прямо сознаетъ себя силой, съ которой нельзя не считаться... Ужели это не побѣда?

На это онъ отвѣчалъ мнѣ не то уныло, не то загодочно:

— Такъ-то такъ, и я, конечно, вмѣстѣ съ прочими, очень признателенъ начальству за его благосклонную къ литературѣ снисходительность; но, признаюсь, одно обстоятельство тревожитъ меня.

— Что же тутъ можетъ тревожить?

— Боюсь я: гаду много въ литературѣ заведется. До сихъ поръ, русскіе писатели держались особнякомъ, а если кто изъ нихъ и чувствовалъ въ себѣ поползновеніе къ податливости, то или совѣстился высказываться, или же понималъ, что въ результатѣ этой податливости можетъ быть только грошъ, такъ что, собственно говоря, икомпрометировать себя нѐ изъ чего. А теперь съ этой «практической ареной», смотри какая скачка съ препятствіями пойдетъ! Изо всѣхъ щелей бойцы вылѣзутъ, и всякій непремѣнно будетъ добиваться, чтобъ ему дали возможность товаръ лицомъ показать. Ну, и насрамятъ.

Прежде всего, это было несправедливо и даже какъ-будто

своекорыстно. Гадливость, высказанная Коршуновымъ относительно бойцевъ, выползающихъ изъ щелей, показалась мнѣ до того неожиданной, что въ головѣ моей невольно мелькнула мысль: ужь не стоитъ ли онъ на стражѣ литературнаго единоторжія? Но не успѣлъ я надлежащимъ образомъ формулировать мой вопросъ, какъ онъ, Пименъ, уже угадалъ его.

— Нѣтъ, я не объ этомъ, сказалъ онъ совершенно наивно:— я не за кусокъ свой боюсь — Христосъ съ ними, пускай конкурируютъ! — а за литературу. Право, за литературу!

— Но гдѣ же факты? воскликнулъ я: — что даетъ поводъ сомнѣваться въ будущемъ нашей литературы?

— И фактами похвалиться не могу — времени для фактовъ еще мало, но имѣю предвидѣніе... Я вижу людей, лица кототорыхъ должны были бы потускнѣть, а, между тѣмъ, они сіяютъ. Но, мало того, что эти господа не чувствуютъ себя сконфужеными — они, напротивъ, забѣгаютъ впередъ и объ томъ только и думаютъ, какъ бы повычурнѣе лягнуть то, передъ чѣмъ они еще вчера, у всѣхъ на глазахъ, раболѣпствовали. Развѣ это не страшно?

Въ виду подобныхъ предвидѣній, споръ, очевидно, утрачивалъ всякую реальную почву, и поэтому возражать было безполезно. Но, кромѣ того, оставался и еще вопросъ, который въ высшей степени тревожилъ меня: что же онъ, Пименъ, предполагаетъ дѣлать съ собою?

— Неужели же ты бросишь литературу? спросилъ я.

— Нѣтъ, не брошу, отвѣтилъ онъ: — во-первыхъ, дѣваться мнѣ некуда, во-вторыхъ, чѣмъ же я лучше другихъ? а въ-третьихъ, и новость дѣла меня не страшитъ: стоитъ только привыкнуть да изловчиться — и все пойдетъ какъ по маслу. Вѣдь всѣ эти такъ называемые «жизненные вопросы» таковы, что, право, любая курица можетъ объ нихъ написать съ три короба руководящихъ статей.

— Да, но вѣдь и статьи въ такомъ случаѣ будутъ куриныя?

— А ты думалъ, что теперь потребуются статьи орлиныя?

Какъ ни странны были эти отвѣты, но они меня успокоили, потому что въ нихъ проглядывала покорность судьбѣ. Надо сказать при этомъ, что въ началѣ эпохи возрожденія Пименъ участвовалъ въ одномъ толстомъ журналѣ, но вскорѣ какъ-то такъ случилось, что журналъ прекратилъ существованіе, и вслѣдствіе этого представилась такая дилемма: или класть

зубы на полку, или вступить на арену «живыхъ вопросовъ». Къ счастію, какъ разъ кстати, въ это самое время, нашъ общій другъ, Менандръ Прелестновъ, затѣялъ въ Петербургѣ новую газету и устроилъ при ней Пимена въ качествѣ передовика. Первые шаги Коршунова на этомъ новомъ поприщѣ были, конечно, довольно робки и нерѣшительны, но, мало по малу, онъ сталъ поправляться, поправляться — и черезъ мѣсяцъ такъ изловчился, что уже не оставалось желать ничего лучшаго. Однако, странное дѣло, всякій разъ, когда я принимался за чтеніе коршуновскихъ статей, меня почему-то такъ и обдавало какимъ-то специфическимъ куринымъ запахомъ...

Тѣмъ не менѣе, не смотря ни на возрожденіе, ни на куриный запахъ статей, Пименъ все-таки не утратилъ старой привычки трепетать. Я помню, однажды онъ принесъ мнѣ статью, смыслъ которой заключался въ томъ, что ежели будочникъ накрылъ вора на мѣстѣ преступленія, и не на столько физически силенъ, чтобъ однолично стащить его въ кварталъ, то всякій мимоидущій обыватель немедленно обязывается оказать ему содѣйствіе. Статья была написана горячо, убѣжденно и даже нѣсколько назойливо, то есть совсѣмъ такъ, какъ приличествуетъ страстно клохчущей курицѣ. Положеніе слабосильнаго будочника, въ виду грозящей обществу опасности, было изображено такимъ перекатнымъ бурмицкимъ слогомъ (style perlé), какимъ умѣютъ писать только могиканы сороковыхъ годовъ; напротивъ того, обязанность мимоидущаго обывателя была обрисована кратко и отрывисто, штрихами рѣзкими, почти приказательными. Однимъ словомъ, такъ эта статейка была хороша, умѣстна и благовременна, что я тутъ же не преминулъ поздравить Пимена съ успѣхомъ.

И вдругъ онъ меня поразилъ.

— Хорошо-то хорошо, сказалъ онъ: — я самъ понимаю, что по нашему мѣсту лучше не надо. Да вотъ въ чемъ штука: пройдетъ, или не пройдетъ?

— Помилуй, любезный другъ! разгорячился я: — да какое же, наконецъ, имѣешь ты право сомнѣваться въ этомъ! Могу удостовѣрить тебя, что не только пройдетъ, но даже, если позволительно такъ выразиться, пройдетъ *съ удовольствіемъ!*

— А помнишь, Булгаринъ говаривалъ: о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ начальства не слѣдуетъ отзываться не только въ смыслѣ порицанія, *но ниже въ смыслѣ похвалы*. Стало быть,

содѣйствіе слабосильному будочнику... Но позволь! прежде всего, отвѣть мнѣ на вопросъ: имѣемъ-ли мы право публично заявлять, что бываютъ слабосильные будочники?

— Почему же не заявить?

— Потому что это, хотя и отдаленное, но тѣмъ не менѣе все-таки несомнѣнное порицаніе. Кто опрѣдѣлилъ будочника?— квартальный! Кто опредѣлилъ квартальнаго? — частный приставъ! А затѣмъ, и пошлò, и пошлò! Вспомни-ка, какъ объ этомъ въ Булгаринѣ пишется?

— То Булгаринъ, а теперь...

— Нѣтъ, мой другъ, въ сущности, Булгаринъ отлично понималъ, въ чемъ тутъ суть. Ни порицанія, ни похвалы—вотъ истинный принципъ во всей чистотѣ. Потому что, гдѣ есть похвала, тамъ есть ужь разсужденіе, а въ этомъ корень всего. Отъ разсужденія не далеко до анализа, отъ анализа до порицанія. А потомъ пойдутъ несвоевременныя притязанія, подрыванія, потрясанія... Нашему брату публицисту нужно азбуку-то эту наизусть знать!

— Какія, однакожь, у тебя допотопныя теоріи! Разумѣется, осторожность никогда не лишняя, но не слишкомъ-ли ужь ты пересолилъ, голубчикъ? Вспомни, что теперь совсѣмъ другое время, что теперь всякое благонамѣренное указаніе, особливо ежели оно сдѣлано благовременно...

Однако, какъ я ни старался разувѣрить его, онъ такъ-таки и остался при своемъ: пройдетъ, или не пройдетъ?

Разумѣется, прошло.

Вообще, статьи его не только проходили, но и производили впечатлѣніе, такъ что одинъ статскій совѣтникъ искалъ даже случая познакомиться съ нимъ. Пименъ самъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ замѣчательномъ казусѣ.

— Пришелъ, братецъ, ко мнѣ на квартиру, рекомендуется: статскій совѣтникъ Растопыріусъ. Статьи ваши, говоритъ, превосходны, но чтобъ онѣ окончательно сдѣлались образцовыми, необходимо привести ихъ въ соотвѣтствіе. Нужно, чтобъ вы познакомились съ нѣкоторыми видами и соображеніями, которые поставятъ васъ на настоящую точку. Не сдѣлаете-ли вы, говоритъ, мнѣ честь пожаловать ко мнѣ на чашку чаю?

Разумѣется, какъ человѣкъ робкій и подверженный начальству, Пименъ не осмѣлился ослушаться. Онъ купилъ готовую

фрачную пару и пошелъ. Но тутъ произошло нѣчто неслыханное. Когда m-r Растопыріусъ подвелъ его къ m-me Растопыріусъ, и когда послѣдняя протянула ему ручку, Пименъ, вмѣсто того, чтобъ почтительно пожать эту ручку, бросился на хозяйку и обнялъ ее. И затѣмъ тотчасъ же упалъ въ обморокъ. Разумѣется, его немедленно же убрали. На этомъ попытка сближенія съ статскими совѣтниками и кончилась. Мало того: съ этихъ поръ Растопыріусъ даже открыто сталъ называть Пимена неблагонамѣреннымъ.

Но, кромѣ вопроса о томъ, пройдетъ, или не пройдетъ, было и еще одно слово, которое не сходило у него съ языка.

— Гаду много! безпрерывно восклицалъ онъ: — гаду! гаду! гаду!

И называлъ по именамъ. Но что всего хуже, я и самъ, по временамъ, становился въ тупикъ передъ его обличеніями. Дѣйствительно, хотя вполнѣ сформировавшихся, окончательно созрѣвшихъ годовъ, въ то время, еще нельзя было указать, но нѣчто намекающее ужь было. Были, такъ сказать, гады ближайшаго будущаго, заявлявшіе въ настоящемъ только о безконечной податливости. Большинство ихъ копошилось въ газетахъ, и, работая изо дня въ день, забывало сегодня, что говорило вчера, и заботилось лишь о томъ, чтобъ выходило бойко и занозисто. По истинѣ, это были совсѣмъ-совсѣмъ легкомысленные люди (но еще не распутные), хотя нѣкоторые изъ нихъ были несомнѣнно талантливы и пользовались извѣстностью.

Признаюсь, этими постоянными напоминаніями о гадахъ Пименъ достаточно-таки смущалъ меня, а однажды даже поставилъ въ весьма щекотливое положеніе.

Подобно Пимену, и я, грѣшный человѣкъ, изрѣдка пописывалъ передовыя статейки, но манера у меня была нѣсколько иная. Въ то время, какъ Пименъ мысленно облеталъ всю Европу и призывалъ во свидѣтельство древнія и новыя законодательства, чтобъ доказать, что будочникъ безъ свистковъ все равно, что мужикъ безъ портковъ, я ту же мысль проводилъ тонами двумя пониже. Я не прибѣгалъ къ громоздкой обстановкѣ, не блисталъ ученостью, но дѣйствовалъ по преимуществу съ помощью образовъ. Я изображалъ уныніе и безпомощность обывателей, отданныхъ на жертву грабителямъ, живописалъ отчаяніе будочника при видѣ безнаказанно убѣ-

гающаго вора, и этой мрачной картинѣ противополагалъ другую, болѣе свѣтлую: картину спокойствія обывателей, достигаемаго однимъ введеніемъ свистка. И ежели «серьезныя» статьи Пимена находили многочисленныхъ сочувствователей, то и моя скромная манера имѣла своихъ поклонниковъ. У Пимена былъ статскій совѣтникъ Растопыріусъ (уроженецъ суровой Финляндіи), у меня — статскій совѣтникъ Раскаряка (уроженецъ благословенной Малороссіи), которому, въ добавокъ, уже дано было слово, что къ предстоящей пасхѣ, онъ будетъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

И вотъ, однажды, сидитъ у меня статскій совѣтникъ Раскаряка, и мы мирно бесѣдуемъ. Радуемся происходящему, а въ будущемъ предаемся сугубой радости. Онъ говоритъ:

— Но представьте, какія перспективы!

Я отвѣчаю:

— А за этими преспективами еще преспективы! И еще, и еще и еще!

Словомъ сказать, жуируемъ.

Вдругъ вбѣгаетъ Пименъ. Блѣденъ, волосы на головѣ растрепаны, глазныя яблоки вылѣзаютъ изъ орбитъ, ничего не видитъ... Не видитъ даже статскаго совѣтника Раскаряку, который учтиво всталъ при появленіи его (чутьемъ узналъ, что вошелъ нублицистъ), и застылъ въ позѣ, ясно говорившей о готовности отрекомендоваться.

— Гады! гады! гады! внѣ себя рычалъ Пименъ, держа себя за голову.

Первая мысль моя была: не прошло!

— Что̀ такое? что̀ случилось? воскликнулъ я, бросаясь къ нему.

— На, читай!

Онъ подалъ мнѣ нумеръ только-что начавшей выходить газеты «И шило брѣетъ». Въ передовой статьѣ шла рѣчь о тѣхъ же самыхъ преспективахъ, о которыхъ мы только-что разговаривали съ статскимъ совѣтникомъ Раскарякою. Выражалось изумленіе передъ безконечностью преспективъ; бросался взглядъ на прошлое, и приподнималась завѣса будущаго; ставился вопросъ: выдержитъ-ли наше молодое общество, или не выдержитъ? Словомъ сказать, всѣ виды и предположенія, сейчасъ проэктированные Раскарякою, были изложены почти съ буквальною точностью.

— Чтожь тутъ такого... ужаснаго? изумился я: — не самъ-ли ты, не далѣе какъ вчера, въ статьѣ о передачѣ пожарной части въ вѣдѣніе городскихъ думъ...

Но Пименъ ничего не слышалъ и только восклицалъ:

— Ужасно, ужасно! ахъ, это ужасно!

Я привыкъ къ подобнымъ выходкамъ моего друга; но статскій совѣтникъ Раскаряка — не привыкъ. Онъ нѣкоторое время стоялъ въ нерѣшимости, словно прислушивался и соображалъ. И вдругъ, онъ позеленѣлъ и какъ-то непріятно заёрзалъ губами.

— Однако, милостивые государи, въ васъ блохъ-то еще довольно! процѣдилъ онъ сквозь зубы, и, не подавая мнѣ руки, гордо прослѣдовалъ въ переднюю.

Но чѣмъ же я-то тутъ виноватъ?!

Разумѣется я не позволилъ себѣ ни одного слова упрека Пимену, но въ глубинѣ души все-таки не могъ не сказать себѣ: такъ-то вотъ мы всегда! Безъ надобности раздражаемъ людей несвоевременными выходками, а послѣ жалуемся, что у насъ «не проходитъ»! А вѣдь отъ жалобъ, какъ извѣстно, одинъ шагъ и до раскаянія...

Къ удивленію моему, я впослѣдствіи узналъ (Коршуновъ самъ признался мнѣ въ этомъ), что точь въ точь такія же мысли волновали въ это время и Пимена, и что онъ, немедленно послѣ ухода Раскаряки, уже спохватился и началъ обдумывать на эту тэму передовую статью для завтрашняго нумера.

Я съ умысломъ останавливаюсь на этомъ фактѣ, ибо онъ очень назидателенъ. Мы, писатели, вообще слишкомъ легко относимся къ статскимъ совѣтникамъ, и подчасъ даже бываемъ склонны подтрунить надъ ними. Мы думаемъ, что статскій совѣтникъ не важная птица, и что отъ нея литературѣ ни тепло, ни холодно. Но, къ сожалѣнію, это мнѣніе заключаетъ въ себѣ самое пагубное самообольщеніе.

Во-первыхъ, нѣтъ въ природѣ субъекта, относительно котораго русскій писатель могъ бы считать себя вполнѣ безопаснымъ. Одни вліяютъ на него непосредственно, подвергая различнымъ непредвидѣнностямъ и даже лишая средствъ къ пропитанію; другіе — вліяютъ посредственно, распространяя въ обществѣ слухи, что литература есть вертепъ, въ которомъ

безчинствуютъ разбойники пера. Идетъ по улицѣ смѣшной прохожій, а ты, легкомысленный писатель, ужь и цѣпляешься за него! А почемъ ты знаешь, какую тайну хранитъ въ себѣ этотъ смѣшной прохожій?!

Во-вторыхъ, что касается спеціально статскихъ совѣтниковъ, то отнюдь не слѣдуетъ забывать, что каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ зерно дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ свою очередь, предполагаетъ въ себѣ зародышъ такого пышнаго цвѣта, одинъ видъ котораго можетъ сразу убить человѣка...

Всѣ эти превращенія нужно предвидѣть, и, вмѣсто того, чтобъ трунить надъ статскими совѣтниками, гораздо разсчетливѣе ихъ угобжать, дабы они, взойдя на высоту величія и славы, попомнили намъ это. Скажутъ, быть можетъ, что изъ ста статскихъ совѣтниковъ девяносто девять, навѣрное, такъ и отцвѣтутъ въ этомъ чинѣ, такъ стоитъ-ли дескать съ ними церемониться? Допустимъ, что и такъ. Но если даже одинъ изъ сотни разовьется какъ слѣдуетъ, то представьте, какое онъ дастъ отъ себя благоуханіе, и какъ это благоуханіе отзовется на литературѣ, смотря потому, былъ-ли расцвѣтшій субъектъ пренебреженъ или угобженъ въ скромномъ чинѣ статскаго совѣтника!

И еще скажу: прежде, нежели приступить къ насмѣшкамъ надъ статскимъ совѣтникомъ, необходимо соразмѣрить свои силы и на всякій случай подготовить приличное отступленіе. Я не порицаю раскаянія, но нахожу, что все-таки лучше вести себя такимъ образомъ, чтобъ и раскаяваться было не въ чемъ. Однако, мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ (особенно въ газетномъ дѣлѣ) бываетъ совершенно наоборотъ. Иной газетчикъ одинъ разъ сгрубитъ, въ другой разъ сгрубитъ, видитъ что ему сходитъ съ рукъ, а подписка между тѣмъ прибавляется — начнетъ допускать даже прихоти. Все-то ему не мило, все не такъ, все надо перемѣнить и даже вверхъ дномъ перевернуть. И вдругъ, статскій совѣтникъ начинаетъ когти выпускать. Выпускаетъ-выпускаетъ... хлопъ! Какой, съ Божью помощью, переворотъ! Въ одно прекрасное утро, читатель беретъ въ руки газету, въ надеждѣ, что статскаго совѣтника въ конецъ раскостятъ — и не вѣритъ глазамъ своимъ. Оказывается, что въ одну ночь статскій совѣтникъ и выросъ, и похорошѣлъ, и поумнѣлъ, и что всѣхъ

сомнѣвающихся въ этомъ слѣдуетъ признать людьми неблагонадежными и сокрушить.

Опять-таки повторяю: я не говорю, что такіе возвраты на путь высокопочитанія неприличны или безсовѣстны. Но спрашивается: зачѣмъ предпринимать такія дѣйствія, въ конечномъ результатѣ которыхъ должна оказаться одна вонь?

Увы! Раскаряка высказалъ горькую истину! Много, ахъ, какъ много водилось за Пименомъ блохъ! Непрерывно его щекоча и покусывая, эти блохи не давали его литературно-публицистическому дарованію развиться въ томъ благовременномъ направленіи, которое во Франціи извѣстно подъ именемъ оппортюнистскаго, а у насъ, покуда, носитъ кличку газетнаго легкаго поведенія.

Я знаю, впрочемъ, что Пименъ дѣлалъ очень серьезныя усилія, чтобъ быть свободнымъ отъ блохъ. Всю жизнь находясь подъ гнетомъ нужды, и зная твердо, что внѣ легкаго поведенія нѣтъ дѣятельности, онъ затыкалъ себѣ уши, чтобъ не слышать, зажималъ носъ, чтобъ не обонять, и закрывалъ глаза, чтобъ не видѣть. Обезпечивши себя такимъ образомъ, онъ строчилъ довольно свободно и приводилъ въ восторгъ статскаго совѣтника Растопыріуса. Но вдругъ, въ самомъ разгарѣ публицистическихъ затѣй, когда одна преспектива быстро смѣняетъ другую, когда въ нѣкоторомъ отдаленіи уже мелькаетъ чуть не фаланстеръ (были же военныя поселенія!) — его укуситъ «блоха», Пименъ вскакиваетъ, какъ ужаленный, хватаетъ себя за голову, вопитъ: это ужасно! ужасно! — и бѣжитъ вонъ изъ дому. И шляется Богъ вѣсть гдѣ (быть можетъ, на томъ самомъ митрофаніевскомъ кладбищѣ, куда судьба привела его теперь), до тѣхъ поръ, пока «сладкая привычка жить» не возьметъ верхъ и не загонитъ опять домой за постылый письменный столъ. Тогда онъ опять дѣлался смиренъ, опять начиналъ строчить, и строчилъ до тѣхъ поръ, пока новая «блоха» не уязвляла его...

Такъ и прошла вся эта жизнь...

Правда, что благодаря усиліямъ, которыя Пименъ постоянно надъ собой дѣлалъ, «блохи» появлялись сравнительно, довольно рѣдко; правда и то, что онѣ нигдѣ окрестъ не производили ни малѣйшей пертурбаціи; но вѣдь статскому совѣтнику Раскарякѣ нѣтъ дѣла ни до усилій, ни до пертурба-

цій; онъ чутьемъ догадывается, что «блохи» все-таки существуютъ, и говоритъ: достаточно-таки еще въ васъ «блохъ», милостивый государь!

Я помню, какъ Пименъ огорчился, когда нашъ другъ, Менандръ Прелестновъ, впервые провозгласилъ въ своей газетѣ, что «наше время не время широкихъ задачъ» (онъ сдѣлалъ это сгоряча и не предупредивъ Пимена).

— Слушай! читай! на̀, читай! восклицалъ Коршуновъ, подавая мнѣ нумеръ газеты: — говорилъ я тебѣ, что изъ этихъ «живыхъ вопросовъ» ничего, кромѣ распутства не выйдетъ! Куда теперь идти?

Но я уже прежде прочелъ эту статью и, право, не нашелъ въ ней ничего «такого». Такъ, глупость — надо же объ чемъ-нибудь писать! Поэтому, я, на сколько могъ, утѣшалъ Пимена.

— Ты преувеличиваешь, мой другъ! говорилъ я. — Во-первыхъ, Менандръ, открывая вопросъ о непригодности въ наше время «широкихъ задачъ», этимъ самымъ бросаетъ въ публику такую широкую задачу, надъ разрѣшеніемъ которой закружится не одна голова. Во-вторыхъ, если ты подозрѣваешь, что Менандръ нарочно пустилъ фортель, чтобъ «прельстить», то это напрасно: онъ просто закидываетъ уду общественному мнѣнію и прочимъ газетчикамъ. Нужны-ли широкія задачи или не нужны — это, конечно, бабушка на двое сказала, но полемика по этому поводу, навѣрное, возникаетъ и Менандръ будетъ себѣ подъ сѣнію ея «украшать столбцы». Въ-третьихъ, наконецъ, никто тебѣ не мѣшаетъ въ завтрашнемъ же нумерѣ написать разъясненіе, какъ слѣдуетъ понимать и т. д.

Но, въ горячахъ, мои резоны ни мало не утѣшили и не убѣдили его. Признаюсь, теперь, когда я разсуждаю хладнокровно, то понимаю и самъ, что Менандръ дѣйствительно поступилъ неладно. Въ извѣстномъ смыслѣ, для него было бы выгоднѣе поставить совсѣмъ противоположный тезисъ, а именно: доказывать, что такъ какъ подробности и мелочи давно всѣмъ опротивѣли, то теперь-то и наступило настоящее время для «широкихъ задачъ». Навѣрное, «украшеніе столбцовъ» было бы достигнуто этимъ путемъ гораздо существеннѣе...

— И отъ кого вышла эта распутная фраза! волновался

Пименъ: — отъ Менандра, котораго я считалъ послѣднимъ изъ Могикановъ именно по части широкихъ задачъ («style perlé» — почему-то мелькнуло у меня въ головѣ)! отъ Менандра, который знавалъ лучшія времена русской литературы! отъ Менандра, котораго всѣ обвиняли въ излишней щепетильности и даже брезгливости! Отъ Менандра, который... нѣтъ, это все онъ, все Гамбетта! повѣрь, что лавры оппортюниста Гамбетты не даютъ Менандру спать.

Высказавшись такимъ образомъ и не внимая никакимъ убѣжденіямъ, онъ схватилъ шапку и убѣжалъ. Но все-таки, хоть частью, онъ послѣдовалъ-таки моимъ внушеніямъ, потому что на другой день я уже читалъ въ газетѣ «разъяснительную» статью. Растолковывалось, что вчерашнее предостереженіе имѣло въ виду не тѣ широкія задачи, которыя, дѣйствуя благотворно на умственный уровень общества, тѣмъ самымъ полагаютъ начало полному развитію новыхъ и уже разрѣшенныхъ формъ жизни, но тѣ, которыя, имѣя лишь видъ «широкихъ задачъ», какъ волкъ въ овчарню, проникаютъ въ публику съ цѣлью произвести въ ней замѣшательство. Статья принадлежала перу Пимена, и тоже... прошла! И что всего замѣчательнѣе, Менандръ сдѣлалъ къ этой статьѣ примѣчаніе, гласившее такъ: «Мы и сами именно такъ и разумѣли наши вчерашнія слова, какъ понимаетъ ихъ нашъ почтенный сотрудникъ. *Ред.*».

Долгое время послѣ того Пименъ не казалъ ко мнѣ глазъ: совѣстился. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, онъ прибѣжалъ ко мнѣ, свѣтлый и радостный.

— Не прошло!

— Не можетъ быть!

— Не прошло и баста! не прошло! не прошло! не прошло!

— Да разскажи толкомъ, что̀ такое случилось?

— Не прошло — вотъ и все! А какую, братецъ, я штуку написалъ! Вѣдь я... ну, просто самъ Растопыріусъ навѣрняка простилъ бы меня за невѣжество, совершенное надъ его женой, и опять пригласилъ бы на чашку чаю! Да, есть Провидѣніе, есть! Рѣче безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть! анъ оно — вотъ оно! Спасибо, спасибо, спасибо старикамъ! прихлопнули! Фу ты!

— Но ежели ты самъ сознаешь, что написалъ «штуку» — зачѣмъ ты ее писалъ?

— Не могу! не понимаю! Газета, братецъ — это дьявольское навожденіе какое-то! Такъ тебя и тянетъ въ омутъ, такъ и пронизываетъ распутствомъ насквозь. Одуматься не дадутъ! передохнуть нѣтъ средствъ! такъ и стоятъ надъ душой: сейчасъ! сію минуту! пожалуйте оригиналъ! Ну, и...

— А Менандръ какъ принялъ это извѣстіе?

— Ѣздилъ. Да только на извощиковъ напрасно потратился. Отвѣтили: да послужитъ сіе вамъ урокомъ, что ежели порицанія не допускаются... безусловно! то и въ похвалахъ надлежитъ избѣгать излишней разнузданности!

— Вотъ какъ!

— Да, братецъ, ни порицаній, ни похвалъ! Я давно говорилъ: вотъ истинный принципъ во всей его чистотѣ!

— Стало быть, ты въ статьѣ допустилъ «излишнюю разнузданность» въ подвалахъ?

Пименъ, вмѣсто отвѣта, заалѣлся.

— О, Пименъ! Пименъ!

Начали мы вдвоемъ обдумывать, какимъ бы образомъ устранить на будущее время повтореніе подобныхъ казусовъ. Самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ представлялось совсѣмъ уйдти изъ газетной атмосферы. Но куда? — вотъ вопросъ. Толстыхъ журналовъ мало, да и тамъ всѣ мѣста заняты, негдѣ упасть яблоку. Поступить на частную службу? — и тамъ переполнено до краевъ; люди, изъ-за пятисотъ рублей годовыхъ, готовы другъ съ другомъ на ножи...

— Вотъ кабы ты на фортопьянахъ умѣлъ, такъ въ тапёры бы можно... рискнулъ я пошутить.

— А что ты думаешь! важно было бы!

— Знаешь-ли что! не предложить-ли газетчикамъ устроить по вечерамъ... нѣчто въ родѣ фельетоновъ en action? Ты бы, какъ передовикъ и стало быть человѣкъ солидный, за буфетомъ стоялъ... отлично!

Но Пименъ, вмѣсто отвѣта, только вздохнулъ: знакъ, что онъ начинаетъ впадать въ угрюмость.

— Я, братецъ, не только въ тапёры, но даже въ кассиры на желѣзнодорожную станцію не гожусь, наконецъ, вымолвилъ онъ: — пробовалъ я это... помнишь, *тогда*? да не выгорѣло! Я двадцать лѣтъ сряду въ литературѣ вращаюсь, двадцать лѣтъ одною ею живу. И ничего другого не понимаю. Знаю, что изъ моей дѣятельности ничего не выходитъ,

а все тянусь, все думаю: а вотъ, погоди. Сны какіе-то наяву вижу — такъ и проходитъ день за днемъ. Это умственное цыганство до того въѣдается, что нужно именно что-нибудь совсѣмъ чрезвычайное (вотъ какъ *тогда*), чтобъ человѣкъ пришелъ въ себя. Но если онъ и пойметъ, что вся его жизнь есть не болѣе, какъ безконечная цѣпь пустяковъ— что пользы въ томъ? Ну, пойметъ, и только. Ахъ, вѣдь у насъ даже «своего мѣста» нѣтъ, того «своего мѣста», куда всякій бѣжитъ, когда его настигнетъ бѣда! Вотъ я, напримѣръ. Особенными талантами природа меня не наградила, я не генералъ въ литературѣ, а простой солдатъ. Но вѣдь и солдатъ, если выслужилъ срокъ, въ правѣ воротиться въ «свое мѣсто» и тамъ забыть о солдатствѣ. А куда пойдетъ солдатъ литераторъ? Литературное ремесло имѣетъ свойство до того оболванивать человѣка, что онъ вездѣ, кромѣ литературы, представляетъ только лишній ротъ. И у меня отецъ и мать есть (овецъ духовныхъ въ смоленской епархіи пасутъ и волною ихъ питаются, прибавилъ онъ въ скобкахъ), да зачѣмъ я къ нимъ пойду? Во первыхъ, я и тамъ буду все объ своемъ паскудствѣ тосковать и бѣгать по помѣщикамъ, нельзя ли гдѣ газетки почитать; а во-вторыхъ, меня будетъ ежеминутно точить мысль, что я лишній ротъ, каковыхъ въ моей семьѣ не полагается. А ужь какъ мнѣ опостылѣло литературное ремесло, если бы ты зналъ! такъ опостылѣло! такъ опостылѣло!

Пименъ въ волненіи нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Иногда вся внутренность горитъ, продолжалъ онъ: — саднитъ, ноетъ, сосетъ, не знаешь, куда дѣваться отъ тоски. Если бы слезы можно было выжать, легче бы было, да негдѣ ихъ взять. Нѣтъ, никогда этого не бывало! никогда, даже въ самые горькіе дни плѣненія вавилонскаго не знали такой мертвенной тоски, такого холоднаго отчаянія! «Наше время не время широкихъ задачъ» — этимъ все сказано! Тутъ и скудоуміе, тутъ и распутство, и желаніе сказать нѣчто пріятное... Ахъ!

— Слушай! да надо же выходъ найти!

— Оставаться по прежнему въ вертепѣ — вотъ и выходъ. Тянуть безконечную канитель невѣдомо объ чемъ, распинаться невѣдомо по поводу чего, поучать невѣдомо чему, преслѣдовать невѣдомо какія цѣли, жить въ постоянномъ угарѣ,

упразднить мысль и залѣплять глаза пустословіемъ, балансировать между «съ одной стороны нужно сознаться» и «съ другой стороны нельзя не признаться» — вотъ удѣлъ современнаго литературнаго солдата! Другого ничего не выдумаешь. И когда, послѣ такого-то трудового дня, начнешь на сонъ грядущій припоминать, что̀ было — ну, хоть убей, ничего не припомнишь! Чувствуешь только усталость физическую, и затѣмъ обрывки, винегретъ—и ничего больше. Даже для сновъ настоящаго метеріала нѣтъ.

Онъ отеръ потъ, выступившій на лбу, и остановился передо мной.

— Патроны наши, сказалъ онъ: — тѣ, на сонъ грядущій, хоть счетомъ барышей отъ розничной продажи могутъ заняться, а мы?

Но тутъ онъ ужь окончательно разсердился.

— Мы-то, мы-то, скажи, изъ-за чего себя нудимъ?

Да, были блохи у Пимена. Но чѣмъ пышнѣе разцвѣтала пресса, чѣмъ либеральнѣе становились ея замашки, тѣмъ смирнѣе и какъ-то унылѣе становился мой другъ. «Блохи» скрывались одна по одной и, наконецъ, пропали совсѣмъ. Онъ не ерошилъ волосъ, не восклицалъ въ тоскѣ: ахъ, это ужасно! а неутомимо и безропотно строчилъ съ утра до вечера, не чувствуя ни удовольствія, ни омерзенія...

Менандръ стушевался. Не успѣвъ совладать съ «разнузданностью въ похвалахъ», онъ до того раздражилъ своими «наглыми» усиліями попасть въ тонъ минуты («все это одно крокодилово притворство!» говорилъ про него статскій совѣтникъ Растопыріусъ), что вынужденъ былъ уступить мѣсто другимъ, болѣе снаровистымъ дѣятелямъ. Сначала явилась либеральная газета «Чего изволите?», затѣмъ, и еще болѣе либеральная: «И шило брѣетъ». Но Пименъ до того уже потерялъ нюхъ, что не могъ отличать степеней либерализма, и безразлично работалъ то тутъ, то тамъ.

Онъ почти совсѣмъ пересталъ ходить ко мнѣ, я же посѣщалъ его довольно часто, и всегда заставалъ за работой.

— Не помѣшалъ-ли я? спросилъ я его однажды.

— Нѣтъ, какая помѣха! Работа такого сорта, что на всякомъ мѣстѣ можно точку поставить! Было бы пристойное количество «строчекъ», а объ остальномъ, то есть о противорѣ-

чіяхъ, неясностяхъ и даже пошлостяхъ, я давно уже не забочусь. Все равно, читатель сжуётъ.

— Объ чемъ же ты пишешь? все, чай, о перспективахъ?

— Нѣтъ, о перспективахъ писать теперь ужь черезчуръ широко. По нашему, это называется «расплываться». Нынче мы больше по части патріотистики и пламени сердецъ, къ которымъ, ради оживленія столбцовъ, пристегивается и взнуздываніе. Вотъ, напримѣръ, я написалъ статью «Гдѣ корень зла?»—хочешь, прочту?

— Нѣтъ, ужь не надо! Ахъ, Пименъ, Пименъ! зачѣмъ ты это пишешь?

— Какъ сказать, зачѣмъ? знаю грамматику, синтаксисъ, учился правописанію, умѣю разставлять знаки препинанія — вотъ и пишу. Неужто же, обладая такими сокровищами, оставлять ихъ втунѣ?

— А знаешь-ли, что я замѣтилъ. Прежде, бывало, хоть ты и не подписывался подъ статьями, а я все-таки узналъ твою манеру. Прочтешь и скажешь:—вотъ это Коршуновъ писалъ. И даже отгадаешь: а вотъ это словечко Менандръ лично отъ себя вклеилъ! А нынче, какъ ни стараешься угадать — всѣ статьи на одинъ манеръ пишутся!

— Это у насъ новая метода завелась, съ тѣхъ поръ, какъ отъ передовика ничего, кромѣ правописанія, не требуется. Чтобъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Выгодно это, голубчикъ. Во-первыхъ, публика читаетъ и думаетъ: стало быть, однакожь, у нихъ есть что-нибудь за душой, коли они такъ спѣлись! а во-вторыхъ—дешево.

— Это почему?

— А потому что, если однажды данъ извѣстный шаблонъ, то нѣтъ нужды дорожить сотрудничествомъ той или другой личности. Всякій встрѣчный можетъ любую статью написать, все равно какъ свадебныя приглашенія. Важнѣе всего—аккуратность, чтобъ не задерживать типографію. Поэтому, и передовики нынѣшніе присмирѣли: знаютъ, что мѣсто свято пусто не будетъ. Прежде, мы упирались, растабарывали объ убѣжденіяхъ, а нынче этого ужь не полагается.

— Однако, некрасивое ваше положеніе!

— Покуда еще ничего, можно терпѣть, а вотъ въ ближайшемъ будущемъ... Я, напримѣръ, покуда еще не стѣсняюсь, и почти совсѣмъ *туда* не хожу: покажешься на минуту, сдашь

что слѣдуетъ—и былъ таковъ. А скоро, пожалуй, и прихоти заведутся: придется различные виды и соображенія выслушивать. А еще того горше: вечера для обмѣна мыслей устроятъ, да съ дамами, да съ отставными полководцами, да съ «дипломатами», да съ разсказами изъ народнаго быта... Вотъ когда худо-то будетъ! Придется самолюбіе хозяйки дома щекотать, выслушивать полководческое фрондёрство и въ антрактахъ освѣжаться протухлыми побасёнками!

— А развѣ есть ужь признаки, предвѣщающіе что-нибудь подобное?

— Есть. На меня ужь и теперь косятся, что мало разговариваю. Надняхъ, я *тамъ* былъ—*сама* выбѣжала. «Вы, говоритъ, Коршуновъ?»—Я, говорю. «Ахъ, какой вы нелюбезный!»

— Съ чегожь это она?

— Стало быть, разговоръ былъ. Въ Аспазіи она къ нашему Периклу готовится—ну, и принимаетъ участіе. Да, терпятъ меня покуда, любезный другъ! но только терпятъ. А такъ какъ и ангельскому терпѣнію предѣлъ есть, то поневолѣ спрашиваешь себя: что будетъ, когда этотъ предѣлъ настанетъ? Разумѣется, стану просить милости. Негожусь въ передовики — можетъ быть, къ «намъ пишутъ» опредѣлятъ, или «Таинства мадридскаго двора» переводить велятъ. Все равно какъ въ домѣ терпимости: сперва, гостей занимать заставляютъ, а потомъ, какъ розы-то отцвѣтутъ, начнутъ въ портерную за пивомъ посылать.

До этого, однако, не дошло, хотя мнѣ самому не разъ приходилось слушать отзывы: ахъ, какой непріятный у Коршунова характеръ! И не только Аспазія, но и самъ Периклъ отзывался такъ. Пименъ имѣлъ даже по этому поводу объясненіе, но, къ счастію, успѣлъ доказать, что до его «характера» никому никакого дѣла нѣтъ. Я убѣжденъ, однакожь, что едва-ли бы онъ доказалъ это, если бы у него не было кой-какой опоры въ прошломъ. Ради этого прошлаго, его, очевидно, щадили, ибо, какъ ни «разносторонни» современные дѣятели политики и литературы, но есть еще ниточка (очень тоненькая), которая связываетъ ихъ съ прошлымъ. Вотъ когда и они сойдутъ со сцены, то на ихъ мѣсто придутъ «новѣйшіе» дѣятели—этихъ ужь ничто не будетъ связывать. Тогда, натурально, Коршуновыхъ выметутъ помеломъ.

Изрѣдка, впрочемъ, и Пименъ оживлялся, и именно въ тѣхъ

случаяхъ, когда у него накоплялся запасъ анекдотовъ о Периклахъ. Главное горе Перикловъ заключалось въ томъ, что они вѣчно были въ поискахъ за идеею, которую, впрочемъ, безразлично называли и идеею, и фортелемъ. Какую бы идею начать проводить? на какой бы фортель подняться?—вотъ задача, которую предстояло разрѣшить. Читатель капризенъ, и однообразныя статьи надоѣдаютъ ему. Однообразіе можно допустить только въ исключительныхъ случаяхъ. Вотъ, напримѣръ, во время войны—ахъ, какая розничная продажа была! Но разъ исключительныя обстоятельства кончились, надо подниматься на фортель. И не одинъ фортель, а даже нѣсколько таковыхъ не худо найти. Какъ вы, напримѣръ, на счетъ либерализма полагаете? а? хорошо? Съ Богомъ, начинайте-ка рядъ статей! Или на счетъ святости подвига? а? вѣдь подвигъ-то, батюшка, очищаетъ человѣка, даетъ его жизни смыслъ? Тиснемте-ка статейку... а? Главное, дремать не нужно, да почаще оглядываться кругомъ. Да, вотъ и еще тэма... мирные успѣхи! По возвращеніи съ поля брани это даже самое подходящее дѣло... въ носъ бросится—а? Эту штуку пять лѣтъ хлебай—не расхлебаешь! Начать хоть съ желѣзныхъ дорогъ... или нѣтъ, это ужь старо! Просто начнемъ съ земледѣльческой промышленности! «Россія страна земледѣльческая»... это хоть тоже старо, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всегда ново, потому что Россія, дѣйствительно, страна земледѣльческая, стало быть, какъ ни вертись, а этой тэмы не минешь! Не въ томъ бѣда, что мы земледѣльцы, а въ томъ, что мы нашъ продуктъ въ зернѣ отпускаемъ... а? Отсюда, прямой выводъ: заводить маслобойни, винокурни, мельницы—главное, мельницы! А когда съ земледѣльческою промышленностью покончимъ, можно и за горнозаводскую промышленность взяться: рельсы, паровозы, пароходы, желѣзо листовое и прокатное, гвозди... Нужна-ли покровительственная система, или не нужна... а? А потомъ и до рубля доберемся... ахъ, этотъ рубль! сколько публицистическихъ усилій, сколько полемики потрачено, чтобъ онъ настоящимъ рублемъ смотрѣлъ, а онъ все на полтинникъ смахиваетъ! Придется, пожалуй, и пословицу: «взглянулъ, словно рублемъ подарилъ» говорить такъ: взглянулъ, словно полтинникомъ подарилъ! Да, надо, надо какъ-нибудь этому горю помочь! И поможемъ, съ Божьей помощью... да! А, наконецъ, когда наговоримся досыта, можно и заключеньице

сформулировать: впрочемъ—тутъ что бы мы ни говорили, мы знаемъ заранѣе, что наши слова все равно, что къ стѣнѣ горохъ... а? какъ вы думаете? хорошо будетъ? а?

Но какъ ни любопытны были эти анекдоты, а настоящей веселости въ нихъ все-таки не было. И самъ Коршуновъ, повидимому, сознавалъ это, потому что, истощивъ свой запасъ, онъ неизмѣнно заканчивалъ одною и тою же угрюмою фразой:

— И всѣ эти фортели я обязываюсь, съ Божьею помощью, развить!

Такимъ образомъ онъ промаячился года три сряду.

Одно было недурно: Коршуновъ получалъ хорошій гонораръ за свои работы. Но лишнихъ денегъ у него все-таки не бывало, потому что «свое мѣсто» поглощало, навѣрное, половину заработка.

Да, и у Коршунова было «свое мѣсто», которое довольно часто напоминало ему себя. Отецъ Пимена былъ старъ и добывалъ мало, да и овцы, которыхъ онъ пасъ, имѣли волну скудную. А семья была большая: семь дочерей при одномъ сынѣ, Пименѣ. На этого сына былъ сначала разсчетъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, хоть дьякономъ будетъ, а онъ вдругъ ускользнулъ. И долгое время, покуда Пименъ бѣдствовалъ, едва заработывая на хлѣбъ лично для себя, между нимъ и отцомъ шла ожесточенная полемика. Отецъ ужь пріискалъ сыну невѣсту и намѣтилъ дьяконское мѣсто, но сынъ бунтовалъ. Дѣло доходило до жалобъ и просьбъ о высылкѣ по этапу, вслѣдствіе чего Пименъ скрывался, не имѣя постояннаго пристанища. Но, наконецъ, Пимену посчастливилось. Заработокъ его увеличился, и онъ первыя же «лишнія» деньги послалъ домой. Тогда его оставили въ покоѣ.

Въ «своемъ мѣстѣ» смекнули, что, не смотря на странное занятіе, Пименъ все-таки добытчикъ, и, разумѣется, рѣшились пользоваться этимъ. Онъ чаще и чаще началъ получать отписки съ родины, и каждая неизмѣнно заключала въ себѣ напоминаніе объ деньгахъ. То сестру выдаютъ замужъ и надо готовить приданое, то коровушка пала, то милость Божья пристигла, хлѣбъ градомъ выбило. Коршуновъ вытягивался въ нитку, чтобъ удовлетворять этимъ требованіямъ, самъ же постоянно нуждался. Разумѣется, онъ понималъ, что единственно на этихъ денежныхъ соображеніяхъ и держатся кровныя связи,

но чувствовалъ-ли онъ по этому поводу сердечную боль — это сказать трудно. Вообще, онъ упоминалъ о домашнемъ очагѣ рѣдко и сдержанно, и никогда не порывался въ побывку домой, говоря, что пріѣздъ его только прибавитъ лишній ротъ въ семьѣ.

Но, кромѣ кровной связи, имѣлъ-ли Пименъ какую-нибудь вольную сердечную привязанность? Ощущалъ-ли онъ, хотя въ молодые годы, то блаженное таяніе сердца, которое ощущаетъ всякій юноша въ періодъ весенняго расцвѣтанія? Увы! эти вопросы даже въ голову никому не приходили—до такой степени своеобразною казалась личность Коршунова. Ходили, правда, анекдоты о якобы любовныхъ его похожденіяхъ, но всѣ очень хорошо понимали, что это только анекдоты, скорѣе служившіе къ подтвержденію противнаго. Вообще на него смотрѣли, какъ на человѣка, для котораго вопросъ о сближеніи половъ составляетъ нѣчто совсѣмъ постороннее, его не касающееся. Даже когда возникъ такъ называемый женскій вопросъ — и тутъ онъ уклонялся, не смотря на то, что этотъ вопросъ стоялъ на чисто теоретической почвѣ. Иногда, впрочемъ, замѣчая, что онъ ужь черезчуръ утрируетъ въ этомъ смыслѣ, я невольно нападалъ на мысль, что причина этого явленія заключается не столько въ холодности темперамента, сколько въ неопреодолимой застѣнчивости. Повидимому, онъ слишкомъ настойчиво говорилъ себѣ, что такъ ужь сложилась его жизнь. Бываютъ люди, которымъ на роду суждено глубокое и горькое заточеніе, и онъ принадлежалъ къ числу этихъ людей. Просто было почти нелѣпо вообразить его себѣ любящимъ и любимымъ. Пименъ, смотрящій въ книжку, Пименъ съ перомъ въ рукахъ — вотъ настоящій Пименъ. Но Пименъ тающій, палимый страстью къ женщинѣ, Пименъ, шепчущій признанія любви и просвѣтленный увѣренностью въ взаимности — помилуйте, это какое-то баснословіе, это почти клевета!

Точно также было и по части дружбы. Пименъ вращался исключительно въ литературной средѣ, гдѣ, въ взаимныхъ отношеніяхъ, примѣшивается очень значительная доля раціонализма. Я не отрицаю, что связи, вслѣдствіе этого, становятся болѣе прочными, но думаю, что въ то же время онѣ пріобрѣтаютъ окраску исключительно дѣловую, и совершенно утрачиваютъ тотъ ласкающій элементъ, который такъ присущъ инстинктивной дружбѣ. Бываютъ, однакожь, минуты, когда че-

ловѣкъ имѣетъ право быть малодушнымъ, когда онъ чувствуетъ непреодолимую потребность жаловаться, роптать, проклинать, не соображая, глупо это или умно, полезно или безполезно— и вотъ въ эти минуты ему-то необходимо, чтобъ дружеская рука сняла хоть часть того бремени, которое давитъ его. Ничего подобнаго Коршуновъ положительно не зналъ: онъ малодушествовалъ, жаловался и проклиналъ — въ пространство.

Онъ не былъ настолько силенъ и одаренъ, чтобъ составить около себя кружокъ, а слѣдовательно не могъ создать для себя и искуственной дружбы. Онъ самъ былъ по природѣ поклонникомъ, страстнымъ и беззавѣтно преданнымъ, но поклонниковъ не имѣлъ и пользовался только благосклоннымъ сочувствіемъ. Сверхъ того, составъ кружка, которому онъ былъ преданъ, часто мѣнялся; люди вымирали и исчезали, а наконецъ, кружокъ и совсѣмъ распался. Приблизившись къ старости, Пименъ очутился въ невѣдомой средѣ, окруженный незнакомыми людьми, и все-таки вынужденный работать съ ними. Эти насильственныя сближенія до того изнуряли его, что нерѣдко онъ буквально ходилъ какъ потерянный.

Таковы были кровныя и вольныя связи Пимена. Совокупность ихъ составляла мученическое существованіе, хотя видимыхъ пытокъ и не было. Дома, онъ видѣлъ голыя стѣны квартиры; внѣ дома — видѣлъ деревянныхъ людей. Развѣ можно представить себѣ пытку болѣе злостную?

И вотъ, онъ умеръ. Умеръ въ одинъ день съ первой гильдіи купчихой Пулхеріей Конопатчиковой, которая спокойно и непостыдно отошла въ вѣчность, окруженная заботливыми попеченіями законныхъ наслѣдниковъ. Пименъ же и умеръ словно украдкой, такъ что о смерти его узнали отъ квартирной хозяйки, которая прежде всего побѣжала въ участокъ, а потомъ ударилась за деньгами въ литературный фондъ, потому что въ послѣднее время Коршуновъ почти совсѣмъ не работалъ.

На кладбищѣ громко говорили, что купчиха Конопатчикова оставила шести сынамъ — каждому по двадцати пяти тысячъ, и тремъ дочерямъ — каждой по десяти. Да старшему сыну отказала лавку, а божіе благословеніе раздѣлила между всѣми поровну. Все это и батюшка въ своей предикѣ упомянулъ не въ осужденіе усопшей, но въ похвалу. Что же оставилъ послѣ себя Пименъ?

Страшно сказать, но ничего яснаго. Человѣкъ жилъ, неутомимо трудился, и, по мѣрѣ того, какъ его трудъ приводился къ окончанію, онъ тутъ же и улетучивался.

Вотъ я сказалъ, что Пименъ нѣкогда участвовалъ въ творчествѣ извѣстныхъ наслоеній, которыя, быть можетъ, и не прошли безслѣдно. Но кто же разберетъ, что въ этихъ наслоеніяхъ принадлежитъ ему и что другимъ атомамъ общей рабочей массы? Да и кому охота возвращаться къ этимъ забытымъ наслоеніямъ, а тѣмъ болѣе разбираться въ нихъ?

Даже историкъ русской литературы и общественности — и тотъ не отыщетъ Пимена, потому что надъ рабочею массой всегда рѣетъ какое-нибудь выдающееся имя. Этому имени и честь, и слава, и поклоненіе. И слава, и страданія, и подвигъ — все достойно вмѣнится ему въ сугубую похвалу. А Пимену даже по истинѣ мученическая его жизнь ни во что не вмѣнится, потому что объ ней нигдѣ не упоминается, и она нигдѣ не оставила слѣдовъ своей крови.

Я помню, онъ мнѣ говорилъ: когда я умру, то на памятникѣ моемъ надобно написать: литература освѣтила ему жизнь, но она же напоила ядомъ его сердце. Да, это надпись хорошая и вполнѣ согласная съ истиной, но вопросъ въ томъ, будетъ-ли когда-нибудь памятникъ на его могилѣ?

Допустимъ, однакожъ, что памятникъ — уже прихоть. Гораздо проще другой вопросъ: долго-ли мы, схоронившіе Пимена, будемъ ощущать, что смерть его оставила послѣ себя пустоту? долго-ли воспоминаніе объ немъ будетъ жить между нами?

Онъ жилъ — и умеръ... Благо умершимъ!

СТАРЧЕСКОЕ ГОРЕ

или

НЕПРЕДВИДѢННЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ЗАБЛУЖДЕНІЙ УМА.

(РАЗСКАЗЪ).

Про Каширина всѣ говорили: вотъ истинно милый человѣкъ! А нѣкоторые прибавляли: это человѣкъ свѣтлаго ума, любезный, преданный дѣлу и замѣчательно интересный; однимъ словомъ, человѣкъ, знакомствомъ съ которымъ слѣдуетъ гордиться. Люди самыхъ противоположныхъ лагерей сходились въ любви къ Каширину и въ признаніи его достолюбезныхъ качествъ. Съ своей стороны, и онъ всѣхъ любилъ, со всѣми здоровался и всякому имѣлъ сказать что-нибудь пріятное. И всегда это пріятное выражалось съ такою сердечностью, какъ-будто оно было адресовано исключительно тому лицу, къ которому обращалось, а вовсе не представляло собой банальной фразы, которую можно примѣнить ко всякому встрѣчному. И всякому представлялось (особливо самолюбивымъ людямъ), что это не была съ его стороны только ловкость, а именно интимное выраженіе достолюбезныхъ свойствъ его природы.

Словомъ сказать, хотя Филипу Филипычу (такъ зовутъ Каширина) перевалило за пятьдесятъ, но онъ рѣшительно не помнитъ, чтобъ, до послѣднихъ непредвидѣнныхъ невзгодъ.

*

существованіе его было когда-нибудь омрачено продолжительнымъ и существеннымъ огорченіемъ.

Какимъ образомъ явился Филипъ Филипычъ на сцену жизни, и откуда, «изъ какихъ» онъ былъ родомъ — никто объ этомъ достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣлъ, самъ же онъ очень ловко уклонялся отъ вопросовъ на эту тэму. Въ дѣйствительности, онъ былъ родомъ изъ-подъ Пронскаго города, сынъ мелкопомѣстнаго помѣщика, и даже до днѣсь у него живетъ въ тѣхъ мѣстахъ тетка Агафья Ивановна, старая дѣвица, въ пользу которой Каширинъ отказался отъ своего родоваго наслѣдства. Наслѣдство это, по старому крѣпостному счету, заключалось въ трехъ мужеска полъ душахъ, при двадцати пяти десятинахъ земли. Когда состоялась крестьянская эмансипація, то за души выдали деньги, которыя Филипъ Филипычъ взялъ себѣ, а землю, съ находящеюся на ней ветхой усадьбой, съ движимымъ имуществомъ, съ лѣсами, водами, рыбными ловлями и прочими угодьями, предоставилъ тетенькѣ Агафьѣ Ивановнѣ. Съ свой стороны, Агафья Ивановна, въ знакъ благодарности, ежегодно присылала ему къ Рождеству двухъ замороженныхъ индеекъ, каковаго презента онъ, впрочемъ, всегда ожидалъ съ большимъ страхомъ, потому что боялся, чтобъ кто-нибудь изъ «друзей», провѣдавъ объ этомъ, не заговорилъ, «въ шутливомъ русскомъ тонѣ», о славномъ и знаменитомъ родѣ Кашириныхъ.

Воспитаніе Филипъ Филипычъ получилъ, по своему времени, хорошее, и собственно съ момента поступленія въ казенное заведеніе начиналъ свою историческую жизнь. Вѣроятно, отецъ его былъ тоже нрава достолюбезнаго и чувствовалъ себя хорошо въ роли ласковаго теляти — и это въ значительной степени помогло молодому Каширину. Благодаря этому обстоятельству, богатый сосѣдъ (онъ же и любитель просвѣщенія) приголубилъ маленькаго Филю, и сначала воспиталъ его съ своими дѣтьми, дома, потомъ помѣстилъ на свой счетъ въ университетскій пансіонъ, откуда онъ перешелъ въ московскій университетъ, и, наконецъ, умирая, завѣщалъ своему питомцу небольшой капиталъ. Впослѣдствіи, когда молодые потомки богатаго барина пошли бойко по службѣ, то и они помогли Каширину. Филипъ Филипычъ поддерживалъ эти связи, но не только безъ навязчивости, а даже болѣе, нежели съ скромностью. Смолоду, онъ даже скрывалъ объ

этомъ обстоятельствѣ отъ своихъ «друзей», хотя друзья очень хорошо понимали, что у него есть гдѣ-то «рука», благодаря которой онъ преуспѣваетъ на бюрократическомъ поприщѣ. Впрочемъ, онъ очень аккуратно посѣщалъ своихъ патроновъ и патронессъ въ дни семейныхъ и торжественныхъ праздниковъ, и изрѣдка являлся къ нимъ, по приглашенію, запросто отобѣдать. Иногда, «коренные» друзья, прогуливаясь съ Филипомъ Филипычемъ по Невскому, видали, какъ какая-нибудь высокопоставленная дама дружелюбно кивала Каширину изъ коляски, и онъ, почтительно отдавая поклонъ, краснѣлъ. И ежели эти «друзья» были литераторы, то они очень остроумно по этому поводу подшучивали надъ Каширинымъ, но ежели «друзья» были бюрократы, то они задумывались и крѣпко сжимали стастливцу руки. Сверхъ того, раза два-три въ годъ, бывали такіе случаи, что сами патроны и патронессы (древо стараго добраго барина оказалось многовѣтвистымъ), сами назывались къ своему интересному protégé на «вечерокъ» и привозили дѣтей съ гувернантками. Въ такіе дни онъ покупалъ печенія къ чаю, конфектъ, фруктовъ, шампанскаго, курилъ въ квартирѣ духами, облекался во фракъ, спускалъ на окнахъ драпри, чтобъ не видно было съ улицы свѣта, и строго на строго приказывалъ швейцару (онъ жилъ въ четвертомъ этажѣ, но всегда въ такомъ домѣ, гдѣ былъ заведенъ швейцаръ) отнюдь не пускать «друзей». Патроны, патронессы, ихъ дѣти и гувернантки кушали чай, конфекты и фрукты, выпивали по бокалу шампанскаго, хвалили квартиру Каширина, и находили, что у него очень «мило». Онъ же старался быть почтительно-гостепріимнымъ (но безъ всякаго искательства), предоставлялъ въ распоряженіе гувернантокъ и дѣтей piano mécanique (для этого собственно онъ его и пріобрѣлъ), а дамамъ показывалъ альбомы съ фотографическими карточками, кипсеки и платокъ, подаренный Гарибальди одному изъ его друзей, а отъ послѣдняго перешедшій къ нему. Вообще, онъ былъ безконечно сіяющъ и любезенъ, хотя внутренно и мучился, чтобъ кто-нибудь изъ литературныхъ «друзей» не пронюхалъ о пиршествѣ и не положилъ его въ основаніе разсказовъ болѣе или менѣе юмористическаго свойства.

Въ университетѣ Каширину удалось слушать лекціи Грановскаго, тогда только что начавшаго свою воспитательную дѣятельность. Это положило неизгладимую печать на всю его

жизнь: дало ему вкусъ къ изящному, и, что важнѣе всего, утвердило въ намѣреніи неуклонно идти по стезѣ честности и благородства. И онъ шелъ по этой стезѣ до конца, и очень глубоко скорбѣлъ, видя, какъ нѣкоторые изъ его товарищей, тоже ученики Грановскаго, поступали на службу, «прибытка ради», въ московскую гражданскую палату, и тамъ находили себѣ успокоеніе подъ сѣнью «крѣпостныхъ дѣлъ». Самъ же онъ всегда выбиралъ службы самыя благородныя, съ легкимъ фрондирующимъ оттѣнкомъ (фрондировать не служа онъ не могъ, потому что не имѣлъ достаточно обезпеченныхъ средствъ къ жизни), а именно: сначала поступилъ на службу въ вѣдомство «Предвкушенія свободъ», потомъ, когда благородство изъ этого вѣдомства перешло въ вѣдомство «Плаваній и Внезапныхъ открытій», то и онъ, вслѣдъ за нимъ, перешелъ туда же, и, наконецъ, когда времена окончательно созрѣли, онъ окончательно утвердился въ вѣдомствѣ «Дивидендовъ и Раздачъ». Навѣрное онъ попалъ бы и въ преобразованное судебное вѣдомство, яко наиблагороднѣйшее и несмѣняемѣйшее, если бы, ко времени введенія реформъ, не почувствовалъ себя состарѣвшимся и обрюзгшимъ.

То же живое слово Грановскаго воспитало въ немъ и наклонность къ литературѣ. Собственно говоря, самъ онъ не былъ литераторомъ, но перевелъ, однакожъ, съ кѣмъ-то вдвоемъ, статейку для «Отечественныхъ Записокъ» временъ Бѣлинскаго, и, кромѣ того, изобрѣлъ два-три счастливыя выраженія, которыми и воспользовались литераторы настоящіе, сдѣлавшіеся, впослѣдствіи, знаменитыми. Сверхъ того, онъ въ особенности любилъ непропущенныя цензурой статьи, или хотя отдѣльныя мѣста изъ нихъ и страстно коллексіонировалъ ихъ. Вообще, онъ смолоду охотно искалъ общества литераторовъ и былъ всегда испытаннымъ и вѣрнымъ ихъ другомъ, хотя многіе изъ нихъ отплачивали за эту дружбу легкомысленнымъ предательствомъ. Въ сороковыхъ годахъ, съ талантливостью какъ-то фаталистически соединялась склонность къ пересмѣшничеству и даже немного къ вѣроломству. Каширинъ очень часто и больно страдалъ отъ этого, но, къ чести его должно сказать, никакія личныя огорченія не заставили его отвернуться отъ литературы, а тѣмъ менѣе мстить ей. И когда учрежденъ былъ литературный фондъ, то онъ за осо-

бенную себѣ честь поставилъ быть однимъ изъ его учредителей и печальниковъ.

Вообще, все существованіе Филипа Филипыча имѣло подкладку несомнѣнно гуманную и либеральную. Хотя же онъ и не высказывалъ своего либерализма вслухъ, но при случаѣ такъ характерно произносилъ «гм» и даже «эге!», что въ умѣ сколько-нибудь прозорливаго собесѣдника не могло оставаться никакихъ сомнѣній на счетъ душевнаго его настроенія.

Каширинъ прожилъ жизнь тихо и аккуратно. Занимая по службѣ мѣста благородныя и снабженныя хорошимъ содержаніемъ, онъ не только не нуждался, но всегда жилъ вполнѣ прилично. Онъ не прижимался съ деньгами, но и не расточалъ оныхъ. Имѣя обширный кругъ знакомыхъ, гдѣ всегда видѣли его съ удовольствіемъ, онъ почти не жилъ дома, и это значительно сокращало его расходы. Говорили, будто онъ копилъ про черный день, но ежели это и была правда, то во всякомъ случаѣ присовокупленія его были самыя умѣренныя. Главный расходъ его составляли: квартира, одежда и сигары, и эти статьи были доведены у него до самой безукоризненной респектабельности. Затѣмъ, онъ держалъ при себѣ приличнаго лакея, непремѣнно изъ нѣмцевъ. Никогда онъ дома не обѣдалъ, и, проработавъ утромъ за казенными бумагами, исчезалъ до поздней ночи, заходя домой только на короткое время, чтобъ переодѣться. Обѣдать любилъ преимущественно въ семейныхъ домахъ, гдѣ можно было сказать что-нибудь любезное хозяйкѣ дома, но не отказывался изрѣдка отобѣдать и въ «кабачкѣ», въ кутящей компаніи, причемъ самъ пилъ очень умѣренно, но платилъ свою часть на равнѣ со всѣми, и даже уплачивалъ иногда за какого-нибудь pique-assiette'а, которыхъ всегда бываетъ не мало между собутыльниками. Еще особенность: бумажникъ Каширина всегда бывалъ изобильно снабженъ деньгами, и между кредитками непремѣнно выглядывали три-четыре крупныхъ. Это было тоже своего рода право на респектабельность.

Начальство отдавало Каширину справедливость, а нѣкоторыхъ изъ начальниковъ онъ даже имѣлъ честь считать въ числѣ своихъ друзей. Въ особенности, онъ чувствовалъ себя счастливымъ, когда у департаментскаго кормила стояло начальство либеральное. Въ такія времена, онъ называлъ департаментъ своею семьей, позволялъ себѣ ходить на службу

въ коротенькой жакеткѣ, и входилъ въ «кабинетъ» безъ доклада, съ сигарой въ зубахъ. Но и начальство *не*либеральное не особенно смущало его, потому что онъ обладалъ однимъ драгоцѣннѣйшимъ качествомъ, которое всегда выручало его. Это качество было написано на его физіономіи и выражало собой готовность выслушать и исполнить, слегка окрашенную готовностью «доложить». Начальники либеральные въ особенности цѣнили эту послѣднюю готовность, и пользовались ею не безъ пользы для себя. Начальники *не*либеральные болѣе всего напирали на первыя двѣ готовности, но иногда, замѣтивъ, что гдѣ-то, въ уголку, скромно мерцаетъ еще какая-то робкая готовность, вдругъ осѣнялись мыслью: а что, не послушать-ли, что имѣетъ этотъ фалелей доложить? И тогда Каширинъ докладывалъ. Докладывалъ внятно, вразумительно, точно жемчугъ низалъ, такъ что не было никакой возможности не понять. И бывали примѣры, что, по выслушаніи, начальники, самые закоснѣлые, исправлялись.

Самую загадочную сторону жизни Каширина представляли его отношенія къ женскому полу. Достовѣрно было извѣстно, что онъ любилъ женское общество, искалъ его, и, вслѣдствіе этого, преимущественно посѣщалъ семейные дома. Женщины тоже, повидимому, любили его общество, что можно было заключить уже по тому одному, какъ расцвѣтали лица знакомыхъ дамъ при встрѣчѣ съ нимъ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ расцвѣтаніи гораздо яснѣе проглядывало простое чувство благосклонности, довѣрія и дружбы, нежели стремленіе къ секретному потрясенію семейныхъ основъ. Да и самъ онъ, всѣмъ своимъ поведеніемъ, какъ бы свидѣтельствовалъ, что ему дорога только дружба и довѣріе женщинъ. Не говоря уже о томъ, что онъ былъ скроменъ, какъ могила, ничто ни въ его манерахъ, ни въ голосѣ, ни во взглядѣ не представляло повода для игривыхъ догадокъ. Онъ никогда не зачащалъ въ одинъ и тотъ же домъ, и никогда не показывалъ, что между семейными домами, которые онъ посѣщалъ, ему больше по душѣ тѣ, во главѣ которыхъ стоятъ красивыя хозяйки. Казалось, что и la belle madame Растопыря, и хорошенькая madame Корноухова, и добродушно безобразная Матрена Ивановна Стрекоза равно ему милы. Онъ одинаково усердно посѣщалъ и красивыхъ и некрасивыхъ, и одинаково старался снискивать

ихъ довѣріе, благосклонность и дружбу. Иногда, эти дамы, даже въ присутствіи мужей, шопотомъ сообщали ему свои маленькія тайны, и мужья отнюдь не формализировались этимъ, ибо знали, что Каширинъ — «другъ по преимуществу». Большею частью онъ разсказывалъ дамамъ о своихъ друзьяхъ-литераторахъ, о томъ, что Бѣлинскій и въ преферансъ игралъ съ тѣмъ же пыломъ страсти, съ какимъ писалъ критическія статьи, о томъ, что Тургеневъ каждое утро моетъ лицо въ трехъ водахъ, о томъ, что Гончаровъ спитъ до двухъ часовъ дня и т. д. И дамы внимали этимъ разсказамъ съ удовольствіемъ, потому что это были дамы интеллигентныя, либеральныя. Очень возможно, что въ минуты особеннаго сердечнаго таянія, онѣ и побаловывали его за интересно проведенные часы, но, навѣрное, онѣ поступали такъ безъ всякой примѣси увлеченія, и съ тѣмъ, разумѣется, что въ будущемъ это ихъ ни къ чему не обязываетъ. По крайней мѣрѣ, именно такимъ образомъ, злые языки объясняли загадочное отсутствіе любовнаго элемента въ жизненной обстановкѣ Каширина. «Это такая по части женскихъ немощей подлая душа, говорили они: — что дамочка и ахнуть не успѣетъ, какъ онъ уже, въ скромной роли недостойно облагодѣтельствованнаго, продолжаетъ прерванный разговоръ!» И это было весьма возможно. Ибо нѣтъ ничего удобнѣе и пріятнѣе, какъ обожатель, который съ женской благосклонностью не только не сопрягаетъ никакихъ обязательствъ, но даже никогда ни о чемъ не напоминаетъ, и только скромно и преданно ждетъ.

Но существовала и другая легенда о томъ же предметѣ. А именно, говорили, будто у Каширина имѣется въ заднихъ комнатахъ кухарка Амалія, которой онъ платитъ нѣсколько болѣе, нежели обыкновенной кухаркѣ, и которая, въ одно и то же время, занимается приготовленіемъ для него утренняго кофе, и смотритъ за его бѣльемъ. И будто бы онъ придумалъ эту комбинацію, въ видахъ экономіи, по примѣру отставныхъ чиновниковъ, которые, получая ограниченный пенсіонъ, не могутъ тратить много на свои удовольствія. Эту легенду, впрочемъ, пустили въ ходъ друзья-литераторы, и потому солидные люди, не останавливаясь на ней, прямо относили ее къ области беллетристики.

Какъ бы то ни было, но отношенія Каширина къ женской немощи такъ и остались неразгаданными.

Однако, холостая жизнь и сопряженная съ нею бездомовица не остались безъ вліянія на Каширина. Отъ всей его фигуры такъ и разило старой дѣвой. И чѣмъ дальше онъ придвигался къ старости, тѣмъ замѣтнѣе становилось это. Привычка быть всегда среди чужихъ людей (или, по крайней мѣрѣ, въ гостяхъ) выработала въ немъ особаго рода щепетильность, которая, подъ конецъ, сдѣлала бесѣду съ нимъ чрезвычайно однообразною. Дамочки любятъ скромныхъ обожателей, но въ то же время онѣ не прочь и отъ того, чтобъ отъ времени до времени, колѣнопреклоненія ихъ были пересыпаемы какою-нибудь милою словесною гнусностью. Поэтому, когда онъ, разсказавъ весь запасъ анекдотовъ, начиналъ разсказывать ихъ вновь, то онѣ потихоньку вздыхали, и находили, что онъ какъ-то черезчуръ ужь мало слѣдитъ за вѣкомъ. Время шло впередъ, и вносило оживляющее, реформирующее начало и въ сферу анекдотовъ. Требовался анекдотъ сильный, возбуждающій, щекочущій чувственность (даже Матрена Ивановна — и та не избѣгла общихъ законовъ прогресса), а Каширинъ все продолжалъ разсказывать о томъ, какъ онъ въ 1845 году ловилъ съ Аполлономъ Майковымъ пискарей въ Парголовскомъ озерѣ. Сверхъ того, съ лѣтами, онъ слегка ожирѣлъ, вслѣдствіе хорошей пищи, а это тоже имѣло не совсѣмъ хорошее вліяніе на изобрѣтательность ума. Онъ сталъ пріобрѣтать особыя, свойственныя одинокому человѣку привычки, съ трудомъ отказывался отъ тѣхъ или другихъ удобствъ, наблюдалъ извѣстные часы, началъ лѣниться, любить халатъ и т. д. Сказать-ли правду — иногда онъ даже задумывался: а что, если бы предположеніе о кухаркѣ Амаліи привести въ исполненіе? То заманчивое и вполнѣ экономическое предположеніе, въ которомъ Амалія представлялась кюмюлирующею двѣ должности...

Со времени окончанія университетскаго курса, разъ поселившись въ Петербургѣ, онъ уже не покидалъ его, и только однажды въ нѣсколько лѣтъ позволилъ себѣ коротенькую экскурсію заграницу. Провинціи онъ боялся какъ огня, и даже командировокъ не бралъ, потому что всюду чаялъ встрѣтиться съ тетенькой Агафьей Ивановной. Неоднократно, бывшіе его «благодѣтели» приглашали его погостить на лѣто въ свое великолѣпное Пронское имѣніе, но онъ постоянно уклонялся отъ этихъ любезныхъ приглашеній, и именно все изъ-за той

же Агафьи Ивановны. Казалось, если бы она умерла, это во многомъ развязало бы Филипу Филипычу руки: онъ сталъ бы и командировки брать и ѣздить на лѣто въ гости къ высокопоставленнымъ друзьямъ. Но съ другой стороны, если Агафья Ивановна умретъ, то послѣ нея неминуемо останется имущество, и, по этому случаю, его, конечно, будутъ розыскивать яко законнаго наслѣдника. А этого онъ боялся пуще всего, потому что тогда не только всѣмъ будетъ извѣстно, что онъ владѣлецъ двадцати пяти десятинъ земли (это-то, пожалуй, и теперь многіе знали), но всѣ получатъ право говорить объ этомъ гласно, не стѣсняясь, начнутъ его поздравлять и т. д.

Выше было сказано, что Каширинъ избѣгалъ говорить о своемъ происхожденіи. Съ лѣтами эта странность не только не ослабѣвала, но пріобрѣтала все большую и большую силу, и всего больше страдала отъ этого тетенька Агафья Ивановна. Съ одной стороны, Филипъ Филипычъ отлично понималъ, что тетенька ни мало не виновата въ томъ, что она существуетъ. По временамъ, онъ даже съ теплымъ чувствомъ припоминалъ, какъ, въ дѣтствѣ, она кормила его, тайно отъ отца, здобными лепешками. Но съ другой стороны, ему становилось досадно, когда онъ ловилъ себя на этихъ воспоминаніяхъ. Ему хотѣлось совсѣмъ-совсѣмъ забыть и объ тетенькѣ и обо всемъ «прошломъ». Не имѣя возможности производить свой родъ отъ Рюриковичей, онъ съ любовью останавливался на гипотезѣ, въ которой представлялъ себя явившимся въ пространствѣ и времени изъ чего-то въ родѣ пѣны морской. Поэтому, когда однажды тетенька, сколотивши деньжонокъ, собралась было навѣстить «милаго Филю» въ Петербургѣ, онъ очень серьезно этимъ встревожился. Мысль, что она пріѣдетъ въ третьемъ классѣ, въ затасканномъ заячьемъ салопѣ, что онъ долженъ будетъ, по долгу родства, встрѣтить ее на дебаркадерѣ, что его могутъ при этомъ *увидѣть*, и что, во всякомъ случаѣ, лакей Готлибъ несомнѣнно выразитъ глубочайшее изумленіе при видѣ столь мало аристократической старухи, не давала ему спать. И онъ, въ первый разъ жизни, рѣшился вполнѣ серьезно и даже рѣзко разъяснить милой тетенькѣ, какого рода характеръ должны имѣть ихъ отношенія на будущее время.

Тѣмъ не менѣе, хотя Каширинъ, съ лѣтами, и утрачивалъ прежнюю упругость и покладистость, которыя дѣлали его осо-

бенно достолюбезнымъ, но все-таки онъ отнюдь не могъ жаловаться на судьбу. Знакомство у него было обширное, и онъ могъ черпать въ этомъ морѣ безъ опасенія быть назойловымъ. Конечно, у него не было такихъ друзей, которыхъ мысль постоянно стремилась бы къ нему, которыхъ сердце болѣло бы объ немъ, но все-таки были люди, которые видѣли его съ удовольствіемъ. Эти люди, быть можетъ, не особенно замѣчали его отсутствіе, но, встрѣчаясь съ нимъ, непремѣнно и совершенно искренно восклицали: а! вотъ и онъ! Начальство тоже аттестовало его способнымъ и достойнымъ, и всякій разъ, когда имѣлось въ виду что-нибудь серьезное, непремѣнно заводилась рѣчь и объ Каширинѣ. Онъ всегда былъ на очереди и зналъ объ этомъ, хотя, въ этомъ отношеніи, надъ нимъ тяготѣлъ какой-то фатумъ. Слухи о томъ, что ему предстоитъ «постъ», ходили часто и держались долго и упорно, но, въ концѣ концовъ, дѣло всегда какъ-то сводилось на нѣтъ. Такимъ образомъ, онъ дослужился до очень крупнаго чина и все-таки не пошелъ дальше второстепенной должности. Это, разумѣется, довольно больно щекотало его самолюбіе, но онъ умѣлъ превозмогать себя, и исторія обыкновенно кончалась тѣмъ, что Филипъ Филипычъ дня три, четыре послѣ этого высиживалъ въ домашнемъ карантинѣ, на бульонной порціи, но потомъ, по прежнему, являлся въ департаментъ для полученія присвоеннаго ему содержанія.

Впрочемъ, не смотря на эти маленькія непріятности, Филипу Филипычу грѣхъ было роптать. Служба у него была легкая, благородная, хорошо оплаченная, одна изъ тѣхъ службъ, по поводу которыхъ говорятъ: умирать не надо. Урочныхъ работъ не было и всѣ занятія, главнымъ образомъ, заключались въ томъ, что онъ былъ членомъ множества комиссій, и во всякой умѣлъ заявить себя съ пріятной и полезной стороны. А это еще болѣе расширяло кругъ его знакомства, и, стало быть, разнообразило и его ежедневный обѣденный ménu.

Какъ бы то ни было, все время такъ называемаго сезона, Каширинъ не только жилъ въ свое удовольствіе, но даже не примѣчалъ, какъ время летитъ.

За то лѣтомъ онъ скучалъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ почувствовалъ приближеніе лѣтъ зрѣлости. Знакомые разъѣзжались; комиссіи прекращали занятія; въ департаментъ чиновники являлись неаккуратно и слонялись точно на бива-

кахъ; Петербургъ казался пустымъ. Когда Каширинъ былъ молодъ, онъ поочередно разъѣзжалъ по знакомымъ, которые ютились въ ближайшихъ къ Петербургу дачныхъ мѣстностяхъ, и у которыхъ онъ гостилъ по нѣскольку дней. Но съ годами онъ пріобрѣлъ привычки, которыя не легко мирились съ разъѣздами и бивачной жизнью, и въ то же время утратилъ легкость и нестомчивость, необходимыя для пользованія лѣтними удовольствіями. Онъ уставалъ во время прогулокъ, безъ особенной готовности принималъ участіе въ катаньяхъ на лодкахъ и въ чухонскихъ таратайкахъ, и вообще понялъ, что быть гостемъ на дачѣ даже у близкихъ людей стѣснительно. Поэтому, лѣто сдѣлалось для него сезономъ трактирныхъ обѣдовъ и желудочныхъ разстройствъ, какъ прямого послѣдствія этихъ обѣдовъ. Вечеромъ, онъ обыкновенно отправлялся въ увеселительное мѣсто; по праздникамъ—въ Павловскъ, по будиямъ—преимущественно въ Демидронъ. Тутъ онъ былъ увѣренъ встрѣтить ежели не коренныхъ своихъ знакомыхъ, то ихъ дѣтей. И такова была въ немъ потребность общества, что онъ не только не брезговалъ молодыми людьми, но даже старался «быть съ молодыми молодымъ», и вслѣдствіе этого охотно принималъ видъ милаго старичка-мерзавца, и по временамъ отпускалъ скромную гнусность на счетъ атуровъ дѣвицы Филиповъ. Аллеи Демидрона оглашались громкимъ и сочувственнымъ хохотомъ «дѣтей», внимая которому, Филиппъ Филипычъ выступалъ горделивой походкой индейскаго пѣтуха, отнюдь не подозрѣвающаго, что въ ближайшемъ будущемъ ему окончательно предстоитъ сдѣлаться каплуномъ.

Впрочемъ, эти скромные гнусности представляли въ общемъ обиходѣ его жизни исключеніе. Онѣ были вынуждены одиночествомъ, потребностью общества и необходимостью стоять на одномъ уровнѣ съ молодежью. Съ наступленіемъ сезона, Каширинъ забывалъ объ нихъ, и начиналъ съ самымъ серьёзнымъ видомъ переливать съ пустаго въ порожнее.

И вдругъ, все это безмятежіе, созданное цѣною такихъ усилій, и такъ зрѣло и строго со всѣхъ сторонъ обдуманное и комбинированное, разомъ рухнуло.

Выше было сказано, что Каширинъ былъ либералъ. Либерализмъ этотъ былъ смирный, не особенно требовательный и состоялъ въ томъ, что онъ тихое житіе предпочиталъ житію

тревожному. Кромѣ того, онъ любилъ почитать «книжку» и думалъ, что это «ничего»; по временамъ задавалъ себѣ вопросы: за что? почему? и когда не находилъ на нихъ отвѣта, то грустилъ. И еще: нерѣдко онъ останавливался на мысли: что изъ сего произойдетъ? и когда, по соображеніямъ его, выходило, что ничего хорошаго произойти не можетъ, то опять-таки грустилъ. И эти вопросы, и эту грусть онъ считалъ вполнѣ безопасными, ни для кого не соблазнительными, и, въ качествѣ человѣка интелигентнаго, даже полагалъ, что человѣку, кончившему курсъ наукъ, невозможно безъ нихъ обойтись. Разумѣется, однакожъ, со всѣмъ этимъ либеральнымъ арсеналомъ онъ обходился съ крайнею осторожностью, дабы не ввести простодушныхъ людей въ соблазнъ, а подозрительнымъ людямъ не подать повода къ предположеніямъ о потрясаніяхъ и попираніяхъ. Сверхъ того, какъ извѣстно уже, въ его существованіи большую роль играла склонность къ литературѣ, и онъ имѣлъ слабость не считать ее ни распространительницей моровыхъ повѣтрій, ни складомъ ядовитыхъ веществъ, ни разбойничьимъ притономъ.

Съ такимъ умѣреннымъ, осторожнымъ и отчасти грустящимъ міросозерцаніемъ онъ прожилъ всю жизнь и не имѣлъ причинъ жаловаться, чтобъ это сколько-нибудь ему повредило при прохожденіи должностей. Начальники тоже знали его за чиновника откровенно-либеральнаго, но такъ какъ они и сами были люди откровенно-либеральные, то не видѣли никакого ущерба для дѣла въ томъ, что человѣкъ, безпрекословно выполняя мѣропріятія и преднамѣренія, по временамъ грустилъ. Правда, что иногда начальство, грозя пальчикомъ, называло его «амарантовымъ» (не краснымъ—нѣтъ!), но называло такъ шутя и любя. Да и онъ зналъ, что это дѣлается «шутя», и ежели краснѣлъ при этихъ напоминаніяхъ, то краснѣлъ не отъ узрызеній совѣсти, а именно только отъ внутренняго ликованія.

И вдругъ, времена созрѣли. Выбралась минута, когда всѣ эти вопросы и грусти встали предъ Каширинымъ въ совершенно непредвидѣнной имъ безобразной наготѣ. Минута, впродолженіи которой весь его скромный жизненный обиходъ пролетѣлъ передъ его вспугнутою мыслью въ видѣ безконечнаго и сплошнаго преступленія. Минута, въ которой онъ долженъ былъ ознакомиться съ истиной, что «такъ нельзя», и узнать,

что присутствованіе въ комиссіяхъ «не терпитъ суеты», и что пользованіе дивидендами и грусть по этому поводу суть вещи несовмѣстимыя. Минута, въ которой онъ долженъ былъ убѣдиться, что для либеральной грусти нѣтъ возврата, что она ничѣмъ не смывается, не заглаживается: ни раскаяніемъ, ни твердымъ намѣреніемъ впредь идти веселыми стопами, и что слѣдовательно...

Главное во всемъ этомъ переполохѣ заключалось для Каширина въ томъ, что онъ долженъ былъ отъ A до Z пересмотрѣть свой бюджетъ и большинство его статей подвергнуть радикальной переработкѣ.

Надежнѣйшею доходною статьею этого бюджета представлялась пенсія; затѣмъ, къ счастью, онъ не только не истратилъ оставленнаго ему пронскимъ благодѣтелемъ капитала, но и сдѣлалъ, въ теченіи многолѣтней службы, нѣкоторыя сбереженія. Эти сбереженія были не весьма значительны, но все-таки нѣчто представляли. Въ итогѣ, общій годовой доходъ образовалъ сумму приблизительно въ три съ половиной тысячи рублей. На эти деньги предстояло жить изо дня въ день, поддерживая себя на высотѣ той респектабельности, которая вошла уже въ его привычки и, что еще важнѣе, служила самымъ прочнымъ основаніемъ заведенныхъ имъ связей.

За приведеніемъ въ ясность цифры годового дохода, само собой разумѣется, послѣдовало подробное разсмотрѣніе расходныхъ статей бюджета.

Оставаться-ли ему при прежней квартирѣ (онъ платилъ за нее, съ отопленіемъ, девятьсотъ рублей въ годъ, а съ швейцаромъ и дворникомъ и всю тысячу рублей), или переѣхать на новую, болѣе соотвѣтствующую его нынѣшней финансовой силѣ? Этотъ вопросъ Каширинъ, почти не думая, рѣшилъ въ пользу старой квартиры. Здѣсь онъ жилъ больше пятнадцати лѣтъ, и въ теченіи этого длиннаго періода времени успѣлъ устроить свое гнѣздо такъ, что оно отвѣчало всѣмъ причудамъ стараго холостяка. Какъ человѣкъ отъ природы солидный, онъ и въ молодости не охотно перемѣщался съ квартиры на квартиру, теперь же самая мысль о переѣздѣ представлялась ему ненавистною. По особенной случайности, и хозяинъ дома, въ которомъ жилъ Филипъ Филипычъ, тоже былъ человѣкъ солидный и исконный домовладѣлецъ, воздерживавшійся отъ надстроекъ и перестроекъ и дѣлавшій на кварти-

рантовъ лишь «христіанскія» надбавки (Каширинъ, однакожъ, помнилъ время, когда онъ за эту самую квартиру платилъ только четыреста рублей въ годъ). Съ своимъ домовладѣльцемъ Филипъ Филипычъ даже близко сошелся, обѣдывалъ у него и проводилъ за пулькой вечера. Разстаться съ нимъ представлялось какъ бы измѣною. Сверхъ того, каждый шагъ въ этой квартирѣ напоминалъ ему что-нибудь пріятное и даже памятное. Вотъ здѣсь ему подали конвертъ, извѣщавшій его о награжденіи орденомъ св. Анны 2-й степени (это былъ первый полученный имъ орденъ, помимо всякихъ петлицъ и даже помимо св. Станислава вторыя); вотъ на томъ мѣстѣ онъ получилъ извѣстіе о назначеніи его членомъ общаго присутствія, а вотъ тамъ самъ директоръ вручилъ ему (лично для этого пріѣзжалъ!) звѣзду Станислава 1-й степени, причемъ выразилъ увѣренность, что Каширинъ и впредь будетъ лучшимъ украшеніемъ вѣдомства Дивидендовъ и Раздачъ. Въ этой квартирѣ онъ сосредоточилъ тысячу бездѣлушекъ, которыя съ такимъ тщаніемъ собиралъ въ теченіи цѣлой жизни; здѣсь хранились разные сувениры, вышитыя подушки, коврики, подаренные дамами; этою квартирой онъ гордился, когда у него, разъ или два въ годъ, собирались знакомыя дамы, слушали piano-mécanique и кушали конфекты, фрукты и мороженое. И вдругъ, разстаться съ этимъ дорогимъ, излюбленнымъ гнѣздомъ... никогда!

Итакъ, вотъ первая статья расхода въ тысячу рублей (почти треть всего доходнаго бюджета), которую ни подъ какимъ видомъ урѣзать нельзя.

Вторая статья — лакей Готлибъ. Готлибъ, яко нѣмецъ, получалъ съ ѣдой четыреста восемьдесятъ рублей въ годъ, а съ праздничными выходило даже нѣсколько болѣе пятисотъ рублей. Расходъ этотъ оказывался несомнѣнно непосильнымъ. Ежели, на мѣсто Готлиба, нанять Ивана или Прохора, то, конечно, это обойдется рублей на двѣсти дешевле, но за то, во-первыхъ, отъ Прохора навѣрное, будетъ вонять, во-вторыхъ, онъ непремѣнно будетъ ходить въ гости въ барскихъ брюкахъ и сюртукахъ, въ-третьихъ, станетъ постепенно пропивать господское бѣлье, въ-четвертыхъ, изъ квартиры-игрушечки сдѣлаетъ свиной хлѣвъ. Въ результатѣ окажется убытокъ вдвое большій противъ того, чего стоитъ самъ Прохоръ со всѣми своими потрохами. Ежели же нанять не Прохора, а Амалію,

то еще бабушка на двое сказала, дешевле-ли она обойдется, нежели Готлибъ, особливо, если Амалія... Хотя же онъ, при почтенныхъ своихъ лѣтахъ, и надобности существенной не находилъ въ женскомъ уходѣ, но вѣдь съ другой стороны... Но предположимъ, что онъ и устоитъ противъ искушенія — кто же, однако, поручится, что одинъ фактъ пребыванія Амаліи въ его квартирѣ не подастъ повода для безчисленныхъ и притомъ незаслуженныхъ анекдотовъ? Вотъ если бы онъ держалъ дома обѣдъ, и Амалія могла совмѣстить въ своемъ лицѣ и кухарку, какъ это водится у отставныхъ чиновниковъ, населяющихъ Колтовскія — ну, тогда...

О, вопросы о выѣденномъ яйцѣ! о мучительнѣйшіе, горчайшіе изъ всѣхъ вопросовъ человѣческаго существованія! Какимъ тяжелымъ гнетомъ лежите вы на этомъ бѣдномъ человѣчествѣ, которое получаетъ какихъ-нибудь три тысячи пятьсотъ рублей въ годъ, и обязывается обрядить и пріютить на нихъ свою голову! И сколь несноснѣйшимъ еще гнетомъ вы должны лежать на томъ человѣчествѣ, которое на тотъ же предметъ располагаетъ не болѣе 20—30 копейками въ день!

Въ концѣ концовъ, дѣло Готлиба было выиграно, и такимъ образомъ расходъ по двумъ первымъ статьямъ составилъ полторы тысячи рублей въ годъ.

Статья третья: прачка. Каширинъ былъ и самъ по себѣ чистоплотенъ, но, сверхъ того, онъ до извѣстной степени и обязанъ былъ быть чистоплотнымъ. Нельзя проводить большую часть дня въ гостяхъ и въ то же время не представлять собой образца самой щеголеватой опрятности. Ежели знакомые радушно принимаютъ у себя и кормятъ обѣдами и ужинами, ежели жены ихъ удостоиваютъ знаками довѣрія и дружбы, то, по малой мѣрѣ, эти люди вправѣ ожидать, чтобъ предметъ этого радушія и дружбы носилъ чистое и благоуханное бѣлье. Каширинъ понималъ это, и потому никогда не тратилъ на прачку, духи, губки и прочія туалетныя принадлежности менѣе трехсотъ рублей въ годъ. Объ немъ говорили, что отъ каждой части его тѣла пахнетъ особенными духами, и онъ гордился этимъ. Онъ гордился, что на всемъ тѣлѣ у него ни пятнышка, ни прыщика, что лысина на его головѣ не лоснится и не отливаетъ желтизною, а имѣетъ видъ матово-бѣлой поверхности, съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, что ни на щекахъ, ни на носу у него нѣтъ непріятныхъ синихъ жилокъ,

что бакенбарды его щегольски расчесаны вѣеромъ, а усы и подбородокъ тщательно каждый день выбриты. Могъ-ли онъ думать о сокращеніяхъ по этой статьѣ теперь, когда потребность въ людскомъ радушіи и дружбѣ дѣлалась для него болѣе, нежели когда-нибудь, необходимою? — Разумѣется, не могъ! Напротивъ того, теперь-то именно и предстояло напрячь всѣ свои силы къ тому, чтобъ ни зрѣніе, ни обоняніе радушныхъ амфитріоновъ ни на минуту не были оскорблены по его поводу!

Итого, по тремъ статьямъ, тысяча восемьсотъ рублей.

Статья четвертая: одежда и обувь. Здѣсь Каширинъ надѣялся достигнуть существенныхъ сбереженій. Обыкновенно онъ заказывалъ платье у Шармера, и не видѣлъ причины отказаться отъ этой фирмы и на будущее время. Но до сихъ поръ онъ былъ, по истинѣ, черезчуръ расточителенъ относительно одежды. Онъ освѣжалъ свой костюмъ каждый сезонъ, и даже въ домашнемъ неглиже дозволялъ себѣ прихотливое разнообразіе. Вслѣдствіе этого, у него образовался громадный запасъ платья, очень мало ношеннаго, о которомъ онъ рѣдко вспоминалъ, и которое висѣло въ шкапу безъ всякаго употребленія. Теперь наступило самое время утилизировать этотъ запасъ, и все, что можно, пустить въ ходъ. Но какъ онъ ни старался сократить свои расходы по этой статьѣ, все-таки оказывалось, что безъ четырехсотъ рублей въ годъ вполнѣ респектабельнымъ человѣкомъ остаться нельзя (прежде онъ тратилъ на этотъ предметъ не менѣе, чѣмъ полторы тысячи рублей). Съ пониженіемъ этой цифры, начинается та рубрика людей, которая извѣстна подъ именемъ: Hommes déclassés. Это люди въ панталонахъ съ осыпавшимися конечностями, въ сюртукахъ съ лоснящимися прорванными локтями, въ сапогахъ, напоминающихъ своей формой рыбу камбалу. Попасть въ эту рубрику... ужасно! ужасно! ужасно!

Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ жизнь поносна!

Конечно, есть люди, которые и въ пиръ и въ міръ, и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ являются въ одномъ и томъ же пиджакѣ, но...

Итого, двѣ тысячи двѣсти рублей.

Статья пятая: экипажъ. Къ экипажу Каширинъ и прежде

прибѣгалъ довольно рѣдко. Съ молоду онъ пріучилъ себя къ мысли, что моціонъ необходимъ, а впослѣдствіи, привычка къ чужимъ обѣдамъ еще болѣе укрѣпила его въ непреложности этой истины. Всѣ знакомые были убѣждены, что Каширинъ ходитъ пѣшкомъ не изъ скаредности, а по принципу, и въ то же время, понимая, что онъ не имѣетъ средствъ содержать собственный экипажъ (онъ и самъ не скрывалъ этого), даже одобряли въ немъ ту инстинктивную гадливость, которая заставляетъ респектабельнаго человѣка лишь въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать къ извощику. Но увы! Каширину перевалило за пятьдесятъ; онъ чувствовалъ припадки одышки и началъ припадать на одну ногу... Это значительно усложнило дѣло. А сверхъ того, и обычныя петербургскія ненастья, которыя, въ силу пословицы «гдѣ тонко, тамъ и рвется», вдругъ предстали передъ Филипомъ Филипычемъ во всей своей безразсвѣтности... Словомъ сказать, какъ ни изворачивайся, а безъ двухсотъ рублей по этой статьѣ обойтись нельзя.

Итого, двѣ тысячи четыреста рублей.

Статья шестая: расходы мелочные. Они неуловимы, но несомнѣнны. Не даромъ они заслужили названіе расходовъ общежитія по преимуществу; не даромъ расходы самые существенные очень часто стушовываются передъ ними. Изъ-за расходовъ этой категоріи люди отказываютъ себѣ въ правильномъ питаніи, впадаютъ въ неоплатные долги, раззоряются. Всѣ эти Берты, Сюзетты, Эмиліи — все это расходъ мелочной, расходъ общежитія, не подходящій ни подъ какую рубрику солиднаго домашняго бюджета. Но и помимо Бертъ, нельзя, напримѣръ, отказать себѣ въ удовольствіи съѣздить отъ времени до времени въ театръ, особенно къ французамъ. Это предохраняетъ отъ одичалости и, сверхъ того, даетъ прекрасное содержаніе для conversations de société. А если ѣздить въ театръ, то не сидѣть же гдѣ-нибудь въ дешевыхъ мѣстахъ, когда половина залы наполнена знакомыми. Затѣмъ: нельзя, встрѣтившись на улицѣ съ пріятелемъ, направляющимъ стопы свои въ ресторанъ, не войти съ нимъ вмѣстѣ и чего-нибудь не съѣсть. Нельзя не отвезти дорогой имянинницѣ или новорожденной конфектъ. Наконецъ, обѣдая каждодневно въ людяхъ, невозможно, отъ времени до времени, не дѣлать маленькихъ подарковъ прислугѣ. Ибо, въ противномъ случаѣ, какой-нибудь хамъ будетъ захлопывать дверь у васъ

передъ носомъ, будетъ снимать съ васъ нальто совершенно такъ, какъ бы сдиралъ кожу, будетъ въ вашемъ присутствіи ковырять въ носу, наконецъ, подавая за обѣдомъ блюдо, будетъ толкать въ плечо, чтобъ не зѣвали, брали скорѣе. Ахъ, эти мелочные расходы! Очень рѣдко ихъ принимаютъ въ разсчетъ, но кто же не знаетъ, какую роль они играютъ въ человѣческомъ существованіи! Спросите любого лакея (хама!!), получающаго пятнадцать рублей въ мѣсяцъ жалованья — и тотъ скажетъ, что изъ нихъ десять уйдутъ «такъ, между рукъ». Обыкновенно на выручку тутъ приходятъ случайные доходы, но у Каширина таковыхъ не предвидѣлось, и онъ волей-неволей долженъ былъ занести эту статью въ свой бюджетъ въ цифрѣ строго опредѣленной. Долго онъ колебался между четырьмя и пятью стами рублей, и, наконецъ, вынужденъ былъ сознать, что менѣе, чѣмъ пятью стами рублями, и думать извернуться нельзя.

Итого, двѣ тысячи девятсотъ рублей.

Статья седьмая: сигары. При одной мысли объ этой статьѣ Филипъ Филипычъ поблѣднѣлъ и ему даже показалось, что въ кабинетѣ его уже запахло папиросами. Дѣло въ томъ, что онъ выкуривалъ не менѣе двухъ сотенныхъ ящиковъ въ мѣсяцъ, платя за сотню отъ 15 до 20 рублей, что составляло въ годъ расхода болѣе четырехсотъ рублей. Цифра громадная, особливо въ виду того, что свободныхъ суммъ въ доходномъ бюджетѣ остается всего шестьсотъ рублей. Тѣмъ не менѣе, она являлась до такой степени необходимой и даже неизбѣжной, что Каширинъ рѣшился просто не думать объ ней. Онъ занесъ ее расходомъ и махнулъ на все рукой.

Свободной суммы осталось всего на все двѣсти рублей, и вотъ тутъ-то выступилъ во всей безобразной наготѣ:

ОБѢДЪ!!!

О правильномъ, ежедневномъ обѣдѣ Каширинъ, конечно, уже не помышлялъ: — онъ понималъ, что карьера его, какъ прихлебателя, не только не кончилась, но, такъ сказать, вступила въ новый и острый фазисъ. Однакожь, возможны случаи, когда, не смотря на обширность круга знакомыхъ и ихъ радушіе, самый изворотливый прихлебатель можетъ найтись въ необходимости отъ времени до времени отобѣдать на свой

собственный счетъ. Таковы случаи болѣзненныхъ припадковъ, которые, въ послѣднее время, повторялись съ Каширинымъ очень нерѣдко; затѣмъ, случаи проливного дождя, бурь, градобитій, моровыхъ повѣтрій, непріятельскихъ вторженій и т. д., когда даже чувство приличія не дозволяло являться къ обѣду «запросто» (могутъ сказать, вотъ до чего проголодался человѣкъ, что даже среди грома и молній разнюхалъ, что̀ готовится на кухнѣ). Наконецъ, и такіе случаи возможны, что придешь обѣдать къ Ѳомѣ Ѳомичу, и вмѣсто обычнаго привѣтствія: пожалуйте! кушать накрыто! — услышишь, что Ѳома Ѳомичъ приказали долго жить. Знакомые же у Каширина все были такіе, которые болѣе или менѣе склонялись къ закату дней; слѣдовательно, убыль въ ихъ рядахъ была даже естественна. Вотъ Петръ Петровичъ съ утра до ночи кашляетъ, а Лукерья Ивановна сказывала, что и съ ночи до утра никому покою кашлемъ не дастъ; Лука Лукичъ постоянно на плечо жалуется; Иванъ Иванычъ одну ногу волочитъ; Семенъ Семенычъ — съѣстъ тарелку супа и запыхается, словно семь верстъ пробѣжалъ. Можно-ли, въ виду этихъ немощей, разсчитывать на вѣрный обѣдъ? Ряды стариковъ рѣдѣютъ и будутъ рѣдѣть... а ихъ дѣти? Можно-ли предполагать, что они будутъ поддерживать родительскія традиціи? Увы! они и теперь поглядываютъ на Филипа Филипыча изподлобья (точно хотятъ сказать: однакожь, братъ, аппетитъ у тебя!) — что̀ же будетъ тогда, когда одышки, параличи и ревматизмы, одержавъ побѣду и одолѣніе, развяжутъ руки этимъ выглядывающимъ изподлобья людямъ?

Но этого мало — а лѣто? Лѣто, по прежнему, Дамокловымъ мечемъ виситъ надъ головой Каширина; лѣто мертвое, голодное, требующее во что бы то ни стало обѣда на собственный счетъ! Прежде, когда онъ вкушалъ отъ дивидендовъ, и когда бюджетъ его представлялъ избытокъ, этотъ экстраординарный расходъ не особенно тревожилъ его; но нынѣ, когда въ бюджетѣ предвидѣлось всего двѣсти рублей...

— А вѣдь съ двумя стами рублями, пожалуй, не обернешься! мучительно размышлялъ Филипъ Филипычъ: — если на лѣтнее время да на непредвидѣнные случаи положить только пять мѣсяцевъ въ году, то есть полтораста дней, то и тогда, считая по два рубля за каждый обѣдъ... Не въ греческую же кухмистерскую, въ самомъ дѣлѣ, идти!

Во всякомъ случаѣ, доходный бюджетъ оказывался исчерпаннымъ безъ остатка. Съ грѣхомъ пополамъ концы сводились съ концами, но стоило явиться малѣйшей случайности, чтобъ равновѣсіе нарушилось и произошелъ мучительный скандалъ. Передъ Каширинымъ стояло своего рода Прокустово ложе, въ которомъ онъ обязывался ожидать заката дней своихъ, не шевелясь и даже не дозволяя себѣ черезчуръ свободнаго вздоха.

Въ первый разъ въ жизни ему сдѣлалось жутко.

На первыхъ порахъ Каширинъ, однакожь, не только не ощутилъ никакой перемѣны, но даже какъ бы вошелъ въ моду. Никто не заперъ передъ нимъ дверей, и всякій, напротивъ, спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе. Посыпались вопросы: какимъ образомъ? почему? и, главное, за что? На вопросы эти Филипъ Филипычъ отвѣчалъ скромнымъ мычаніемъ, не дозволяя себѣ критики, но въ то же время предоставляя каждому измѣрить всю глубину его невинности. Въ виду этой скромности, симпатіи, разумѣется, еще болѣе усилились. Тайный совѣтникъ Стрекоза недоумѣло шевелилъ густыми бровями и не то уныло, не то неодобрительно покачивалъ головой; статскій совѣтникъ Растопыря растерянно спрашивалъ себя: куда же мы, наконецъ, идемъ? Что же касается до второстепенныхъ чиновниковъ вѣдомства Раздачъ, то они даже рѣшили прямо протестовать, устроивъ въ честь Каширина обѣдъ, и только по внимательномъ обсужденіи послѣдствій этой демонстраціи отложили приведеніе ея въ исполненіе до болѣе благопріятнаго времени.

Дамы тоже приняли дѣятельное участіе въ этихъ симпатіяхъ. Онѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ, зазывали Каширина къ себѣ, заставляли каждаго кушанья брать по два раза, и вообще чествовали.

— Въ четвергъ у насъ будетъ Каширинъ. Душка! вы пріѣдете? говорила Марья Ивановна, приглашая Анну Петровну.

— Каширинъ? Это не тотъ-ли Каширинъ, который...

— Ну, да, Каширинъ... тотъ самый Каширинъ, который высоко держалъ свое знамя... конечно, вы слышали?

Такіе знаки вниманія очень тронули Филипа Филипыча; однакожь, у него не закружилась отъ нихъ голова и онъ продолжалъ вести себя съ замѣчательнымъ тактомъ. Онъ не только не жаловался на неблагодарность начальства, но даже оправ-

дывалъ его. *Начальство не могло иначе поступить.* Но и онъ, съ своей стороны, *не могъ поступить иначе.* Онъ не пожертвовалъ своими убѣжденіями и сохранилъ свое достоинство — а это главное. Ему предстоялъ къ будущей Пасхѣ чинъ тайнаго совѣтника, но онъ сказалъ себѣ, что лучше на всю жизнь остаться дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, нежели выпустить изъ рукъ знамя, которое онъ, въ теченіи всей жизни, высоко держалъ. Въ свое время онъ былъ нуженъ — и всякій кличъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ находилъ его достойнымъ и способнымъ. Теперь обстоятельства перемѣнились; потребовались люди иного закала, онъ сдѣлался ненужнымъ — онъ понимаетъ это и не ропщетъ. Возьмите вотъ этотъ сюртукъ; сегодня онъ новъ, фасонистъ — и его носятъ съ удовольствіемъ; завтра въ немъ продрались локти — и его бросаютъ. Знамя, которое онъ высоко держалъ, оказалось несоотвѣтствующимъ требованіямъ времени — онъ созналъ это и спряталъ знамя въ карманъ. Но онъ надѣется, что спряталъ его не навсегда, и что наступитъ моментъ, когда начальство, наконецъ, оцѣнитъ. Скоро-ли этотъ моментъ наступитъ— онъ не знаетъ, но вѣритъ, глубоко вѣритъ, что пѣсня его далеко не спѣта. Тогда онъ вынетъ знамя изъ кармана, и опять начнетъ высоко держать его. Притомъ же, ему время и отдохнуть. До сихъ поръ онъ безъ устали трудился; теперь — пора и ему узнать, что̀ такое свобода. Чувство свободы, mesdames— это такое чувство... ахъ, какое это чувство! Все равно, что послѣ длинной-длинной зимы, въ первый разъ выѣхать, въ теплый апрѣльскій вечеръ, на Елагинъ Островъ, на pointe! Вотъ это какое чувство! Дышится полной грудью, а мысли такъ и плывутъ, все свѣтлыя, радостныя мысли. А, главное, на немъ не лежитъ теперь никакихъ обязанностей, такъ что онъ всего себя можетъ посвятить своимъ друзьямъ. Притомъ же, онъ имѣетъ вполнѣ обезпеченный кусокъ, а потому и въ матеріальномъ отношеніи особеннаго стѣсненія не предвидитъ. Вообще, онъ больше доволенъ, чѣмъ огорченъ, и ежели кто-нибудь будетъ по этому случаю ощущать угрызенія совѣсти, то, конечно, не онъ...

— А Богъ когда-нибудь всѣхъ разсудитъ! смиренно прибавлялъ онъ въ заключеніе.

Съ трогательнымъ изумленіемъ внимали «чины» этимъ разумнымъ рѣчамъ, и отъ полноты души восклицали: вотъ истин-

ный христіанинъ! А дамы и дамочки къ сему присовокупляли: ma chère! il est sublime d'abnégation!

— А мнѣ такъ сдается, что мы съ вашимъ превосходительствомъ еще послужимъ! обнадеживалъ его тайный совѣтникъ Стрекоза, ласково похлопывая по колѣнкѣ.

На что Каширинъ, съ своей стороны, отвѣтствовалъ:

— Что касается до меня, то не могу и не имѣю надобности скрывать: я всегда готовъ!

И съ этими словами предлагалъ madame Стрекозѣ руку, чтобъ вести ее въ столовую.

Словомъ сказать, со всѣхъ сторонъ на него сыпались приглашенія и напоминанія, а ежели онъ манкировалъ, то и нѣжные упреки.

По счастливой случайности, въ это же критическое время ему повезло и въ преферансъ. Какъ-будто сама судьба охраняла его крыломъ своимъ. Имѣя обыкновеніе каждый день, по возвращеніи домой, записывать свой проигрышъ или выигрышъ, онъ, къ концу перваго мѣсяца свободы, сосчиталъ, что остался по картамъ въ барышѣ на семьдесятъ одинъ рубль сорокъ пять копеекъ. Стало быть, надежда на случайныя статьи дохода еще не исчезла. Составляя свой бюджетъ, онъ понималъ, что существуетъ особая и очень существенная статья: «занятіе картами», но такъ какъ онъ не зналъ, какъ ее сосчитать, доходомъ или расходомъ, то и предпочелъ лучше не упоминать объ ней вовсе. Теперь же оказывалось, что это статья несомнѣнно доходная, и что ежели на будущее время взглянуть на нее серьезнымъ окомъ, то... Это такъ его ободрило, что онъ почти свѣтло взглянулъ въ лицо будущему, и тутъ же включилъ въ свой доходный бюджетъ новую статью: «Отъ занятія картами 800 р.», добавивъ, впрочемъ, въ скобкахъ: «доходъ не окладной».

Словомъ сказать, ничего въ его обиходѣ, казалось, не измѣнилось, и только утро сдѣлалось какъ-будто нѣсколько длиннѣе. Прекращеніе обязательной ходьбы въ департаментъ оставило за собой пустоту, которую онъ наполнялъ лишь съ трудомъ. Онъ ходилъ изъ комнаты въ комнату, внимательно перечитывая газеты (одну онъ выписывалъ самъ, другую ему обязательно сообщалъ домовладѣлецъ), свистѣлъ, напѣвалъ, даже вертѣлъ ручку на piano-mécanique, чего прежде съ нимъ никогда не бывало. Но болѣе всего его выручала такъ назы-

ваемая «писанная» литература. Въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ во всякое время ходятъ по рукамъ таинственныя и до крайности либеральныя «записки» и «проэкты». То статскій совѣтникъ Растопыря пуститъ въ ходъ «И мою лепту», то тайный совѣтникъ Стрекоза потихоньку показываетъ знакомымъ «Мой посильный вкладъ», то престарѣлый «Опытный сановникъ Чимпандзе» излагаетъ кратко «А мое мнѣніе — все истребить и симъ способомъ прекратить дальнѣйшее распространеніе язвы». По временамъ появится и изъ провинціи какой-нибудь выходецъ съ лона природы и тоже по секрету докладываетъ свою «капельку». И въ каждой изъ этихъ «лептъ» высказывается: вотъ это — прекратить, а вотъ это — развить. И въ каждой авторъ попеременно то иронизируетъ, то содрагается, то предается сладкимъ упованіямъ. И каждая «капелька» читается съ жадностью, служитъ предметомъ нескончаемыхъ разговоровъ «потихоньку», во свидѣтельство, что россійское свободомысліе, подобно достославному курилкѣ, не умираетъ. Каширинъ предавался чтенію подобныхъ записокъ съ увлеченіемъ. Онъ чутьемъ пронюхивалъ о существованіи чего-нибудь новенькаго въ этой области и непремѣнно доставалъ. Наглотавшись вольномыслія, онъ смѣло глядѣлъ въ глаза предстоящему обѣду «въ гостяхъ», зная напередъ, что тэма для собесѣдованія готова. А ежели, при этомъ, появлялись въ газетахъ еще какія-нибудь неожиданныя производства и назначенія, то разговоръ достигалъ размѣровъ такого преступнаго дерзновенія, что нѣкоторые изъ присутствующихъ даже наматывали себѣ на усъ...

Покончивши съ утромъ, онъ выходилъ въ четыре часа на Невскій и прогуливался, стараясь при этомъ какъ можно меньше припадать на ногу. По временамъ заходилъ куда-нибудь съ визитомъ и узнавалъ новости дня, причемъ непремѣнно обнаруживалось нѣчто до того изумительное (и смѣшно, и больно!), что съ языка его невольно срывались: да куда же мы, въ самомъ дѣлѣ, идемъ! Въ шесть часовъ, предварительно переодѣвшись, онъ у кого-нибудь обѣдалъ, и во время обѣда разсуждалъ о мѣрахъ, предлагаемыхъ въ только что прочитанной «запискѣ» земскаго дѣятеля Пафнутьева. Разсуждалъ солидно и умно, и притомъ стараясь, чтобъ Пафнутьевскія мысли были понятны даже для дамъ. Послѣ обѣда, если устраивалась пулька, то садился за преферансъ, причемъ держалъ карты такъ, чтобъ

любопытствующій Растопыря не могъ видѣть его игру. Ежели же пулька не составлялась, то отправлялся въ театръ, или же въ другой знакомый домъ, гдѣ, по его соображеніямъ, хозяинъ долженъ былъ выть отъ тоски, въ ожиданіи. не зайдетъ-ли кто на огонекъ. Здѣсь немедленно дѣлалось распоряженіе о привлеченіи другихъ партнеровъ; затѣмъ, развертывались столы, и вечеръ незамѣтно проходилъ среди возгласовъ: пасъ, куплю, семь безъ козырей и т. д. И, въ заключеніе, ужинъ, а за ужиномъ, разумѣется, новое изложеніе Пафнутьевскихъ идей...

Въ этомъ пріятномъ круговоротѣ прошелъ весь зимній сезонъ. Подъ конецъ, Каширинъ такъ возгордился, что порою ему даже думалось, что начальство уже сознало свою ошибку, и что не сегодня такъ завтра къ нему прискачетъ изъ департамента курьеръ съ запечатаннымъ конвертомъ. Однако, дни проходили за днями, а курьеръ не пріѣзжалъ, Это, въ одно и то же время, и изумляло, и пугало его. Изумляло потому, что, перечисляя въ своемъ умѣ персоналъ вѣдомства Дивидендовъ и Раздачъ и, отдавая, впрочемъ, каждому должное, онъ, по справедливости, находилъ, что въ этомъ департаментскомъ букетѣ онъ представлялъ собою цвѣтокъ, по малой мѣрѣ, не уступавшій, въ смыслѣ красоты и благоуханія, прочимъ, стоящимъ у источника дивидендовъ цвѣткамъ. Пугало — потому что для человѣка, всю жизнь игравшаго дѣятельную роль въ извѣстномъ дѣлѣ, не можетъ быть ничего страшнѣе, какъ мысль: а что, ежели обо мнѣ забыли?

Разсуждая по совѣсти, онъ не могъ не придти къ убѣжденію, что хотя онъ и отлично-достойный цвѣтокъ, но что цвѣтковъ приблизительно такой же красоты и такого же благоуханія все-таки существуетъ въ природѣ больше, чѣмъ достаточно. Что, слѣдовательно, нѣтъ ничего легче, какъ составить, во всякое время, какой угодно департаментскій букетъ. Возьми Иванова, Ѳедорова, Гаврилова, перемѣшай ихъ съ Перерѣпенкой, Козулей и Уховертовымъ, а въ середку, для красы, воткни что-нибудь подушистѣе — и букетъ готовъ. Сначала, быть можетъ, онъ будетъ благоухать нѣсколько робко, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и смѣлѣе. Гавриловы, Уховертовы и Козули на то и созданы, чтобъ соотвѣтствующимъ образомъ благоухать подъ начальственнымъ руководствомъ. Но этого мало: всего важнѣе то, что они ростутъ рѣшительно вездѣ,

на всякомъ мѣстѣ, такъ что стоитъ только протянуть руку, чтобъ сорвать Ѳедорова или Перерѣпенку, совершенно равносильныхъ Козулѣ и Иванову. Поэтому, когда, по какимъ-нибудь причинамъ, Уховертовъ выбываетъ изъ букета, то немедленно на его мѣстѣ появляется Гавриловъ, который уже давно пробивался тутъ же, гдѣ-то подъ мочалкой, обвязывающей букетъ, но его, покуда, не примѣчали.

Филипъ Филипычъ долженъ былъ сознаться, что все это вполнѣ вѣрно и безспорно, и что даже онъ самъ, во времена своего департаментскаго благополучія, открыто проповѣдывалъ теорію безпренятственной замѣны Ивановыхъ Ѳедоровыми и наоборотъ. Себя онъ, разумѣется, выключалъ тогда изъ этого оборота, такъ какъ думалъ совершенно искренно, что лично онъ благоухаетъ особо и несравненно; но теперь, за неприбытіемъ курьера съ запечатаннымъ конвертомъ, въ его голову начали западать на этотъ счетъ сомнѣнія. Что, ежели и онъ принадлежитъ къ тому безчисленному сонмищу Ивановыхъ, Ѳедоровыхъ, Гавриловыхъ и проч., которые неприхотливо прозябаютъ при всякомъ проѣзжемъ шляхѣ, и съ которыми можно поступить по вдохновенію, то-есть или воспользоваться ими, какъ составною частью букета, или просто сорвать, понюхать и бросить?

Оставалось, впрочемъ, въ запасѣ одно утѣшеніе: Ивановы и Гавриловы — люди безцвѣтные, индифферентные, а онъ завѣдомый либералъ. Слѣдовательно, когда либеральныя начинанія восторжествуютъ, то безъ него не обойтись... Но тутъ его мысль какъ-то сама собой останавливалась, словно встрѣчала какое-то совсѣмъ забытое соображеніе. Чего онъ, однакожь, желаетъ? Торжества либерализма? Но развѣ либерализмъ уже не торжествуетъ? развѣ того, что есть — мало? развѣ желать либерализма большаго и сугубаго не значитъ просто на просто желать разнузданности страстей?

То-то вотъ оно и есть...

Онъ началъ взвѣшивать и соображать, и, какъ человѣкъ солидный, не замедлилъ придти къ убѣжденію, что все, что требуется, уже есть, и что дальнѣйшія ожиданія свидѣтельствуютъ лишь о прихотливой затѣйливости не твердаго ума. Слѣдовательно, онъ былъ *тогда* не правъ. И тогда былъ не правъ, когда, по поводу того или другого назначенія, испускалъ фрондирующее мычаніе, и тогда, когда, по поводу ка-

кого-нибудь административнаго мѣропріятія, либерально восклицалъ: эге! А ежели онъ былъ не правъ (теперь онъ уже сознавалъ это нетокмо за страхъ, но и за совѣсть), то что же мѣшаетъ ему исправиться, возсоединиться, сжечь «знамя» въ печкѣ, однимъ словомъ, раскаяться? Но тутъ его мысль опять прерывалась, и притомъ безъ всякихъ объяснительныхъ мотивовъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ.

— Ну, нѣтъ, mon cher! говорилъ онъ себѣ съ ироническимъ злорадствомъ: — шалишь! Теперь твоему раскаянію ужь не повѣрятъ... не такъ-то просты! Теперь, хоть ты источники слезъ пролей — и тогда скажутъ, что это крокодиловы слезы!

Подумавши это, онъ, однакожь, слегка покраснѣлъ, и даже тревожно оглянулся вокругъ, какъ бы опасаясь, чтобъ Пафнутьевъ не сдѣлался свидѣтелемъ его маловѣрія.

Какъ бы то ни было, но не ѣдетъ департаментскій курьеръ... да и не пріѣдетъ!!

Какъ нарочно лѣто въ этомъ году выдалось изъ ряда вонъ скучное. Наиболѣе короткіе знакомые, словно, сговорившись разъѣхались раньше обыкновеннаго, и, вдобавокъ, кто за-границу, кто въ дальную деревню, такъ что всякая надежда около кого-нибудь пощечиться исчезла безвозвратно. Каширинъ вспомнилъ, что гдѣ-то на Пескахъ, въ Слоновой улицѣ, живетъ титулярный совѣтникъ Каверзневъ, у котораго онъ когда-то воспринималъ отъ купели сына. Чуть-чуть было онъ не рѣшился направить свои стопы къ нему: пріѣхалъ-молъ къ крестному сыну запросто хлѣба-соли отвѣдать, но подумалъ немного и отложилъ свое намѣреніе. Не потому, чтобъ онъ былъ прихотливъ на счетъ ѣды, но потому что аппетитъ покуда еще не одержалъ побѣды надъ совѣстливостью.

Волей-неволей пришлось коротать время одному. Скука была страшная, пожирающая; день, и безъ того длинный, въ одиночествѣ казался нескончаемымъ. Съ трудомъ успѣешь сбыть утро, какъ уже со страхомъ помышляешь о предстоящемъ вечерѣ. Каширинъ началъ усиленно играть на piano-mécanique, и ежедневно переигрывалъ но нѣскольку разъ всѣ пьесы репертуара. На его несчастіе, и Пафнутьевъ временно умолкъ, такъ что и рукописныхъ «лептъ» не оказывалось. Въ этой крайности онъ предпринялъ ходить къ Доминику, гдѣ часа полтора или два просиживалъ въ билліардной, наблюдая за чудесами клапштосовъ и карамболей, но и тутъ случился скан-

далъ. Такъ какъ Филипъ Филипычъ ничего не потреблялъ, а слѣдовательно и не расплачивался, то, послѣ нѣсколькихъ посѣщеній, гарсоны стали перешептываться между собой, подозрительно кивая въ его направленіи. И вотъ, однажды, когда онъ уже взялся за ручку двери, чтобъ выйти на улицу, одинъ изъ гарсоновъ подошелъ къ нему и учтиво пригласилъ заплатить за съѣденный пирогъ. Каширинъ пирога не ѣлъ (онъ даже, по изнѣженности своей, не понималъ, какъ можно что-нибудь ѣсть у Доминика), однако, протестовать не рѣшился, вынулъ гривенникъ и заплатилъ. Но, разумѣется, съ тѣхъ поръ къ Доминику ни ногой.

Однако, надо же было что-нибудь выдумать, чтобъ убить время. Однажды, прочитавъ въ газетѣ, что молодая француженка ищетъ поступить компаньонкой къ пожилому холостяку или вдовцу, онъ отправился по адресу. Разумѣется, онъ желалъ только провести время, но оказалось, что «вдовецъ» ужь нашелся и, повидимому, даже поладилъ. Такъ что, когда Каширинъ явился, то посѣщеніе было принято совсѣмъ въ другую сторону, и вслѣдствіе этого превратнаго толкованія, онъ «едва унесъ ноги».

Тогда онъ обратилъ вниманіе на нянекъ и боннъ, и это, дѣйствительно, на время развлекло его. Какъ вдругъ въ газетѣ «Краса Демидрона» появилась такого рода статья.

НОВЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ.

«Недавно появился въ Петербургѣ особаго рода цѣнитель женскихъ красотъ, который избралъ предметомъ своихъ любострастныхъ наблюденій нянекъ и боннъ. Прочитавъ въ газетахъ объ ищущихъ мѣста нянькахъ, онъ является по адресу, и ежели находитъ молодую особу по своему вкусу и притомъ безъ покровителей, то безъ церемоній предлагаетъ послѣдовать за нимъ въ трактиръ, на что нѣкоторыя, по неопытности, и соглашаются. Но не всѣ. Такъ, напримѣръ, надняхъ, этотъ господинъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ дѣвицу Р. (11-ая рота измайловскаго полка, 417, согласна въ отъѣздъ), особу весьма бойкую и замѣчательно-красивой наружности; но едва началъ онъ формулировать свое предложеніе, какъ изъ-за ширмъ выскочилъ нашъ репортеръ Помойкинъ (находившійся, впрочемъ, тамъ съ цѣлями, заслуживающими всякой похвалы)

и въ свою очередь предложилъ любострастному Донъ-Жуану прослѣдовать внизъ по лѣстницѣ

Кувыркомъ, кувыркомъ...

«Что послѣдній и выполнилъ при общемъ хохотѣ высыпавшихъ изъ квартиръ на шумъ жильцовъ. Къ сожалѣнію, г. Помойкинъ, впопыхахъ, не полюбопытствовалъ узнать фамилію этого господина, но примѣты его таковы: достаточно старъ, волосъ на головѣ мало, лысина содержится опрятно, бакены вѣеромъ, одѣтъ прилично и даже щеголевато, употребляетъ духи, на одну ногу припадаетъ. Нѣкоторые изъ жильцовъ дома № 417 увѣряютъ, что видѣли его въ казначействѣ получающимъ пенсію.

«Предостерегаемъ воспитательницъ нашего молодаго поколѣнія и убѣждаемъ ихъ оставаться неуклонно на высотѣ своего призванія? А вы, господинъ Донъ-Жуанъ! подумали-ли вы, какую преступную игру вы предприняли и на кого обратили ваши взоры, исполненные любострастнаго огня?!»

Послѣ этого, ему оставалось и еще одно развлеченіе: отыскивать по объявленіямъ пропавшихъ собакъ, но для такой забавы у него былъ уже черезчуръ большой чинъ.

Обѣдать онъ чаще всего ходилъ въ Лѣтній садъ, и, разумѣется, старался употребить какъ можно больше времени на выполненіе этого обряда. Но четыре тощихъ блюда съѣдались съ обидною быстротою, и къ семи часамъ Филипъ Филипычъ не безъ страха примѣчалъ, какъ подкрадывается къ нему вечеръ. Въ былое время, онъ сладилъ бы съ вечеромъ легко: закатился бы въ Демидронъ и дѣло съ концомъ, но при теперешнимъ положеніи бюджета Демидроновъ не полагалось, и онъ волей-неволей возвращался домой, гдѣ, въ качествѣ развлеченія, его ожидалъ чай съ Филиповскимъ калачемъ.

Пробовалъ онъ раньше спать ложиться, но выгоды отъ того не получилъ, потому что чѣмъ раньше ложился съ вечера, тѣмъ раньше просыпался утромъ.

Къ довершенію всего, чортъ принесъ изъ Полтавской Губерніи Растопырю. Пріѣхалъ Растопыря одинъ, безъ жены, и сейчасъ же отъявился къ сердечному другу. Каширинъ, впопыхахъ, было обрадовался, думалъ: Растопыря — онъ гостепріимный! Но Растопыря былъ тоже себѣ на умѣ; какъ ввалился, такъ сейчасъ же объявилъ:

— Я, дружище, въ Петербургъ всего на недѣлю пріѣхалъ.

Утромъ — въ департаментѣ и по дѣламъ буду хлопотать, а обѣдать и вечерокъ провести — къ тебѣ!

И вотъ, вмѣсто того, чтобъ на счетъ Растопыри малороссійское сало ѣсть, онъ же долженъ былъ на собственныя деньги ежедневно брать у Палкина два рублевые обѣда и выслушивать, какъ изнѣженный Растопыря, уписывая за обѣ щеки, нѣтъ-нѣтъ да и замѣтитъ: воля твоя, а отъ супа чѣмъ-то воняетъ!

Наконецъ, наступилъ августъ и вечера потемнѣли. Полились дожди, потянуло холодомъ, сыростью, улицы утонули въ грязи. Скука и одиночество начали давить еще сильнѣе. Но увы! все это безвременье происходило только въ Петербургѣ. Въ провинціи, напротивъ того, судя по газетнымъ корреспонденціямъ, давно не запоминали осени столь благодатной, благоухающей, волшебной. И никогда, въ Парижѣ, на водахъ и морскихъ купаньяхъ кокотки не предъявляли такого роскошнаго декольтѐ и не бывали такъ увлекательны. Петербуржцы съѣзжались безпримѣрно туго, а тѣ, которые пріѣзжали, требовали времени для приведенія въ порядокъ своихъ логовищъ и занимались переборками и разборками съ медленностью по истинѣ возмутительной. Наконецъ, къ концу сентября коекакъ все уладилось.

Каширинъ ринулся въ сезонный круговоротъ съ увлеченіемъ и страстностью человѣка, который долго и безнадежно терпѣлъ. Прежде всего, онъ побѣжалъ къ Растопырѣ, который сейчасъ же накормилъ его самымъ свѣжимъ саломъ и очень любезно вспомнилъ, съ какимъ радушіемъ Филипъ Филипычъ лѣтомъ угощалъ его раковымъ супомъ и телятиной съ огурцомъ.

— И чѣмъ это отъ супа воняло — право даже и теперь понять не могу! прибавилъ онъ, однакожь, въ заключеніе.

Потомъ, Каширинъ направился къ археологу-библіографу Скорбному-Головану, который обѣдать не далъ, а сообщилъ, что ѣздилъ лѣтомъ въ Испанію, такъ какъ узналъ, что тамъ скрывается собственноручно писанная Барковымъ и доселѣ никому неизвѣстная трагедія, которую, послѣ долгихъ и изнурительныхъ поисковъ, и пріобрѣлъ, уплативъ за нее половину своего имѣнія. Потомъ по очереди отобѣдалъ у Птицыныхъ, Бердяевыхъ, Корноуховыхъ, Чистосердовыхъ, Чертополоховыхъ и прочихъ кассаціонныхъ, апелляціонныхъ и дивидендныхъ чиновъ. Послѣдняго посѣтилъ Стрекозу, и притомъ

посѣтилъ церемонно («отъявился»), въ воскресный день, потому что, признаться, начиналъ опасаться этого сановника, который съ минуты на минуту ожидалъ производства въ дѣйствительные тайные совѣтники. По прежнему, въ этомъ высокопоставленномъ домѣ пахло какимъ-то специфическимъ запахомъ, смѣсью пастилы, амбрѐ и старческихъ орѣховъ; по прежнему, лицо хозяина отливало коричневымъ, почти гнѣдымъ цвѣтомъ, и по прежнему Стрекоза принялъ Каширина съ благожелательною снисходительностью, то есть пожалъ обѣ руки, поцаловалъ въ лобъ и даже подарилъ ему колосъ «исполинской» пшеницы, привезенный изъ саратовскаго имѣнія.

— Ну, а какъ ваше «знамя»? по старому? полюбопытствовалъ, въ заключеніе, маститый старецъ, проницательно заглядывая въ глаза Филипу Филипычу.

— Гдѣ ужь... какое теперь знамя! нѣсколько смущенно отвѣтствовалъ послѣдній.

— То-то! теперь надо это оставить! наставительно изъяснилъ Стрекоза:—конечно, на всякій случай терять изъ вида не слѣдуетъ, но теперь... Ну, такъ милости просимъ напредки по старому, а сегодня обѣдать не прошу, потому что еще разбираемся: не знаю и самъ, чѣмъ Матрена Ивановна накормитъ меня.

Такимъ образомъ, въ этотъ день Каширинъ былъ вынужденъ отобѣдать въ ресторанѣ. Но все-таки онъ былъ за тысячу верстъ отъ мысли, что обѣдъ, съѣденный имъ въ прошлый сезонъ, передъ отъѣздомъ семейства Стрекозы въ Саратовъ, былъ послѣднимъ его обѣдомъ въ этомъ домѣ.

Казалось, все вошло въ прежнюю колею; однако, проницательный человѣкъ уже въ самомъ началѣ сезона могъ подмѣтить, что въ отношеніяхъ «кружка» къ Каширину завелась какая-то загадочная трещина, на которую. покамѣсть, еще трудно прямо указать, но которая существуетъ уже несомнѣнно.

Начать съ того, что положеніе Каширина, какъ человѣка, пострадавшаго за «знамя», на столько уже для всѣхъ опредѣлилось, что «интересоваться» имъ не было никакого повода. Даже сама la belle madame Растопыря поняла, что странно какъ-то, по прошествіи цѣлаго года, продолжать хвалиться передъ публикой: вотъ тотъ самый Каширинъ, который вы-

соко держалъ знамя и за это приказомъ отъ такого-то числа, мѣсяца и года ввергнутъ въ безсрочную меланхолію, съ пенсіей въ размѣрѣ половиннаго оклада содержанія, но безъ участія въ дивидендахъ. Увы! мы столько съ тѣхъ поръ пережили и въ это время столько знаменъ было изъято изъ употребленія, и столько людей ввергнуто въ меланхолію, что, право, было даже нелѣпо смотрѣть на Каширина, какъ на какой-то выдающійся пунктъ. Послѣ Каширинскаго знамени было знамя Разгильдяевское, послѣ Разгильдяевскаго — Разуваевское и еще, и еще... Кто знаетъ нашу склонность къ знаменамъ, тотъ пойметъ, что недостатка въ этомъ отношеніи быть не могло, такъ же, какъ не могло быть недостатка и въ мѣрахъ по ввергнутію носителей этихъ знаменъ въ меланхолію. Такъ что, въ виду этихъ послѣдующихъ событій, Филипъ Филипычъ, съ своимъ старенькимъ истрепаннымъ знаменемъ, представлялся уже чѣмъ-то въ родѣ «отставного козы барабанщика».

Во-вторыхъ, что касается до меланхоліи, то и она, сама по себѣ взятая, т. е. лишенная просвѣта въ будущемъ, скоро утомляетъ. Мы слишкомъ практическіе люди, чтобъ долго интересоваться «нюнями», и пострадавшій человѣкъ имѣетъ право на наше вниманіе лишь потолику, поколику его окрыляетъ надежда воспрянуть. Но вотъ прошелъ уже цѣлый годъ со времени ввергнутія въ меланхолію, а съ Филипомъ Филипычемъ не только не произошло перемѣны къ лучшему, но даже самъ онъ иногда откровенно признавался, что ничего отраднаго впереди не предвидитъ. Стадо быть, въ будущемъ онъ способенъ только пользоваться услугами друзей, а не оказывать таковыя, одолжаться, а не одолжать. А это дѣлало его похожимъ на тѣхъ назойливыхъ субъектовъ, съ шаблонными просительными письмами въ рукахъ, которые вѣчно о чемъ-то клянчатъ (по словамъ — на бѣдность, а въ сущности — на выпивку), и ужь конечно никому удовольствія доставить не могутъ.

Въ-третьихъ, наконецъ заграничный курсъ упалъ до нельзя, а цѣна на съѣстные припасы соотвѣтственно поднялась. Въ такихъ условіяхъ, поневолѣ начнешь разсчитывать и роптать, что при домашней трапезѣ постоянно присутствуетъ лишній ротъ, и притомъ такой, отъ котораго однимъ саломъ не отдѣлаешься. Этотъ ротъ потребуетъ и лишней ложки борща, и

лишней галушки, и лишняго куска жаренаго, и лишней рюмки вина. А сосчитайте-ка все — выйдетъ мало-мало рубль серебромъ каждый разъ.

Такова была эта трещина, которой покуда никто еще не сознавалъ, но которая непремѣнно и въ очень недалекомъ будущемъ должна была оказаться.

Сверхъ того, въ этомъ кружкѣ всему давалъ тонъ Стрекоза, и потому, когда на вопросъ, почему Филипъ Филипычъ въ такое-то воскресенье не обѣдалъ у его превосходительства, онъ, нѣсколько застыдившись, отвѣчалъ, что не получилъ еще приглашенія, то большинство «друзей» задумалось. Ибо Стрекоза слылъ за человѣка проницательнаго и дѣйствительно былъ таковымъ. Одинъ Скорбный-Голованъ не задумался и продолжалъ относиться къ Каширину съ возрастающей задушевностью, но посѣщать археолога-библіографа было не особенно лестно, потому что въ домѣ его царила безконечная неурядица. Самъ онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и штудировалъ Баркова, а жена всѣмъ и каждому жаловалась, что, благодаря этому занятію, стало совсѣмъ невозможно жить, потому что даже маленькія дѣти — и тѣ до такой степени пристрастились къ сквернословію, что иначе не говорили другъ съ другомъ, какъ тирадами изъ Барковскихъ трагедій. И въ добавокъ, у Скорбныхъ-Голованов подавался какой-то совсѣмъ неестественный обѣдъ, состоящій изъ молока, растительныхъ веществъ и до нельзя заношеннаго холоднаго ростбифа, который, очевидно, зажаривался однажды на всю недѣлю.

Тѣмъ не менѣе, начало сезона все-таки прошло благополучно. Кстати же появилась въ обращеніи новая рукописная «записка», авторомъ которой былъ уже не Пафнутьевъ, а отставной корнетъ и нынѣ земскій дѣятель, Голубятниковъ. У Голубятникова было страшное орудіе — иронія; съ этимъ-то орудіемъ онъ напалъ на Пафнутьева. Все, что Пафнутьевъ утверждалъ, Голубятниковъ отрицалъ, и наоборотъ. И къ довершенію всего, обѣ записки были либеральныя, и обѣ возбуждали въ «обществѣ» страстный переполохъ. Пользуясь этой сумятицей, Каширинъ очень ловко эксплуатировалъ ее, лакомясь то у Растопыри, то у Чертополоховыхъ, то у Птицыныхъ и проч., и всѣхъ убѣждая отложить окончательное рѣшеніе возбужденныхъ «вопросовъ» до тѣхъ поръ, когда со стороны Пафнутьева послѣдуетъ отвѣтъ, въ которомъ онъ,

конечно, во всей полнотѣ разъяснить сущность Пафнутьевскихъ идей.

Но Пафнутьевъ медлилъ отвѣтомъ, и въ половинѣ сезона трещина начала обнаруживаться. Сначала она показывалась по немногу, потомъ — рѣзче и рѣзче. То свойство, которое Каширинъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ отставкой и вслѣдствіе котораго онъ оказывался рѣшительно неспособнымъ кого-либо «одолжить», вдругъ вышло наружу во всей наготѣ. Никто прежде не задавалъ себѣ вопроса: съ какой стати этотъ человѣкъ повадился къ намъ обѣдать? теперь же этотъ вопросъ формулировался какъ-то самъ собою и притомъ одновременно у всѣхъ. Всѣ поняли, что отъ Филипа Филипыча ждать нѐчего, а стало быть, и кормить его нѐзачѣмъ.

А рядомъ съ этимъ вопросомъ рождался и другой: не занять-ли у него денегъ?

Прежде всѣхъ рѣшился на эту попытку Растопыря, и въ первый же разъ, какъ Филипъ Филипычъ пришелъ къ нему обѣдать, онъ отвелъ его въ сторону и, отважно хлопнувъ по плечу, сказалъ;

— А что̀, дружище, не дашь-ли ты мнѣ тысячку рублей на нѣсколько дней перехватить?

— Гдѣ? какъ-то нескладно спросилъ Каширинъ, какъ-будто не понялъ въ чемъ суть.

— Гдѣ? чудакъ, братецъ, ты! ну, у себя или у меня... гдѣ хочешь!

Но Каширинъ уже понялъ и только растерянно глядѣлъ на своего амфитріона.

— Обѣдать! крикнулъ Растопыря, и хотя, впослѣдствіи, ни однимъ намекомъ не укорилъ друга, но съ тѣхъ поръ въ отношеніяхъ начала замѣтно вкрадываться холодность.

За Растопырей послѣдовали: Чертополоховъ, Бердяевъ, Чистосердовъ и проч. и со всѣми повторилась одна и та же сцена. Каширинъ никому денегъ не далъ, и у всѣхъ остался обѣдать. Но что всего прискорбнѣе, онъ долженъ былъ отказать въ подобной же просьбѣ хорошенькой мадамъ Карнауховой, которая еще наканунѣ, сидя съ нимъ рядомъ за обѣдомъ, пожала ему ногу своей ножкой.

Каширинъ не могъ не знать, что этого ему никогда не простятъ, но онъ словно одеревенѣлъ и продолжалъ посѣщать «друзей» по прежнему. Къ довершенію всего, онъ съ

самаго начала сезона такъ счастливо игралъ въ преферансъ, что это, наконецъ, дѣлалось неприлично. Общее мнѣніе было таково, что онъ подсматриваетъ въ карты, и, вслѣдствіе этого, Растопыря началъ свои карты прятать подъ столъ. Но если бы даже признать за вѣрное, что въ данномъ случаѣ никакой фальши не было, а дѣйствовало одно счастіе, то и тогда эти постоянные выигрыши были просто неприличны. Сегодня три рубля, завтра пять рублей — въ мѣсяцъ-то сколько этихъ рублей набѣжитъ!

Словомъ сказать, видимо подготовлялось что-то натянутое, ежели не явно враждебное. Всѣ замѣчали это, одинъ Каширинъ продолжалъ не замѣчать: до такой степени онъ уже освоился съ ролью прихлебателя. Напротивъ того, онъ легкомысленно радовался, что статья бюджета: «занятіе картами» все больше и больше тучнѣетъ, и что, быть можетъ, недалеко ужь время, когда онъ, при ея пособіи, пріобрѣтетъ себѣ еще одинъ билетъ внутренняго съ выигрышами займа (два онъ уже имѣлъ).

Но время шло, а вмѣстѣ съ нимъ все яснѣе и яснѣе обозначалась разъ намѣченная трещина. Однажды Филипъ Филипычъ пришелъ къ Растопырѣ обѣдать (Растопыря былъ закадычный другъ, и потому весьма натурально, что онъ же долженъ былъ открыть враждебныя дѣйствія), и вдругъ оказалось, что одного прибора недостаетъ. Разумѣется, приборъ потребовали, но хозяинъ почему-то счелъ долгомъ обратиться къ Каширину (какъ-будто именно для него-то и недоставало прибора) сказавъ:

— Ну, для тебя какъ-нибудь потѣснимся... старый дружище!

Въ этотъ же день случилось и другое происшествіе. Лакей, подавая ветчину съ горошкомъ, толкнулъ Филипа Филипыча въ плечо, какъ бы понуждая его не медлить. Между тѣмъ, не далѣе, какъ недѣлю тому назадъ, онъ далъ этому лакею рубль, и потому поведеніе его не могло не показаться загадочнымъ. Стало быть, Растопыри не очень-то стѣсняются въ выраженіи мнѣній о своемъ другѣ, ежели даже рублевая подачка не дѣйствуетъ на хамово отродье!

А вслѣдъ затѣмъ, и третье происшествіе. Когда, послѣ обѣда, раскинули столы для преферанса, то хозяинъ подалъ карты Бердяеву, Чертополохову и Птицыну (четвертую взялъ самъ), а Каширину карты не далъ, сказавъ:

— Ты, дружище, не сердись, что тебя не сажаю. Въ послѣднее время ты началъ такъ часто выигрывать, что, признаться, ужь и тяжеленько стало!

Однако, Филипъ Филипычъ и тутъ смолчалъ, и даже нѣсколько времени повертѣлся около madame Растопыри. Но подъ конецъ не выдержалъ и ушелъ домой.

Сцены болѣе или менѣе такого же содержанія повторились и въ другихъ домахъ. Каширинъ чувствовалъ, что роль его дѣлается болѣе и болѣе невыносимою, и все-таки не рѣшался порвать. Однажды, переходя черезъ улицу къ подъѣзду Карнауховыхъ, онъ собственными глазами убѣдился, что хорошенькая madame Карнаухова, стоявшая у окна (еще у него мелькнуло въ головѣ: вѣрно выглядываетъ своего гусара, корнета Стрекозу!), увидѣвъ его, вдругъ отпрянула; а когда онъ, черезъ минуту, позвонилъ, то прислуга, отворившая ему дверь, съ смущеннымъ видомъ отвѣтила, что барыня нездорова и кушать не будутъ. Выйдя послѣ этого на улицу, онъ нарочно остановился у ближайшаго угла, чтобъ наблюсти, и увидѣлъ, что вслѣдъ за нимъ къ подъѣзду подлетѣлъ гусаръ Стрекоза, а черезъ четверть часа поползли: Чистосердцовъ, Растопыря, Чертополоховъ и самъ Карнауховъ, очевидно всѣ четверо изъ департамента. И всѣ вошли въ подъѣздъ и больше не выходили.

Но этого мало: къ полному своему огорченію онъ убѣдился, что про него начинаютъ распространять клеветы. Однажды прибѣжалъ къ нему Скорбный-Голованъ, въ состояніи безпримѣрной восторженности, и долго ничего не могъ объяснить толкомъ, а только безпорядочно махалъ руками и восклицалъ:

— Подлецъ, Растопыря! подлецъ! подлецъ! подлецъ!

Причемъ смѣшивалъ фамилію Растопыри съ фамиліей одного изъ дѣйствующихъ лицъ барковскихъ трагедій, что, съ внѣшней стороны, выходило даже совсѣмъ неприлично.

Успокоившись, однакожь, онъ разсказалъ, что Растопыря распускаетъ о Каширинѣ самые ядовитые слухи. Говоритъ, что Филипъ Филипычъ потихоньку беретъ у него изъ ящика сигары, прячетъ въ карманъ и уноситъ домой; что однажды la belle madame Растопыря видѣла, какъ онъ положилъ кусокъ ветчины между двумя ломтями хлѣба и тоже препроводилъ въ карманъ; что онъ, Каширинъ, не довольствуется тѣмъ, что выпиваетъ за столомъ вдвое противъ другихъ, но

что неоднократно лакей Степанъ подстерегалъ, какъ онъ ходилъ въ буфетный шкапъ и тамъ выпивалъ рюмку за рюмкой; что, однажды, на смѣхъ, въ бутылку изъ-подъ хересу налили керосину и онъ, Каширинъ, выпилъ, не сморгнувъ, и только въ теченіи всего вечера отплевывался и время отъ времени въ полголоса произносилъ: ахъ, подлецы; что самъ Растопыря, замѣтивъ однажды, что Каширинъ съ особенною умильностію взглядывалъ на бутулку съ мадерой, и, желая убѣдиться въ справедливости лакейскихъ показаній, спряталъ бутылку за оконныя драпри (но такъ, чтобъ Каширинъ видѣлъ это), и дѣйствительно, черезъ два часа, бутылка оказалась порожнею...

Каширинъ былъ возмущенъ до глубины души, потому что онъ рѣшительно ничего подобнаго не дѣлалъ.

Но вмѣсто того, чтобъ принять эти слухи только къ соображенію, онъ оказался на столько неразсудительнымъ, что вздумалъ объясняться. Когда онъ явился съ этимъ къ Растопырямъ, то самого Растопыри не было дома, а madame Растопыря приняла его особенно весело, какъ будто-знала о чемъ пойдетъ рѣчь. И дѣйствительно, все время, покуда онъ, одну за другой, излагалъ свои претензіи, она безъ умолку хохотала, такъ что онъ, наконецъ, остановился и спросилъ: что же тутъ смѣшного?

— Ха-ха! какой вы уморительный! отвѣтила милая хозяйка, и вновь залилась веселымъ смѣхомъ.

Тогда онъ скромно напомнилъ ей, что было время, когда она не смѣялась и когда онъ... Но «красавица», не прекращая хохота, съ такимъ наивнымъ любопытствомъ взглянула ему въ лицо, что онъ просто оторопѣлъ.

— Итакъ, я долженъ изъ этого заключить... началъ было онъ, но тутъ воротился домой самъ Растопыря и не далъ докончить фразу.

Ту же претензію онъ изложилъ и Растопырѣ, который выслушалъ его съ участіемъ, но не только не отрекся, а, напротивъ, сейчасъ же повинился и, въ заключеніе, даже обнялъ его.

— Ну, прости, дружище! виноватъ! не буду! утѣшалъ онъ Каширина: — не слѣдовало, ахъ, не слѣдовало мнѣ этого говорить! знаю, что не слѣдовало! Другъ вѣдь ты! старый... дружище!

Но тутъ же, впрочемъ, присовокупилъ:

— Признайся, однако, голубчикъ, вѣдь было-таки немного! Хереску-то изъ-подъ драпри... хватилъ-таки малость!

При этой непредвидѣнной выходкѣ, сопровождавшейся неудержимымъ смѣхомъ милой хозяйки, Каширинъ почувствовалъ, что онъ холодѣетъ. Онъ съ инстинктивнымъ ужасомъ взглянулъ на своихъ «друзей», какъ-будто передъ нимъ стояла страшная голова Медузы, а не посконное рыло начиненнаго галушками полтавскаго обывателя.

— За что вы меня... ненавидите? вырвалось, наконецъ, изъ его измученной груди.

А между тѣмъ, времена все зрѣли да зрѣли, а, наконецъ, и совсѣмъ созрѣли.

Въ одно прекрасное утро, одно, заслуживающее довѣрія лицо (можетъ быть, даже самъ Стрекоза), встрѣтивъ Растопырю (Растопыря, какъ ловкій полтавецъ, съумѣлъ пріютиться въ трехъ вѣдомствахъ, и по всѣмъ тремъ получалъ присвоенное содержаніе, такъ что чиновники, въ шутку, называли его «трижды подчиненнымъ»), предложило ему слѣдующій краткій вопросъ:

— Кстати! вѣдь вы, кажется, знакомы съ *господиномъ* Каширинымъ?

Растопыря смутился и началъ бормотать что-то невнятное. Не отрицалъ, но и не утверждалъ; говорилъ, что онъ никогда не былъ особенно близокъ... что притомъ давно ужь предположилъ... и что, наконецъ, онъ сейчасъ же, сію минуту...

— Смотрите! какъ бы не тово... послѣдовалъ доброжелательный совѣтъ.

Растопыря прибѣжалъ домой, точно съ цѣпи сорвался. И такъ какъ это произошло именно въ четвергъ, когда у него собирались къ обѣду пріятели, и время уже близилось къ половинѣ шестого, то онъ, какъ говорится, и рвалъ, и металъ. Призвавъ madame Растопырю, объявилъ ей, что присутствіе въ ихъ домѣ Каширина дольше терпимо быть не можетъ; потомъ, началъ топать ногами, бѣгать по комнатѣ, кричать, вопить:

— Вонъ его! гнать его! гнать! гнать! гнать!

И вдругъ, въ ту самую минуту, когда пароксизмъ его гнѣва достигъ высшей степени, онъ очнулся и увидѣлъ, что въ две-

ряхъ стоитъ Филипъ Филипычъ, какимъ-то образомъ ухитрившійся упредить распоряженіе объ отказѣ ему отъ дома.

Каширинъ былъ блѣденъ, щеки его тряслись, зубы стучали. Шатаясь, воротился онъ въ переднюю, безъ помощи лакея надѣлъ пальто, и вышелъ на лѣстницу. Тамъ онъ встрѣтилъ Чертополохова, который, при видѣ его, сухо-учтиво приложился къ шляпѣ, но руки не подалъ, потому что, какъ оказалось впослѣдствіи, въ это же утро и у него былъ разговоръ съ Стрекозой по поводу знакомства съ *господиномъ* Каширинымъ.

Очутившись на улицѣ, Филипъ Филипычъ нѣсколько минутъ не могъ сообразить, что̀ такое съ нимъ произошло. Мимо него прошли: Бердяевъ, Чистосердовъ и, наконецъ, Шилохвостовъ, новая звѣзда, только что взошедшая на горизонтѣ Дивидендовъ и Раздачъ. И они, конечно, имѣли такой же разговоръ, потому что-тоже ограничились формальнымъ поклономъ, безъ рукопожатія. Но Каширинъ все еще находился въ туманѣ и передъ глазами его инстинктивно рисовалась освѣщенная столовая Растопыри, столъ, обремененный закусками, около которыхъ столпились гости, и посреди ихъ гостепріимный хозяинъ ораторствовалъ:

— Разумѣется, въ виду этого, я вынужденъ былъ употребить героическія мѣры...

— Конечно! конечно! восклицали гости, за исключеніемъ, впрочемъ, Шилохвостова, который въ эту минуту разрѣшалъ въ своемъ умѣ вопросъ, отречется-ли и онъ, подобно сему, отъ Растопыри, когда разговоръ дойдетъ и до него!

— Ахъ! онъ намъ такъ надоѣлъ! сантиментально присовокупляла съ своей стороны la belle madame Растопыря...

Однако, привычка прихлебательства взяла-таки свое, и Каширинъ безсознательно побрелъ по направленію къ квартирѣ Скорбнаго-Голована.

Но тутъ его ужь окончательно добили. Скорбный-Голованъ бросился къ нему со слезами, обнялъ, замочилъ ему губами щеки, и даже слегка порыдалъ у него на груди. Но въ заключеніе крикнулъ:

— Миша! Петя! Катичка! Милочка! Марѳинька! Зиночка! идите! идите сюда!

И когда молодое поколѣніе Скорбныхъ-Голововъ собра-

лось, то археологъ-библіографъ, указывая Каширину на невинныхъ дѣтей, возопилъ:

— Вотъ! уже шесть человѣкъ на лицо, а мы съ женой еще молоды! Судите сами, голубчикъ, могу-ли я? Я знаю, что я малодушенъ и отчасти даже вѣроломенъ, но могу-ли я... скажите, могу-ли?!

Каширинъ ничего не отвѣтилъ на эти изліянія и сейчасъ же вышелъ. На этотъ разъ онъ уже совершенно отчетливо понялъ, что и Скорбный-Голованъ имѣлъ утромъ разговоръ.

Каширинъ долго пролежалъ больной, и во все время болѣзни ни одна душа не освѣдомилась объ немъ. Наконецъ, ему полегчало, и первая мысль, представившаяся его уму, была та, что прошлое безповоротно рухнуло, и что впереди предстоитъ лишь полное и безнадежное отчужденіе. Надъ его существованіемъ прошла какая-то до нелѣпости жестокая случайность, которая наполнила его душу инстинктивнымъ страхомъ. Онъ никогда ничего подобнаго не предвидѣлъ, а потому и приготовиться не могъ. Онъ даже и теперь не понималъ, а только чувствовалъ, что сдѣлалось что-то жестокое. Къ несчастію, отставка не надоумила его, не заставила подумать о подготовкѣ иной обстановки, которая могла бы выручить въ случаѣ измѣны «друзей». Онъ, по крайней мѣрѣ, всю послѣднюю половину жизни провелъ, какъ человѣкъ касты, и, не смотря на полученные уроки, остался вѣренъ ей. Эта каста, ограниченная въ численномъ смыслѣ, отличается, сверхъ того, зависимостью, какъ главною характеристическою чертою, и это дѣлаетъ ее легко доступною для всякаго рода колебаній. Нигдѣ не бываютъ такъ часты измѣны, какъ тутъ. Но этого-то именно и не примѣтилъ Каширинъ, и вотъ теперь измѣна разразилась надъ нимъ чѣмъ-то неслыханнымъ, передъ чѣмъ блѣднѣли и стушевывались всѣ заботы о респектабельности и равновѣсіи бюджета.

Погрязши въ кастѣ, онъ растерялъ всѣ постороннія связи и даже къ новой русской литературѣ относился довольно индифферентно. Не порицалъ прямо, но находилъ, что она не даетъ плодотворныхъ Пафнутьевскихъ элементовъ. Съ бывшими Пронскими своими патронами онъ тоже разстался (весьма, впрочемъ, дружелюбно), да врядъ-ли они и могли быть ему полезными въ данную минуту. Они жили за-границей,

и, въ чаяньи, что когда-нибудь ихъ опять поманятъ, фрондировали; объ отечествѣ же вспоминали лишь по поводу туго высылаемыхъ оттуда доходовъ.

И вдругъ онъ вспомнилъ вновь, что на Пескахъ, на Слоновой улицѣ, въ пятиоконномъ деревянномъ домикѣ, существуетъ чиновникъ Каверзневъ, у котораго онъ нѣкогда воспринималъ отъ купели старшаго сына...

Воспоминаніе это оживило его, ибо по мѣрѣ того, какъ здоровье его возстановлялось, въ немъ просыпалась и жажда общества. Въ заботахъ объ ея удовлетвореніи, онъ очень вѣрно сообразилъ, что по праздникамъ и не очень выдающіеся чиновники пекутъ пироги и приглашаютъ къ своей трапезѣ друзей. Поэтому, хотя и не безъ нѣкоторой борьбы, но въ первое же воскресенье онъ купилъ фунтъ конфетъ для крестника и, какъ только пробило три часа, отправился на Пески.

Титулярный совѣтникъ Каверзневъ былъ чиновникъ очень маленькій и очень смирный. Занимая мѣсто помощника столоначальника, онъ едва сводилъ концы съ концами, да и то благодаря тому, что имѣлъ даровую квартиру въ домѣ тестя, отставного коллежскаго ассесора Монументова, когда-то завѣдывавшаго департаментскими курьерами и сторожами, а нынѣ проживавшаго на пенсіи въ крошечномъ мезонинѣ того же дома. Каверзневъ женился всего пять лѣтъ тому назадъ и имѣлъ ровно пять человѣкъ дѣтей. Человѣкъ онъ былъ не особенно блестящихъ способностей, но покорный, безгранично преданный семьѣ и удивительно добрый. Жена у него была молоденькая, тоже до крайности добрая и очень симпатичной наружности особа, хотя частые роды уже успѣли сообщить ея лицу утомленное и слегка заношенное выраженіе. Вообще, это было семейство согласное, жившее душа въ душу, въ полномъ отчужденіи отъ живого міра, но не тяготившееся этимъ отчужденіемъ.

Когда Каширинъ пришелъ, въ первой комнатѣ, служившей одновременно и столовой, и залой, былъ уже накрытъ столъ. Въ углу, на особомъ столикѣ стояла совсѣмъ готовая закуска и водка, а въ воздухѣ носился пріятный запахъ начинки. Каверзневъ самъ выбѣжалъ отворить дверь, потому что ожидалъ къ обѣду друга своего, Косача. Увидѣвъ передъ собой Филипа Филипыча, онъ слегка смутился, однакожь, понялъ, что посѣщеніе такого чиновнаго гостя приноситъ ему вели-

чайшую честь. Суетясь и забѣгая впередъ, онъ проводилъ гостя въ гостиную, гдѣ сидѣли, въ ожиданіи обѣда: жена Каверзнева, старикъ Монументовъ и помощникъ экзекутора Здобновъ. Оба послѣдніе тоже нетерпѣливо ждали Косача, чтобъ приступить къ водкѣ, и, при видѣ нежданнаго гостя, ощутили то самое чувство, которое долженъ испытывать человѣкъ, уже поднесшій ко рту рюмку, и вдругъ убѣждающійся, что, благодаря какому-то проказливому волшебству, содержимое мгновенно исчезло изъ рюмки.

— А я сегодня вышелъ прогуляться, да и надумалъ: дай-ко крестнаго сынка провѣдаю! началъ Филипъ Филипычъ. Онъ предположилъ былъ прямо сказать: «дай-ко у крестнаго сынка за̀-просто хлѣба-соли отвѣдаю!», но почему-то это не вышло.

Затѣмъ, онъ потребовалъ, чтобъ ему показали дѣтей. Старшенькаго, Бориньку, какъ крестника, онъ поцаловалъ и перекрестилъ, сказавши при этомъ: «вотъ такъ!», прочихъ — только перецаловалъ. Въ заключеніе, вынулъ изъ шляпы коробку съ конфетами и подарилъ крестнику, присовокупивъ:

— Подѣлись съ братцами и сестрицами, да смотрите, не обижайте другъ друга!

Эта церемонія длилась съ четверть часа и къ концу ея прибылъ Коса̀чъ, молодой малый, служившій въ томъ же департаментѣ помощникомъ регистратора. Всѣ вздохнули легче, потому что думалось, что съ окончаніемъ церемоніи цалованія дѣтей, Филипъ Филипычъ снимется съ мѣста. Но онъ не уходилъ. Прошло еще съ четверть часа, а онъ отыскивалъ все новыя и новыя тэмы для разговора. Говорилъ исключительно онъ одинъ; хозяева отвѣчали односложными словами и вымученными улыбками, какъ это всегда бываетъ съ людьми, которые совсѣмъ ужь собрались ѣсть, и не знаютъ какъ выпроводить человѣка, остановившаго ихъ, такъ сказать, на ходу; гости же просто на просто удалились въ уголъ, и если бы Каширинъ не заглушалъ себя самъ, то, навѣрное, услышалъ бы, какъ старикъ Монументовъ въ полголоса выговаривалъ Косачу:

— А все по твоей милости, вѣтрогонъ! гдѣ о сю пору шатался?

Прошло еще четверть часа. У всѣхъ лица подернулись усталостью, вытянулись и даже словно похудѣли. Къ запаху

начинки присоединился запахъ гари: подгорàлъ пирогъ. Старшій сынъ Боринька стучалъ въ столовой посудой, къ чему его, очевидно, поощрялъ Монументовъ, молчаливо, но несомнѣнно приглашая:

— Стучи, батюшка, стучи!

Наконецъ, видя, что надобно же когда-нибудь рѣшиться, Каширинъ, слегка зардѣвшись, сказалъ:

— А знаете-ли что̀! вѣдь я къ вамъ безъ церемоній! Иду и думаю: дай-ко я у крестнаго сынка за̀-просто хлѣба-соли отвѣдаю!

Только тогда Каверзневы внимательнѣе взглянули въ лицо Филипу Филипычу и замѣтили изнуреніе, которое произвели въ немъ послѣднія происшествія и болѣзнь. Они поняли добрыми своими сердцами, что, должно быть, на этого человѣка большое горе обрушилось, если онъ рѣшился идти къ нимъ не въ качествѣ посажо̀наго или крестнаго отца, а на правахъ простого гостя. И одновременно у обоихъ вырвалось восклицаніе:

— Ахъ, ваше превосходительство!

Ихъ лица просіяли; Каверзневъ стремглавъ побѣжалъ въ кухню, гдѣ распорядился, чтобъ супъ и пирогъ поставлены были на столъ, и въ то же время пошелъ въ кондитерскую за шмандткухеномъ; что же касается до Людмилы Петровны (такъ звали жену Каверзнева), то она инстинктивно подала Каширину руку, которую послѣдній очень галантно поцаловалъ. Замѣчательно, что онъ почти мгновенно оправился отъ своего смущенія и немедленно почувствовалъ себя совсѣмъ хорошо, какъ-будто дѣло сдѣлалъ. Даже гости повеселѣли, словно у всѣхъ была одна мысль: слава Богу! хоть какой-нибудь да конецъ!

Обѣдъ прошелъ великолѣпно, и Филипъ Филипычъ очень серьезно сдѣлалъ честь своему крестному сыну. Конечно, эту ѣду нельзя было сравнить съ ѣдою у Растопыри (одно сало возможно-ли позабыть!), ни тѣмъ паче съ ѣдою у Стрекозы— ну, да вѣдь тѣ обѣды невозвратно канули въ вѣчность, и слѣдовательно... Вотъ только вина было маловато: одна бутылка медоку на всѣхъ. Правда, что Монументовъ восполнялъ этотъ недостатокъ, вставая послѣ каждой перемѣны изъ-за стола и проглатывая рюмку водки, но это-то именно и подтверждало, что медоку въ этомъ домѣ придавалось особливое

значеніе, и что, стало быть, обходиться съ этимъ напиткомъ надлежало съ осторожностью. Зато шмандткухенъ произвелъ рѣшительный фуроръ между дѣтьми, и хотя Каширинъ не ѣлъ его, но внутренно долженъ былъ сознаться, что давно не видалъ такихъ счастливыхъ дѣтскихъ лицъ.

Послѣ обѣда, составилась пулька по одной сотой копейки, и когда Филипъ Филипычъ выразилъ сомнѣніе, что при такой цѣнѣ, пожалуй, не изъ чего будетъ за карты заплатить, то Каверзневъ поспѣшилъ его успокоить, сказавъ, что «у насъ, ваше превосходительство, карты дешевенькія, въ клубѣ по три гривенника покупаемъ, а онѣ, между тѣмъ, только слава, что распечатаны, а все равно, что новыя». И дѣйствительно, когда подали карты, то Каширинъ очень любезно сознался, что онѣ «даже лучше, чѣмъ новыя».

Играли: Монументовъ, Здобновъ и Каширинъ; хозяинъ и Косачъ отказались, говоря, что они, хоть и играютъ, но неохотно и только, чтобъ не разстроить партіи. Монументовъ очень наивно подглядывалъ въ чужія карты, и Здобновъ, зная эту привычку его, пряталъ свои карты подъ столъ; этому же примѣру, послѣ двухъ-трехъ ремизовъ, послѣдовалъ и Филипъ Филипычъ. Оба мѣстныхъ партнера играли до чрезвычайности прижимисто; напротивъ, Каширинъ рисковалъ, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, извлекъ изъ своего риска пользу. Въ результатѣ онъ оказался въ выигрышѣ 85 копеекъ. изъ которыхъ 30 уплатилъ за карты, а остальные 55 принесъ домой.

День былъ проведенъ, и Каширинъ остался доволенъ имъ. Но впереди дней предстояло еще много, надо было и объ нихъ подумать. Сначала онъ совѣстился и ходилъ къ Каверзневымъ только по праздникамъ, въ будни же сидѣлъ дома и обдумывалъ планъ сочиненія. Сочиненіе это предполагалось озаглавить такъ: «Имѣяй уши слышати—да слышитъ!», а содержаніе его должно было заключать въ себѣ, во-первыхъ, оправданіе образа дѣйствій «пишущаго эти строки» и, во-вторыхъ, указаніе нѣкоторыхъ небезполезныхъ мѣръ, которыя, не останавливая правильнаго и разумнаго развитія дивидендовъ, въ то же время полагали твердыя преграды для обнаружившагося въ семъ вѣдомствѣ стремленія къ излишествамъ. Но такъ какъ это была матерія сухая, то понятно, что она въ скоромъ времени наскучила Каширину, вслѣдствіе чего

онъ попробовалъ забѣжать къ Каверзневымъ и въ будни, и тоже остался доволенъ, хотя очень хорошо замѣтилъ, что на второе блюдо подали говядину совсѣмъ вываренную. Наконецъ, понемножку да помаленьку, онъ началъ учащать, и не успѣли Каверзневы встать въ оборонительное положеніе, какъ онъ уже сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ и постояннымъ гостемъ. Однажды онъ даже рискнулъ отобѣдать и у Здобнова (и отобѣдалъ), но тотъ обошелся съ нимъ до такой степени иронически, что въ самомъ зародышѣ уничтожилъ всѣ попытки къ установленію начетистыхъ отношеній дружества.

Для Каверзневыхъ это былъ своего рода бичъ. Ежели трижды подчиненный Растопыря имѣлъ основаніе жаловаться на паденіе вексельнаго курса и вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ, то тѣмъ бо̀льшее право на эти жалобы могъ предъявить Каверзневъ. Со счетами въ рукахъ, онъ могъ доказать, что Каширинъ обходится ему отъ 15-ти до 18-ти рублей въ мѣсяцъ—гдѣ ихъ взять? Сверхъ того, Каширинъ постоянно выигрывалъ въ карты, и этимъ отва̀дилъ отъ Каверзневыхъ Здобнова и Косача̀. Даже старикъ Монументовъ началъ прятаться отъ него и требовалъ, чтобъ ему приносили обѣдъ въ мезонинъ. Изъ человѣка, безконечно добраго, Каверзневъ, въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца, сдѣлался угрюмымъ и раздражительнымъ. Людмила Петровна хотя наружно улыбалась, но внутри у нея тоже все клокотало. Эти простые и добрые люди смотрѣли на своихъ дѣтей и со страхомъ думали: Каширинъ все съѣстъ! Однажды, они рѣшились на крайнюю мѣру: съѣли вареную говядину до обѣда, а за обѣдомъ подали пустой супъ и макароны; но Каширинъ и этого не понялъ, или, лучше сказать, не хотѣлъ понять. Къ довершенію всего, дѣлаясь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе наглымъ, Филипъ Филипычъ и дѣтямъ пересталъ возить гостинцы, такъ что и они вознегодовали.

Надо было быть очень робкимъ и очень дисциплинированнымъ, чтобъ столько времени выносить терзанія, которыя выпали на долю Каверзнева. Мало того, что Каширинъ объѣдалъ и опивалъ его, но, въ добавокъ, Здобновъ и Коса̀чъ открыто смѣялись надъ нимъ!

— Онъ тебя и со всѣми твоими потрохами купить и про-

дать можетъ, говорили они:—а ты его шмандткухенами кормишь!

Однакожь, и для самой беззавѣтной забитости бываютъ предѣлы, дальше которыхъ идти нѐкуда. И вотъ, дойдя до этихъ предѣловъ, Каверзневъ рѣшился.

Однажды, когда Каширинъ всего меньше думалъ о разрывѣ, и даже разсчитывалъ, что на будущее время ему и лѣтомъ будетъ не скучно, онъ получилъ по городской почтѣ письмо, въ которомъ прочиталъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство!

«Милостивый государь!

«Съ стѣсненнымъ сердцемъ я приступаю къ настоящему письму, но, помилуйте! я человѣкъ недостаточный и притомъ семейный! Я очень хорошо понимаю, что посѣщенія вашего превосходительства приносятъ намъ честь, но ограниченность состоянія даже и въ семъ не дозволяетъ намъ наслаждаться, какъ бы того душевно желали. И притомъ, ваше превосходительство! постоянно выигрывая въ карты, вы тѣмъ самымъ изволили отвратить отъ нашего семейства давнихъ и преданныхъ друзей, кои будучи тоже состоянія недостаточнаго, не въ силахъ онаго перенести, хотя бы и желали.

«Ваше превосходительство! клянусь повторительно: съ стѣсненнымъ сердцемъ пишу настоящее письмо! Но взойдите въ положеніе угнетеннаго отца и мужа, и съ свойственнымъ вашему превосходительству великодушіемъ простите пріемлемой мною смѣлости!

«Съ чувствами глубочайшаго высокопочитанія и несомнѣнной преданности, имѣю честь пребыть

«Вашего превосходительства,

«милостивый государь!

«покорнѣйшій слуга

«Илья Каверзневъ».

Къ удивленію, Филипъ Филипычъ отнесся къ этому письму довольно спокойно. Повидимому, его скорѣе удивило не содержаніе письма, а его безсвязность и редакціонные недостатки. Онъ всегда утверждалъ, что нынѣшнее поколѣніе «не умѣетъ писать»—и вотъ доказательство на лицо!

— И это помощникъ столоначальника нацарапалъ! воскликнулъ онъ съ горечью:—такіе ли въ наше время помощники бывали!

Я знаю, что разсказъ мой дошелъ до того кульминаціоннаго пункта, за которымъ необходимо слѣдуетъ катастрофа, а потомъ и естественное ея разрѣшеніе. Настоящіе художники-беллетристы именно такъ и поступаютъ: сначала постепенно завязываютъ узелъ, а потомъ постепенно его развязываютъ. Поэтому, ничего нѣтъ мудренаго, что и читатель, избалованный этими развязываніями и завязываніями, ждетъ отъ меня, что я поступлю съ Каширинымъ рѣшительно, то есть, или женю его, или сдѣлаю пьяницей, или, наконецъ, совсѣмъ уморю.

Ничего подобнаго я, однакожь, не сдѣлаю, по причинамъ, вполнѣ уважительнымъ. Во-первыхъ, я не имѣю претензіи быть художникомъ, и ничего «изъ головы выдумать» не могу; во-вторыхъ, я прошу принять во вниманіе, что герой моего разсказа—старикъ и въ силу одного этого условія, не представляетъ достаточныхъ элементовъ для завязываній и развязываній. Поэтому, и желая оставаться въ согласіи съ истиной, я говорю прямо: какимъ образомъ Филипъ Филипычъ вышелъ изъ своего послѣдняго огорченія, и перенесъ-ли при этомъ какую-нибудь душевную или нравственную ломку — не знаю. Не знаю, потому что мой герой такъ быстро послѣ этого исчезъ съ петербургскаго горизонта, что я даже не могъ услѣдить за нимъ.

Знаю, впрочемъ, что онъ поселился въ Пронскомъ уѣздѣ въ крохотномъ имѣньицѣ, нѣкогда великодушно уступленномъ имъ тетенькѣ Агафьѣ Ивановнѣ.

Лѣтомъ прошлаго года, находясь по дѣламъ въ Пронскомъ уѣздѣ, я случайно попалъ туда въ такое время, когда собирался мировой съѣздъ. Въ качествѣ почетнаго мироваго судьи прибылъ и Каширинъ. Узнавъ, что я литераторъ, онъ благосклонно пожелалъ со мной познакомиться, а, наконецъ, затащилъ меня и въ свою усадьбицу. По наружности, это былъ старикъ бодрый и даже щеголеватый. Одѣтый по лѣтнему, въ легонькую визитку, бѣлый жилетъ и таковые же брюки, онъ скорѣе походилъ на завсегдатая павловскихъ или нетергофскихъ садовъ, нежели на обывателя пронскихъ палестинъ.

Особенной словоохотливостью онъ не отличался, но, справедливо предполагая, что все, относящееся до русской литературы должно интересовать меня, онъ очень любезно разсказалъ мнѣ больше сотни анекдотовъ про Грановскаго, Бѣлинскаго, Некрасова, Тургенева и другихъ литературныхъ корифеевъ сороковыхъ годовъ, и, въ заключеніе, вздохнувъ, прибавилъ:

— Да, было, было все это; было—и прошло!

Даже о пойманномъ Майковымъ въ Парголовскомъ озерѣ пискарѣ не умолчалъ и тоже прибавилъ:

— Да, поймалъ пискаря, да такъ съ пискаремъ на всю жизнь и остался!

Усадьба у него оказалась очень хорошенькая, и, судя по его разсказамъ, онъ серьезно намѣревался устроить изъ нея нѣчто въ родѣ «виллы», и съ этою цѣлью треть всей земли обратить подъ садъ. Здѣсь я познакомился и съ тетинькой Агафьей Ивановной; старушкѣ было подъ восемьдесятъ, но она сохранила всѣ зубы, всѣ волосы и почти юношескую остроту зрѣнія, въ соединеніи съ замѣчательной подвижностью.

— Теперь только я жить начала! сказала мнѣ эта милая женщина, окидывая безконечно-любящимъ взглядомъ своего безцѣннаго племянника.

Филипъ Филипычъ радушно выводилъ меня по всѣмъ комнатамъ дома, который онъ почти весь заново перестроилъ, и, благодаря петербургской мебели, ухитилъ очень удобно и красиво. Въ одной изъ комнатъ мы застали за работой Палагею Семеновну, дѣвицу высокаго роста, «разсыпчатую», съ привлекательными формами тѣла и притомъ совсѣмъ пучеглазую, о которой Каширинъ сказалъ просто:

— А это моя Палагея Семеновна!

И затѣмъ, она ни за обѣдомъ, ни за чаемъ не появлялась; быть можетъ, впрочемъ, это случилось только потому, что она «стыдилась» посторонняго человѣка, такъ какъ не разъ Агафья Ивановна, положивъ на тарелку самый лучшій кусокъ (пупочекъ, стёгнушко), отдавала подачку прислугѣ, говоря:

— Снесите это Палагеюшкѣ!

Обѣдомъ Филипъ Филипычъ накормилъ меня отличнымъ, причемъ безпрестанно и онъ, и тетинька понуждали: кушайте! Очевидно онъ жилъ на свои три тысячи шестьсотъ рублей паномъ. Охотно хвалился наливками, которыя были

дѣйствительно превосходны, но скорбѣлъ, что никакъ не можетъ добиться такого сала, какое ѣдалъ въ Петербургѣ у Растопыри.

Повидимому, онъ всѣмъ простилъ, и даже про Растопырино вѣроломство вспоминалъ безъ горечи. Съ нѣкоторыми изъ бывшихъ друзей онъ исподволь возобновилъ сношенія и даже удостоился очень лестнаго письма отъ Стрекозы, которому послалъ въ презентъ удивительно выкормленнаго индюка. — «Превосходнѣйшаго вашего индюка мы скушали, писалъ маститый сановникъ:—въ сообществѣ извѣстныхъ вамъ пособниковъ, укрывателей и попустителей, и такъ оказался хорошъ и соотвѣтствующъ предназначенной ему роли, что не токмо желудочнаго обремененія, но съѣденіи, не ощутили, но даже какъ бы небольшое облегченіе». Что же касается Каверзнева, то Каширинъ каждогодно къ Рождеству посылалъ ему цѣлую груду поросятъ, гусей и куръ.

Въ Пронскѣ же Филипу Филипычу было суждено встрѣтиться и съ Пафнутьевымъ, что пролило еще болѣе сіяющій свѣтъ на его существованіе. Къ сожалѣнію, я не могъ познакомиться съ Пафнутьевымъ, потому что онъ былъ въ это время въ отсутствіи. Но Каширинъ сообщилъ мнѣ, что ежели сочиненіе его «Имѣяй уши слышати — да слышитъ!» значительно подвинулось впередъ, то именно благодаря Пафнутьеву, въ которомъ онъ нашелъ драгоцѣннѣйшаго для себя сотрудника.

Послѣ обѣда онъ попытался прочесть мнѣ первую (вѣроятно, и единственную) главу этого сочиненія. Первую страницу прочелъ бойко, на второй, подъ вліяніемъ изобильно принятой пищи и лѣтняго зноя, языкъ его началъ слегка заплетаться, а на третьей онъ какъ-то вдругъ и незамѣтно уснулъ. Я вышелъ на цыпочкахъ изъ кабинета и направился къ Агафьѣ Ивановнѣ, но и она спала; потомъ толкнулся къ Палагеѣ Семеновнѣ, но и ее нашелъ спящею. Все въ домѣ и около дома дремало, дремало, дремало; даже большой кохинхинскій пѣтухъ — и тотъ пересталъ интересоваться курами. Тогда и я, выбравши въ гостиной кресло помягче, протянулъ ноги и тоже моментально заснулъ.

А въ восемь часовъ, напившись чаю, уѣхалъ отъ Каширина и больше его не видалъ.

ДВОРЯНСКАЯ ХАНДРА.

Я пріѣхалъ въ деревню, чтобъ поселиться въ ней навсегда. Ѣхалъ я совсѣмъ не затѣмъ, чтобъ просвѣщать, распространять здравыя понятія о платежѣ недоимокъ, устранять неурожаи и вообще способствовать улучшенію быта; не затѣмъ, чтобъ принять дѣятельное участіе въ распоряженіи земскими деньгами, и ужь, конечно, не затѣмъ, чтобъ производить опыты по части сельскаго хозяйства. Просто чувствовалась потребность заживо имѣть гробъ — вотъ я и пріѣхалъ.

Эта потребность была очень сильная, почти страстная. Но что всего страннѣе, она загорѣлась во мнѣ совсѣмъ не потому, чтобъ я прикончилъ какіе-то счеты съ жизнью, чтобъ я сдѣлалъ какое-то свое дѣло, а именно потому, что я ровно ничего не начиналъ и никакихъ у меня счетовъ назади не было. Умственное пустодомство удивительно какъ утомляетъ. Оно всегда сопряжено съ безпорядочною сутолокой, которая загромождаетъ жизнь разнообразнымъ цѣпкимъ хламомъ и самымъ предательскимъ образомъ вводитъ въ заблужденіе. Благодаря этой сутолокѣ, долго, очень долго думаетъ человѣкъ, что онъ вращается среди дѣйствительныхъ интересовъ, и даже представляетъ себя силою, дѣйствующимъ лицомъ. И вдругъ, его словно освѣтитъ, перешибетъ пополамъ. И начнетъ ежемгновенно, неотступно, назойливо, и во снѣ, и на яву, представляться одно: гробъ! гробъ! гробъ!

Я ѣхалъ, однакожь, не безъ опасеній. Я думалъ, что гробъ

дастся не разомъ и что съ пріѣздомъ моимъ начнется, хотя и въ другомъ вкусѣ, но все-таки сутолока. Со стороны домочадцевъ возникнутъ требованія разъясненій, распоряженій и прочія сельскохозяйственныя приставанія; со стороны мужиковъ — явятся поползновенія по части, такъ называемаго, сліянія, въ которыхъ сыграютъ свою роль и вопросъ о пьянствѣ, и вопросъ о граматности, и вопросъ о ссудосберегательныхъ кассахъ. И, въ заключеніе, какъ наидѣйствительнѣйшій символъ сліянія — ведро водки. Со всѣмъ этимъ, думалось мнѣ, придется вести борьбу, покуда, наконецъ, не воцарится настоящее безмолвіе, изъ котораго выдвинется настоящій гробъ. Но, къ моему благополучію, всѣ эти опасенія оказались преувеличенными.

Нынѣшняя деревня — не та, въ которой кишатъ ревизскія души, а та, которую представляетъ собой помѣщичья усадьба — истинный кладъ для гробоискателя. Въ нынѣшней доревнѣ вы не встрѣтите ни малѣйшей суеты, ни тѣни сельскозяйственныхъ заботъ и волненій, а слѣдовательно — никакихъ вопросовъ и сомнѣній. Есть, разумѣется, уголки, въ которыхъ и до нынѣ ютятся выжиги и «колотятся изъ послѣдняго», но это исключенія. Общій характеръ — тишина и уныніе, которыя я назвалъ бы самоотверженіемъ, если бы при этомъ не приходило на мысль представленіе о выкупныхъ свидѣтельствахъ. Урокъ дня, то есть то, что нужно для пропитанія, протопленія и проч., исполняется какъ-то самъ-собой, въ опредѣленный часъ, безъ шума, безъ бѣготни. Прежде, стонъ, бывало, стоялъ и надъ застольными, и надъ скотнымъ и птичнымъ дворами; ныньче—благодать. Не только въ стѣнахъ помѣщичьяго дома, но и на дворѣ — ни звука, кромѣ такъ называемыхъ голосовъ природы: завыванья вѣтра, шума деревьевъ, чириканья и карканья птицъ, лая собакъ и т. п. Изрѣдка доносится, правда, съ поселка (ежели онъ не далеко) хлопотливое галдѣніе ревизскихъ душъ, но и оно не нарушаетъ обязательной для всѣхъ (и живыхъ, и мертвыхъ) гармоніи голосовъ природы, а, напротивъ, только дополняетъ ее и сливается съ нею. Можно (особливо, ежели требованія комфорта довести до минимума) провести цѣлый день, не слыхавши звука человѣческаго голоса и самому не издавши таковаго. Ходить, думать, глядѣть въ окно и даже, по возможности, не читать. И лишь на самое короткое время зажигать

огонь. Для человѣка одинокаго и притомъ перешибленнаго пополамъ — это своего рода купель силоамская, приводящая за собой исцѣленіе отъ всѣхъ недуговъ.

Усадьба у меня старинная. Господскій домъ — громадный, выстроенный изъ такого отличнаго лѣса, что и теперь все вполнѣ исправно. Просторно, пропасть воздуха и тепло. Когда-то, на красномъ дворѣ, рядомъ съ домомъ, было нагромождено множество всякаго рода службъ, но нынѣ всѣ эти постройки снесены отчасти по ветхости, а преимущественно за ненадобностью. Лѣтомъ, на этихъ «нарушенныхъ» мѣстахъ ростутъ непролазныя массы крапивы и репейника, зимою — изъ-за снѣжныхъ наносовъ виднѣются неправильныя кучи ломаннаго кирпича и мелкаго мусора. Въ сосѣдствѣ съ ними, но нѣсколько поодаль, словно монументъ, свидѣтельствующій о благополучномъ переходѣ отъ крѣпостныхъ порядковъ къ вольнонаемному труду, стоитъ небольшой, сложенный изъ тонкаго лѣса скотный дворъ, въ которомъ помѣщаются двѣ коровы, двѣ лошади, ломанный инструментъ и прочій приличествующій вольнонаемному труду сельскохозяйственный инвентарь. Впереди дома — цвѣточный (когда-то) садъ, съ запущенными дорожками, покато спускающійся къ рѣчкѣ; сзади дома — паркъ, настоящій паркъ, съ старинными могучими деревьями, которыхъ шумъ даже человѣку, далеко не одержимому мизантропіей, можетъ внушить мысль о гробѣ. Внизу, по теченію рѣчки — небольшая мельница, у зіяющей двери которой вѣчно торчитъ засыпка, не знающій куда дѣваться отъ праздности, такъ какъ, за общимъ оскудѣніемъ, помолецъ наѣзжаетъ рѣдко, да и то на легкѣ.

Понятно, что при такой внутренней обстановкѣ пріѣздъ мой не могъ вызвать никакой особенной суматохи. Я написалъ, что явлюсь тогда-то, и въ назначенное время все было готово къ моему пріему. Печи истоплены, стѣны и потолки обметены, полы вымыты, мебель разставлена въ старинномъ порядкѣ, даже обѣдъ изготовленъ. «Распоряженій» до такой степени не потребовалось, что, когда я снялъ шубу (дѣло происходило въ половинѣ февраля), то мнѣ оставалось только сказать, что *покуда* мнѣ ничего не нужно. Домочадцы, встрѣтившіе меня, разошлись по своимъ угламъ, я слышалъ, какъ хлопнула сперва одна дверь, потомъ другая, третья, все глуше и глуше — и вдругъ я остался одинъ... И въ этой

свѣтлой, большой и хорошо натопленной залѣ очутился лицомъ къ лицу съ гробомъ...

Точно также не потребовалось никакой борьбы и по части «сліянія». Еще на желѣзной дорогѣ, одна сосѣдка по вагону, добродушная помѣщица, узнавши, что я намѣреваюсь возобновить порванную связь со старыми «прахами», сочла долгомъ предупредить меня:

— Ныньче, батюшка, отъ мужичка благодарности не спрашивайте. Равнодушные какіе-то они стали: ни помощи, ни привѣта. Все — на деньгахъ. Сколько слѣдуетъ ему по условію — получилъ и шабашъ. Спасиба — не ждите.

Такъ, въ самомъ дѣлѣ, и оказалось. При самомъ въѣздѣ моемъ въ крестьянскій поселокъ (давно-ли я былъ тутъ «въ отца мѣсто»?), я сейчасъ же убѣдился, что мое появленіе ни въ комъ ничего не пробудило. Ни благодарныхъ воспоминаній, ни отрадныхъ надеждъ, ни даже изумленія. Мужики, пилившіе у своихъ избъ дрова (въ этой мѣстности преобладаетъ дровяной промыселъ), на мгновеніе приподняли головы-очевидно потому, что вниманіе ихъ было привлечено топотомъ мчавшихъ меня лошадей, и опять принялись за свое дѣло. Я опасался сниманія шапокъ, поклоновъ (иногда даже въ воображеніи моемъ мелькали радостныя улыбки) — ничего не бывало! Точно муха передъ ними пролетѣла. И мужики показались мнѣ какіе-то новые. Прежніе были восторженные, слезоточивые; нынѣшніе — равнодушные, зачерствѣлые. Прежній мужикъ всѣми внутренностями тянулъ къ барскому дому; нынѣшній — даже по надобности проходя мимо господской усадьбы, совершенно ее игнорируетъ, словно это не притягательное мѣсто, а только вѣха на пути. Бабы, качавшія на мірскомъ колодцѣ воду — и тѣ не оторопѣли при моемъ внезапномъ появленіи, не оставили своего занятія, а только безучастно проводили глазами мои сани. И отлично. Всѣ предположенія на счетъ «сліяній» и ссудо-сберегательныхъ кассъ устранились разомъ. Не будетъ поцалуевъ, но не будетъ и подкузмленій — ничего. Даже на традиціонное ведро водки, повидимому, расходовъ не потребуется. Прекрасно, прекрасно, прекрасно.

Но у меня вертѣлось въ головѣ еще одно опасеніе: я полагалъ, что возвращеніе въ домъ предковъ вызоветъ лично во мнѣ чувство умиленія. Воскреснутъ въ памяти забытыя дѣт-

скія игры, встанутъ передъ глазами, какъ живыя, любезныя сердцу лица. Очевидно, это должно населить гробъ хотя и призраками, но все-таки помѣшаетъ ему быть настоящимъ гробомъ. Однако, и тутъ обошлось благополучно. Чтобъ покончить разомъ съ этимъ опасеніемъ, я тотчасъ же обѣжалъ весь домъ и останавливался въ каждой комнатѣ, стараясь припомнить. Вотъ маменькина комната и въ ней длинный столъ, за которымъ она, обыкновенно, раскладывала изъ мѣдныхъ тазиковъ по банкамъ варенье; этотъ столъ и теперь стоитъ на старомъ мѣстѣ, и на поверхности его еще сохранились кружки, свидѣтельствующіе о пребывавшихъ тутъ нѣкогда банкахъ съ вареньемъ; и сама маменька, словно живая, сидитъ вонъ на томъ кожаномъ креслѣ и держитъ въ рукахъ серебряную ложку... Вотъ папенькинъ кабинетъ (теперь онъ мой) и въ немъ небольшой четырехугольный столъ, съ разрисованною на верхней доскѣ шашечницею, передъ которымъ покойный, сидя въ обитомъ кожею волтеровскомъ креслѣ, читывалъ «Московскія Вѣдомости»... Вотъ дѣвичья, въ которой лѣтомъ толпа горничныхъ, облѣпленныхъ массами мухъ, съ утра до вечера чистила ягоды, горохъ, грибы и проч., а зимой, тоже съ утра до вечера, раздавалось жужжаніе веретенъ... Вотъ дѣтская; въ противоположность другимъ комнатамъ, узенькая, низенькая, въ которой обитало великое множество клоповъ... Повторяю: я обѣжалъ все это и множество другихъ комнатъ (вотъ тутъ была спальня дѣдушки, когда онъ пріѣзжалъ въ деревню «въ гости»; вотъ тутъ рядомъ—спальня его «сударки», передъ которой подличалъ и ходилъ на заднихъ лапкахъ весь домъ; вотъ тутъ жилъ когда-то дяденька «буянъ», котораго въ хорошія комнаты не пускали, и который ѣдалъ изъ одной чашки съ собакой Трезоромъ; вотъ тутъ ютились тетеньки — сестрицы, къ которымъ я бѣгивалъ тайкомъ за мятными пряниками; вотъ тутъ поймали Генріету Карловну съ учителемъ Василіемъ Иванычемъ и т. д.) — и, о чудо! — никакого умиленія не ощутилъ! Возвратился въ залъ, посмотрѣлъ въ окно — оттуда виднѣется рѣка, въ настоящее время скованная льдомъ и опять-каки никакого умиленія! Кабинетъ, дѣтская, рѣка — все имена нарицательныя, которыя такъ и остались нарицательными. Отъ чего это? отъ того-ли, что самыя воспоминанія, сопряженныя съ этими нарицательными именами, не заключаютъ

въ себѣ ничего умилительнаго, или отъ того, что человѣкъ перешибленный пополамъ, самъ по себѣ дѣлается недоступнымъ для чувствъ умиленія, такъ какъ между его дѣтствомъ и старчествомъ легла цѣлая пустота, которая поглотила все безъ остатка, кромѣ страстнаго желанія обрѣсти гробъ.

Какъ бы то ни было, но я понялъ, что гробъ найденъ и что отнынѣ начинается существованіе, въ которое не вторгнутся ни сольско-хозяйственные доклады, ни «сліянія», ни умиленія. Я наскоро пообѣдалъ, надѣлъ халатъ и немедленно почувствовалъ себя спокойно, безмолвно, почти что мертво!..

Впрочемъ, мнѣ все-таки не удалось лечь въ гробъ сразу! По обыкновенію, сейчасъ послѣ пріѣзда, пришелъ отрекомендоваться сельскій батюшка. Но и онъ оказался какой-то сосредоточенный, однословный, угнетенный, угрюмый, точно только затѣмъ и пришелъ, чтобъ посмотрѣть, какъ я улягусь въ гробу, а онъ меня потомъ отпѣвать начнетъ.

— На жительство... совсѣмъ? началъ онъ, словно нехотя.

— Да, совсѣмъ.

— Великое это слово... «совсѣмъ»!

Я махнулъ головой въ знакъ согласія.

— Просторно вамъ здѣсь однимъ будетъ!..

— Да, много комнатъ.

— Хозяйствовать не станете?

— Нѣтъ.

— И не надо!

Разговоръ на минуту прервался.

— Жизнь здѣсь... началъ онъ опять.

— Я не для «жизни».

— А коли не для «жизни», такъ настоящее мѣсто—здѣсь! Да... именно, именно здѣсь!

Онъ какъ-то тоскливо взглянулъ на меня, покачалъ головой, потомъ посмотрѣлъ на буфетный шкапъ и продолжалъ:

— Вотъ ежели въ этомъ разѣ водка... спаси Богъ!

— Не потребляю. А вы?

— Спаси Богъ!

Опять молчаніе.

— Въ паркахъ — шумъ отъ вѣтровъ; опять же вороны гнѣзда вьютъ... Ставни по ночамъ стучать будутъ! Проржавѣли, поди, петли-то...

— Не знаю, не спрашивалъ.

— Оторопь возьметъ, оторопь! Главное — ставни на ночь плотнѣе запирать!

— Прежде запирали; конечно, будутъ и теперь запирать.

— Ну, съ Богомъ!

Онъ подалъ мнѣ руку, и исчезъ... «Чтожь? оторопь, такъ оторопь — тѣмъ лучше», подумалось мнѣ. Она будетъ напоминать мнѣ прошлое: вѣдь я всю жизнь, если сказать по правдѣ, ничего кромѣ оторопи, и не испытывалъ...

Впослѣдствіи, я узналъ, что здѣшній батюшка — отличнѣйшій человѣкъ. Водки не пьетъ дѣйствительно, устроилъ въ селѣ школу, въ которой безвозмездно учитъ крестьянскихъ дѣтей; съ мужичками живетъ въ ладахъ, читаетъ имъ по воскресеньямъ краткія поученія, о томъ, како благоугодити Господеви, и за свадьбы беретъ по божески, не придираясь. Вообще, обстановку имѣетъ скромную, почти бѣдную. А смотритъ онъ угнетенно, потому что жена у него — франтиха и сластёна и ежемгновенно его точитъ. То упрекнетъ, что онъ не полюдски одѣвается, «ходитъ, словно мельница крыльями машетъ — то-ли дѣло у насъ въ городу уланы стоятъ!», то ставитъ ему въ вину, что онъ кануны соблюдаетъ: «все у него либо подъ преподобнаго Мартиніана, либо подъ Тимофея-мученика»! А онъ ей въ отвѣтъ: «ты бы, дура, прежде смотрѣла»!

Меня на минуту заняла мысль: каково-то ему, человѣку скромному, и повидимому, даже чѣмъ-то проникнутому, жить въ селѣ Лисьи Ямы, въ норѣ, на цѣпи, съ глазу на глазъ съ попадьей, сластёной и франтихой? И онъ на цѣпи, и она на цѣпи... Она скалитъ зубы и скачетъ, и онъ скалитъ зубы и скачетъ. И оба благодарятъ Провидѣніе, что у каждаго цѣпь на столько коротка, что не пускаетъ ихъ загрызть другъ друга. Этимъ и процвѣтаетъ ихъ семейный союзъ.

Если кто думаетъ, что вслѣдъ за этимъ вступленіемъ появится на сцену дворовая дѣвица (плодъ секретной любви покойнаго папеньки) и затѣмъ произойдетъ интереснѣйшее кровосмѣшеніе, или что изъ подъ куста выпорхнетъ породистая помѣщичья дочка и подастъ поводъ къ цѣлому ряду пріятныхъ сценъ, съ робкими поцалуями, трепетными пожатіями рукъ, трелями соловья и проч. — тотъ пусть не читаетъ дальше этихъ признаній.

Ничего этого не будетъ: во-первыхъ потому, что ничего подобнаго не было въ дѣйствительности, а во вторыхъ и потому, что я поставилъ себѣ задачей писать о гробѣ, только о гробѣ.

Мысль объ этомъ приличнѣйшемъ, по настоящему времени, убѣжищѣ давно уже шевелилась во мнѣ и, наконецъ, вполнѣ созрѣла по слѣдующему очень характеристичному случаю.

Не очень давно тому назадъ, умершему, прославленному человѣку нужно было отыскать приличное «послѣднее убѣжище». Разумѣется, пошли переговоры съ кладбищенскими властями, и вотъ, во время этихъ переговоровъ, матушка-игуменья нѣкоего знаменитаго монастыря, на который указалъ знаменитый покойникъ еще при жизни, такимъ образомъ рекомендовала свой товаръ:

— У насъ на монастырскомъ кладбищѣ — очень хорошо. Тишина, порядокъ, просторъ. И зимой-то придешь посмотрѣть — залюбуешься, а лѣтомъ, какъ распустятся деревья— точно въ раю! И не вышелъ бы! Совѣтую.

И видя, что слова ея производятъ благопріятное впечатлѣніе, присовокупила:

— И еще тѣмъ у насъ хорошо, что для всѣхъ состояній такса уставлена — по божески! кому что̀ требуется. И богатые люди, и средняго состоянія, и бѣдные — всѣхъ милости просимъ! И перваго класса мѣста̀, и второго, и третьяго — все распредѣлено, смотря потому ка̀къ. Поближе къ благодати — и плата выше, подальше отъ благодати — и плата понижается. За церемоніалъ плата особенно, и тоже по состоянію. Есть большая служба, есть средняя служба, есть и малая. Большое освѣщеніе, среднее и малое. Также и на счетъ номиновеній. Нудить никого не нудимъ, а кто ка̀къ любитъ, такъ для себя и выбираетъ. Совѣтую.

Вотъ тогда-то и блеснула у меня въ головѣ мысль: именно мнѣ это самое и нужно. Но такъ какъ всѣ эти удобства я могъ получить хозяйственнымъ образомъ, то есть у себя, въ своемъ собственномъ кладбищѣ, то ясно, что для меня былъ прямой расчетъ воспользоваться этимъ преимуществомъ. Тамъ, думалось мнѣ; я все найду: и мѣсто первѣйшаго класса (безвозмездно), и свой собственный готовый гробъ, а что̀ касается до церемоніала, то, навѣрное, тамошняя самая большая

служба будетъ стоить вдвое дешевле, нежели здѣшняя самая малая.

Сверхъ того, мнѣ хотѣлось умереть безъ тревогъ, постепенно и, буде возможно, то естественною смертью. Я — человѣкъ предразсудочный и притомъ робкій; мнѣ все кажется, что, если я буду продолжать «соваться», какъ совался до сихъ поръ, то существованіе мое, навѣрное, пресѣчется самымъ неожиданнымъ и притомъ злокачественнымъ образомъ. Я знаю, что это страхъ ложный (на тѣхъ же похоронахъ знаменитаго человѣка одинъ изъ моихъ друзей, служащій въ департаментѣ Возмездій и Воздаяній, указывая на громадную толпу, окружавшую гробъ, сказалъ мнѣ: «въ обществѣ говорятъ, будто бы мы не допускаемъ передовыхъ людей естественною смертью умирать — вотъ вамъ блестящее опроверженіе этой гнусной клеветы!»), но что же дѣлать, если онъ до того присущъ мнѣ, что я освободится отъ него не могу? Тагда какъ, ежели я заблаговременно переселюсь въ «свой собственный гробъ» — навѣрное, всякій страхъ напрасной смерти пройдетъ самъ собою, за неимѣніемъ пищи. «Соваться» мнѣ тамъ — незачѣмъ, да и департаментъ Возмездій и Воздаяній будетъ далеко... Никто и не увидитъ, какъ я изнѣю, пропаду самымъ естественнымъ образомъ!

Съ любовью и не торопясь прилаживался я къ своему гробу и, признаюсь, не безъ удовольствія говорилъ себѣ: какъ это, однако, хорошо, что у меня свой собственный гробъ есть! Надоѣло «слоняться», «соваться» и вообще производить свойственныя досужему человѣку дѣйствія — взялъ, юркнулъ въ свой собственный гробъ и пропалъ въ немъ. А у другихъ, у «недосужихъ», и этого нѣтъ. Вотъ *онъ* ѣдетъ зимникомъ по рѣкѣ, передъ самыми окнами моего дома съ возомъ на мельницу — онъ и радъ бы юркнуть, да недосужно ему. И у него, пожалуй, есть свой собственный гробъ, тамъ на селѣ; но это такой гробъ, въ которомъ не постепенно умирать, а ежемгновенно и безъ отдыха жить надо. Во-первыхъ потому, что онъ, обитатель этого гроба — рейизская душа, а во-вторыхъ, потому что жизнь сама по себѣ, помимо его воли, помимо разумѣнія, даже помимо инстинктовъ самосохраненія, впилась да и не отпускаетъ его.

Какая это жизнь — это другой вопросъ. Я по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что въ эту самую минуту, *онъ* глядитъ на

мой *гробъ* и думаетъ: вотъ гдѣ настоящая-то жизнь! И всегда онъ такъ думалъ: и тогда, когда я «совался» и «пламенѣлъ», и теперь, когда я истомленный «сованіями», исподволь прилаживаюсь къ гробу. Всегда онъ завидовалъ моей тоскѣ и моимъ изнываніямъ, называлъ ихъ жировыми и говорилъ: хоть бы недѣльку такъ-то пожить!

Я изнываю отъ тоски, отъ неудовлетворенной жажды поступковъ, наконецъ, отъ стыда, а онъ думаетъ: вотъ оно, хорошее-то житье! И думаетъ правильно, потому что его-то собственное житье ужь таково, что даже суздальскимъ богомазамъ, этимъ присяжнымъ изобразителямъ адскихъ мученій — и тѣмъ не найти красокъ, чтобъ достойнымъ образомъ воспроизвести это житье!

Собственно говоря, только это вѣчноприсущее сравненіе между его гробомъ и моимъ и напоминаетъ ему обо мнѣ. Во всемъ остальномъ — ему до меня дѣла нѣтъ. Ни совѣтовъ ему моихъ не нужно, ни сочувствія. Въ томъ дѣлѣ, которое сопровождаетъ его жизненную агонію, я никакихъ поученій дать ему не могу, да и онъ самъ эти поученія встрѣтитъ съ нетерпѣніемъ, скажетъ: уйди! не мѣшай! Что же касается до сочувствія, то и тутъ послѣдуетъ тотъ же отвѣтъ: уйди! не мѣшай! Онъ не приметъ его за иронію только потому, что вообще ничего не прямого, иносказательнаго не разумѣетъ, а просто на просто подумаетъ, что мое сочувствіе есть обыкновенное интеллигентное «сованіе», только на этотъ разъ ужь совсѣмъ неумѣстно примѣненное. «И безъ тебя тошно — а ты лѣзешь!»

Да, лучше ужь не «соваться», а сидѣть смирно въ своемъ собственномъ гробу и потихоньку умирать. Слава Богу! папенька съ маменькой, накапливая тальки да овчины, да прижимая къ рублю копейку, наколотили такъ достаточно, что даже всесокрушающая рука времени не успѣла уничтожить всего. Углы дома не отгнили, потолки не повалились, полы не перекосились — чего еще нужно! А главное, никто не мѣшаетъ, никто даже не подозрѣваетъ, что въ этомъ гробу кто-то копошится. Много такихъ гробовъ разбросано по окрестности, и о большинствѣ даже неизвѣстно, чьи они и шевелится-ли въ нихъ кто-нибудь. И стоятъ они, постепенно черпѣя и осѣдая, подъ вліяніемъ времени и непогодъ. Пройдетъ

еще одно поколѣніе — даже гробовъ не будетъ, а просто на просто будутъ торчать почернѣвшіе, безглазые черепа.

При моемъ душевномъ настроеніи, это было чрезвычайно удобно. Мнѣ именно нужно было исчезнуть такъ, чтобъ никто не отыскалъ. Я машинально повторялъ про себя старинное мудрое реченіе: мертвые срама не имутъ — и мысль, что нашлось, наконецъ, убѣжище, въ которомъ ничто не настигнетъ меня, приводила меня въ восхищеніе.

Замѣчательная особенность: вотъ *онъ*, тотъ самый, который идетъ за возомъ на мельницу, онъ не только не понимаетъ моего недуга, но даже меня, человѣка изнемогающаго, считаетъ за привередника. Можетъ быть, ему нѐкогда разбирать, сколько постыднаго сорнаго налёта насѣло на жизнь, но можетъ быть и то, что его обычный modus vivendi ужь таковъ, что самая способность что-нибудь различать притупилась. Ежели у человѣка, съ младенческихъ неленокъ, единственный способъ передвиженія состоитъ въ томъ, что его перетаскиваютъ съ мѣста на мѣсто за волосы, то, конечно, онъ будетъ ощущать при этомъ физическую боль, но все-таки врядъ-ли пойметъ, что этотъ способъ передвиженія ненормальный. Ненормальный — для кого? Вотъ для нихъ, для тѣхъ, которые, худо-ли, хорошо-ли, а ползутъ-таки на собственныхъ ногахъ— можетъ быть! Но для него — онъ нормальный, потому что иначе какъ же могло бы случиться, чтобъ тасканіе за волосы совершалось среди бѣла дня, у всѣхъ на виду, и ни у кого бы не перевернулось сердце при этомъ зрѣлищѣ!

Такъ-то и тутъ; не понимаетъ *онъ* да и только. Но быть свидѣтелемъ этого непониманія, видѣть, кàкъ оно расползлось по всѣмъ жизненнымъ тропинкамъ и заполонило вселенную— ужасно! Въ сущности, это собственно только и ужасно. Съ моимъ личнымъ частнымъ недугомъ я, пожалуй, довольно легко бы совладалъ, а вотъ этотъ общій и частью даже чужой недугъ — онъ-то именно и составляетъ ту непосильную гирю, которая заставляетъ человѣка осѣдать все глубже и глубже, покуда онъ не очутится лицомъ къ лицу передъ отверстымъ гробомъ.

Почему чужой недугъ претворяется въ свой собственный и даже пуще гнетётъ — это отчасти объясняется бóльшимъ или мѐньшимъ досужествомъ. Досужество даетъ человѣку возможность развертывать перспективы, отыскивать связующіе эле-

менты. А какъ только начинаетъ чувствоваться связь между собою и «остальнымъ», такъ тотчасъ же дѣлается невыносимо больно. Горы чего-то неслыханнаго, какой-то безразсвѣтной мглы начинаютъ надвигаться со всѣхъ сторонъ и давятъ, и давятъ безъ конца. Чтобъ вынести эти горы на своихъ плечахъ, надо быть или очень сильнымъ, или — очень нахальнымъ. Робкимъ и слабымъ — не остается ничего больше, какъ исчезнуть.

Я устроился сразу и отлично: надѣлъ халатъ и замолчалъ. Комнатъ — цѣлая анфилада; можно ходить взадъ и впередъ до усталости. Ходишь и молчишь; даже въ головѣ настоящихъ мыслей нѣтъ, а мелькаетъ что-то неопредѣленное. Отрывки старыхъ вожделѣній, звуки... Прислуга является ко мнѣ рѣдко, въ опредѣленные часы, чтобъ сказать, что подано кушать или принести стаканъ чаю. Были попытки завести разговоръ о томъ, что сегодня съ утра мжица мжитъ, или о томъ, что нынѣшнюю зиму волковъ до ужасти много, въ деревнѣ днемъ по улицѣ бѣгаютъ; но, такъ какъ съ моей стороны поощреній не послѣдовало, то и эти неважные разговоры улеглись сами собою. Когда-то я интересовался вопросомъ объ одиночномъ заключеніи и даже съ жаромъ доказывалъ, что это — самый благородный способъ отмщенія нарушенной правды, потому, дескать, что оно даетъ нарушителю возможность примириться съ самимъ собою. Вотъ какой я былъ... филантропъ! Какъ бы то ни было, но эта старинная предилекція, должно быть, и сказалась теперь. Я нашелъ для себя именно одиночное заключеніе — разумѣется, смягченное анфиладою комнатъ и возможностью во всякое время нарушить обрядъ молчанія.

Только принесетъ-ли оно съ собой примиреніе? разсѣетъ-ли мглу, которая такъ и виситъ надо мною, не смотря на внѣшній свѣтъ и просторъ? — вотъ въ чемъ вопросъ.

Покамѣстъ, однако, я чувствую себя очень хорошо. По крайней мѣрѣ, та страшная мысль, что я ничего не могу, ничего не знаю, что я пятое колесо въ колесницѣ, которая разбила мою жизнь, уже не терзаетъ меня такъ неотступно, какъ прежде. Имѣя впереди только гробъ, мнѣ не нужно ни мочь, ни знать, а тѣмъ больше претендовать на званіе нелишняго колеса: я и колесницы-то никакой не вижу. Какъ хотите, а это выигрышъ. Мнѣ нужно одно: чтобъ молчаніе, объемлющее

меня, не нарушалось ни единымъ призывомъ къ жизни. Мнѣ такъ довольно всякихъ «не могу», «не знаю», и понятіе о нихъ до того отождествляется, въ моихъ глазахъ, съ понятіемъ о жизни, что всякое напоминаніе о послѣдней представляется напоминаніемъ о нервыхъ.

Но одиночество и само по себѣ имѣетъ втягивающую силу. Оно нашоптываетъ думы, неимѣющія ничего общаго съ думами живыхъ людей. Что-то совершенно особенное; не скажу, чтобъ фантастическое или безсвязное, но никогда не кончающееся и притомъ доступное для безконечныхъ видоизмѣненій. Думы плывутъ безостановочно, сами собой, не бередя старыхъ ранъ и не смущая тревогами будущаго. Для человѣка, перешибленнаго пополамъ и имѣющаго за плечами цѣлое бремя всевозможныхъ «сованій», одно воспоминаніе о которыхъ заставляетъ краснѣть — это до того хорошо, что всякій перерывъ, всякое внѣшнее вторженіе кажется несноснымъ, тяжелымъ. Думается, что если бы среди этого одиночества вдругъ появился свѣжій человѣкъ съ цѣлымъ запасомъ вѣстей изъ міра живыхъ — это не только не заинтересовало бы, но скорѣе даже огорчило бы меня. Я слушалъ бы только машинально, изъ приличія, но внутри у меня кипѣла бы все та же неясная работа безконечно тянущихся представленій, звучала бы все та же струна. Это бываетъ съ людьми, которые серьезно освоились съ одиночествомъ, да еще съ людьми, которыхъ поразила сильная мысль, что-то въ родѣ откровенія. Вся обыденная жизнь проходитъ мимо этихъ людей, какъ бы не прикасаясь къ нимъ. Есть одна свѣтящаяся точка, въ которую неизмѣнно вперенъ ихъ взоръ, и этой одной точки совершенно достаточно, чтобъ наполнить ихъ существо до краевъ.

Однимъ словомъ, одиночество должно оказать мнѣ великую услугу: оно спасетъ меня отъ жизни. Умирать, хотя и заживо, но во-время — не только необходимо, но и полезно, поучительно: я на этомъ стою. Я знаю, что вообще достойнѣе и сообразнѣе съ человѣческимъ назначеніемъ говорить: благо живущимъ! Но знаю также, что бываютъ такія изумительныя обстановки, въ которыхъ и умѣстнѣе, и приличнѣе говорить: благо умирающимъ и еще большее благо — умершимъ!

Ничего не знать, ничего не мочь, быть пятымъ колесомъ въ колесницѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ слышать: не тво-

его ума дѣло!—развѣ подобными признаками можно характеризовать какое бы то ни было общественное положеніе?

Я охотно допускаю, что «смертный», по природѣ, самолюбивъ и склоненъ къ самомнѣнію, но вѣдь отпоръ этому самомнѣнію даетъ сама жизнь или, лучше сказать, свободный процессъ ея. Этотъ процессъ, самъ по себѣ, каждаго ставитъ на свое мѣсто, для каждаго очерчиваетъ извѣстное пространство, за предѣлы котораго переходить не полагается. Для чего же понадобилось, независимо отъ неминуемой жизненной оцѣнки, заранѣе встрѣчать человѣка словами: твой умъ безсиленъ, дряблъ, неумѣстенъ?

И какимъ изумительнымъ логическимъ путемъ можно было дойти до построенія такой отчаянной теоріи, которая убиваетъ жизнь въ самомъ зародышѣ и, слѣдовательно, даже тѣхъ жалкихъ практическихъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидаютъ, въ сущности, дать не можетъ?

Право, это совсѣмъ не такой праздный вопросъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и есть не мало людей, которыхъ самая постановка не терзаетъ безмѣрно. Разумѣется, и его можно разрѣшить сразу, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, юркнувши въ гробъ; но, во-первыхъ, какъ я уже сказалъ выше, не у всякаго есть въ распоряженіи *удобный* гробъ, а во-вторыхъ, говоря по совѣсти, развѣ гробъ—разрѣшеніе?

Говорятъ, что покуда имѣется на лицо, съ одной стороны, цѣлая масса людей, у которыхъ нѣтъ времени обратиться съ какимъ бы то ни было запросомъ къ самимъ себѣ, а съ другой—достаточное количество индивидуумовъ, которые преднамѣренно чуждаются мерцаній совѣсти и не чувствуютъ отъ этого ни малѣйшаго ущерба—до тѣхъ поръ не представляется даже повода принимать въ соображеніе, что существуютъ какія-то бродячія единицы, разбросанныя по лицу земли, безъ опоры, безъ связи и умирающія отъ боли, каждая въ своемъ углу. Этого мало: на общественномъ рынкѣ пользуется неограниченнымъ кредитомъ цѣлая философская система, которая прямо утверждаетъ, что все существующее уже потому одному разумно и законно, что оно существуетъ...

Я знаю, что эта философія никакихъ практическихъ разрѣшеній не даетъ и что, въ добавокъ, ее всего приличнѣе назвать заплечною; но попробуйте-ка протестовать противъ нея! Попробуйте сломить это желѣзное кольцо, которое отъ начала

вѣковъ сдавило человѣка и заставляетъ его фаталистически вертѣться въ пустотѣ! Увы! старинная мудрость завѣщала такое множество афоризмовъ, что изъ нихъ, камень по камню, сложилась цѣлая несокрушимая стѣна. Каждый изъ этихъ афоризмовъ утверждался на костяхъ человѣческихъ, запечатлѣнъ кровью, имѣетъ за собой цѣлую легенду подвижничества, протестовъ, воплей, смертей. Каждый изъ нихъ поражаетъ крайней несообразностью, прикрытой, ради приличія, какой-то пошлой меткостью, но вглядитесь въ эту пошлость поглубже, и вы навѣрное увидите на днѣ ея цѣлый мартирологъ.

Эти легенды воплей, этотъ мартирологъ—развѣ они не представляютъ достаточнаго фундамента, на которомъ какой угодно безсодержательный афоризмъ можетъ безспорно утвердить свое право на существованіе?

Вотъ отъ чего заплечная философія процвѣтаетъ: у ней имѣются сзади цѣлыя массы жертвъ. Но, кромѣ того, ужасная сама по себѣ, она дѣлается еще болѣе ужасною вслѣдствіе того, что прежде всего вторгается въ домашній, будничный обиходъ человѣка, становится на стражѣ его удобствъ и привычекъ, и только тогда, когда уже видитъ силу сопротивленія окончательно сломленною, погубляетъ и душу. Отъ этого, встрѣчается много людей, даже не чуждыхъ умственной гастрономіи, которые не только не мечутся отъ тоски при произнесеніи заплечныхъ афоризмовъ, но и не чувствуютъ ни малѣйшей неловкости. Жизненный процессъ у этихъ людей раскалывается на двѣ половины: въ одной матеріальная гастрономія, въ другой—гастрономія умственная, и ежели нѣкоторое время обѣ эти гастрономіи живутъ какъ бы отдѣльною жизнью, то обыкновенно дѣло все-таки оканчивается тѣмъ, что онѣ до того перепутываются, что утрачивается всякое мѣрило для опредѣленія, гдѣ кончается одна и гдѣ начинается другая.

Я долго, слишкомъ долго руководился этой заплечной философіей, прежде чѣмъ мнѣ пришло на умъ, что она заплечная. Будучи тридцатилѣтнимъ балбесомъ, я, какъ ни въ чемъ не бывало, выслушивалъ афоризмы въ родѣ: «выше лба уши не ростутъ», «по Сенькѣ шапка», «знай сверчокъ свой шестокъ» и не только не находилъ тутъ никакого мартиролога, но даже восхищался ихъ меткостью. Да и время тогда было

совсѣмъ особенное. То было время, когда люди безсмысленно глядѣли другъ другу въ глаза и не ощущали при этомъ ни малѣйшаго стыда; когда самая потребность мышленія представлялась презрительною, ненавистною, опасною: поневолѣ приходилось прибѣгать къ афоризмамъ, которые, хоть по наружности, представляли что-то похожее на продуктъ мышленія.

Наконецъ, циклъ заплечной философіи истощился, поставивъ самихъ приверженцевъ своихъ лицомъ къ лицу съ глухой стѣной. Почувствовалась потребность въ иныхъ девизахъ, не столь меткихъ, но за то болѣе снисходительныхъ. Эти девизы явились, и мы всѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ, бросились на встрѣчу имъ. То было время всеобщихъ «сованій». Насталъ моментъ, когда всѣхъ освѣтило солнце откровенія, когда представлялось, что чаша горечи переполнилась до краевъ и что заплечный мастеръ задохнулся въ ней. Я заметался вмѣстѣ съ другими, но не отъ боли, а отъ тысячи неопредѣленныхъ порывовъ, которые вдругъ народились въ моей груди и потянули меня на просторъ. Все мое существо, казалось, очистилось, просвѣтлѣло; новая кровь катилась по жиламъ, и ради этой новой крови, ради ея сладкихъ волненій, я готовъ былъ забыть даже недавнее заплечное прошлое. «Зоветъ!», раздавалось со всѣхъ сторонъ, и хотя чудо призванія заставляло себя ждать, но признаки, позволявшіе угадывать сердцемъ его близость, чуялись всюду...

Я вышелъ на призывъ очень бойко. Написавши на знамени: ничто человѣческое мнѣ не чуждо, я искренно увѣровалъ, что во истину вступилъ въ область этого «человѣческаго». Я жаждалъ жить, и въ особенности жаждалъ «участвовать». Но, не смотря на эту страстную жажду, нельзя сказать, чтобъ я былъ черезъ чуръ требователенъ и нетерпѣливъ. Напротивъ, практика заплечной философіи уже на столько въѣлась въ меня, что я не только инстинктивно чувствовалъ, но даже *понималъ*, что «вдругъ»—невозможно.

«Не вдругъ!», повторялъ я на всѣ лады, и повторялъ совершенно съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ какимъ выкрикивалъ и другой свой девизъ: «да здравствуетъ обновленіе!». Представлялось, что слова «не вдругъ» ничего не останавливаютъ, а только спасаютъ. И въ то же время, хотѣлось уберечь дѣло обновленія отъ вліяній дурного глаза, выхолить его на славу.

Я зналъ, что у него множество ненавистниковъ, и вознамѣрился побѣдить ихъ терпѣніемъ и даже повадливостью. Пусть знаютъ, пусть видятъ, твердилъ я, что мы ни чьихъ интересовъ не затрогиваемъ и желаемъ лишь одного: чтобъ никто не потерялъ и чтобъ всѣ выиграли! Мнѣ не приходило на мысль, что, твердя слишкомъ часто одно и то же «не вдругъ», я, наконецъ, могу при немъ одномъ и остаться. Нѣтъ, я этого не боялся, потому что былъ слишкомъ увѣренъ въ живучести своего порыва. Я вообще въ то время ничего не боялся: ни самоотверженно лѣзть впередъ, ни предусмотрительно кричать: не вдругъ!

Къ чему я тогда не примазывался! въ какомъ «хорошемъ» дѣлѣ не предлагалъ своихъ услугъ! Всѣ тогдашніе вопросы были моими личными, кровными вопросами. Я пламенѣлъ не только общею идеей гласности и устности (это была тогдашняя всеобщая панацея), но и всѣми ея деталями, и вездѣ предъявлялъ искренность, расторопность, готовность, радость. Утромъ, я просыпался съ словами: «сегодня намъ предстоитъ быть участниками новой радости, которая должна ознаменовать и упрочить наше молодое обновленіе»; ночью—мой первый сонъ начинался словами: «радость, которая еще сегодня утромъ составляла только предметъ гаданій нашихъ, свершилась»... Мои восторги были не только искренны, но и до того разнообразны, что я положительно не успѣвалъ съ ними во всѣ мѣста, куда они меня влекли, хотя быстрота моихъ мельканій по лагерю радостей и надеждъ была, по истинѣ, изумительна. И за всѣ эти мельканія я ничего не требовалъ, кромѣ счастія быть свидѣтелемъ общаго обновленія и скромно сознавать, что я тутъ былъ, медъ-пиво пилъ...

Я торжествовалъ и, что всего хуже, принялъ мое торжество за нѣчто серьезное. Дѣйствительно, на первыхъ порахъ мои «сованія» не только не встрѣтили отпора, но катились впередъ, отъ станціи до станціи, словно по покатости. Въ лагерѣ радостей и надеждъ меня ожидали только объятія и сочувственныя улыбки. Я уже не говорю о второстепенныхъ дѣятеляхъ обновленія — эти положительно не могли нагордиться другъ другомъ, какъ половые Палкинскаго трактира въ ту минуту, когда хозяинъ пригласилъ француза-повара, но даже въ средѣ самихъ «строителей» все говорило о ласкѣ, о поощреніи, о благосклонномъ снисхожденіи. Правда, что въ

этомъ снисхожденіи чувствовался оттѣнокъ чего-то похожаго на изумленіе, но именно этотъ-то оттѣнокъ мы, въ попыхахъ, и просмотрѣли. Если бы мы спохватились во-время, то убѣдились бы, что тутъ скрывается нѣчто, во всякомъ случаѣ, загадочное. Что собственно послужило поводомъ для этого изумленія: размѣры-ли нашего слабоумія, разыгравшагося до рѣзвости, или гадливое опасеніе, что вотъ и это рѣзвящееся слабоуміе, чего добраго, предъявитъ какія-то требованія?

Наконецъ, однако, мы надоѣли. Года два сряду мы любовались другъ другомъ, на третій—любоваться было уже нѣчѣмъ. Мы весь свой багажъ разбросали разомъ, и ничего не съумѣли подобрать, такъ что очутились совсѣмъ съ пустыми руками. Все измѣнилось кругомъ насъ: спросъ на наши услуги вдругъ понизился до минимума, снисходительныя улыбки превратились въ откровенно-кислосладкія; одни мы не измѣнились и продолжали выказывать назойливѣйшую готовность идти въ огонь и въ воду. Тогда, чтобъ отдѣлаться отъ насъ, потребовалось употребить насильство...

Что было потомъ—лучше не вспоминать. Скажу одно: человѣку, который гордо шелъ въ храмъ славы и вмѣсто того попалъ въ хлѣвъ—и тому едва-ли пришлось испытать столько горечи. Ошибки маршрута, особливо въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ и храмъ славы, и хлѣвъ стоятъ рядомъ, не представляютъ еще особенно мучительной неожиданности; но замѣна вчерашняго лихорадочнаго «сованія» сегодняшнимъ оцѣпенѣніемъ, это—болѣе, нежели неожиданность: это цѣлый переворотъ. Нить жизни порвана, привычки нарушены, всѣ планы, всѣ стремленія, все, чѣмъ жилъ человѣкъ—все разомъ упразднено. Сколько жгучаго презрѣнія долженъ почувствовать человѣкъ къ самому себѣ въ минуту совершенія этого переворота! Вѣдь онъ все тотъ же: дѣятельный, преданный, одушевленный— и вдругъ... За что?

За что! поймите, какая масса безпомощности, самоуничиженія, напрасныхъ укоровъ, безсильнаго ропота слышится въ одномъ этомъ вопросѣ!

Съ перваго раза нельзя даже понять, что такое случилось. «Выше лба уши не растутъ!» «Знай сверчокъ свой шестокъ»... опять! Опять эта постылая, ненавистная «мудрость вѣковъ»! Въ бывалое время она входила въ одно ухо и выходила въ другое; теперь — она хлещетъ по щекамъ! Все лицо горитъ,

весь организмъ трясется. «Пятое колесо въ колесницѣ»—кто первый выдумалъ это чудовищное сравненіе? «Ничего не знаю», «ничего не могу!»—кто возвелъ эти ужасныя слова въ доктрину? Куда бѣжать, куда провалиться отъ этихъ заплечныхъ афоризмовъ? Объ «сованіяхъ», конечно, нечего и думать; но куда бѣжать?

И вотъ, на встрѣчу выдвигается... гробъ!

Отлично, отлично, отлично.

Теперь самое существенное, это — довести мысль до той степени неопредѣленности, при которой она совпадаетъ съ жужжаніемъ. И затѣмъ — позабыть. Погрузиться со всѣмъ прошлымъ и настоящимъ на самое дно, такъ чтобъ выкарабкаться оттуда было нельзя, если бы даже и пришла въ голову блажь опять лѣзть на встрѣчу стариннымъ сованіямъ.

Какъ я уже сказалъ выше, внѣшняя обстановка, съ самаго начала, удивительно какъ благопріятствовала этому погруженію. Но чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Нѣтъ ни происшествій, ни даже простаго благорастворенія воздуховъ — ничего такого, что вызвало бы попытку выйти изъ гроба. На дворѣ замѣчаются, правда, признаки весны, но не той свѣтозарной, зажигающей весны, о которой повѣствуется въ книжкахъ, а какой-то мокрой, сонливой, кислой. Тяжелыя, сѣрыя тучи повисли надъ домомъ, посёлкомъ и паркомъ и съ утра и до ночи сѣютъ на землю мокрый снѣгъ. Съ 1-го марта подулъ съ юго-запада вѣтеръ, но настоящаго тепла не принесъ, а только сырость, да слякоть; иней, одѣвавшій паркъ узорчатою одеждою, сползъ, и деревья стоятъ голыя и безпорядочно хлещутъ по воздуху отяжелѣвшими вѣтвями; дорога исковеркалась и побурѣла; рѣка покрылась полыньями; въ саду снѣгъ источило словно червоточиной и по мѣстамъ обнаружилась взбухшая земля; люди ходятъ мокрые, иззябшіе, хмурые; деревня совсѣмъ почернѣла. Говорится въ сказкахъ о жаворонкахъ, о волшебныхъ метаморфозахъ воскресенія природы, но ни жаворонковъ, ни воскресенія нѣтъ, а есть унылая картина неопрятнаго превращенія твердаго черепа зимы въ непролазныя хляби весны. Только вороны суетливѣе прежняго хлопочутъ вокругъ гнѣздъ и неистовымъ крикомъ какъ бы возвѣщаютъ,

что одна тоска, зимняя, кончилась, и началась другая тоска, весенняя.

Что же касается до происшествій, то я заранѣе рѣшился устраняться отъ нихъ и потому даже наблюденій никакихъ не дѣлаю. Иногда, впрочемъ, я подхожу къ окошку, гляжу на поселокъ, но особеннаго любопытства не ощущаю. Тамъ во множествѣ кишатъ черныя точки, погруженныя въ вѣчную страду. Кишатъ — и только. Борются — и не сознаютъ борьбы; устраиваютъ, ухичиваютъ — и не могутъ дать себѣ отчета: что и зачѣмъ? И не хотятъ знать ни высшихъ соображеній, ни высшихъ интересовъ, кромѣ, впрочемъ, одного самаго высшаго: интереса ѣды. Конечно, я понимаю, что въ этомъ-то интересѣ и сила вся, но, странная вещь! — какъ только я наталкиваюсь на него (а не наткнуться — нельзя), такъ тотчасъ же чувствую непреодолимое желаніе обойти, замять. Разумѣется, впрочемъ, такъ обойти, чтобъ никто этого не замѣтилъ...

Вообще, я долженъ сознаться, что меня всегда гораздо сильнѣе трогалъ вопросъ о недостаткѣ такъ называемыхъ «свободъ», нежели вопросъ о недостаткѣ ѣды. Ѣда — вещь неизмѣнная (трудно даже вообразить: какъ это нѣтъ ѣды!), а я воспитанъ въ традиціяхъ красивыхъ линій и интересовъ исключительно спекулятивнаго свойства. Конечно, я не чуждъ и представленія о безкормицѣ, но не «такой». Вмѣстѣ съ Генрихомъ IV, я охотно желаю всѣмъ и каждому курицу въ супѣ, но именно курицу, а не ржаной хлѣбъ, хотя бы и безъ примѣси лебеды. Сверхъ того, я могу довольно легко представить себѣ и трагическую сторону безкормицы, но именно трагическую, красивую: вопли, стоны, проклятія, голодную смерть, а не обрядовое голоданіе, сопровождаемое почтительно сдерживаемымъ урчаніемъ въ животѣ и плаксивою суетою, направленною въ одну точку: во что бы то ни стало обороняться отъ смерти.

Тѣмъ не менѣе, иногда мнѣ сдается, что, будь у меня, вмѣсто множества высшихъ интересовъ, только одинъ, самый высшій — навѣрное, меня не грызла бы такая бѣшеная тоска. Очень возможно, что она замѣнилась бы болью еще болѣе жестокой, но у этой боли существовала бы реальная подкладка, на которую я могъ бы сослаться съ увѣренностью быть поня-

тымъ. А теперь, съ своими «свободами», куда я пойду? Съ какими глазами покажусь я вотъ хоть на этой почернѣвшей отъ мужицкаго тука улицѣ, на которой день деньской все кишатъ, все кишатъ?

Поэтому-то я и не выхожу изъ гроба, и не наблюдаю ни надъ чѣмъ. Нѣтъ у меня нужной для этого подготовки. Однакожь, это не мѣшаетъ мнѣ утверждать по совѣсти, что хотя мои «высшіе интересы» — и не «самые высшіе», но все-таки они — не прихоть, не фанаберія, а дѣйствительная и стенящая боль сердца. И эта боль тѣмъ несноснѣе щемитъ меня, что я обязываюсь глотать свою отраву безмолвно и въ одиночку.

Однажды, впрочемъ, я соблазнился и чуть было совсѣмъ не выпрыгнулъ изъ гроба. Вотъ по какому случаѣ. Пришелъ сельскій батюшка, весь встревоженный, и сообщилъ мнѣ, что на селѣ случилось происшествіе.

— Появился мужичекъ одинъ, изъ фабричныхъ, разсказывалъ онъ: — нашъ онъ, коренной здѣшній, да не по здѣшнему рѣчь ведетъ. Говоритъ: рука божія якобы не надъ всѣми равно благостно и равно попечительно простирается, но иныхъ угобжаетъ преизбыточно, а другихъ и отъ малаго немилостивнѣ отстраняетъ...

— Воля ваша, батюшка, а тутъ что̀-то не такъ! усомнился я.

— Ну, да, конечно, онъ, по своему, по мужицкому, объясняетъ, а редакцію-то эту ужь я...

— Понимаю. Чтожь дальше?

— То-то вотъ: ка̀къ въ этомъ разѣ поступить?

— То-есть, ка̀къ же такъ поступить?

— Дать-ли дѣлу ходъ, или такъ оставить?

— Батюшка! помилосердуйте!

— Признаться, я и самъ... Только вотъ мужички обижаются... Кабатчикъ, значитъ... въ личную себѣ обиду принялъ — ну, и прочихъ взбунтовалъ!

Я заинтересовался и пошелъ на село. Передъ волостнымъ правленіемъ волновалась небольшая кучка народа, изъ которой неслись смутные крики. Но не успѣлъ я дойти до мѣста судьбища, какъ приговоръ уже былъ объявленъ и приводился въ исполненіе: виновнаго «стегали». Здоровенный мужичина самъ снялъ съ себя портки, самъ легъ и самъ кричалъ: честно̀й міръ! господа честные! простите! не буду! А впослѣдствіи,

я, сверхъ того, узналъ, что, только благодаря предстательству батюшки, дѣло кончилось такъ легко и что, не будь этого предстательства, кабатчикъ непремѣнно бы настоялъ, чтобъ возмутителя его спокойствія отослали въ станъ.

Я возвратился домой и, признаюсь, нѣкоторое время чувствовалъ себя изрядно взбудораженнымъ. Помилуйте! Я ужь совсѣмъ было началъ «погружаться», а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое представленіе о розгахъ уже стало помаленьку заплывать, и вдругъ... Да, братъ, «выше лба уши не ростутъ!», машинально повторилъ я, и чуть-чуть не задохся вслѣдъ затѣмъ; до такой степени весь воздухъ, которымъ я дышалъ, казалось мнѣ, провонялъ, протухъ...

Объ чемъ собственно шла рѣчь? — объ ѣдѣ. Кажется, предметъ общепонятный и общедоступный, а между тѣмъ честной міръ рѣшеніемъ своимъ засвидѣтельствовалъ, что и дѣла ему до него нѣтъ, что онъ не желаетъ даже, чтобъ его безпокоили подобными разговорами. Что̀ означаетъ этотъ фактъ? То-ли, что міръ хотѣлъ «уважить» кабатчика? или то, что въ его представленіи вопросъ объ ѣдѣ сформулировался такъ: ѣшь, что̀ у тебя подъ носомъ?

Ка̀къ бы то ни было, но отъ мысли, что заправскій узелъ все-таки тамъ, на поселкѣ, никакъ не уйдешь. Ка̀къ ни взмывай крыльями вверхъ, ка̀къ ни стучи лбомъ объ землю, ка̀къ ни кружись въ пространствѣ, а посёлка все-таки не миновать. Тамъ настоящій пупъ земли, тамъ — разгадка всѣхъ жизненныхъ задачъ, тамъ — ключъ къ разумѣнію не только прошедшаго и настоящаго, но и будущаго. И нужно пройти туда... но ка̀къ же туда пройти, коль скоро тамъ только одно слово и произносится внятно: стегать?!

Во всякомъ случаѣ, кто не можетъ вмѣстить посёлка, тотъ лучше пусть и не прикасается къ нему. Потому что иначе къ прежнимъ высшимъ мотивамъ тоски пришлось бы прибавать еще новый, самый высшій...

Такъ я и поступаю, то есть стараюсь поступать. Я не хочу тоски, а хочу жить въ гробу безъ прошлаго, безъ будущаго, даже безъ настоящаго. Да̀, и безъ настоящаго, хотя это и кажется на первый взглядъ нелѣпымъ. Я убѣжденъ, что можно до такой степени убить въ себѣ чувство жизни, что самая реальная, осязательная дѣйствительность — и та не то что

покажется, а во истину сдѣлается призрачною, неуловимою. Стѣны будутъ двигаться, полъ начнетъ колебаться подъ ногами. Галлюцинація получится полная, но вѣдь только она и можетъ привести за собою настоящее, заправское забвеніе.

Чтобъ достигнуть этого результата, необходимо, прежде всего, отъучиться отъ настоящихъ, человѣческихъ мыслей и замѣнить ихъ другими, получеловѣческими. Во-первыхъ, это засвидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ поворотѣ въ сторону благонамѣренности, а во-вторыхъ, удивительно какъ помогаетъ жить, то есть умирать. По началу, разумѣется, встрѣтятся затрудненія, но извѣстные механическіе пріемы мигомъ упростятъ дѣла. Такъ, напримѣръ, настойчивымъ повтореніемъ вслухъ первой попавшей подъ руку безсмыслицы можно разбить какую угодно мысль.

Къ тому же, у каждаго человѣка есть на готовѣ цѣлый запасъ исторій, которыя преимущественно щекотятъ его животненные инстинкты, и потому нравятся. Не смотря на крайнюю несложность содержанія, эти исторіи имѣютъ то драгоцѣнное качество, что ихъ, по желанію, можно обставлять новыми и новыми деталями, вслѣдствіе чего онѣ никогда не кажутся ни заношенными, ни исчерпанными. Таковы, напримѣръ, исторіи любовныя. Какое свѣтозарное облако можно соткать по такому простому поводу, какъ столкновеніе двухъ существъ, изъ которыхъ одно называется мужчиною, а другое— женщиною! и какими яркими, разнообразными колерами будетъ это облако отливать! Или другой примѣръ: процессъ личнаго обогащенія; и его тоже можно всякими огнями освѣтить. И сто тысячъ — богатство, и милліонъ — богатство, и сотня милліоновъ — богатство. Затѣмъ: сначала идетъ процессъ накопленія (какой отличный случай для вмѣшательства элемента «чудеснаго»), потомъ — процессъ распредѣленія... то есть на себя, на свои собственныя нужды, а отнюдь не... По истинѣ, можно до такихъ компликацій дойти, что сразу и не справиться съ ними! И еще примѣръ: исторіи сельско-хозяйственныя. Самъ-другъ, самъ-семъ, самъ-двѣнадцать — какое разнообразіе! А съ другой стороны — цѣна продуктовъ можетъ быть — рубль, а можетъ быть — грошъ. Какъ тутъ быть? Поневолѣ приходится рыться въ воспоминаніяхъ объ экономическихъ обѣдахъ (эти воспоминанія не только можно, но и должно освѣжать какъ можно чаще). Словомъ сказать,

является цѣлый міръ мыслей, думъ, представленій, не весьма цѣнныхъ, получеловѣческихъ, но способныхъ воспринимать всякую произвольную деталь. Благодаря этому свойству, не успѣешь и оглянуться, какъ образуется громадный клубокъ, передъ которымъ цѣлыя поколѣнія будутъ стоять въ изумленіе покуда не придетъ «невѣжа» и не скажетъ: наплевать!

Но когда-то это еще случится, а покамѣстъ рессурсъ все-таки есть. Я очень серьёзно отнесся къ этой программѣ и рѣшился, во что̀ бы ни стало, ее осуществить. И вотъ, стѣны вокругъ меня зашатались, полъ заколебался подъ ногами... Проблески стариннаго стыда, воспоминанія о высшихъ вопросахъ, представленіе о посёлкѣ — все исчезло. Остались только зеленые круги въ глазахъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе болѣзненной усталости.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что это срамъ. Да, это срамъ, отвѣчу я, и даже высокой пробы, но онъ освобождаетъ меня отъ прошлаго, а въ данномъ случаѣ только это и требуется.

Я уже начиналъ совсѣмъ утрачивать чувство дѣйствительности, какъ нечаянный случай снова возвратилъ меня къ нему. Привязался ко мнѣ старикъ Дементьичъ съ «докладомъ»: время-де погребъ набивать льдомъ. Нѣсколько дней сряду я только мычалъ въ отвѣтъ: а! гм! Наконецъ, онъ, повидимому, испугался и почти во все горло проскандовалъ свой вопросъ.

Вотъ по этому-то ничтожному поводу и завязался у насъ разговоръ.

— Отъ Ивана Михайлыча человѣкъ на мельницу пріѣзжалъ; спрашивалъ: давно-ли вы въ усадьбу пріѣхали? доложилъ Дементьичъ.

— Отъ Ивана Михайлыча! помню! ка̀къ-же... помню, помню! да неужто онъ живъ? встрепенулся я.

— Живы-съ.

— Да вѣдь ему ужь *тогда* было подъ семдесятъ—помнишь?

— Много имъ годовъ. А все до послѣдняго время здоровы были. Только въ прошломъ году, отъ несчастьевъ отъ этихъ, словно кабы...

— Отъ какихъ несчастіевъ?

— Да съ молодыми господами что̀-то подѣлалось. Да и Марья Ивановна, дочка ихняя, померла. Теперь живутъ самъ-другъ съ младшей внучкой... въ родѣ какъ убогонькая она... Поѣдете, что̀-ли, провѣдать?

— Конечно, конечно... Какъ-нибудь... съѣзжу!

Дементьичъ ушелъ, а я началъ припоминать. Это было лѣтъ двадцать тому назадъ, въ самый разгаръ моихъ «сованій». Иванъ Михайлычъ ужь и тогда былъ старикъ старый. Какъ сейчасъ вижу его: длинный, прямой, худощавый, но ширококостный и плечистый, съ головой, остриженной подъ гребенку и украшенной окладистой сѣдой бородою, вѣчно въ застегнутомъ на всѣ пуговицы черномъ сюртукѣ солиднаго покроя. Самъ лично онъ не «совался»—года не позволяли—но сердцемъ и мыслью былъ неотлучно съ нами (насъ было таки довольно). Мы были молоды, а онъ, казалось, вдвое моложе насъ. Онъ воодушевлялъ насъ, вселялъ въ насъ бодрость и вѣру, въ насъ, которые и сами были всецѣло сотканы изъ бодрости и вѣры! Въ его старческомъ сердцѣ словно цвѣтъ какой-то загадочный распустился; въ его старческихъ глазахъ — искрилось пламя. Никакихъ сомнѣній онъ не допускалъ, а тѣмъ менѣе — ироніи, къ которой былъ даже строгъ. И радовался такою безмѣрною радостью, какою можетъ радоваться только острожникъ, выдержавшій безконечно долгій искусъ, утратившій всякую надежду на освобожденіе, и вдругъ, волшебствомъ какимъ-то, очутившійся на волѣ. И мы чувствовали на себѣ силу этой радости, и окружали старика всевозможными знаками уваженія. Чудно̀ было видѣть, ка̀къ сильный лучъ свѣта вдругъ освѣтилъ могильную плиту, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и необыкновенно отрадно. Казалось, плита поднялась и дала выходъ совсѣмъ новому, сильному человѣку, который не зналъ ка̀къ надышаться, наглядѣться, наликоваться. Конца края его ликованію не было, потому что этотъ ожившій, согрѣтый лучемъ мертвецъ создавалъ перспективы за перспективами, одна другой радостнѣе, лучистѣе...

Въ то время, у него была дочь, еще довольно молодая. Красива-ли была она, или дурна, мнѣ какъ-то никогда не удавалось замѣтить; но я помню, что въ этой семьѣ всѣмъ было и уютно, и свѣтло, и тепло, и какъ-то особенно легко. Должно быть, отъ того, что въ ней царствовалъ какой-то удивительный ладъ. Всегда большой наплывъ постороннихъ — и

ни малѣйшей сутолоки, всегда немолчный говоръ—и никакого надоѣдливаго шума. Домъ этотъ служилъ средоточіемъ не потому, что туда можно было во всякое время уйти отъ нѣчего дѣлать, а потому, что всякій надѣялся освѣжиться въ немъ. Удивительное дѣло, сколько тогда матеріала для безконечныхъ бесѣдъ было — нынче этого даже представить себѣ нельзя! Точно всѣ родились вновь и на каждомъ шагу обрѣтали совсѣмъ новые предметы, нужные, животрепещущіе, настоятельные. Да и дѣйствительно, много было и животрепещущаго, и настоятельнаго, да вотъ пришло что-то загадочное, чего и ждать, казалось, было нельзя, пришло и подкосило...

Впослѣдствіи, когда всѣмъ мѣстнымъ «сованіямъ» (я забылъ сказать, что жилъ въ то время въ деревнѣ, гдѣ собственно и сосредоточивалась тогдашняя кипучая дѣятельность) былъ положенъ крутой и внезапный конецъ, я бросился вонъ изъ деревни и уѣхалъ «соваться» въ другія мѣста. А Иванъ Михайлычъ остался на мѣстѣ, и, хотя цвѣтокъ, случайно распустившійся въ его сердцѣ, завялъ значительно, но все-таки онъ продолжалъ заботливо охранять его корень, въ чаяньи, что опять проглянутъ лучи и согрѣютъ его. Повторяю: въ качествѣ острожника, почувствовавшаго просторъ полей, онъ сдѣлался наивенъ, какъ юноша, и какъ юноша же былъ доступенъ только впечатлѣніямъ радости и надежды. Я лично уже не видѣлся съ нимъ, но отъ постороннихъ слыхалъ, что онъ, точно такъ же, какъ и я, какъ и всѣ мы, не одинъ разъ расцвѣталъ и не одинъ разъ увядалъ. Надежда — вещь слишкомъ привязчивая, чтобъ могла легко и скоро превратиться въ стыдъ. Но годъ или два тому назадъ, Ивана Михайлыча постигло двойное несчастіе: сперва умерла дочь, а потомъ случилось что-то загадочное съ внуками, которыхъ онъ выростилъ и на которыхъ не могъ надышаться. По словамъ Дементьича, въ самое короткое время его такъ свернуло, что отъ прежняго бодраго и физически-сильнаго старика осталась одна развалина. Теперь онъ живетъ вдвоемъ, съ уцѣлѣвшею внучкой; оба думаютъ объ одномъ; оба чувствуютъ себя раздавленными, и оба боятся проговориться другъ передъ другомъ. Именно, только благодаря этой осторожности, ихъ жизнь еще кое-какъ виситъ на волоскѣ. Никто къ нимъ не ѣздитъ, да и нѣкому: тѣ, которые когда-то составляли ихъ кругъ,

давно ужь разсыпались и ушли неизвѣстно куда. Вотъ я — воротился, вспомнилъ, что у меня случайно уцѣлѣлъ свой собственный гробъ, а другіе—гдѣ? Ужели все еще «суются», и питаются пощечинными надеждами?

Воспоминанія эти встревожили меня. Съ недѣлю я не упоминалъ объ Иванѣ Михайловичѣ: все надѣялся, что какъ-нибудь обойдется. Въ моемъ безмолвіи, всякая непредвидѣнность, всякій выходъ изъ предѣловъ программы не на шутку пугали меня. Конечно, я ни подъ какимъ видомъ не могъ освободиться приличнымъ образомъ отъ визита къ Ивану Михайлычу, но зачѣмъ же спѣшить? И я не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бы не пришелъ ко мнѣ на выручку Дементьичъ, который, въ одно прекрасное послѣ-обѣда, доложилъ, что закладываютъ лошадей.

Я ѣхалъ съ замираніемъ сердца, словно ожидая, что мнѣ придется увидѣть нѣчто даже худшее, нежели гробъ. Сиротливо раскинулась по обѣимъ сторонамъ дороги родная равнина, обнаженная, расхищенная, точно послѣ погрома. При взглядѣ на эти далекія, оголенныя перспективы, не рождалось никакой мысли, кромѣ одной: гдѣ же тутъ пріютъ? Кто тутъ живетъ? зачѣмъ живетъ? въ какихъ выраженіяхъ проклинаетъ часъ своего рожденія? Я никогда не былъ панегиристомъ старыхъ порядковъ, но можно-ли было представить себѣ, даже во снѣ, что на смѣну прошлому придетъ такое настоящее? А сколько было радостей-то! сколько надеждъ! Ахъ, эти радости! есть же такіе углы въ божьемъ мірѣ, гдѣ онѣ не оживляютъ, а только отравляютъ существованіе!

Наконецъ, проѣхали нерелѣсокъ (я не узналъ его: тутъ прежде былъ хорошій, старинный лѣсъ), и изъ-за снѣжныхъ сугробовъ вынырнула усадьба Ивана Михайлыча. И прежде она была не изъ нарядныхъ, а теперь и вовсе глядѣла разореннымъ вороньимъ гнѣздомъ. Почернѣла, даже словно сгорбилась. Я осторожно подъѣхалъ къ заднему крыльцу (парадное было заколочено, и дорогу къ нему занесло снѣгомъ), и въ бывшей дѣвичьей былъ встрѣченъ Юліей Петровной, внучкой Ивана Михайлыча.

Это была дѣвушка болѣзненная, маленькаго роста, горбатенькая. Лицо у нея блѣдное, почти прозрачное, и эта прозрачность сообщала ему, по временамъ, свѣтящіяся точки. Смѣсь дѣтскаго и преждевременно состарѣвшагося поражало

въ этомъ лицѣ; глаза смотрѣли совсѣмъ по дѣтски, восторженно, какъ-то вдаль, дальше предмета непосредственно стоящаго передъ глазами, а на вискахъ и на лбу ужь легли старческія тѣни. Даже голосъ ея звучалъ двойственно; въ общемъ, онъ напоминалъ неустановившіеся голоса переходной эпохи 12—13 лѣтняго возраста, но, по временамъ (даже слишкомъ часто), въ немъ прорывались такіе дряхлые звуки, что, слыша ихъ, вы невольно представляли себѣ цѣлую раздавленную жизнь.

Приняла она меня прилично, хотя и не особеннно радушно. Можетъ быть, долгая строго-уединенная жизнь ужь отъучила ее отъ той привѣтливости, которою нѣкогда, казалось, были пропитаны даже стѣны этого дома.

— Дѣдушка васъ ждетъ, сказала она, подавая мнѣ руку.

— Онъ здоровъ?

— Здоровъ, но не надо его волновать. Конечно, при встрѣчѣ послѣ долгой разлуки, нельзя обойтись безъ воспоминаній, но есть предметы — вы меня понимаете?—которыхъ положительно не слѣдуетъ касаться. Онъ и безъ того слишкомъ объ нихъ помнитъ.

Я нашелъ Ивана Михайлыча въ столовой. Передо мной стоялъ прямой и длинный старикъ, до того худой и обнаженный отъ мускуловъ, что даже кости у него, казалось, усохли. Блѣдно-сѣрая голова, словно мхомъ поросшая волосами, ничѣмъ бы не отличалась отъ головы мертвеца, если бы изъ глубокихъ глазныхъ впадинъ не выглядывали двѣ свѣтящіяся точки. Увидѣвъ меня, онъ протянулъ ко мнѣ свои длинныя, худыя руки.

— Пріѣхали?.. куда?.. ха-ха! привѣтствовалъ онъ меня.

Я бросился къ нему, и вдругъ внутри у меня что-то нахлынуло, закипѣло, защемило. Я не ждалъ отъ него смѣха... ужасная это, ужасная боль! Я весь вспыхнулъ, затрясся и, мучительно надрываясь отъ боли и, въ то же время, какъ бы усиливаясь освободиться отъ нея, крикнулъ:

— Ну, да, въ гробъ, въ гробъ, въ гробъ!

Казалось, эта выходка поразила его. Онъ взялъ мою руку; одною рукою держалъ ее, а другою гладилъ, какъ бы желая успокоить.

— Ну, дайте я на васъ посмотрю! сказалъ онъ, подводя меня къ окну, и затѣмъ, внимательно осмотрѣвши, приба-

вилъ: — все въ порядкѣ. Теперь разсказывайте. А, впрочемъ, что̀жь я! прежде познакомьтесь. Юлія — внучка моя. Теперь она у меня одна...

Онъ спохватился и не кончилъ.

— Разсказывайте, разсказывайте! повторилъ онъ.

Мнѣ всегда казалось, что я могу разсказать очень многое. Длинная жизнь, вся до краевъ наполненная «сованіями» — есть, кажется, что̀ поразсказать. Но теперь, при этомъ, такъ сказать, ультиматумѣ, я вдругъ сталъ въ тупикъ. Не то, чтобъ я позабылъ или застыдился — нѣтъ, этого не было. Напротивъ, какъ нарочно, вся моя жизнь, со всѣми деталями, пронеслась въ эту минуту предо мной; а что̀ касается до стыда, то, право, онъ не могъ дѣлать никакого диссонанса въ домѣ, гдѣ и безъ того все говорило о стыдѣ. Нѣтъ, просто показалось не любопытнымъ, не нужнымъ.

— Разсказывать-то, вѣрно, нечего... ха-ха! засмѣялся онъ.

— Пожалуй, что такъ, согласился я.

— Это, сударь, бываетъ, особливо въ такихъ углахъ вселенной, гдѣ по части благочинія черезчуръ постарались. Вспоминаешь-вспоминаешь и все ка̀къ-то около одного предмета вертишься: около вывѣски съ надписью: «Управа благочинія»... ха-ха!

— Дѣйствительно, это воспоминаніе господствуетъ...

— Такъ-то господствуетъ, что вотъ я еще въ восемьсотъ четырнадцатомъ году (восемдесятъ восемь лѣтъ, сударь, мнѣ!) началъ надеждами горѣть и потомъ все горѣлъ, все горѣлъ, а ежели начать разсказывать... Плюхи, да плюхи, на каждомъ шагу плюхи... вотъ мерзость какая! Ну, дѣлать нечего, давайте смотрѣть другъ на друга и молчать. Юлія! ты у меня умная: скажи, вѣдь молчать — лучше?

— Да, дѣдушка, лучше.

— И я говорю: лучше... ха-ха! Только я вотъ еще что̀ говорю: молчаніе — вещь обоюдуострая; иногда оно помогаетъ забывать, а иногда — жжетъ, бередитъ. Точно вотъ слезы, которыхъ не можешь выплакать, или стыдъ, который, хочешь не хочешь, а долженъ глотать. Такъ-ли, господинъ надеждоносецъ... ха-ха!

Я прислушивался къ его смѣху, и мнѣ положительно дѣлалось неловко. Хохочущій старикъ — право, это цѣлая тра-

гедія. Какую нужно необъятную боль, чтобъ добраться до дна старческой дремоты, разбудить всѣ скопившіяся тамъ боли, перебрать ихъ одну за одной и обострить — до хохота!

— Что̀ касается до меня, сказалъ я: — то я, во всякомъ случаѣ, полагаю, что молчаніе цѣлесообразнѣе. Съ помощью его мы извлекаемъ свой личный стыдъ изъ публичнаго обращенія и перестаемъ служить посмѣшищемъ. Я, собственно, ради молчанія и воротился въ деревню.

— А вы изъ стыдящихся? вдругъ прервала меня Юлія Петровна и такъ пристально взглянула на меня, что я невольно сконфузился.

— Она у насъ стыдящихся не одобряетъ, съ своей стороны пояснилъ Иванъ Михайлычъ.

— Не одобряете? но что̀ же дѣлать, если результатъ всей жизни выражается словами: довольно жить? возразилъ я.

— Она такихъ результатовъ не признаетъ. Не понимаетъ, что для насъ, старыхъ надеждоносцевъ... если мы и къ такимъ результатамъ приходимъ... и то ужь заслуга... ха-ха!

Старикъ захохоталъ такимъ горькимъ и продолжительнымъ хохотомъ, что Юлія Петровна встревожилась.

— Дѣдушка! оставьте этотъ разговоръ! онъ васъ волнуетъ! обратилась она къ нему.

— Мудрая, а не въ силахъ понять, что у насъ другого разговора не можетъ быть! Ты говоришь: волнуетъ, а я, напротивъ, утверждаю: развлекаетъ, позволяетъ занимательно провести время... такъ-ли, сосѣдъ?

— Не знаю, право...

— Нѣтъ, навѣрное. Вотъ, напримѣръ, я говорю: Ка̀къ начиналось — и чѣмъ кончилось! Восклицаніе, кажется, не особенно мудрое, а, между тѣмъ, оно облегчаетъ меня! И я очень радъ, что есть человѣкъ, который меня пойметъ и вмѣстѣ со мной постыдится... Такъ вѣдь?

Онъ взглянулъ мнѣ въ глаза и ласково потрепалъ рукой по колѣнкѣ.

— Если бы я молчалъ — эта мысль глодала бы мои внутренности, шла бы за мной по пятамъ. А теперь, сдѣлавши изъ нея составную часть causerie de société, я все равно что отнялъ у нея всякое значеніе. Отъ того-то я и повторяю: Ка̀къ начиналось и чѣмъ кончилось... ха-ха!

— Да начиналось-ли?

— То-то вотъ... Она, впрочемъ, умная-то моя, не сомнѣвается. Не только «начиналось», а началось, говоритъ, и не вчера, а отъ начала вѣковъ. И придетъ, несомнѣнно придетъ! Юля? вѣдь такъ?

— Такъ, дѣдушка, придетъ.

— Она и на насъ, стыдящихся, какъ-то особенно смотритъ. Нѣчто въ родѣ Закхеевой смоковницы въ насъ видитъ... ха-ха!

— Дѣдушка! я никого не осуждаю! Я говорю только...

— Что нужно вѣрить?

— Нужно, дѣдушка.

— И что есть люди, которые не падаютъ духомъ?

— Есть.

— Аминь!

— Аминь, повторила Юлія Петровна.

Всѣ умолкли, а старикъ понурилъ голову, словно задремалъ. Черезъ минуту, однакожь, онъ вновь встрепенулся и взглянулъ въ окно. Небо было ясно, и на краю небосклона разливался тихій свѣтъ вечерней зари.

— Сколько разъ, въ былыя времена, словно про себя прошепталъ Иванъ Михайлычъ: — я провожалъ глазами эту зарю и говорилъ себѣ: завтра я опять увижу ее тамъ на востокѣ.

— А теперь?

— А теперь говорю: сейчасъ она потухнетъ, и затѣмъ начнется ночь...

— Дѣдушка!

— Да, ночь... и на всегда! Ни надеждъ, ни «насъ возвышающихъ обмановъ»... ничего, кромѣ ночи!

— Нѣтъ, дѣдушка, этого не будетъ!

Я оглянулся и умилился. Глаза Юленьки горѣли, лицо ея было все какъ въ лучахъ; даже въ голосѣ слышались мощныя звонкія ноты.

— Заря опять придетъ, продолжала она: — и не только заря, но и солнце!

Старикъ махнулъ рукой, вмѣсто отвѣта.

— Есть добрые, не падающіе духомъ люди! есть! И они увидятъ солнце, увидятъ, увидятъ, увидятъ! повторила она.

Иванъ Михайлычъ быстро повернулся и протянулъ мнѣ руки.

— Ну, прощайте! сказалъ онъ: — тяжело мнѣ! Говорить мы ни объ чемъ не умѣемъ, а только умѣемъ раздражать себя... Тяжелы эти повторенія старой сказки объ упованіяхъ! Не ѣздите ко мнѣ... не нужно! Не затѣмъ мы живемъ, чтобъ заниматься causeries de société... Будемъ изнывать каждый въ своемъ углу... Довольно.

БОЛЬНОЕ МѢСТО.

I.

Уныло доживалъ вѣкъ старикъ Разумовъ въ родномъ своемъ городѣ Подхалимовѣ. Пять лѣтъ тому назадъ, онъ пріѣхалъ сюда, покончивъ счеты съ долголѣтней службой, купилъ домикъ въ Проломной улицѣ, устроилъ, ухитилъ себѣ гнѣздо на славу, и думалъ: вотъ теперь-то начнется настоящій спокой! И дѣйствительно, «спокой» начался, но не совсѣмъ тотъ, на который разсчитывалъ Разумовъ. Начался «спокой» одиночнаго заключенія, подавляющій, преисполненный безразсвѣтной мглы, тотъ «спокой», который, однажды захвативъ человѣка, окружаетъ его непроницаемой стѣной, безъ дверей, безъ оконъ. Сидитъ человѣкъ за этой стѣной, и ни о чемъ другомъ не мыслитъ, кромѣ того, что и въ немъ самомъ и внѣ его все кончилось.

Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, Разумовъ былъ старикъ бодрый, румяный и сильный. Начавши трудную жизненную карьеру съ должности писца въ подхалимовскомъ земскомъ судѣ, онъ не погрязъ въ безъименной массѣ подъячихъ, но съумѣлъ выдѣлиться изъ нея на столько выгоднымъ образомъ на сколько это возможно для человѣка, у котораго нѣтъ иной опоры, кромѣ замѣчательной дѣловой цѣпкости, споспѣшествуемой не менѣе замѣчательною выносливостью хребта. Разумѣется, въ его возвышеніи большую роль игралъ случай, который далъ Разумову возможность сначала «понравиться», а

потомъ и сдѣлаться «необходимымъ», но и собственной его заслуги было все-таки не мало. Трудно, безъ особенно счастливаго случая выбраться изъ подъяческой тьмы въ излучины воинствующей бюрократіи, но еще труднѣе не потеряться въ нихъ и не развратиться. И высокой похвалы заслуживаетъ тотъ, кто не до конца погубитъ при этомъ «разсужденіе», а ограничится только тѣмъ, что покоритъ его, поставитъ въ предѣлы.

Разумовъ вышелъ въ отставку съ хорошей пенсіей и съ чиномъ тайнаго совѣтника, но не совсѣмъ по своей охотѣ. Напротивъ, это случилось въ самую цвѣтущую пору его бюрократической дѣятельности, когда онъ всего менѣе ожидалъ, что услуги его скоро ужь не понадобятся. Разумовъ никогда не занималъ вполнѣ самостоятельнаго мѣста, но, какъ второстепенный дѣятель, онъ былъ незамѣнимъ. Это была своего рода неуязвимая департаментская репутація, передъ которою спасовалъ даже отважный генералъ-маіоръ Отчаянный. Цѣлая свита угрюмыхъ сановниковъ прошла передъ нимъ, въ продолженіи его многолѣтняго жизненнаго искуса, и каждый изъ нихъ неизмѣнно начиналъ съ того, что сулилъ ему въ преспективѣ преисподнюю. Но онъ понималъ, что стоитъ на твердой почвѣ, и не страшился. Тридцать-пять лѣтъ сряду ничего не страшился, и только изрѣдка жаловался на боль въ поясницѣ. И вдругъ, совсѣмъ неожиданно, почувствовалъ, что почва, которую онъ считалъ неподвижною, начинаетъ шевелиться подъ нимъ. И точно: невдолгѣ пришелъ деликатный тайный совѣтникъ Губошлёповъ (по странной игрѣ случая, не смотря на свою чисто русскую фамилію, онъ назывался Василій Карлычъ), и безъ угрозъ, въ два слова, пресѣкъ жизнь, передъ которою въ недоумѣніи остановился самъ генералъ-маіоръ Отчаянный.

— Какой это такой пономарь ко мнѣ давича представлялся? спросилъ онъ въ самый день своего вступленія въ должность, пораженный высокою и какъ-то черезчуръ ужь сановитою фигурой Разумова.

Ему доложили, что это былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Разумовъ, чиновникъ опытный, неутомимый и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, незамѣнимый по своей части.

— У меня нѣтъ «незамѣнимыхъ»! кратко отрѣзалъ Губо-

шлёповъ, и тогда же порѣшилъ въ сердцѣ своемъ положить конецъ служебному поприщу Разумова.

Нельзя сказать, чтобъ Губошлёповъ былъ золъ, но несомнѣнно, что внутри его царствовали постоянныя сумерки. Эти сумерки помогали ему отравлять жизнь подчиненныхъ, не подвергая при этомъ самого себя никакимъ запросамъ со стороны совѣсти. Онъ принадлежалъ къ той породѣ бюрократовъ, которые думаютъ, что бюрократическій омутъ только тогда освѣжается, когда сидящій на берегу рыболовъ, отъ времени до времени, закидываетъ въ него уду, и ловкимъ движеніемъ руки подсѣкаетъ суетящуюся въ омутѣ рыбную бѣль. Что оказывалось въ результатѣ этой подсѣчки: безобидная-ли плотва или вороватая щука — это было для него безразлично. Онъ за результатами не гнался, а просто на просто выполнялъ обрядъ. Изъ этого неумнаго занятія онъ выработалъ совершенно неумную доктрину, которая, къ удивленію, въ извѣстныхъ сферахъ, однакожь, создала ему цѣлую репутацію. По крайней мѣрѣ, когда въ бюрократическомъ мірѣ шла объ немъ рѣчь, то всѣ какъ-будто понимали, объ комъ и объ чемъ они говорятъ. «Этотъ человѣкъ съ душкомъ! у него — система!» — вотъ мнѣніе, которое сложилось объ немъ въ сознаніи каждаго чиновника, и мнѣніе это онъ, конечно, старался всѣми мѣрами поддержать.

Я всегда говорилъ, и теперь утверждаю: существуетъ цѣлый замкнутый міръ, въ которомъ такимъ словамъ, какъ напримѣръ: «мысль», «система», не дается почти никакой цѣны. Есть выраженія, которыя нравятся только потому, что они таинственно-заманчивы, хотя внутренній смыслъ ихъ всегда остается неразгаданнымъ. Въ результатѣ получается смѣшеніе, и то, что въ средѣ обыкновенныхъ смертныхъ зовется глупостью, въ этомъ странномъ мірѣ получаетъ названіе «идеи», а то, въ чемъ трудно усмотрѣть что-нибудь, кромѣ безалаберщины, украшается именемъ «системы». Этотъ особенный міръ народился, впрочемъ, недавно, какъ поправка и улучшеніе тому міру, который ни «идей», ни «системъ» не зналъ, а зналъ только «ежовыя рукавицы». Но дѣйствительно-ли онъ принесъ улучшеніе — на это я положительнаго отвѣта дать не могу. Думаю, однакожь, что простыя, безхитростныя «ежовыя рукавицы» имѣли на своей сторонѣ преимущество прямодушія и откровенности, и что вообще помѣщеніе такихъ,

напримѣръ, словъ, какъ: «идея», «система», и т. п. въ словари, которые, въ видахъ общественной безопасности, должны отличаться безусловною ясностью, представляетъ совсѣмъ не обезпеченіе, а скорѣе угрозу.

Какъ бы то ни было, но въ одно прекрасное утро, Губошлёповъ, закинувъ въ подвѣдомственный ему омутъ удý, вытащилъ оттуда Разумова. Рыбина оказалась большая, даже рѣдкостная, но не на столько, впрочемъ, чтобъ такой доктринеръ рыболовства, какъ Губошлёповъ, могъ затрудниться, кáкъ на счетъ ея поступить.

— Вы, кажется, выслужили право на пенсію? молвилъ онъ однажды Разумову, послѣ того, какъ покончилъ съ нимъ обычное объясненіе.

Разумовъ покраснѣлъ, точно его вдругъ по затылку ударили. Ему показалось, что стѣны губошлёповскаго кабинета начинаютъ шататься, и самъ онъ какъ-будто скользитъ.

— Выслужилъ-съ, отвѣтилъ онъ, однако, довольно твердо.

— А при этомъ, ежели чинъ тайнаго совѣтника при отставкѣ... гм?.. продолжалъ тайный совѣтникъ Губошлёповъ, но безъ жестокости, а именно только съ полнѣйшимъ «неразсужденіемъ». — Полный окладъ пенсіи и... чинъ тайнаго совѣтника... гм? И такъ, до свиданія... любезный коллега!

Губошлёповъ очень развязно протянулъ ему руку, и старикъ Разумовъ почтительно прикоснулся къ ней концами своихъ похолодѣвшихъ пальцевъ.

Въ этотъ день, Разумовъ возвращался домой совсѣмъ пустой, точно внутренности изъ него вынули. Не то, чтобъ онъ жаловался или негодовалъ, а какъ-будто никакъ не могъ вспомнить что-то очень нужное, и въ то же время потерялъ способность воспринимать ощущенія. Онъ шелъ обычной дорогой, безошибочно поворачивая въ тѣ самыя улицы и переулки, куда слѣдовало, но дѣлалъ это совсѣмъ машинально. Проходя мимо знакомой колбасной лавки, онъ, какъ всегда, зажалъ носъ, но сдѣлалъ это лишь инстинктивно, а не потому, чтобъ его поразила окружавшая лавку смрадная атмосфера. На одномъ переходѣ, гдѣ обыкновенно протекалъ грязный ручей, онъ сдѣлалъ обычный прыжокъ, хотя на этотъ разъ, благодаря какому-то исключительному стеченію обстоятельствъ, никаго ручья въ этомъ мѣстѣ не было. И при этомъ, онъ все время нервно шевелилъ губами, такъ какъ ему ка-

залось, что онъ ведетъ бесѣду съ какимъ-то воображаемымъ пріятелемъ, и что разговоръ ихъ состоитъ изъ слѣдующихъ немногихъ, но назойливо повторяемыхъ фразъ:

— Глупо-то какъ! говоритъ онъ, Разумовъ, впрочемъ, безъ злобы, и съ какимъ-то наивнымъ изумленіемъ.

— Умнаго нѣту! вторитъ ему воображаемый пріятель.

— Нѣтъ, ты пойми: глуно-то какъ! опять настаиваетъ онъ.

И такъ далѣе.

Въ этой мысленной бесѣдѣ онъ дошелъ до Лиговки, и только тутъ, задѣвши ногой за перила моста, очнулся на минуту. Но увидѣвши себя въ знакомой мѣстности, опять тронулся въ путь.

— Мухи не обидѣлъ! вдругъ мелькнуло у него въ головѣ. — Мухи, мухи не обидѣлъ!

И ему показалось, что вся окрестность разомъ повторила это восклицаніе. И извощикъ, ѣдущій порожнякомъ, и мальчишка, катящій ручную тележку съ беремемъ пустыхъ бутылокъ, и лавочникъ, высунувшійся изъ подвала. Всѣ смотрятъ на него, всѣ изумленно качаютъ головами и въ одинъ голосъ вопіютъ:

— Мухи не обидѣлъ! мухи, мухи не обидѣлъ!

Въ такомъ полубодрственномъ положеніи дошелъ онъ, наконецъ, до своей квартиры и дернулъ за звонокъ.

— Въ горлѣ... прохрипѣлъ онъ отворившей ему дверь прислугѣ: — въ горлѣ... воды бы! да Ольгу Аѳанасьевну поскорѣе сюда...

Принесли воды; прибѣжала Ольга Аѳанасьевна.

— Вотъ, сударыня... и уволили насъ! произнесъ онъ, выпивъ залпомъ два стакана воды.

Ольга Аѳанасьевна сразу не поняла, но и ей показалось, что стѣны дома шатаются, и что она начинаетъ куда-то опускаться, скользить...

— Уволили... совсѣмъ... въ чистую! повторилъ онъ, вразумительно отчеканивая каждое слово, чтобъ она поняла.

— Что же ты сдѣлалъ? какъ-то изумленно воскликнула она.

II.

Гаврило Степанычъ Разумовъ женился поздно, когда ужь ему было лѣтъ подъ сорокъ. Ни молодости, ни такъ называемаго періода страстей у него не было; всю жизнь онъ прожилъ степенно, по старчески оглядываючись. Ни тогда, когда у него была одна своя голова на плечахъ, ни послѣ когда онъ обзавелся ужь семьей — ни разу онъ не почувствовалъ поползновенія выйдти изъ намѣченной колеи, «рискнуть». Собственно говоря, это была не жизнь, а тиски, съ которыми онъ, съ самой бурсы, до того свыкся, что даже не чувствовалъ ихъ давленія. Содержаніе этого существованія было полумистическое и въ то же время совершенно рутинное. Ничего у Разумова не было ни самостоятельнаго, ни собственнаго, ему принадлежащаго; все исходило изъ какого-то загадочнаго произволенія и все туда же возвращалось; причемъ на немъ, Разумовѣ, оставалась, однакожь, отвѣтственность за это загадочное и не отъ него зависящее. И мысли, и дѣйствія, и желанія его — все кружилось вокругъ этого загадочнаго, и безъ разсужденія принимая тѣ готовыя формулы, которыя оно предлагало, въ нихъ однѣхъ находило для себя питаніе. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, такою всепроникающей формулой явилась служба и сопряженное съ нею «дѣло».

Разъ прилѣнившись къ «дѣлу», разъ взявши на себя обязательство выполнить его «по сущей совѣсти», Гаврило Степанычъ почувствовалъ жизнь свою до краевъ наполненною. Онъ былъ нечестолюбивъ, и, кажется, даже не понималъ честолюбія. Не потому, чтобъ, искушенный рядомъ жизненныхъ обидъ, онъ смирился передъ мыслью, что маленькимъ людямъ положенъ и маленькій предѣлъ — нѣтъ, онъ ни о какихъ предѣлахъ не думалъ, а просто шелъ, не обинуясь, по той колеѣ, на которую поставила его судьба, и старался только о томъ, чтобъ поступать по «сущей совѣсти», разумѣя подъ этимъ: какъ приказано. Повышенія и награды хотя и настигали его, но въ установленномъ порядкѣ, а не потому, чтобъ онъ искалъ ихъ; даже «необходимымъ» онъ сдѣлался не за какія-нибудь «потворства начальственнымъ страстямъ» (что въ чиновничьемъ быту не рѣдкость), а просто потому, что лучше

другихъ «вникалъ», лучше другихъ умѣлъ неясному мельканію начальственной мысли найдти связное и ясное выраженіе.

Онъ лелѣялъ только «дѣло», мыслилъ только объ «дѣлѣ» и въ этомъ «дѣлѣ» умѣлъ находить матеріалъ для безчисленнаго множества вопросовъ, взглядовъ, соображеній и т. д. Онъ гордился этимъ и изрѣдка даже говорилъ: я служу только «дѣлу». Было даже удивительно, какъ «дѣло» приковывало его къ себѣ, охватывало его всего совершенно независимо отъ своего содержанія, а только потому, что оно «дѣло». «Дѣло» раскрывалось передъ его умственнымъ взоромъ съ самымъ неожиданнымъ разнообразіемъ подробностей, съ безчисленными микроскопическими развѣтвленіями, изъ которыхъ въ свою очередь выбѣгали другія микроскопическія развѣтвленія, однимъ словомъ, со всею суматохою своеобразной трупной жизни. И онъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока всѣ эти подробности и развѣтвленія не укладывались по своимъ мѣстамъ, пока трупная суматоха не угомонялась, и «дѣло» не представлялось достаточно выясненнымъ для того, чтобъ можно было изъ трупныхъ посылокъ вывести логическія трупныя заключенія, Тогда онъ пускалъ «облупленное яичко» въ ходъ и принимался за препарированіе другого трупа, стоящаго на очереди.

Есть на Руси великое множество людей, которые, повидимому, отказались отъ всякой попытки мыслить и которымъ, однакожь, никакъ нельзя отказать въ названіи мыслящихъ людей. Это именно тѣ мистики, которыхъ жизненный искусъ заранѣе осудилъ на разработку тезисовъ, бросаемыхъ извнѣ, тезисовъ, такъ сказать, являющихся на арену во всеоружіи непререкаемой истины. Они не анализируютъ этихъ тезисовъ, не вникаютъ въ ихъ сущность, но умѣютъ выжать изъ нихъ всѣ логическія послѣдствія, какія они способны дать. Это люди несомнѣнно умные, но умные, такъ сказать, за чужой счетъ, и являющіе силу своихъ мыслительныхъ способностей не иначе, какъ на вещахъ, не имѣющихъ къ нимъ лично ни малѣйшаго отношенія.

Хотя такого рода занятія, въ большинствѣ случаевъ, оказываются до крайности изнурительными, но Гаврило Степанычъ даже отъ этого не страдалъ, благодаря своему желѣзному организму, закаленному еще съ дѣтства бурсацкимъ

воспитаніемъ. Сухой, широкоплечій и мускулистый, онъ не зналъ ни хворости, ни даже усталости, тѣмъ больше, что однообразно-регулярный образъ жизни былъ одною изъ коренныхъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ имъ, независимо отъ какой-нибудь предвзятой мысли, а просто потому, что онъ даже понятія не имѣлъ о развлеченіяхъ, а тѣмъ менѣе о прихотяхъ. Только разъ въ жизни онъ почувствовалъ что-то похожее на радость — это именно тогда, когда состоялся его переводъ изъ Подхалимова въ Петербургъ — но это случилось уже такъ давно, что пріятное раздраженіе, произведенное этимъ переводомъ, безъ труда утонуло въ представленіи о «дѣлѣ» и объ той «сущей правдѣ», потребность въ которой глубоко коренилась въ его съ дѣтства дисциплинированной природѣ.

Однако, приближаясь къ сорока годамъ, онъ началъ испытывать, что въ существованіи его есть какой-то пробѣлъ. Не то, чтобъ онъ почувствовалъ пустоту холостого одиночества, но явилась смутная потребность внести въ жизнь извѣстный распорядокъ, который обезпечивалъ бы отъ неправильностей, неизбѣжныхъ при холостомъ существованіи. Или, лучше сказать, чтобъ въ квартирѣ чувствовалось присутствіе заботливой руки, которой только однажды нужно дать направленіе, чтобъ жизненная обстановка разъ на всегда вылилась въ извѣстную форму, въ которой и установилась бы прочно и незыблемо. Холостой человѣкъ хоть изрѣдка, но все-таки долженъ промыслить о себѣ; долженъ кому слѣдуетъ растолковать, распорядиться на счетъ своего жизнестроительства, а это неминуемо отнимаетъ у «дѣла» время и, слѣдовательно, наноситъ послѣднему ущербъ. Напротивъ, женатый человѣкъ можетъ разомъ освободиться отъ всѣхъ мелочей, особливо ежели выборъ будетъ сдѣланъ безъ претензій на связи и блескъ. Гаврило Степанычъ довольно долго задумывался надъ этимъ шагомъ, но потребность выйдти изъ безхозяйственности заговорила, наконецъ, такъ настоятельно, что нужно было покончить съ этимъ вопросомъ. И вотъ онъ принялъ рѣшеніе, одно изъ тѣхъ готовыхъ рѣшеній, которыя имѣютъ за себя достоинство исконной общепризнанности.

У сослуживца его, Аѳанасія Иваныча Негропонтова, отца многочисленной семьи, была дочь Ольга, дѣвушка уже не первой молодости (ей было въ то время подъ тридцать) и не

красивая, но кроткая, разумная, и на столько самостоятельная, что, послѣ смерти матери, много лѣтъ завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ у вдоваго отца. На ней-то и остановилъ Разумовъ свой выборъ. Въ одинъ изъ рѣдкихъ воскресныхъ вечеровъ, когда онъ позволялъ себѣ, въ видѣ «экстры», оставить «дѣло», онъ, безъ особенныхъ приготовленій и предварительныхъ ухаживаній, улучилъ минуту, когда Ольга Аѳанасьевна была одна, и совершенно спокойно и разсудительно сообщилъ ей о своихъ намѣреніяхъ.

— Словомъ сказать, съ матеріальной стороны, вы будете, по возможности, обезпечены. Только, можетъ быть, вамъ скучненько съ старикомъ покажется? заключилъ онъ, какъ бы желая послѣднею фразой смягчитъ черезъ чуръ ужь разсудительный тонъ своего любовнаго объясненія.

Но Ольга Аѳанасьевна даже не поняла этой тонкости. Такъ давно, въ домѣ старика отца, она была со всѣхъ сторонъ окружена стариками, что, казалось, совсѣмъ даже не имѣла понятія о томъ, что существуетъ различіе между старостью и молодостью.

— Какой же вы «старикъ»? молвила она, взглянувъ ему прямо въ глаза.

— Нѣтъ, голубушка, старикъ я, подтвердилъ онъ: — я отъ природы старикъ — это нужно правду сказать. Никогда у меня никакихъ этакихъ «эпизодовъ» въ жизни не было...

— А ежели не было, то тѣмъ и лучше отвѣтила она, выражая этимъ косвенное согласіе на сдѣланное предложеніе.

— Ну, вотъ, и слава Богу! стало быть, теперь только родительскаго благословенія испросить надо!

Само собой разумѣетея, родительское благословеніе не замедлило, и черезъ мѣсяцъ «молодые» были обвѣнчаны.

Гаврило Степанычъ не ошибся: выборъ его, дѣйствительно, оказался чрезвычайно удачнымъ. Его жизнь потекла невозмутимо спокойно и до послѣднихъ мелочей правильно. Правда, что эта правильность была черезчуръ ужь однообразна, но вѣдь, въ сущности, ему ничего другого и не нужно было, кромѣ однообразія. Утромъ онъ проводилъ время за «дѣломъ» въ департаментѣ, и, по возвращеніи домой, былъ увѣренъ, что обѣдъ не заставитъ его дожидаться; вечера проводилъ дома, отдавая себя всецѣло тому же «дѣлу». Покуда онъ въ кабинетѣ «занимался», Ольга Аѳанасьевна тутъ же сидѣла

съ работой и изрѣдка они обмѣнивались замѣчаніями. Этого было вполнѣ достаточно, чтобъ поддерживать между ними дружественную связь, главное основаніе которой лежало, по мнѣнію Гаврилы Степаныча, совсѣмъ не въ разговорахъ о «постороннихъ» предметахъ, а въ томъ, чтобъ мужъ, яко глава, добывалъ необходимыя средства, и чтобъ дома, благодаря заботливости жены, было уютно, не голодно и тепло.

Черезъ три года, Ольга Аѳанасьевна родила мужу сына, котораго назвали Степаномъ. Гаврило Степанычъ уже совсѣмъ было потерялъ надежду на потомство, и вдругъ... Съ этой минуты, жизнь его, какъ бы раздвоилась, и онъ впервые почувствовалъ, что съ нимъ случилось что-то въ родѣ «эпизода». Даже женитьба не произвела въ немъ такого волненія. Такого сладкаго и въ то же время щемящаго избытка счастія, который заставляетъ опасаться, что чаша не черезчуръ-ли наполнена. Между новымъ объектомъ жизни—сыномъ, и старымъ объектомъ—«дѣломъ», сразу установилась прочная связь, и хотя старый объектъ уже не господствовалъ надъ жизнью, а только служилъ новому объекту, но тѣмъ болѣе явилось причинъ ухаживать за «дѣломъ» и употреблять всѣ усилія, чтобъ закрѣпить за собой на всегда этотъ единственный источникъ, обезпечивавшій благоденствіе семьи.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, Гаврило Степанычъ не былъ такъ счастливъ, такъ бодръ и такъ дѣятеленъ. Болѣе дѣтей у Разумовыхъ не было, и хоть Гаврило Степанычъ, по временамъ, позволялъ себѣ дѣлать женѣ укоры въ безплодіи, но, очевидно, онъ дѣлалъ это въ видѣ шутки, а въ тайнѣ былъ даже доволенъ, что у него имѣется только одинъ объектъ, на которомъ всецѣло сосредоточивалась вся его нѣжность. Однимъ словомъ, на немъ повторилось обычное въ старческой сферѣ явленіе. Какъ-будто природа, всегда скупая относительно стариковъ, случайно поступилась, въ пользу его, одною изъ своихъ завѣтныхъ тайнъ, и, освѣтивши теплымъ лучемъ его существованіе, опять и на всегда закрыла доступъ въ лоно свое. Понятно, какъ глубоко онъ долженъ былъ дорожить этой уступкой.

III.

При отставкѣ, матеріальныя средства Разумова, конечно, значительно сократились. Хотя Гаврило Степанычъ и получилъ хорошую пенсію, но все-таки она далеко не равнялась полному окладу содержанія, которымъ онъ пользовался, состоя на службѣ. Сверхъ того, на службѣ, и кромѣ штатныхъ окладовъ, все что-нибудь прилипаетъ къ рукамъ усерднаго чиновника: то полугодовые и годовые оклады, даваемые въ награду, то остаточныя, распредѣляемыя между чиновною братіей къ Рождеству и т. п. Благодаря этимъ экстреннымъ подачкамъ, жизнь шла своимъ чередомъ, жизнь, впрочемъ, скудная и строгая, все благополучіе которой заключалось въ томъ, что съ истеченіемъ года какимъ-то чудомъ сводились концы съ концами. Но впереди и этого не предвидѣлось, а стало быть нечего было и думать объ томъ, чтобъ вести прежній образъ жизни. Надо было прежде всего оставить Петербургъ и поселиться въ провинціи.

Но онъ былъ не одинъ, у него былъ Стёпа, которому, къ этому времени, минуло четырнадцать лѣтъ, и который прошелъ ужь четыре класса гимназіи. Чтобъ не произошло въ его ученіи неизбѣжной, при переводѣ въ провинціальную гимназію, ломки, предстояло разстаться съ нимъ, а это было самое несносное. Онъ уѣдетъ, а Стёпа останется въ Петербургѣ... Только тогда, когда эта горькая перспектива съ полною ясностью предстала передъ нимъ—только тогда Гаврило Степанычъ понялъ, какое ужасное злодѣйство обрушилось на его голову, по манію Губошлёпова. До сихъ поръ, онъ даже не представлялъ себѣ, чтобъ могъ пройдти хоть одинъ день, въ который онъ бы не видѣлъ Стёпу. Онъ и прежде не имѣлъ времени особенно заниматься съ нимъ, баловать его, но чувствовалъ непреодолимую потребность каждую минуту сознавать, что сынъ тутъ, подлѣ него. И этой потребности онъ, покамѣсть, удовлетворялъ. Поэтому, когда онъ понялъ, что скоро наступитъ моментъ, который прекратитъ разъ на всегда возможность наслаждаться чувствомъ «ощущенія близости», то внутри его все словно заметалось и загорѣлось.

— Губошлёповъ! что̀ такое... Губошлёповъ? безотвязно сту-

чало въ его головѣ.—Есть-ли въ немъ человѣческое естество? есть-ли внутренности? что̀ тамъ таится, въ этихъ загадочныхъ, словно прокопченныхъ глубинахъ? есть-ли у него «домъ», друзья, близкіе? любитъ-ли его кто-нибудь, любитъ-ли онъ самъ кого-нибудь, или просто такъ... существуетъ? Мыслитъ-ли онъ? ощущаетъ-ли радость, горе, физическую боль? питается-ли? или надѣнетъ съ утра вицъ-мундиръ и скрежещетъ зубами? Ахъ... Губошлёповъ!

Что-то есть ужасное, неумолимое, неотразимое въ этихъ людяхъ, у которыхъ смолоду какъ бы прокопчены внутренности. Ни разсужденія, ни чувства, ни даже самыхъ простыхъ человѣческихъ порывовъ. Ни силы, ни слабости. Стоятъ, они, какъ гильотина, посередь дороги: кто посильнѣе—тотъ проходитъ мимо нея и плюетъ, кто послабѣе, того она захватываетъ и обезглавливаетъ. Воплощенное, безстрастное неразуміе—вотъ настоящій сатана! Ахъ... Губошлёповъ!

Зачѣмъ? что случилось? что̀ нужно было доказать? для чего понадобилось растоптать всѣ привязанности человѣка, всѣ его привычки, всю жизнь? Что̀ такое? что̀ такое? Ахъ, Губошлёповъ!

Разумовъ, блѣдный, ходилъ взадъ и впередъ по кабинету и не могъ оторваться отъ назойливыхъ вопросовъ. Губы его вздрагивали, внутри жгло, во рту чувствовалась сухость, глаза машинально перебѣгали съ одного предмета на другой, какъ бы всматриваясь, дѣйствительно-ли привычная обстановка еще существуетъ и стоитъ на своемъ мѣстѣ. Въ заднихъ комнатахъ уже хлопотала Ольга Аѳанасьевна, приступившая къ сборамъ; до слуха Гаврилы Степановича долеталъ стукъ заколачиваемыхъ ящиковъ, возня перетаскиваемыхъ сундуковъ. Стёпа уныло бродилъ по комнатамъ, съ заплаканными глазами, точно не зналъ куда дѣваться отъ тоски. Но Гаврило Степанычъ ничего не слышалъ и не видѣлъ и все повторялъ:

— Губошлёповъ! Что̀ такое... Губошлёповъ?

Но задачу эту такъ и пришлось оставить неразрѣшенною...

Рѣшено было: Стёпу оставить на попеченіи семьи Негропонтовыхъ, а самимъ ѣхать въ родной городъ Подхалимовъ, гдѣ у Гаврилы Степаныча жилъ еще двоюродный братъ, Акимъ Семеновичъ Коловратовъ, семидесятилѣтній старикъ, занимавшій мѣсто протоіерея въ каѳедральномъ соборѣ.

Съ Коловратовымъ Гаврило Степанычъ оставался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, хотя, въ теченіи своей тридцатилѣтней петербургской службы, былъ на родинѣ всего одинъ разъ, а именно, женившись, ѣздилъ въ Подхалимовъ отрекомендовать роднымъ молодую жену. Коловратовъ гордился Разумовымъ, а съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, титуловалъ его не иначе, какъ «ваше превосходительство», и внутренно называлъ даже «вельможей». И когда однажды, Гаврило Степанычъ, въ отвѣтъ на черезчуръ прозрачный намекъ на это вельможество, написалъ: «посмотрѣлъ бы ты, какъ сей знатный вельможа, съ женою и сыномъ, при одной женской прислугѣ, въ четвертомъ этажѣ, во дворѣ, въ четырехъ небольшихъ покойчикахъ ютится, то, чаю, не высокое бы о таковомъ вельможествѣ понятіе возымѣлъ», то Коловратовъ не только остался при прежнемъ убѣжденіи, но даже слегка попенялъ своему другу: «хотя скромность твоя приноситъ тебѣ довольную честь, но позволь тебѣ, ваше превосходительство, замѣтить, что между присными и близкими и прямое изложеніе вещей не можетъ почесться нескромностью». Вообще, между друзьями шла довольно оживленная переписка. Разумовъ, желая преизобиловать въ духѣ своего друга, ставилъ въ письмахъ теологическіе и нравственные вопросы. Коловратовъ же, по силѣ возможности, откликаясь на эти вопросы, въ свою очередь, возлагалъ на Разумова ходатайство по нѣкоторымъ нуждамъ мѣстной епархіи, и такъ какъ Разумову, вслѣдствіе связей въ среднемъ чиновничьемъ мірѣ, почти всегда удавалось успѣвать въ этихъ ходатайствахъ, то мнѣніе объ его силѣ и вельможествѣ все больше и больше укрѣплялось въ Подхалимовѣ, преимущественно, впрочемъ, въ кругу церковниковъ.

Коловратову было уже за семьдесятъ, и онъ больше двадцатипяти лѣтъ состоялъ каѳедральнымъ протоіереемъ. Человѣкъ онъ былъ вдовый и бездѣтный, и послѣ смерти жены принялъ къ себѣ въ домъ свояченицу съ дочерью Аннушкой. На Аннушкѣ (въ описываемую эпоху ей минуло тринадцать лѣтъ) онъ, такъ сказать, сосредоточилъ послѣдніе лучи своего потухающаго сердца. Въ свою очередь и она заботливо ухаживала за дѣдушкой, и, не смотря на избалованность, обѣщала сдѣлаться со временемъ отличною, серьезною дѣвушкой. Жили они въ просторной квартирѣ большого соборнаго дома, жили

дружно, не огорчая другъ друга, и вполнѣ удовлетворяясь тѣми скромными радостями, которыя выпадаютъ на долю людей, живущихъ, такъ сказать, за предѣлами общей жизни. Онъ былъ уже на столько ветхъ, что въ свободное отъ церковныхъ службъ время, большею частью дремалъ въ старинномъ вольтеровскомъ креслѣ, предаваясь «приличествующимъ сану размышленіямъ», и изрѣдка перечитывая «Часы Благоговѣнія». Хозяйствомъ же и вообще всѣмъ домомъ завѣдывала свояченица, женщина пожилая, смирная и молчаливая. Очень возможно, что оба эти потускнѣвшія подъ бременемъ лѣтъ существованія незамѣтно потонули бы въ пучинѣ унынія, если бы не освѣщала ихъ неугомонная рѣзвость Аннушки. Она одна представляла жизненный принципъ среди этихъ молчаливыхъ стѣнъ, одна приносила туда звукъ и движеніе. Даже преосвященный любилъ ласковаго и живого ребенка и шутя отзывался объ отношеніяхъ къ ней Коловратова: старый да малый союзъ заключили—оба вопіютъ: помози!

Коловратовъ не безъ горестнаго изумленія узналъ объ отставкѣ Разумова, хотя фраза въ письмѣ послѣдняго: «и при семъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника» до извѣстной степени и смягчила его огорченіе. Самъ преосвященный, выслушавъ разсказъ объ этомъ, сказалъ: «да, чинъ не малый»; но черезъ минуту, однако, присовокупилъ: «но необходимо при семъ имѣть въ виду, что нынѣ великое тайныхъ совѣтниковъ изобиліе, а посему и надобность, вѣроятно, не во всякомъ видится». Какъ бы то ни было, но Коловратовъ началъ дѣятельно готовиться къ пріему родственника и друга, а такъ какъ Гаврило Степанычъ просилъ о пріисканіи ему небольшого дома, на покупку котораго ассигновалъ прикопленныя на черный день пять тысячъ рублей, то скоро и это порученіе было выполнено.

Разумовъ пріѣхалъ въ Подхалимовъ въ одинъ изъ холодныхъ январскихъ дней, какъ разъ передъ сумерками. Старый протопопъ, который съ утра въ этотъ день недомогалъ, сидѣлъ въ своемъ просторномъ креслѣ, обращенный лицомъ къ западу, и слѣдилъ за потухающимъ солнцемъ. Когда Разумовъ подошелъ къ нему, онъ молча указалъ ему на подернутый блѣднорозовымъ сіяніемъ западъ и старческимъ разслабленнымъ голосомъ запѣлъ: *Свѣте тихій*. И дойдя до стиха *Видѣвши свѣтъ вечерній*, склонилъ голову на грудь и сказалъ:

— Да будетъ, друже, и вечеръ жизни твоей подобенъ сему тихому свѣту вечернему! Аминь.

Всѣ были въ волненіи: Гаврило Степанычъ тяжело дышалъ, Ольга Аѳанасьевна полегоньку всхлипывала, Аннушка разливалась рѣкой. Только старая свояченица молчаливо хлопотала въ сосѣдней комнатѣ за самоваромъ. Затѣмъ, друзья обнялись и повели бесѣду. Нѣсколько разъ у Коловратова былъ на языкѣ вопросъ: какая причина? — однако, онъ воздержался и только замѣтилъ:

— Одно неудобство усматриваю: велъ ты доселѣ жизнь умственную, а у насъ въ этомъ отношеніи недостаточно. Какъ бы не впасть въ уныніе!

На что Гаврило Степанычъ отвѣтилъ:

— Ничего! все въ свое время найдется, а можетъ, и дѣло какое набѣжитъ. Вотъ, Богъ милостивъ, съ устройствомъ покончимъ, а потомъ...

Онъ какъ-то растерянно оглядѣлся кругомъ, какъ бы ища: что̀ же потомъ?

— Главное, думать объ этомъ не для чего, продолжалъ онъ слегка дрогнувшимъ голосомъ. — Думай не думай, а стараго не воротишь. На новомъ мѣстѣ надо и жить по новому. И то сказать, подъ шестьдесятъ катитъ — въ эти года не «дѣло», а спокой нуженъ!

Съ недѣлю прожилъ Гаврило Степанычъ въ соборномъ домѣ, а потомъ перебрался на Проломную улицу въ собственное гнѣздо. И съ этихъ поръ началось для него то унылое существованіе, на которое однимъ почеркомъ пера осудилъ его деликатный тайный совѣтникъ Губошлёповъ.

Устроившись до̀ма, Гаврило Степанычъ сдѣлалъ оффиціальные визиты губернатору и прочимъ «начальникамъ частей», не потому, впрочемъ, чтобъ заискивалъ, а потому, что, по мнѣнію его, того требовалъ этикетъ. Сверхъ того, быть можетъ, въ тайнѣ онъ дѣлалъ предположенія и на счетъ небезполезности указаній, которыя можетъ подать «молодымъ людямъ» его умудренная долголѣтнею службой опытность. Вседескать послужу: если прямо нельзя, такъ хоть совѣтъ подамъ. Однако, въ этомъ отношеніи онъ грубо ошибся. Подхалимовскіе правители были люди хотя и молодые, но необыкновенно бойкіе; поэтому, они не знали ни препятствій, ни затрудненій, въ совѣтахъ нужды не чувствовали, и при

этомъ были совершенно искренно убѣждены, что такъ-называемыя «законныя основанія» только стѣсняютъ, а никакой опоры не даютъ. Никому изъ нихъ не только не пришло на мысль полюбопытствовать у пріѣзжаго заматерѣлаго бюрократа, какъ смотрятъ на тотъ или другой предметъ въ бюрократическихъ сферахъ Петербурга, но большинство даже не понимало, какіе тутъ могутъ быть «предметы», и просто на просто стѣснялось, объ чемъ говорить съ этою новою личностью, очевидно, «не нашего общества». А главное, изобиліе тайныхъ совѣтниковъ было такъ для всѣхъ очевидно, что никто даже не задумался надъ тѣмъ, что въ Подхалимовѣ сдѣлалось однимъ тайнымъ совѣтникомъ больше. И притомъ такимъ тайнымъ совѣтникомъ, который долженъ былъ существовать на полторы тысячи рублей годоваго пенсіона.

Пришлось оставить всякія мечты о небезполезныхъ совѣтахъ, отказаться отъ знакомствъ въ высшихъ губернскихъ сферахъ и ограничиться тѣснымъ кружкомъ церковниковъ. Но сфера эта такова, что церковничій день совершенно идетъ въ разрѣзъ съ днемъ обыкновенныхъ смертныхъ. Поэтому, даже въ тѣ дни, когда Гаврило Степанычъ бывалъ «въ гостяхъ», у него все-таки оставалось пропасть порожняго времени, которое онъ не зналъ куда дѣвать, и чѣмъ наполнить.

Это бездѣйствіе мучило его. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ изъ Петербурга — словно вотъ ножомъ отрѣзало. Исчезло «дѣло», около котораго вращалась вся жизнь, которое въ одно и то же время и изнуряло и питало. Если бы спросить его, по совѣсти, въ чемъ заключалось это «дѣло», онъ наврядъ ли нашелся бы, что отвѣтить на этотъ вопросъ. Это было какое-то рѣшето, сквозь которое процѣживалась жизнь цѣлой массы чиновниковъ — и ничего болѣе. Процѣживаясь, это люди не оставляли никакихъ слѣдовъ своего личнаго пребыванія въ этихъ клѣточкахъ, хоть и выходили изъ нихъ искалѣченными и ни къ чему другому неспособными. «Дѣло» составлялось изъ множества отдѣльныхъ клочковъ; нѣкоторые изъ нихъ задерживались въ памяти, въ качествѣ анекдотовъ, другіе—немедленно же улетучивались; но общаго впечатлѣнія, связности, во всякомъ случаѣ, не существовало. Да и самые клочки, послужившіе основаніемъ «дѣлу», въ большинствѣ, носили фантастическій характеръ, не имѣли ни между собою связи, ни точекъ соприкосновенія съ заправской

жизнью. Тѣмъ не менѣе, они все-таки представляли матеріалъ для обязательной работы, и это въ значительной степени выкупало ихъ непривлекательность. Нѣтъ нужды, что человѣкъ калѣчился, кружась въ пустотѣ, и терялъ всякую самостоятельность — все-таки онъ хоть какъ-нибудь истрачивалъ свой день, а сверхъ того и получалъ пропитаніе.

Съ Разумовымъ случилось именно то, что бываетъ со всякимъ чиновникомъ, которому, послѣ долговременнаго подневольнаго корпѣнія, приходится жить на свободѣ. Онъ не понималъ этой свободы, а напротивъ, слишкомъ хорошо понималъ, что ему нечего дѣлать. Куда ни обращалъ онъ свою мысль — все оказывалось или несподручнымъ, или неприступнымъ. Читать — но въ шестьдесятъ лѣтъ и чтеніе утрачиваетъ свою привлекательность. Да и какъ читать, что читать человѣку, который, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ семинаріи, до того былъ поглощенъ переборкаю «клочковъ», что даже свободной минуты не имѣлъ, чтобъ заглянуть въ книгу. Смолоду и онъ читывалъ, но вѣдь съ тѣхъ поръ матеріалъ для чтенія прошелъ сквозь такое множество превращеній, что, игнорируя эту послѣдовательную переработку, почти неизбѣжно было стать въ тупикъ. Не даромъ же разсказывали про генералъ-маіора Отчаяннаго, который, по выходѣ изъ кадетскаго корпуса, не читавъ ни одной книги, вдругъ набрелъ на «Исторію Государства Россійскаго», и такъ былъ ошеломленъ вольномысліемъ, въ ней заключающимся, что исцарапалъ краснымъ карандашемъ всѣ двѣнадцать томовъ, и прислалъ ихъ въ департаментъ съ резолюціей: «сообразить и доложить съ справкою, какому оный Карамзинъ наказанію подлежитъ, а также и о цензорѣ Бируковѣ». И только тогда успокоился, когда Разумовъ (къ нему въ отдѣленіе этотъ «клочекъ» попалъ) объяснилъ, что Карамзинъ былъ тайный совѣтникъ и пользовался милостью монарховъ. Самъ Гаврило Степанычъ не разъ смѣялся, разсказывая это происшествіе, а вотъ теперь то же самое повторилось и надъ нимъ. Попробовалъ онъ почитать, взялъ въ публичной библіотекѣ книгу — и не повѣрилъ глазамъ своимъ. Точно вотъ возвратился изъ полувѣкового путешествія, впродолженіе котораго жилъ гдѣ-то затертый льдинами, и вдругъ узналъ, что Карла X нѣтъ и въ поминѣ, а не его мѣстѣ чуть не Гамбетта сидитъ. Кто

этотъ Гамбетта, и какъ это онъ вдругъ... вѣдь онъ, поди, напакоститъ!

Предсказаніе Коловратова исполнилось: въ самое короткое время Разумовъ не зналъ куда дѣваться отъ унынія и скуки. Только лѣтомъ, во время каникулъ, онъ расцвѣталъ, потому что въ это время въ Подхалимовъ пріѣхалъ въ побывку Стёпа, Однако, и тутъ не обошлось безъ горькихъ замѣтокъ. Хотя и отецъ и сынъ, по прежнему, безпредѣльно любили другъ друга, но не въ природѣ вещей было, чтобъ Стёпа всего себя отдалъ старику отцу. Этого, впрочемъ, и прежде не было. когда Разумовы всей семьей жили въ Петербургѣ. И тогда Гаврило Степанычъ видѣлъ сына довольно рѣдко и былъ доволенъ тѣмъ, что «чувствовалъ» близость его. Но вѣдь тогда существовало «дѣло», которое сдерживало его отцовскія чувства, а теперь была свобода, пользуясь которой, онъ, конечно, готовъ былъ всякую минуту жизни посвятить своему дѣтищу. Но этого-то именно и не понималъ Стёпа и продолжалъ отдавать отцу столько же времени, какъ и прежде.

Стёпа былъ молодъ и его влекло къ молодому. Онъ охотно уходилъ къ Коловратовымъ, куда привлекала его Аннушка. Даже дома онъ предпочиталъ проводить время скорѣе съ матерью, нежели съ отцомъ, потому что мать не выпытывала, не «говорила», а молча гладила по головѣ и любовалась имъ. Да, наконецъ, объ чемъ «говорить» и зачѣмъ «говорить» у себя, въ своемъ домѣ, въ кругу родныхъ! Тѣмъ и хорошъ родной домъ, что въ немъ можно и говорить, и молчать, и веселиться, и скучать, и умныя вещи, и глупости дѣлать. А присутствіе Гаврила Степаныча именно въ этомъ смыслѣ и стѣсняло. Онъ спрашивалъ, выпытывалъ, «говорилъ»...

Видѣлъ все это старикъ Разумовъ и, конечно, былъ далекъ отъ обвиненій. А все-таки... Болѣло, ахъ, болѣло его старческое сердце, и съ каждымъ днемъ все глубже и глубже погружался онъ въ пучину той безразсвѣтной пустоты, на которую обрекло его одиночество.

IV.

Когда, возвращаясь, послѣ объясненія съ Губошлёповымъ (кончившагося его отставкой) домой, Разумовъ представлялъ себѣ, что вся природа, взирая на него, вопіетъ: мухи не обидѣлъ! — онъ былъ правъ только отчасти. Онъ смѣшивалъ двѣ различныя вещи: свое личное отношеніе къ «дѣлу» и то, что составляло содержаніе этого «дѣла». То есть, онъ думалъ, что если онъ дѣлаетъ «дѣло» по «сущей совѣсти», то этимъ самымъ и содержанію дѣла придается характеръ «сущей совѣсти». Или еще точнѣе: онъ прямо предполагалъ, что «дѣло» и «сущая совѣсть» суть понятія другъ другу вполнѣ отвѣчающія, другъ безъ друга немыслимыя.

Эта точка зрѣнія принадлежала не ему одному; она искони была и продолжаетъ быть достояніемъ большинства. Существуютъ извѣстныя понятія и представленія, которыя возникаютъ словно загадочнымъ произволеніемъ, и сразу становятся прямо, неколебимо, дѣлаясь исходными точками дальнѣйшаго жизнестроительства. Высшая польза должна быть предпочитаема пользѣ частной, высшій интересъ долженъ тяготѣть надъ частнымъ интересомъ — вотъ тезисы, за которыми надлежитъ идти. Справедливѣе этого, конечно, нельзя себѣ ничего представить, особливо ежели есть на-готовѣ вполнѣ ясное опредѣленіе, что̀ такое высшая польза, высшій интересъ. Но такъ какъ для громаднаго большинства людей подобныя опредѣленія только подразумѣваются и такъ какъ это большинство произноситъ извѣстныя выраженія, не уясняя себѣ критически ихъ содержанія, то весьма естественно, что отсюда должно проистекать великое множество недоразумѣній.

Въ массѣ «клочковъ», которые ежедневно перебиралъ Разумовъ, было достаточно такихъ, которые для однихъ оканчивались нравственной обидой, для другихъ матеріальнымъ ущербомъ. Конечно, эти ущербы и обиды, въ мнѣніи Разумова, прикрывались представленіемъ о «высшемъ интересѣ», но бѣда его состояла въ томъ, что онъ принималъ это представленіе на вѣру и даже не пытался анализировать его составныя части. Едва-ли, впрочемъ, слова эти значили въ его глазахъ что-нибудь больше простого «приказанія».

Во всякомъ случаѣ, онъ былъ вполнѣ добросовѣстенъ, думая и говоря, что служитъ «дѣлу» *по сущей совѣсти*. Но вѣдь рядомъ съ его добросовѣстностью могла существовать и другая добросовѣстность, которая тоже, съ своей точки зрѣнія, имѣла основаніе считать себя правою. Вотъ этого-то онъ и не принималъ въ разсчетъ. Разумѣется, если бы онъ могъ, на основаніи твердыхъ данныхъ, опровергнуть эту *другую* добросовѣстность, то онъ обѣлилъ бы себя вполнѣ; но онъ не опровергалъ, а просто отвергалъ. И даже, пожалуй, не отвергалъ, а, просто на просто, ни о чемъ «постороннемъ» не думалъ, а выполнялъ свои обязанности «по сущей совѣсти».

Можно было бы предположить, что онъ намѣренно остерегается опредѣленій, чтобъ не войти въ разладъ съ самимъ собой и не очутиться въ положеніи человѣка, сознающаго, что ему приходится или покориться, или сжечь корабли и затѣмъ погибнуть. Есть много людей, которые поступаютъ такимъ образомъ, то-есть стараются «не думать», потому что размышленіе приводитъ иногда за собой такіе неожиданные и трагическіе выводы, съ которыми ужиться нѣтъ возможности. Но Разумовъ и тутъ поступалъ опять-таки вполнѣ искренно: онъ «не думалъ», потому что нѐ за чѣмъ думать. Это «недуманіе» было не вынужденное, а составляло одну изъ составныхъ частей той «сущей правды», которой онъ такъ искренно всю жизнь покланялся.

Отсутствіе ясныхъ опредѣленій помогало ему быть жестокимъ, хоть жестокость не лежала въ его природѣ; оно затемняло въ нѐмъ представленіе о силѣ наносимыхъ обидъ, хотя лично никто такъ чутко и участливо не относился къ слову «обида», какъ онъ. Всѣ знали его за человѣка добраго, сердечнаго и притомъ безмѣрно осторожнаго въ частныхъ сношеніяхъ. Но не знавшіе, нерѣдко случалось, кляли его и настойчиво утверждали, что онъ, именно онъ внушитель тѣхъ бѣдъ, которыя обрушивались надъ ихъ головами. Онъ самъ, навѣрное, больше всѣхъ удивился бы, если бы ему удалось слышать такіе отзывы.

Но онъ ничего не слышалъ и продолжалъ поступать по «сущей совѣсти». Бывали, конечно, минуты, когда и на него наносило вѣтромъ что-то въ родѣ трупнаго запаха, и когда онъ поневолѣ задумывался. Въ такія минуты, онъ выходилъ изъ-за письменнаго стола, къ которому считалъ себя прико-

ваннымъ, безпокойно шагалъ взадъ и впередъ по кабинету, какъ бы подъ вліяніемъ ощущеній физической боли, и старался припомнить тотъ «высшій интересъ», который на сей предметъ полагается. И, разумѣется, въ концѣ концовъ, припоминалъ и... успокоивался.

Однажды, однакожь, и съ нимъ былъ «случай». Ходила къ нему на домъ, нѣсколько дней сряду, какая-то просительница, упорно добиваясь личнаго свиданія, но такъ какъ онъ, поступая по сущей совѣсти, просителей у себя на дому не принималъ, то, конечно, эту женщину не допустили до него. За всѣмъ тѣмъ, она добилась-таки своего, и въ одно утро, когда Гаврило Степановичъ выходилъ изъ дома на службу, она, встрѣтивъ его на крыльцѣ, крикнула ему въ догонку: сатана! сатана! сатана! Это ужасно, до крови его оскорбило, однакожь, онъ не бросился на обидчицу и даже никому не пожаловался. И только тогда успокоился, когда, по приходѣ въ департаментъ, потребовалъ «дѣло» и убѣдился, что это не онъ, а генералъ-маіоръ Отчаянный. Онъ же только выполнилъ «по сущей совѣсти».

Ольга Аѳанасьевна гораздо болѣе его взволновалась этимъ происшествіемъ и даже въ первый разъ въ жизни горько жаловалась на мужа, что онъ этакое дѣло оставилъ «такъ». И всѣ Негропонтовы, Аргентовы, Беневоленскіе, Птицыны—всѣ въ одинъ голосъ вторили Ольгѣ Аѳанасьевнѣ и доказывали Гаврилѣ Степанычу, что ни одинъ изъ нихъ не оставилъ бы этого дѣла «такъ».

— Мать-съ! отвѣчалъ обыкновенно на эти докуки Разумовъ: — мать-съ, а материнскія чувства какъ намъ судить?

Очевидно, что внутренно онъ даже сочувствовалъ этой женщинѣ, хотя въ то же время былъ совершенно искренно убѣжденъ, что помочь ей нельзя, что это не будетъ «по сущей совѣсти». Тѣмъ не менѣе, онъ былъ очень доволенъ, что могъ въ свое оправданіе сказать: это генералъ-маіоръ Отчаянный, а не я! Хотя, въ сущности, въ Отчаянномъ гнѣздилась только иниціатива, а онъ, Разумовъ, обставилъ эту иниціативу «законными основаніями».

Поэтому, и по выходѣ въ отставку, онъ ни разу не почувствовалъ потребности подвергнуть свое прошлое изслѣдованію, хотя обиліе досуга и давало ему полную возможность сдѣлать это. Онъ былъ такъ убѣжденъ, что «не обидѣлъ мухи», что

иногда ему становилось даже совѣстно. Это какъ-то не въ натурѣ русскаго человѣка — прожить вѣкъ, никого не обидѣвши. Предполагается, что ежели ты никого не обижаешь, то это значитъ, что ты — слабосильная, ничего незначущая дрянь, которую всякій можетъ обидѣть. И что, стало-быть, ты — «дуракъ», «розиня», «рукосуй» и т. д. И дѣйствительно, Гаврило Степанычъ, даже въ разговорахъ съ близкими, не всегда охотно обращался къ своему прошлому: до такой степени ему было ясно, что, въ сущности, онъ тамъ никакой другой роли не сыгралъ, кромѣ роли «рукосуя».

Но одинъ на одинъ самъ съ собою, онъ припоминалъ. И, что всего хуже, припоминалъ именно, какой онъ былъ «фофанъ» и «розиня», какія кровавыя обиды онъ принялъ, сквозь какой жестокій искусъ прошелъ. Начиная съ статскаго совѣтника Недотыки (которому ему первоначально удалось «понравиться» и который положилъ начало его чиновничьему подвижничеству) — это была цѣлая картинная галлерея. Одинъ генералъ-маіоръ Отчаянный чего стòилъ! Онъ и теперь, двадцать пять лѣтъ спустя, метался передъ Разумовымъ, какъ живой, потрясая эполетами, угрожая указательнымъ пальцемъ, брызжа слюной и колебля департаментскія стѣны криками: «сейчасъ-же!», «сію минуту!», «немедленно!», «не выходя изъ присутствія!». Даже въ Подхалимовѣ, въ Проломной улицѣ, Гаврилѣ Степанычу казалось, при этомъ воспоминаніи, что весь его домъ трясется и стонетъ отъ неестественныхъ начальственныхъ празднословій. Кàкъ онъ переносилъ все это? кàкъ не разнесло ему въ то время голову отъ этого крика? кàкъ онъ... Но чтò же «какъ»? — переносилъ и все тутъ.

А то былъ еще дѣйствительный статскій совѣтникъ Зильбергрошъ — этотъ не кричалъ, а каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ язвилъ. Говорилъ—шипѣлъ, глядѣлъ — обливалъ презрѣніемъ. Процѣдитъ сквозь зубы слово и взглянетъ: а хочешь я тебя сейчасъ ногтемъ раздавлю? Иногда нарочно посреди доклада остановитъ и задумается. «Гм... такъ вы говорите: «а посему *я* полагаю... это, то есть, *я*... *я*... А почему вы думаете, что я *такъ* полагаю»? И потомъ засмѣется загадочно, беззвучно, ехидно... «Ну, скажетъ, ступайте; до завтра, можетъ быть, и надумаетесь!» Такъ и уйдешь, бывало, ни съ чѣмъ, и потомъ живешь цѣлый день между смертью

и жизнью... А завтра онъ, ни слова не говоря, возьметъ и подпишетъ.

А Лихошерстовъ? а Ненаѣдовъ? а баронъ Доброѣзжій?

Одинъ Байбаковъ генералъ оставилъ послѣ себя добрую память, потому что былъ лѣнивъ, въ департаментъ не ходилъ, а принималъ у себя на дому, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Но и тотъ, чортъ знаетъ, гдѣ всегда руки держалъ...

При этихъ воспоминаніяхъ, не смотря на старческое малокровіе, щеки Разумова загорались краской стыда; онъ бралъ себя руками за голову, затыкалъ уши и закрывалъ глаза, чтобъ не видѣть и не слышать.

И въ результатѣ всей этой свиты воспоминаній — отставка и сладкое убѣжденіе, что не обидѣлъ мухи... Ахъ, фофанъ! ахъ, ротозѣй!

А онъ-то старался, усердствовалъ! Уловлялъ самыя непредвидимыя движенія души, усиливался угадать самыя безпардонныя мысли, просиживалъ ночи, подыскивая для нихъ «законныя основанія»... Дуракъ! дуракъ! дуракъ!

По милости его, Зильбергрошъ даже умницей прослылъ. Онъ, Разумовъ, самъ собственными ушами слышалъ, какъ, въ его присутствіи, нѣкоторый оберъ-тузъ сказалъ Зильбергрошу: «очень-очень остроумно и даже, можно сказать, ехидно вы, Карлъ Адамычъ, махинацію эту подвели!» А кто подвелъ махинацію? кто взлелѣялъ ее въ ночной тишинѣ? онъ подвелъ! онъ взлелѣялъ! онъ, Разумовъ! А Зильбергрошъ за нее похвалу получилъ!

Разумѣется, всѣ эти припоминанія и ретроспективные ропоты Гаврило Степанычъ допускалъ только внутренно, но однажды не вытерпѣлъ и проговорился даже Ольгѣ Аѳанасьевнѣ.

— Не такъ бы намъ въ ту пору поступать надо было! сказалъ онъ, напомнивъ ей нѣсколько дѣйствительно характерныхъ случаевъ прошлаго.

— А какъ же бы ты поступилъ? удивилась она.

— А такъ бы вотъ... купилъ бы листъ гербовой: проситъ молъ, такой-то, а о чемъ...

— А потомъ куда бы ты пошелъ?

— Ну... куда? Мало-ли... слава Богу, не клиномъ свѣтъ сошелся! То-то вотъ мы съ тобой смиренны ужь очень, всю жизнь къ сторонкѣ жались, да твердили: ахъ, какъ бы не задѣть кого, да не обидѣть! Вотъ насъ за это...

— Ахъ, другъ мой! другъ мой!

Сказавши это, Ольга Аѳанасьевна грустно покачала головой, и послѣ того разговоръ на эту тэму уже не возобновлялся.

«То-то вотъ и есть, что клиномъ сошелся!», мелькнуло у него самого въ головѣ. До такой степени клиномъ, что вотъ теперь, когда онъ, по манію тайнаго совѣтника Губошлёпова, пущенъ въ пространство, онъ не знаетъ куда приклонить голову. Онъ не только чувствуетъ себя непригоднымъ къ какому бы то ни было настоящему дѣлу, но даже безпокоится, куда бы ему «идти» въ тотъ урочный часъ, въ который онъ, состоя на службѣ, имѣлъ обыкновеніе «уходить» въ департаментъ. Онъ переноситъ изъ комнаты въ комнату свою скуку, слоняется, смотритъ въ окно, брюзжитъ и каждую минуту чувствуетъ, что онъ даже въ своемъ собственномъ домѣ лишній, мѣшаетъ.

И все-таки повторяю: ежели онъ и винилъ въ чемъ-нибудь свое прошлое, то совсѣмъ не въ томъ, что кого-то когда-то обидѣлъ, придавилъ, обездолилъ, а, напротивъ, скорѣе въ томъ, что онъ именно никого, *даже мухи* — не обидѣлъ...

V.

Во всякомъ случаѣ, приходилось подчиниться насущнымъ результатамъ этого прошлаго и уживаться съ насильственной праздностью, имъ завѣщанной. И дѣйствительно, послѣ первыхъ трехъ лѣтъ «спокоя», Разумовъ на столько смирился, что даже обуревавшая его скука бездѣятельности мало-по-малу улеглась. Онъ еще не дошелъ до признанія нормальности своего положенія, но, мало-по-малу, утрачивалъ силу противодѣйствія и дѣлался неспособнымъ роптать. И въ то же время, онъ началъ очень быстро дряхлѣть.

Жизнь его была кончена — въ этомъ нельзя было сомнѣваться. На лицо оставался только пепелъ, подъ которымъ не только ничего не вспыхивало, но и не тлѣло. Собственно говоря, ему предстояло не жить, а быть лишь зрителемъ, какъ жизненный процессъ мало-по-малу ослабѣваетъ и меркнетъ въ его организмѣ. Вотъ и сегодня что-то ослабло и притупилось, а тамъ, глядишь, изъ-за угла сторожитъ и еще немочь. И такимъ образомъ идетъ день за день, безъ всякой надежды на

просвѣтъ, все къ разрушенію, исключительно къ разрушенію. Ужасно обидно это сознаніе безповоротности, безсилія, особливо ежели въ прошломъ не было ни тепла, ни свѣта, ни страсти, ни радости, ничего, кромѣ «сущей совѣсти». Ахъ, эта «сущая совѣсть»!

Но подлѣ него ютилась другая жизнь, молодая, только что начинающаяся, и мысль старика не могла оторваться отъ этой жизни. Существовали данныя, которыя сообщали этой мысли тревожный, гнетущій характеръ. Нельзя сказать, чтобъ личныя качества Стёпы возбуждали неудовольствіе или порицаніе; напротивъ, Гаврило Степанычъ зналъ навѣрное, что это юноша честный, трудолюбивый и притомъ до крайности кроткій, любящій, сердечный. Но въ самомъ воздухѣ носилось что-то такое, что именно эти-то качества дѣлало несостоятельными, что могло грубо прикоснуться къ этой чувствительной, нѣжной натурѣ, обидѣть и затереть ее.

Когда Гаврило Степанычъ раздумывалъ объ этомъ, то, по временамъ, ему приходило на мысль что-то новое, неожиданное. А именно, онъ чувствовалъ, что въ эти тревожныя думы, повидимому, посвященныя исключительно настоящему, врываются какіе-то смутные отголоски изъ его чиновническаго прошлаго. Словно далекій, чуть слышный стукъ или неопредѣленное напоминаніе, въ родѣ того, какое иногда испытывается при чтеніи книги. Помнится, что гдѣ-то когда-то затрогивался извѣстный предметъ, но гдѣ и когда — не доищешься. Только случайность можетъ раскрыть кроющуюся тутъ связь и иногда раскрываетъ ее очень трагически.

Но, покамѣсть, явленіе это выразилось еще не на столько рѣзко, чтобъ заставить его серьезно вздуматься въ него. Поэтому, Разумовъ всѣ свои тревоги сосредоточилъ только на тѣхъ случайностяхъ, которыя, такъ сказать, вытекали исключительно изъ личнаго положенія его сына. Онъ чувствовалъ потребность знать его жизнь изо дня въ день и потому требовалъ, чтобъ сынъ какъ можно чаще и подробнѣе писалъ объ себѣ и о своихъ знакомствахъ. Разумѣется, Стёпа выполнялъ это требованіе аккуратно. Письма его, искреннія и подробныя, перечитывались по нѣскольку разъ; комментировалось каждое слово; обсуждался каждый шагъ, особливо ежели онъ возвѣщалъ о новомъ знакомствѣ; угадывалось, нѣтъ-ли какой нужды, которую пріятно было бы, по мѣрѣ силъ, удовлетворить. Во

всякомъ случаѣ, общее впечатлѣніе получалось довольно успокоительное: Стёпа жилъ въ надежномъ семействѣ, занимался отлично и обычнымъ порядкомъ переходилъ изъ класса въ классъ. Ужь три года минуло съ тѣхъ поръ, какъ Гаврило Степанычъ вышелъ въ отставку; въ это время Стёпа два раза гимназистомъ побывалъ на каникулахъ въ Подхалимовѣ, и въ оба раза родители не нарадовались на него. Въ третій разъ онъ пріѣхалъ студентомъ университета. Жизнь широко растворила двери передъ юношей, жизнь, напоминавшая о томъ, что наступила пора обязательной самостоятельности, пора необходимости промыслить о себѣ самому. Старый отецъ умилился, но сердце его забилось еще тоскливѣе. Жизнь! что такое жизнь? съ тревогою спрашивалъ онъ себя поминутно и чувствовалъ какой-то паническій страхъ, когда, послѣ многихъ безсильныхъ потугъ, приходилъ къ убѣжденію, что онъ никакого сколько-нибудь обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать не въ состояніи.

Свою собственную жизнь онъ, конечно, могъ себѣ растолковать, *но развѣ такая жизнь прилична его сыну?* Его личная жизнь исчерпывалась словами: «повинны бѣша работѣ». Въ старину и всѣ такъ жили. Жизнь сразу вкладывалась въ извѣстныя рамки и незамѣтно изживалась до тѣхъ поръ, пока клубокъ до послѣдняго вершка не развертывалъ намотанную на него нитку. Послѣдній вершокъ нитки истраченъ —и отъ человѣка ничего не осталось, совсѣмъ ничего: ни словъ, ни дѣлъ. Бывали, конечно, и въ старину исключенія, случались и тогда катастрофы, но большинство не знало ихъ. Большинство такъ мало ждало отъ жизни, что и опасеній имѣть не могло: немного лучше, немного хуже — вотъ и все. Такова была и его жизнь, но развѣ Стёпа на то рожденъ и воспитанъ, развѣ на то въ него положили всю душу, всѣ чаянія, чтобъ онъ съ такимъ же тупымъ терпѣніемъ тянулъ лямку, какъ и отецъ, какъ и *всѣ?* Нѣтъ, это было бы и несправедливо и обидно.

Притомъ же онъ зналъ, что съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, что ныньче даже нельзя безсрочно оставаться въ однѣхъ и тѣхъ же рамкахъ, во-первыхъ, потому, что это прямо свидѣтельствуетъ о неспособности, а во-вторыхъ, и потому, что ныньче, болѣе нежели когда-либо, даже самыя скромныя существованія находятся подъ угрозой чего-то непредвидѣннаго,

самыя нищенскія пожеланія — и тѣ рискуютъ увидѣть себя разбитыми, растоптанными. Это послѣднее «знаменіе времени» онъ испыталъ на собственной шкурѣ. Что такое онъ былъ? — ползущій червь! Въ чемъ заключались его пожеланія? — въ томъ, чтобъ оставаться ползущимъ червемъ, покуда само собой не оскудѣетъ его скромное, ползущее существованіе. Однако, и этому нищенскому требованію не суждено было осуществиться. Почему не суждено было? какимъ образомъ? — вотъ этого-то онъ и не могъ себѣ разъяснить, хотя чувствовалъ, что *нынче* — иначе не можетъ и быть.

Ему представлялась по этому поводу какая-то нелѣпая суматоха, которая однихъ топитъ, другихъ — вытаскиваетъ на поверхность. Безсмысленно, безразсчетно, безъ всякаго плана. Но ежели даже его нищенски-старческое существованіе сдѣлалось жертвой этой суматохи, то какая же будущность ожидаетъ существованіе молодое, не тронутое, не изломанное, такое существованіе, которое, по самой полнотѣ своей, должно предъявлять къ жизни требованія неизмѣримо болѣе широкія и рѣзкія? И что же! вотъ въ эту-то загадочную суматоху, въ самый ея развалъ, именно и вступилъ его сынъ. Какъ теперь поступить? какой совѣтъ ему дать? съ какимъ напутствіемъ поставить его передъ раскрытыми настежъ дверьми жизни?

Когда слова: «совѣтъ», «напутствіе» мелькнули въ его головѣ, онъ почувствовалъ, что тотъ неясный стукъ прошлаго, который и прежде, по временамъ, застигалъ его врасплохъ, начинаетъ слышаться явственнѣе и явственнѣе, что выдѣляются изъ тьмы нѣкоторыя очертанія, которыя безпокоятъ, отнимаютъ у мысли ея обычное безмятежіе. Однакожь, и на этотъ разъ дѣло ограничилось одною смутною тревогой. Проблески появились, освѣтили случайно тотъ или другой уголъ картины и опять утонули. Существенный результатъ отъ этихъ проблесковъ получался только одинъ: какъ ни надумывался Гаврило Степанычъ, какой совѣтъ высказать сыну—ничего придумать не могъ. Много зналъ онъ «совѣтовъ», полны карманы ихъ были у него, но не рѣшался онъ выговорить *эти* совѣты. Сказать сыну застарѣлое общее мѣсто было совѣстно, а сказать что-нибудь дѣльное и дѣйствительно полезное — онъ не могъ, потому что не зналъ, что, по нынѣшнему времени, считается полезнымъ и дѣльнымъ. Можетъ быть, подлость. Такъ онъ и промолчалъ.

Притомъ же, какъ только молодой студентъ явился въ Подхалимовъ, Гаврило Степанычъ сейчасъ же замѣтилъ, что онъ значительно измѣнился противъ предшествующаго года. Въ немъ проявилась небывалая прежде живость, пылкость, почти что восторженность. На первый разъ эта восторженность имѣла, такъ сказать, педагогическую окраску: онъ гордился своими гимназическими успѣхами, ни объ чемъ такъ охотно не говорилъ, какъ о «наукѣ», нѣкоторыми учителями восторгался, о другихъ отзывался чуть не съ презрѣніемъ (не нравилось, ахъ, какъ не нравилось это Гаврилѣ Степанычу: а ну, какъ узнаютъ!), и заранѣе предвкушалъ лекціи университетскихъ профессоровъ. Но кто можетъ поручиться, что онъ и впослѣдствіи удержится на той же педагогической почвѣ, то есть будетъ исключительно восторгаться «наукой», и съ тѣмъ же усердіемъ «учиться» въ университетѣ, съ какимъ «учился» въ гимназіи? Кто поручится, что онъ не увлечется сначала — товариществомъ, а потомъ, пожалуй, и тѣмъ, что на языкѣ современныхъ бѣлыхъ нигилистовъ извѣстно подъ именемъ «мечтаній» и «заблужденій»? Предостеречь-ли его? сказать-ли ему, что мечтанія — пустяки, а заблужденія — пагубны?

Конечно, *по сущей совѣсти*, Гаврило Степанычъ не могъ одобрить ни мечтаній, ни заблужденій. Вся его прошлая служебная дѣятельность представляла самое непререкаемое доказательство этого неодобренія. У него была незыблемая точка зрѣнія на эти предметы, и этой точкой зрѣнія, онъ, навѣрное, не поступился бы никому. Спрашивается, однакожь, какимъ путемъ онъ къ ней пришелъ? — Увы! Онъ пришелъ къ ней эмпирически, даже не подозрѣвая, что идетъ рѣчь о какой-то точкѣ зрѣнія, и только уже въ концѣ своей служебной карьеры догадался, что въ основаніи его дѣятельности лежалъ, такъ называемый, принципъ. Но вѣдь тогда онъ ужь состарился (хотя и смолоду никогда не былъ молодъ) и въ убѣжденіяхъ своихъ больше руководствовался изрѣченіями: «плетью, обуха не перешибешь» и «выше лба уши не ростутъ». Молодость же, а особенно молодость свѣжая, невымученная, могла имѣть и иную точку зрѣнія, и руководствоваться совсѣмъ другими изрѣченіями. Какимъ образомъ доказать, что правильна старческая, а не молодая точка зрѣнія? Гдѣ найдти поддержку своему старчеству, кромѣ посконнаго

уличнаго благоразумія, къ которому юность, обыкновенно, относится нѣсколько пренебрежительно, свысока? Имѣетъ-ли она право относиться такъ высокомѣрно къ мудрости вѣковъ?—конечно не имѣетъ, но то-то и есть, что имѣетъ-ли, не имѣетъ-ли, дѣло не въ томъ, а въ томъ, что относится она такъ, и ничего съ этимъ не подѣлаешь. И, наконецъ, эти «мечтанія» и «заблужденія» — не представляютъ-ли они тѣхъ неизбѣжныхъ, фаталистическихъ спутниковъ, безъ которыхъ самое представленіе о молодости не можелъ считаться правильнымъ?

Какъ ни кинь — все клинъ. Но допустимъ даже, что онъ, старикъ Разумовъ, съумѣетъ съ непререкаемою очевидностью, доказать сыну, что «мечтанія» — пустяки, а «заблужденія» — пагубны; — убѣдитъ-ли онъ? Не предпочтетъ-ли Стёпа его *очевиднымъ* доказательствомъ неочевидныя внушенія своего молодого темперамента? «Ахъ, убьется! убьется!» день и ночь мучительно твердилъ себѣ Гаврило Степанычъ и молчалъ...

Ясно, что задача была ему не подъ силу, и что въ извѣстномъ смыслѣ, осьмнадцатилѣтній, еще не успѣвшій прикоснуться къ жизни Стёпа былъ неизмѣримо сильнѣе, нежели онъ, старый, умудренный опытомъ старикъ.

А Стёпа, между тѣмъ, ни мало не подозрѣвая отцовскихъ тревогъ, беззавѣтно и полною грудью пилъ ароматъ молодости, посреди котораго онъ виталъ, словно опутанный лучистымъ облакомъ. Подобно отцу, онъ былъ нѣсколько дикъ съ чужими, но въ кругу близкихъ, давалъ полную волю своей общительности, искренности и восторженности. Въ его присутствіи, Гаврило Степанычъ весь сіялъ, хотя это не мѣшало ему потихоньку вздыхать. Ольга Аѳанасьевна не выражала своей радости, но все ея существо освѣщалось улыбкой. Даже старикъ Коловратовъ — и тотъ отдыхалъ подъ его говоръ, хотя и не всегда похвалялъ его юношеское дерзновеніе.

Но, разумѣется, самымъ сочувственнымъ для него существомъ въ этой средѣ была Аннушка. Ей минуло шестнадцать лѣтъ, ему осьмнадцать, и между обоими сверстниками сразу образовались самыя искреннія товарищескія отношенія. Моглоли изъ этихъ отношеній выродиться когда-нибудь нѣчто другое — ни онъ, ни она объ этомъ не думали. Находясь почти безсмѣнно вмѣстѣ, они чувствовали себя хорошо, счастливо — и этого было, покамѣсть, достаточно. Никакихъ «трепетовъ» они не ощущали, никакія нескромности не смущали

ихъ воображенія. Все въ нихъ еще дышало тою раннею молодостью, когда чувственный инстинктъ спитъ, а ежели, по временамъ, и пробуждается, то не сознаетъ себя.

Бесѣды ихъ были нескончаемы; говорилъ, впрочемъ, исключительно онъ, а она только слушала. Ей было нечего сказать, тогда какъ въ его головѣ, не смотря на относительную скудость гимназической подготовки, сложился ужь цѣлый разнообразный міръ. Этотъ міръ былъ для нея не только новъ, но и заманчивъ. Онъ говорилъ порывисто, страстно, волнуясь. Иногда, въ рѣчахъ его слышалось и искуственность— ясно, что онъ подражалъ манерѣ облюбованныхъ учителей — но безъ этой искуственности развѣ можно себѣ представить истинную молодость? Аннушка истинктивно повторяла его слова, усвоивала его пріемы и, въ скоромъ времени, у нихъ образовался даже цѣлый условный языкъ. Иногда они проговаривались на этомъ условномъ языкѣ при старшихъ, и это возбуждало общій наивный смѣхъ, впрочемъ, необидный, а только свидѣтельствовавшій, какой непочатой родникъ нѣжности жилъ въ этихъ потухающихъ сердцахъ.

Никто не вмѣшивался въ взаимныя отношенія молодыхъ людей, до такой степени они были для всѣхъ ясны. Только Ольга Аѳанасьевна, яко женщина, разрѣшала себѣ въ тайнѣ строить какіе-то планы относительно будущаго, но и она помалчивала, потому что Гаврило Степанычъ, навѣрное, пугнулъ бы ее за нихъ. Вообще, отказавшись отъ намѣренія напутствовать сына при вступленіи въ жизнь, старикъ Разумовъ рѣшился предоставить его самому себѣ. Чѣмъ больше онъ вглядывался въ Стёпу, тѣмъ больше убѣждался, что онъ твердо пойдетъ по избранной имъ *честной* дорогѣ. Только что̀ стоитъ въ концѣ этой дороги?

VI.

Но въ слѣдующую же зиму Гаврило Степанычъ совсѣмъ неожиданно былъ взволнованъ до глубины души. Негропонтовъ писалъ, что съ Стёпой творится что-то мудреное: «скучаетъ, чуждается близкихъ, даже къ ученію, повидимому, охоту теряетъ». Къ этому извѣстію присоединился и еще одинъ тревожный признакъ: Стёпа, который дотолѣ писалъ часто

и, такъ сказать, любилъ изливать въ письмахъ душу, началъ писать рѣдко и какъ-то черезчуръ ужь форменно. Тщетно старался старикъ Разумовъ узнать причину этой рѣзкой перемѣны: Стёпа настойчиво уклонялся отъ разъясненій, а изъ Негропонтовыхъ никто и самъ не могъ уразумѣть, что случилось. Нѣсколько разъ Ольга Аѳанасьевна предлагала мужу послать ее въ Петербургъ, но Гаврило Степанычъ упорно отклонялъ эти предложенія: имъ вдругъ овладѣлъ безотчетный страхъ. Онъ чувствовалъ, что почва опять колеблется подъ его ногами, что впереди стоитъ какая-то неотразимая и совсѣмъ новая обида, которая окончательно подорветъ его жизнь, подорветъ непремѣнно, неизбѣжно... И подъ вліяніемъ чувства самосохраненія, онъ всячески отдалялъ рѣшительную минуту.

— Успѣемъ! отговаривался онъ женѣ:—еще дождемся! вѣдь только радости ползкомъ ползутъ, а горе да бѣда всегда вскачь на встрѣчу летятъ. Настигнутъ.

Одновременно съ этимъ замѣчена была перемѣна и въ обращеніи Аннушки. Она, по старому, была ласкова съ Ольгой Аѳанасьевной и даже, пожалуй, крѣпче, нежели прежде, жалась къ ней, но относительно Гаврилы Степаныча сдѣлалась значительно сдержаннѣе. Неохотно отвѣчала на его вопросы, какъ-то принужденно здоровалась, встрѣчаясь съ нимъ, избѣгала смотрѣть ему въ глаза. Долго Разумовъ не обращалъ на это вниманія, но, наконецъ, и ему сдѣлалось ясно, что тутъ скрывается что-то недоброе. Вспомнилось при этомъ, что Стёпа постоянно переписывается съ Аннушкой, что прежде она охотно дѣлилась получаемыми ею извѣстіями, а теперь примолкла, скрываетъ.

— Такъ вотъ онъ гдѣ узелъ-то! догадывался старикъ и рѣшился во что бы ни стало выяснить это дѣло.

— Стёпа продолжаетъ переписываться съ тобой? спросилъ онъ однажды Аннушку.

— Пишетъ.

— Прежде ты дѣлилась съ нами его письмами, а теперь скрываешь... отчего?

— Ахъ, дядя! не всегда вѣдь удобно.

— Что же, однако, онъ пишетъ тебѣ?

— Да ничего особеннаго... Вообще...

— Вотъ ты говоришь теперь: ничего особеннаго, а сейчасъ

сказала: неудобно показывать. Если бы ничего особеннаго не писалъ — какое же неудобство показать?

— Ахъ, дядя! точно вы меня въ допросъ взяли!

При словѣ «допросъ» Гаврилу Степаныча болѣзненно передернуло.

— Не допрашиваю я тебя, а прошу! продолжалъ онъ какъ-то особенно мягко, взявши ее за руку. — Прошу! прошу! прошу!

Она слегка поблѣднѣла и какъ-будто заколебалась. Наконецъ, изъ глазъ ея хлынули слезы, она вырвала руку и стремглавъ выбѣжала изъ комнаты, почти крича:

— Не могу! не могу! не могу!

Послѣ этой сцены, старикъ серьезно задумался. До сихъ поръ у него была возможность истолковывать происшедшую въ сынѣ перемѣну случайностью, но теперь онъ положительно зналъ, что случайности нѣтъ, а есть какой-то фактъ, который отъ него скрываютъ. А при этомъ, и прошлое... Положительно, изъ этого прошлаго выдѣлялись все болѣе и болѣе ясныя очертанія... «Ахъ, горе! великое, вижу, горе упадетъ на мою сѣдую голову!», говорилъ онъ самъ съ собою, но никому не жаловался, такъ какъ съ дѣтства былъ дисциплинированъ въ школѣ терпѣнія. Даже съ Коловратовымъ избѣгалъ говорить, хотя послѣдній, съ самаго начала, предлагалъ обстоятельно допросить Аннушку.

— Нѣтъ, зачѣмъ? отвѣчалъ онъ на эти настоянія: — свое тамъ у нихъ... намъ прикасаться не слѣдъ...

Такъ прошло цѣлое томительное полугодіе. И безъ того безмолвный домикъ Разумовыхъ окончательно погрузился въ оцѣпенѣніе. Старики сидѣли каждый въ своемъ углу, а ежели и сходились въ урочные часы, то вздыхали и избѣгали говорить. Послѣ «допроса» Аннушка сдѣлалась сдержаннѣе; продолжала посѣщать Разумовыхъ, но молчала. Иногда Гаврило Степанычъ подстерегалъ ея взглядъ, устремленный на него съ такимъ любопытствомъ, какъ-будто она разсматривала диковину.

Постоянно видѣть себя въ разобщеніи отъ всего живого и въ то же время быть вынужденнымъ глотать въ одиночку какія-то загадочныя предчувствія — вотъ настоящій скорбный путь. И около кого сосредоточены эти предчувствія? — около сына!.. Дни и ночи проводилъ Разумовъ въ безплодныхъ отга-

дыванiяхъ, дни — ходя безцѣльно изъ комнаты въ комнату, ночи — ворочаясь съ боку на бокъ. И все его преслѣдовала одна и та же страшная въ самой своей неясности мысль: что̀ такое? что̀ случилось?

— Ахъ, хоть бы смерть! вотъ кабы смерть!

И онъ инстинктивно начиналъ перебирать свое прошлое по мелочамъ; но чѣмъ больше предавался этой переборкѣ, тѣмъ меньше поводовъ находилъ установить свою прикосновенность къ тревожившей его задачѣ. Нѣтъ, никого онъ не обидѣлъ! Напротивъ, его обидѣли, его вытолкнули на старости лѣтъ въ пространство, надъ нимъ насмѣялись, его растоптали, разбили, а онъ...

— Мухи не обидѣлъ! въ тысячный и тысячный разъ повторялъ онъ, усиливаясь разсѣять и успокоить наплывавшiя со всѣхъ сторонъ сомнѣнiя.

И все-таки, онъ выдержалъ: не умеръ и даже не заболѣлъ. Чувствовалъ только, что жизнь сдѣлалась какъ бы несообразностью, что теперь самое время было бы умереть, да вотъ смерти нѣтъ. Съ этимъ чувствомъ и дождался лѣта.

Въ урочное время, Стёпа вновь появился въ родительскомъ домѣ.

По наружности онъ не измѣнился. Онъ крѣпко обнялъ мать при свиданiи и такъ же, какъ и прежде, приласкался къ отцу. То есть, *почти* такъ же. То да не то, почуялось Гаврилѣ Степанычу, но — кто же знаетъ? — можетъ быть, именно потому и почуялось, что онъ ужь самъ себя заранѣе предрасположилъ къ подозрѣнiямъ.

— Скажи, пожалуйста, что̀ такое? обратился онъ къ сыну, вскорѣ послѣ прiѣзда.

— Что̀ именно?

— Ну, да самъ знаешь... точно впервой слышишь!

— Ахъ... *это*! Пустяки... та̀къ...

— Затосковалъ, учиться пересталъ... на курсъ-то перешелъ-ли?

— Разумѣется, перешелъ.

— Ну, и слава Богу; а то было я...

Однакожь, дома видали Стёпу довольно рѣдко. Ужь черезъ часъ послѣ прiѣзда онъ убѣжалъ къ Коловратовымъ и остался тамъ весь вечеръ; то же повторилось и въ слѣдующiе дни. Стёпа приходилъ домой ночевать, а днемъ оставался на гла-

захъ лишь самое короткое время и затѣмъ исчезалъ. Только издали видалъ Гаврило Степанычъ, какъ онъ ходитъ съ Аннушкой въ крошечномъ садикѣ при Разумовскомъ домѣ.

— А вѣдь Стёпа-то совсѣмъ насъ обросилъ! сказалъ онъ однажды Ольгѣ Аѳанасьевнѣ.

— Что̀ же ему съ нами сидѣть? удивилась она.

— Все-таки. Годъ не видались, пріѣхалъ — можно бы минуту отцу удѣлить!

— Ахъ, Гаврило Степанычъ! Гаврило Степанычъ! а ты умѣй смотрѣть на него, да радоваться!

Но старикъ не удовлетворился этимъ объясненіемъ и, спустя нѣкоторое время, опять присталъ къ женѣ.

— Вижу я! вижу! говорилъ онъ, шагая въ волненіи по комнатѣ.

— Что же ты видишь?

— Все вижу и все... понимаю!

— Старики мои — это они тебя взбудоражили.

— Нѣтъ, не старики, а вообще... Не по прежнему онъ... нѣтъ въ немъ этого... прежняго! Бывало, хоть и на минутку прибѣжитъ-повернется, а сейчасъ видишь!

Такъ и остался Гаврило Степанычъ при своемъ убѣжденіи и вѣрилъ этому убѣжденію, потому что его подсказывало ему ревнивое отцовское чувство. Вотъ и ничѣмъ, кажется, не обнаруживаетъ Стёпа охлажденія, а видитъ отцовскій глазъ убыль, чуетъ вѣщее отцовское сердце утрату. «Не по прежнему!» «не тотъ!», болѣзненно ноетъ все нутро отцовское.

Догадывался-ли Стёпа, какое горе точитъ отца? Вѣроятно, догадывался, судя потому, что онъ и самъ старался, какъ могъ, усилить внѣшнія выраженія ласковости. Но даже и эти усилія замѣчалъ Гаврило Степанычъ, и ихъ истолковывалъ не къ своей выгодѣ. «Прежде и не старался, а хорошо выходило», твердилъ онъ себѣ, «бывало, прибѣжитъ, повернется — сейчасъ видишь!»

Конечно, Стёпа могъ бы сказать въ свое успокоеніе, что противъ такой странной логики ничего не подѣлаешь; но, въ сущности, это была логика вѣрная.

Однажды, вечеромъ, вся семья собралась у Коловратовыхъ. Гаврило Степанычъ, котораго неразгаданное горе сдѣлало, въ послѣднее время, молчаливымъ, на этотъ разъ охотно поддерживалъ общую бесѣду. Дѣло было за чаемъ, и молодые люди

присутствовали тутъ же. Старикъ Разумовъ, какъ говорится, расходился, и такъ какъ у него на первый планъ все-таки выступали служебныя воспоминанія, то понятно, что они же главнымъ образомъ и теперь составили канву для разговора. Разсказывалъ онъ, какъ два раза чуть съ ума не сошелъ, въ первый разъ—отъ крика генералъ-маіора Отчаяннаго, во второй — отъ ехидства Зильбергроша.

— Что за человѣкъ былъ этотъ Зильбергрошъ — даже представить себѣ трудно! объяснялъ Разумовъ:—глядитъ, бывало, на тебя и постепенно зеленѣетъ, и даже губы у него начинаютъ трястись. Такъ, ни отъ чего. Просто, видѣть равнодушно не могъ человѣка, которому онъ можетъ вредъ сдѣлать: какъ, молъ, я до сихъ поръ его не раздавилъ?

Во время этихъ росказней Стёпа нѣсколько разъ удивленно взглядывалъ на отца, но расходившійся старикъ не замѣчалъ этихъ взглядовъ и продолжалъ:

— И сколько онъ наградъ, этотъ Зильбергрошъ, получилъ— и все изъ-за меня! Всѣ эти мѣропріятія — кто ихъ обнатурилъ, съютилъ, кто имъ ходъ и осуществленіе далъ? — все я! Я ночей не досыпалъ, куска не доѣдалъ, а онъ... награды получалъ! Однажды, самъ главноначальствующій, при мнѣ, въ моемъ присутствіи, его благодарилъ — и хоть бы онъ пикнулъ! Хоть бы слово вымолвилъ: вотъ — молъ, ваше сіятельство, сотрудникъ мой!

Гаврило Степанычъ жаловался долго, пространно и въ то же время безплодно, заднимъ числомъ. Выходило жалко и нелѣпо. Не смотря на это, въ старческомъ кругу Коловратовыхъ на столько привыкли къ этому безобидному переливанію изъ пустого въ порожнее, что и теперь, какъ всегда, слушали Разумова съ снисходительною внимательностью. Поощренный этимъ, онъ не замедлилъ, конечно, перейти и къ перечисленію самыхъ мѣропріятій, причемъ, разумѣется, самоувѣренно приписывалъ себѣ, ежели не иниціативу, то осуществленіе.

— Вѣдь *они* — какъ! говорилъ онъ: — вожделѣніе у нихъ есть — это точно; но ни словесности, ни подготовки, ни соображеній, ни законныхъ основаній — ничего этого нѣтъ! Все это онъ на тебя валитъ. Придетъ, крикнетъ: хочу! — а ты ужь и статью подыщи, и въ приличную форму облеки — все ты! Можетъ быть, онъ и вожделѣнія-то своего не понимаетъ — и опять-таки ты! Объясни ему досконально, чего

онъ желаетъ, да полегоньку, смотри — не то онъ, того и гляди, обидится! Онъ одно-два слова цыркнетъ, а ты ему цѣлое соображеніе сейчасъ выложи, какъ и что!.. Да съ улыбочкой, словно и самъ недоумѣваешь: такъ-ли, дескать, я ваше-ство, понялъ? Ну, какъ не такъ! разумѣется — такъ!

И за примѣрами ходить недалеко. Такую-то мѣру — чай, помните? — это все онъ, Разумовъ, выхолилъ. А вотъ такую-то — какъ, чай, забыть! — и эту стрѣлу онъ же, Разумовъ, пустилъ. И вотъ эту, и вотъ эту. Словомъ сказать, гдѣ ни копни въ департаментъ — вездѣ онъ свой слѣдъ оставилъ, вездѣ подъ всякой дѣловой обложкой его рука сохранилась!

Да и случаи у него бывали — истинно диковинные случаи. Былъ случай такой-то, а еще вотъ какой, и, наконецъ, третій — еще курьёзнѣе. Путали его, сильно путали, и такъ, и эдакъ провести старались, но онъ вездѣ вывертывался, вездѣ выходилъ побѣдителемъ!

— Ну, да вѣдь и то сказать, и побѣждать въ ту пору было легко, потому что сила на нашей сторонѣ была, заключилъ онъ: — какъ ни измышляй, какъ ни извивайся вьюномъ, а противъ силы...

Но онъ не кончилъ, потому что въ эту самую минуту два стула съ шумомъ отодвинулись отъ стола. Это были стулья, на которыхъ сидѣли Стёпа и Аннушка. Оба разомъ молча встали и направились въ другую комнату.

— Что же! и чай не допили? крикнулъ имъ вслѣдъ Гаврило Степанычъ.

— Не нужно! сухо и не оборачиваясь, отвѣтилъ Стёпа.

Разумовъ понялъ, что ораторское увлеченіе его обратило въ бѣгство сына, и въ головѣ его мелькнуло: ахъ, такъ вотъ оно что! Во всякомъ случаѣ, это сухое «не нужно!» облило его, какъ ушатомъ воды. Разсказы о временахъ чиновническаго подвижничества оборвались, и весь остальной вечеръ прошелъ тускло, почти безмолвно.

Назадъ возвращались всѣ Разумовы вмѣстѣ. Гаврило Степанычъ, идя дорогой, обдумывалъ, объясниться-ли ему съ Стёпой, или нѣтъ. Ежели объясниться — пожалуй, и узнаешь, да еще хуже будетъ; ежели не объясняться... но что же можетъ быть мучительнѣе тайны, которая легла между отцомъ и сыномъ! Вотъ ужь сколько мѣсяцевъ онъ изнываетъ подъ

игомъ этой тайны — неужто и впередъ такъ будетъ? Мало, видно, страданій на его долю послано, мало насильственной праздности, мало одиночества, старческихъ недуговъ — нѣтъ, нужно прибавить къ этому что-то неслыханное, неизъяснимое, что разомъ погребло всѣ старческія упованія, что въ одинъ мигъ затушевало всѣ перспективы, кромѣ одной: перспективы могилы...

— Хоть бы смерть... ахъ, кабы смерть!

Наконецъ, онъ предпочелъ-таки объясниться, чѣмъ продолжать пить отраву капля по каплѣ.

— Что̀ ты такъ вдругъ изъ-за стола вышелъ? обратился онъ къ Стёпѣ.

— Я?.. та̀къ... я — ничего...

— Нѣтъ, ты не ничево̀кай, а говори прямо: разговоръ мой тебѣ не понравился?

— Я, папенька... ахъ, папенька, право бы, я на вашемъ мѣстѣ не вспоминалъ... съ трудомъ проговорилъ Стёпа.

— Объ чемъ не вспоминалъ?

— Объ *этомъ*...

— А! такъ вотъ оно что! То-то я... Скажи, пожалуйста, что̀ же въ моемъ разговорѣ тебѣ не по нутру?

— Ахъ, папенька, развѣ я могу!

Гаврило Степанычъ горько усмѣхнулся и съ минуту помолчалъ.

— Ныньче, молодые люди... началъ было онъ, но, какъ бы что-то вспомнивъ, поперхнулся и продолжалъ задавленнымъ голосомъ: — такъ, значитъ, ты... пре-зи-ра-ешь?

— Ахъ, нѣтъ! Папенька! умоляю васъ! оставьте! оставьте этотъ разговоръ! Я не буду... я былъ глупъ! это не мое дѣло! я никогда, никогда ничѣмъ не выражу!

— Стало быть, во всякомъ случаѣ... ты не одобряешь? безжалостно настаивалъ Гаврило Степанычъ.

— Папенька! ради Бога!

— Да вѣдь я же *по сущей совѣсти* поступалъ! Выслушай, разсуди, пойми! *По сущей совѣсти*!

VII.

Объясненіе это, однакожъ, не раскрыло сердецъ, а, напротивъ, какъ-будто заперло ихъ. Старикъ Разумовъ былъ подавленъ и въ то же время чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ. Онъ относился къ Стёпѣ безъ раздраженія, но церемонно, какъ бы боясь навязываться; Стёпа, съ своей стороны, въ присутствіи отца, сидѣлъ опустивши глаза. Ко всему этому, Ольга Аѳанасьевна, не понимая, въ чемъ суть и думая, что Гаврило Степанычъ, постарчески, почувствовалъ оскорбленнымъ свое авторское самолюбіе, приставала къ Стёпѣ, чтобъ «онъ попросилъ у папеньки прощенія», и это выходило тѣмъ нелѣпѣе, что иногда она надоѣдала съ своими приставаніями въ присутствіи самого старика Разумова. Въ первый разъ въ жизни разсердился на нее Гаврило Степанычъ.

— Все умна была, выговорилъ онъ: — а вотъ теперь, какъ до настоящаго дѣла дошло, такъ и ума не стало. Только досада беретъ, на вашу дурью породу глядя!

Умолкла Ольга Аѳанасьевна, а за нею умолкъ и весь домъ, словно мгла опустилась на всѣ эти бѣдныя существованія. Мало-по-малу, Гаврило Степанычъ сталъ избѣгать встрѣчъ съ сыномъ и чаще прежняго началъ уходить къ Коловратову, убѣдившись напередъ, что ни Стёпы, ни Аннушки нѣтъ въ соборномъ домѣ. Онъ ни объ чемъ подробно не разсказывалъ Коловратову, но старики чутьемъ понимали другъ друга. Старый протопопъ смотрѣлъ потухающими глазами въ потухающіе глаза своего друга и угадывалъ, что тамъ, въ этомъ потухающемъ сердцѣ, завязывается великое, неутолимое горе.

— Худо? не то спрашивалъ, не то соболѣзновалъ онъ.

— Жить тяжело, подтверждалъ Разумовъ.

— Смиряйся!

— Да вѣдь смиренію-то срокъ полагается. Отстрадалъ, искупилъ — вотъ и конецъ. А тутъ гдѣ конецъ найдешь? Жизнь-то ужь написана — какъ ты ее по новому, новыми словами напишешь? Погубилъ бы себя — такъ и погибель твоя не нужна!

Старики временно умолкали, вторя другъ другу покачивающимися головами.

— Вотъ говорятъ, трудно ныньче молодымъ людямъ жить, снова начиналъ Разумовъ: — а старикамъ развѣ легче? Вотъ и моя жизнь: кажется, вся до тла сгорѣла, и тлѣть-то, повидимому, нечему, такъ нѣтъ, живи, мучься!

— Спокою духъ проситъ, а по обстоятельствамъ выходитъ иное... Помнишь, когда ты пріѣхалъ, сумерки наступали, я на вечернюю зарю тебѣ показывалъ? припоминалъ Коловратовъ.

— «Видѣвше свѣтъ вечерній»... горько иронически усмѣхался Разумовъ.

— Да, думалось тогда, а вотъ не привелось...

— То-то, друже, что не всякому, безъ печали, до этого «свѣта вечерняго» дожить приводится. Вотъ и я въ то время, вмѣстѣ съ тобой, мнилъ, что меня «тихій свѣтъ» осіялъ, анъ замѣсто того...

Нескончаемо велись эти разговоры, какъ нескончаема была и печаль, ихъ породившая. Гаврило Степанычъ чувствовалъ, что они не врачуютъ, а пуще растравляютъ его раны, но все-таки ему легче было растравлять себя въ обществѣ стараго друга, нежели изнывать дома, одинъ на одинъ съ давящей мглою, которая, казалось, такъ и ползла на него изъ всѣхъ угловъ. Дома онъ чувствовалъ себя глубоко несчастливымъ. Ольгу Аѳанасьевну онъ щадилъ, боялся высказать ей, какая бѣда его постигла, такъ что подѣлиться горемъ было рѣшительно нѐ съ кѣмъ. Онъ сидѣлъ въ своемъ углу и молчаливо давился своимъ горемъ. «Неужто же все... вся прошлая жизнь?», думалось ему: «неужто нѣтъ въ этой жизни ничего... смягчающаго!» Разумѣется, самъ-то онъ очень хорошо понималъ, что «смягчающаго» и даже вполнѣ «обѣляющаго» въ его жизни было очень много, что вездѣ въ этой жизни наткнешься или на Отчаяннаго, или на Зильбергроша, или, по малой мѣрѣ, на «такъ водится». Онъ понималъ даже, что это была совсѣмъ не какая-нибудь необыкновенная жизнь, что «всѣ» такъ жили, «всѣ» этой дорогой шли... Иногда онъ «по всѣмъ вѣдомствамъ» перелеталъ мыслью и находилъ, что, въ сущности, вездѣ одно и то же. Вездѣ все то же «дѣло» дѣлалось, да и теперь дѣлается, только формы, можетъ быть, разныя. И на службѣ, и въ частной жизни. И самъ Стёпа, если доживетъ до поры самостоятельности, тоже будетъ это самое «дѣло» дѣлать, въ какую бы нору ни прятался отъ него, какими бы замысловатыми названіями ни прикрывалъ свою «новую»

дѣятельность. Атмосферу надо измѣнить, всю атмосферу — вотъ тогда, можетъ быть...

— Такъ это! именно все такъ! заключалъ онъ обыкновенно. — Ничѣмъ «особеннымъ» попрекнуть я себя не могу... А, впрочемъ, и то сказать: не въ томъ дѣло, что я правъ, а правъ-ли, разправъ-ли — какъ его-то въ этомъ увѣришь!

Старъ онъ — вотъ въ чемъ настоящая-то бѣда, да еще въ томъ, что, въ его положеніи, старость есть синонимъ отчаянія. Ни обновить, ни погубить себя — ничего онъ не можетъ. Нѣтъ у него силы для жертвы, а, главное, не нужна, не нужна его жертва. Онъ долженъ сидѣть на берегу моря; въ глазахъ его налетитъ ураганъ и разсвирѣпѣютъ волны, въ глазахъ его будутъ бороться и погибать пловцы, а онъ осужденъ безплодно метаться на своемъ мѣстѣ и испускать стоны. Кто услышитъ эти стоны, да и кому они нужны! Въ этомъ закружившемся сплошномъ вихрѣ, въ этомъ громадномъ стонѣ цѣлой природы какое значеніе можетъ имѣть его безсильный старческій стонъ? Старикъ! ты лишній! ты мѣшаешь! — вотъ что слышится ему среди гвалта и воплей разгорѣвшейся сѣчи, той неумолимой, безпощадной сѣчи, въ которой и прошлое, и настоящее, и будущее, кажется, соперничаютъ другъ съ другомъ въ жестокости. Ринется-ли и онъ въ эту сѣчу? съ чѣмъ?

Нѣтъ у него ни настоящаго, ни будущаго; есть только прошлое, но съ этимъ прошлымъ идти нѐкуда. Если бы это было прошлое органическое, исторически объяснимое, онъ все-таки имѣлъ бы основаніе выйти съ нимъ на арену. Правъ-ли онъ былъ бы, или неправъ — это вопросъ особый, но, защищая это прошлое, онъ защищалъ бы нѣчто *собственное*, перечувствованное, пережитое. Но такого прошлаго у него не было: его прошлое было случайное, не собственное, *приказанное*... Не ясно-ли послѣ этого, что онъ дѣйствительно лишній и можетъ только мѣшать?

Но что всего хуже — онъ узналъ объ этомъ только вчера, и узналъ не самъ собой, а случайно. А до тѣхъ поръ онъ былъ совершенно убѣжденъ, что и съ его прошлымъ прожить можно. Опочить отъ дѣлъ, погрузиться въ спокой, безмятежно испустить духъ, устремивъ глаза въ потухающую вечернюю зарю и напѣвая «Свѣте тихій». И точно: свѣтъ просіялъ для него, но не тихій, а зловѣщій, и просіялъ... черезъ сына.

Онъ думалъ, что сынъ — утѣха, а вышло, что онъ — просіяніе. Какимъ-то проклятымъ образомъ переплелись эти два совсѣмъ несовмѣстныя понятія, и нѣтъ возможности распутать ихъ. И утѣха, и просіяніе — какой адъ! Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Утѣха, утѣха, утѣха!

Слышишь-ли ты это, Стёпа! Подсказываетъ-ли тебѣ сердце, что, какое бы громадное несчастіе ни придавило тебя, это же самое несчастіе во сто кратъ, въ тысячу кратъ тяжелѣйшимъ молотомъ придавитъ безпомощную голову твоего отца! Нѣтъ у этого отца ни настоящаго, ни будущаго, нѣтъ даже прошлаго, но вѣдь и въ этомъ человѣкѣ-обрывкѣ трепещетъ сердце... Тобой полно это сердце, тобой, однимъ тобой!

Вотъ она, старуха-просительница: пришла Богъ вѣсть откуда, почуявъ бѣду, шаталась по улицамъ, стучалась во всѣ двери, не знала гдѣ голову приклонить, терпѣла, ждала... и дождалась-таки. Крикнула ему вслѣдъ: сатана! сатана! сатана! Вотъ сколько любви могутъ вмѣщать въ себѣ эти тлѣющія отцовскія и материнскія сердца!

Высказать-ли все это Стёпѣ? — нѣтъ, не нужно. Словами и за одинъ присѣстъ нельзя это выразить: выйдетъ несвязно, безпорядочно, непослѣдовательно. Многіе годы нужно это разсказывать исподволь, постепенно наводить человѣка. Да и повода теперь для такой исповѣди нѣтъ. Съ чего вдругъ взбудоражился, старикъ? кто тебѣ мѣшаетъ жить... живи! Глотай въ молчаніи послѣднюю обиду, которую облюбовала для тебя судьба! Но не ропщи, не стони... о жалкій, каррикатурный старикъ!

Вотъ что думалось Разумову. Это были совсѣмъ новыя мысли, но онѣ до такой степени охватили его, что, казалось, заслонили отъ него весь остальной міръ. Что-то жестокое пронзало его сердце всякій разъ, какъ онъ встрѣчался съ сыномъ, до того жестокое, что, напослѣдокъ, онъ началъ даже желать, чтобъ вакантное время поскорѣе прошло. Не того онъ боялся, что «просіяніе» доканаетъ его, а того, что оно его замучитъ, и эти мученія, быть можетъ, отразятся и на самомъ виновникѣ «просіянія». Что нужды, что сынъ далъ ему казнь — пусть онъ остается для него утѣхой, къ которой не примѣшивается ни капли горечи. Когда онъ уѣдетъ, равновѣсіе, можетъ быть, возстановится. Конечно, отрава «просіянія» не прекратитъ своей разъѣдающей работы,

но хорошо ужь и то, что источникъ этой отравы не перестанетъ ежеминутно напоминать о себѣ: вотъ я, который растопталъ твою жизнь! И имя ему, по прежнему, будетъ одно: утѣха, утѣха, утѣха!

Даже Ольга Аѳанасьевна смутно поняла, что у Гаврилы Степаныча не хорошо на душѣ и что этому нехорошему оказывается не чуждымъ Стёпа. Поэтому, когда наступилъ конецъ августа, то обычныхъ выраженій горести, предшествующихъ разставанію, почти что не было. Въ часъ отъѣзда старикъ Разумовъ смотрѣлъ мрачнѣе обыкновеннаго; Ольга Аѳанасьевна принужденно улыбалась и напоминала, какъ бы не опоздать на поѣздъ; самъ Стёпа чувствовалъ себя неловко и торопился. Одна Аннушка горько и долго плакала, но Гаврила Степанычъ почти съ ненавистью смотрѣлъ на эти слезы.

Съ нѣкотораго времени онъ не взлюбилъ Аннушку: онъ чувствовалъ, что Стёпа ничего не скрываетъ отъ нея. Слѣдовательно, ежели Стёпа представлялъ собой «просіяніе», то она представляла — «укоръ». Этого укора, идущаго не кровнымъ путемъ, Разумовъ совсѣмъ не понималъ. Онъ помнилъ, съ какимъ волненіемъ она однажды отвѣтила ему: «не могу! не могу! не могу!» — и навсегда запечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ этотъ фактъ, какъ выраженіе досаднаго оскорбленія. Не ей судить, не ея ума дѣло. Именно одну досаду производило ея вмѣшательство.

Какъ бы то ни было, но, съ отъѣздомъ Стёпы, въ маленькомъ домѣ Разумова установилось сравнительное спокойствіе. Хотя Гаврило Степанычъ замѣтно опускался и хирѣлъ, но мысль его уже не столь исключительно сосредоточивалась на «просіяніи», а чаще и чаще отклонялась въ сторону «утѣхи». Что-то «утѣха» наша теперь въ Петербургѣ дѣлаетъ? Легко-ли ей живется? тепло-ли? удобно-ли? кто приласкаетъ, согрѣетъ, приголубитъ ее? ежечасно вопрошали другъ друга старики.

VIII.

Не прошло, однакожь, мѣсяца, какъ Гаврило Степанычъ получилъ изъ Петербурга слѣдующее письмо:

«Дорогой и добрый другъ!

«Есть вещи, которыя заставляютъ меня глубоко страдать

«и о которыхъ говорятъ при мнѣ, ни мало не стѣсняясь. Иные «съ похвалою; другіе — болѣе нежели съ порицаніемъ. И то, «и другое несносно. Когда я оскорбляюсь, то мнѣ возражаютъ, «что это до меня не касается и что, стоитъ только «со всѣмъ «порвать», чтобъ относиться къ этого рода вещамъ съ такою «же объективностью, съ какою относятся къ нимъ и другіе. «Но я не могу. Я слишкомъ слабъ, слишкомъ люблю. Для «меня безконечно дороги воспоминанія о неистощимой нѣжно-«сти, которая вездѣ и всегда сопровождала меня — какъ я «порву съ ними? Для чего вы такъ любили, такъ холили «меня? Для чего изнѣжили мое сердце? Можетъ быть, я и «устоялъ бы, порвалъ бы, что-ли, а теперь — не могу. Про-«стите меня. Я знаю, какъ мое письмо поразитъ васъ, знаю, «что отъ меня на васъ упадетъ послѣдній ударъ — и все-таки «не могу. Тоскливо, горько; сердце рвется на части. Не могу, «не могу. Выдержите-ли вы?

«Прощайте! Цалую ваши руки, тѣ руки, которыя никогда «не протягивались ко мнѣ иначе, какъ съ ласкою. Прощайте. «Передайте мамашѣ, что моя послѣдняя мысль будетъ при-«надлежать ей. И вамъ, мой дорогой, безцѣнный отецъ. *Сте-«панъ Разумовъ*».

Прошло больше часа послѣ полученія письма. Старикъ Разумовъ продолжалъ сидѣть въ своемъ креслѣ, устремивъ неподвижные глаза на фатальный листокъ, лежащій на письменномъ столѣ. Казалось, что, застигнутый впечатлѣніемъ паническаго страха, онъ до такой степени утратилъ жизненную энергію, что уже не можетъ собственнымъ усиліемъ выбиться изъ оцѣпенѣнія. Наконецъ, въ кабинетъ вошла Ольга Аѳанасьевна и, увидавъ письмо Стёпы, прочитала его.

— Что ты такое сдѣлалъ? въ ужасѣ вскрикнула она, сама не понимая, къ кому обращенъ ея вопросъ — къ живому человѣку или къ трупу.

ПОВѢСТЬ

О ТОМЪ КАКЪ ОДИНЪ МУЖИКЪ ДВУХЪ ГЕНЕРАЛОВЪ ПРОКОРМИЛЪ.

Жили да были два генерала, и такъ какъ они были легкомысленны, то въ скоромъ времени, по щучьему велѣнію по моему хотѣнію, очутились на необитаемомъ островѣ.

Служили генералы всю жизнь въ какой-то регистратурѣ, тамъ родились, воспитались и состарѣлись, слѣдовательно ничего не понимали. Даже словъ никакихъ не знали, кромѣ: «примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью, и выпустили генераловъ на волю. Оставшись за штатомъ, поселились они въ Петербургѣ. въ Подъяческой улицѣ, на разныхъ квартирахъ; имѣли каждый свою кухарку и получали пенсію. Только вдругъ очутились на необитаемомъ островѣ, проснулись и видятъ: оба подъ однимъ одѣяломъ лежатъ. Разумѣется, сначала ничего не поняли, и стали разговаривать, какъ-будто ничего съ ними и не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мнѣ ныньче сонъ снился, сказалъ одинъ генералъ: — вижу, будто живу я на необитаемомъ островѣ...

Сказалъ это, да вдругъ какъ вскочитъ! Вскочилъ и другой генералъ.

— Господи! да чтожь это такое! гдѣ мы! вскрикнули оба не своимъ голосомъ.

И стали другъ друга ощупывать, точно-ли не во снѣ, а на яву съ ними случилась такая оказія. Однако, какъ ни старались увѣрить себя, что все это не больше, какъ сновидѣніе, пришлось убѣдиться въ печальной дѣйствительности.

Передъ ними, съ одной стороны разстилалось море; съ другой стороны лежалъ небольшой клочокъ земли, за которымъ стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы въ первый разъ послѣ того, какъ закрыли регистратуру.

Стали они другъ друга разсматривать, и увидѣли, что они въ ночныхъ рубашкахъ, а на шеяхъ у нихъ виситъ по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! молвилъ одинъ генералъ, но вспомнилъ, какая съ нимъ неслыханная штука случилась, и во второй разъ заплакалъ.

— Что же мы будемъ, однако, дѣлать? продолжалъ онъ сквозь слезы: — ежели теперича докладъ написать — какая польза изъ этого выйдетъ?

— Вотъ что, отвѣчалъ другой генералъ: — подите вы, ваше превосходительство, на востокъ, а я пойду на западъ, а къ вечеру опять на этомъ мѣстѣ сойдемся; можетъ быть, что-нибудь и найдемъ. Стали искать, гдѣ востокъ и гдѣ западъ. Вспомнили, какъ начальникъ однажды говорилъ: если хочешь сыскать востокъ, то встань глазами на сѣверъ, и въ правой рукѣ получишь искомое. Начали искать сѣвера, становились такъ и сякъ, перепробовали всѣ страны свѣта, но такъ какъ всю жизнь служили въ регистратурѣ, то ничего не нашли.

— Вотъ что, ваше превосходительство; вы пойдите направо, а я налѣво; этакъ-то лучше будетъ! сказалъ одинъ генералъ, который, кромѣ регистратуры, служилъ еще въ школѣ военныхъ контанистовъ учителемъ каллиграфіи и слѣдовательно былъ поумнѣе.

Сказано, сдѣлано. Пошелъ одинъ генералъ направо, и видитъ—ростутъ деревья, а на деревьяхъ всякіе плоды. Хочетъ генералъ достать хоть одно яблоко, да всѣ такъ высоко висятъ, что надобно лѣзть. Попробовалъ полѣзть — ничего не вышло, только рубашку изорвалъ. Пришелъ генералъ къ ручью, видитъ: рыба тамъ, словно въ садкѣ на Фонтанкѣ, такъ и кишитъ и кишитъ.

— Вотъ кабы этакой-то рыбки да на Подъяческую! подумалъ генералъ, и даже въ лицѣ измѣнялся отъ аппетита.

Зашелъ генералъ въ лѣсъ — а тамъ рябчики свищутъ, тетерева токуютъ, зайцы бѣгаютъ.

— Господи! ѣды-то! ѣды-то! сказалъ генералъ, почувствовавъ, что его уже начинаетъ тошнить.

Дѣлать нечего, пришлось возвращаться на условленное мѣсто съ пустыми руками. Приходитъ, а другой генералъ ужь дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслили что-нибудь?

— Да вотъ нашелъ старый нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей», и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится имъ на тощакъ. То безпокоитъ ихъ мысль, кто за нихъ будетъ пенсію получать, то припоминаются видѣнные днемъ плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы могъ думать, ваше превосходительство, что человѣческая пища, въ первоначальномъ видѣ, летаетъ, плаваетъ и на деревьяхъ ростетъ? сказалъ одинъ генералъ,

— Да, отвѣчалъ другой генералъ: — признаться, и я до сихъ поръ думалъ, что булки въ томъ самомъ видѣ родятся, какъ ихъ утромъ къ кофею подаютъ.

— Стало быть, если, напримѣръ, кто хочетъ куропатку съѣсть, то долженъ сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только какъ все это сдѣлать?

— Какъ все это сдѣлать? словно эхо повторилъ другой генералъ.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голодъ рѣшительно отгонялъ сонъ. Рябчики, индѣйки, поросята такъ и мелкали передъ глазами, сочные, слегка подрумяненные, съ огурцами, пикулями и другимъ салатомъ.

— Теперь, я бы, кажется, свой собственный сапогъ съѣлъ! сказалъ одинъ генералъ.

— Хороши тоже перчатки бываютъ, когда долго ношены! вздохнулъ другой генералъ.

Вдругъ оба генерала взглянули другъ на друга: въ глазахъ ихъ свѣтился зловѣщій огонь, зубы стучали, изъ груди вылетало глухое рычаніе. Они начали медленно подползать другъ къ другу и въ одно мгновеніе ока остервенились. Полетѣли клочья, раздался визгъ и оханье; генералъ, который былъ учи-

телемъ каллиграфіи, откусилъ у своего товарища орденъ и немедленно проглотилъ. Но видъ текущей крови какъ-будто бы образумилъ ихъ.

— Съ нами крестная сила! сказали они оба разомъ:—вѣдь этакъ мы другъ друга съѣдимъ!

— И какъ мы попали сюда! кто тотъ злодѣй, который надъ нами такую штуку сыгралъ!

— Надо, ваше превосходительство, какимъ-нибудь разговоромъ развлечься, а то у насъ тутъ убійство будетъ! проговорилъ одинъ генералъ.

— Начинайте, отвѣчалъ другой генералъ.

— Ка̀къ, напримѣръ, думаете вы, отчего солнце прежде восходитъ, а потомъ заходитъ, а не на оборотъ?

— Странный вы человѣкъ, ваше превосходительство, но вѣдь и вы прежде встаете, идете въ департаментъ, тамъ пишете, а потомъ ложитесь спать?

— Но отъ чего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различныя сновидѣнія, а потомъ встаю?

— Гм... да... А я, признаться, какъ служилъ въ департаментѣ, всегда такъ думалъ: вотъ теперь утро, а потомъ будетъ день, а потомъ подадутъ ужинать—и спать пора!

Но упоминовеніе объ ужинѣ обоихъ повергло въ уныніе и пресѣкло разговоръ въ самомъ началѣ.

— Слышалъ я отъ одного доктора, что человѣкъ можетъ долгое время своими собственными соками питаться, началъ опять одинъ генералъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ-съ. Собственные свои соки будто бы производятъ другіе соки, эти, въ свою очередь, еще производятъ соки, и такъ далѣе, покуда, наконецъ, соки совсѣмъ не прекратятся...

— Тогда чтожъ?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Однимъ словомъ, о чемъ ни начинали генералы разговоръ, онъ постоянно сводился на воспоминаніе объ ѣдѣ, и это еще болѣе раздражало аппетитъ. Положили: разговоры прекратить и, вспомнивъ о найденномъ нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера», читалъ взволнованнымъ голосомъ одинъ генералъ,

«у почтеннаго начальника нашей древней столицы былъ парадный обѣдъ. Столъ сервированъ былъ на сто персонъ съ роскошью изумительною. Дары всѣхъ странъ назначили себѣ какъ бы ранде-ву на этомъ волшебномъ праздникѣ. Тутъ была и «шекснинска стерлядь золотая», и питомецъ лѣсовъ кавказскихъ, фазанъ и, столь рѣдкая въ нашемъ сѣверѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, земляника»...

— Тьфу, ты Господи! да неужтожь, ваше превосходительство, не можете найдти другого предмета? воскликнулъ въ отчаяніи генералъ и, взявъ у товарища газету, прочелъ слѣдующее:

«Изъ Тулы пишутъ: вчерашняго числа, по случаю поимки въ рѣкѣ Упѣ осетра (происшествіе, котораго не запомнятъ даже старожилы, тѣмъ болѣе, что въ осетрѣ былъ опознанъ частный приставъ Б.), былъ въ здѣшнемъ клубѣ фестиваль. Виновника торжества внесли на громадномъ деревянномъ блюдѣ, обложеннаго огурчиками и держащаго въ пасти кусокъ зелени. Докторъ П., бывшій въ тотъ же день дежурнымъ старшиною, заботливо наблюдалъ, дабы всѣ гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая»...

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишкомъ осторожны въ выборѣ чтенія! прервалъ другой генералъ, и взявъ, въ свою очередь, газету, прочелъ:

«Изъ Вятки пишутъ: одинъ изъ здѣшнихъ старожиловъ изобрѣлъ слѣдующій оригинальный способъ приготовленія ухи: взявъ живаго налима, предварительно его высѣчь; когда же, отъ огорченія, печень его увеличится»...

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры—все свидѣтельствовало объ ѣдѣ. Собственныя ихъ мысли злоумышляли противъ нихъ, ибо, какъ они ни старались отгонять представленія о бифштексахъ, но представленія эти направлялись насильственнымъ образомъ.

И вдругъ, генерала, который былъ учителемъ каллиграфіи, озарило вдохновеніе...

— А что, ваше превосходительство, сказалъ онъ радостно:— если бы намъ найдти мужика?

— То есть, какъ же... мужика?

— Ну, да. простаго мужика... какіе обыкновенно бываютъ

мужики! Онъ бы намъ сейчасъ и булокъ бы подалъ и рябчиковъ бы наловилъ, и рыбы!

— Гм... мужика... но гдѣ же его взять, этого мужика, когда его нѣтъ?

— Какъ нѣтъ мужика—мужикъ вездѣ есть, стоитъ только поискать его! Навѣрное, онъ гдѣ-нибудь спрятался, отъ работы отлынивастъ!

Мысль эта до того ободрила генераловъ, что они вскочили какъ встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову безъ всякаго успѣха, но, наконецъ, острый запахъ мякиннаго хлѣба и кислой овчины навелъ ихъ на слѣдъ. Подъ деревомъ, брюхомъ кверху, и подложивъ подъ голову кулакъ, спалъ громаднѣйшій мужичина и самымъ нахальнымъ образомъ уклонялся отъ работы. Негодованію генераловъ предѣла не было.

— Спишь, лежебокъ! накинулись они на него: — а того и ухомъ не ведешь, что тутъ два генерала вторыя сутки съ голода умираютъ! сейчасъ маршъ работать!

Всталъ мужичина: видитъ, что генералы строгіе. Хотѣлъ было дать отъ нихъ стречка, но они такъ и закоченѣли, вцѣпившись въ него.

И зачалъ онъ передъ ними дѣйствовать.

Полѣзъ сперва-на-перво на дерево и нарвалъ генераламъ по десятку самыхъ спѣлыхъ яблоковъ, а себѣ взялъ одно кислое. Потомъ покопался въ землѣ — и добылъ оттуда картофелю; потомъ, взялъ два куска дерева, потеръ ихъ другъ объ дружку—и извлекъ огонь. Потомъ, изъ собственныхъ волосъ, сдѣлалъ силокъ, и поймалъ рябчика. Наконецъ, развелъ огонь, и напѣкъ столько разной провизіи, что генераламъ пришло даже на мысль: не дать-ли и тунеядцу частичку?

Смотрѣли генералы на эти мужицкія старанія, и сердца у нихъ весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли съ голоду, а думали: вотъ какъ оно хорошо быть генералами — нигдѣ не пропадешь!

— Довольны-ли вы, господа генералы? спрашивалъ, между тѣмъ, мужичина-лежебокъ.

— Довольны, любезный другъ, видимъ твое усердіе! отвѣчали генералы.

— Не позволите-ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружокъ, только свей прежде веревочку.

*

Набралъ сейчасъ мужичина дикой конопли, размочилъ въ водѣ, поколотилъ, помялъ — и къ вечеру веревка была готова. Этою веревкой генералы привязали мужичину къ дереву, чтобъ не убѣгъ, а сами легли спать.

Прошелъ день, прошелъ другой, мужичина до того изловчился, что сталъ даже въ пригоршнѣ супъ варить. Сдѣлались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, бѣлые. Стали говорить, что вотъ они здѣсь на всемъ готовомъ живутъ, а въ Петербургѣ, между тѣмъ, пенсія ихняя все накапливается да накапливается.

— А какъ вы думаете, ваше превосходительство, въ самомъ-ли дѣлѣ было вавилонское столпотвореніе, или это только такъ, одно иносказаніе? говоритъ, бывало, одинъ генералъ другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было въ самомъ дѣлѣ, потому что иначе какъ же объяснить, что на свѣтѣ существуютъ разные языки!

— Стало быть, и потопъ былъ?

— И потопъ былъ, потому что, въ противномъ случаѣ, какъ-же было бы объяснить существованіе допотопныхъ звѣрей. Тѣмъ болѣе, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» повѣствуютъ...

— А не почитать-ли намъ «Московскихъ Вѣдомостей»?

Сыщутъ нумеръ, усядутся подъ тѣнью, прочтутъ отъ доски до доски, какъ ѣли въ Москвѣ, ѣли въ Тулѣ, ѣли въ Пензѣ, ѣли въ Рязани — и ничего, не тошнитъ!

Долго-ли, коротко-ли, однако, генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать объ оставленныхъ ими въ Петербургѣ кухаркахъ и въ тихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь дѣлается въ Подъяческой, ваше превосходительство? спрашивалъ одинъ генералъ другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! все сердце изныло! отвѣчалъ другой генералъ.

— Хорошо-то оно, хорошо здѣсь — слова нѣтъ! а все, знаете, какъ-то неловко барашку безъ ярочки? да и мундира тоже жалко!

— Еще какъ жалко-то! Особливо, какъ четвертаго класса, такъ на одно шитье посмотрѣть, голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь ихъ въ Подъяческую! И чтожь! оказалось, что мужикъ знаетъ даже Подъяческую, что онъ тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало!

— А вѣдь мы съ Подъяческой генералы! обрадовались генералы.

— А я, коли видѣли: виситъ человѣкъ снаружи дома, въ ящикѣ на веревкѣ, и стѣну краской мажетъ, или по крышѣ словно муха ходитъ — это онъ самый я и есть! отвѣчалъ мужикъ.

И началъ мужикъ на бобахъ разводить, какъ бы ему своихъ генераловъ порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицкимъ его трудомъ не гнушалися! И выстроилъ онъ корабль — не корабль, а такую посудину, чтобъ можно было океанъ — море переплыть вплоть до самой Подъяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи насъ! сказали генералы, увидѣвъ покачивавшуюся на волнахъ ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не въ первой! отвѣчалъ мужикъ и сталъ готовиться къ отъѣзду.

Набралъ мужикъ пуху лебяжьяго мягкаго, и устлалъ имъ дно лодочки. Устлавши, уложилъ на дно генераловъ и перекрестившись поплылъ. Сколько набрались страху генералы во время пути отъ бурь да отъ вѣтровъ разныхъ, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни перомъ описать, ни въ сказкѣ сказать. А мужикъ все гребетъ да гребетъ, да кормитъ генераловъ селедками.

Вотъ, наконецъ, и Нева матушка, вотъ и Екатерининскій славный каналъ, вотъ и большая Подъяческая! Всплеснули кухарки руками, увидѣвши, какіе у нихъ генералы стали сытые, бѣлые да веселые! Напились генералы кофею, наѣлись сдобныхъ булокъ, и надѣли мундиры. Поѣхали они въ казначейство, и сколько тутъ денегъ загребли — того ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать!

Однако, и объ мужикѣ не забыли; выслали ему рюмку водки да пятакъ серебра: веселись, мужичина!

ПРОПАЛА СОВѢСТЬ.

Пропала совѣсть. По старому, толпились люди на улицахъ и въ театрахъ; по старому, они то догоняли, то перегоняли другъ друга; по старому, суетились и ловили на лѣту куски, и никто не догадывался, что чего-то вдругъ стало недоставать, и что въ общемъ жизненномъ оркестрѣ перестала играть какая-то дудка. Многіе начали даже чувствовать себя бодрѣе и свободнѣе. Легче сдѣлался ходъ человѣка; ловчѣе стало подставлять ближнему ногу, удобнѣе льстить, пресмыкаться, обманывать, наушничать и клеветать. Всякую *болѣсть* вдругъ какъ рукой сняло; люди не шли, а какъ-будто неслись; ничто не огорчало ихъ, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее — все, казалось, такъ и отдавалось имъ въ руки, имъ, счастливцамъ, незамѣтившимъ о пропажѣ совѣсти.

Совѣсть пропала вдругъ... почти мгновенно! Еще вчера, эта надоѣдливая приживалка такъ и мелькала передъ глазами, такъ и чудилась возбужденному воображенію, и вдругъ... ничего! исчезли досадные призраки, а вмѣстѣ съ ними улеглась и та нравственная смута, которую приводила за собой обличительница-совѣсть. Оставалось только смотрѣть на Божій міръ и радоваться; мудрые міра поняли, что они, наконецъ, освободились отъ послѣдняго ига, которое затрудняло ихъ движенія и, разумѣется, поспѣшили воспользоваться плодами

этой свободы. Люди остервенились; пошли грабежи и разбои, началось вообще разореніе.

А бѣдная совѣсть лежала, между тѣмъ, на дорогѣ, истерзанная, оплеванная, затоптанная ногами пѣшеходовъ. Всякій швырялъ ее, какъ негодную ветошь, подальше отъ себя; всякій удивлялся, какимъ образомъ въ благоустроенномъ городѣ, и на самомъ бойкомъ мѣстѣ, можетъ валяться такое вопіющее безобразіе. И Богъ знаетъ, долго-ли бы пролежала такимъ образомъ бѣдная изгнанница, если бы не поднялъ ее какой-то несчастный пропоецъ, позарившійся съ ньяныхъ глазъ даже на негодную тряпицу, въ надеждѣ получить за нее шкаликъ.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что его пронизала словно электрическая струя какая-то. Мутными глазами началъ онъ озираться кругомъ, и совершенно явственно ощутилъ, что голова его освобождается отъ винныхъ паровъ, и что къ нему постепенно возвращается то горькое сознаніе дѣйствительности, на избавленіе отъ котораго были потрачены лучшія силы его существа. Сначала онъ почувствовалъ только страхъ, тотъ тупой страхъ, который повергаетъ человѣка въ безпокойство отъ одного предчувствія какой-то грозящей опасности; потомъ, всполошилась память, заговорило воображеніе. Память безъ пощады извлекала изъ тьмы постыднаго прошлаго всѣ подробности насилій, измѣнъ, сердечной вялости и неправдъ; воображеніе облекало эти подробности въ живыя формы. Затѣмъ, самъ собой проснулся судъ...

Жалкому пропойцу все его прошлое кажется сплошнымъ безобразнымъ преступленіемъ. Онъ не анализируетъ, не спрашиваетъ, не соображаетъ; онъ до того подавленъ вставшею передъ нимъ картиною его нравственнаго паденія, что тотъ процессъ самоосужденія, которому онъ добровольно подвергаетъ себя, бьетъ его несравненно больнѣе и строже, нежели самый строгій людской судъ. Онъ не хочетъ даже принять въ разсчетъ, что большая часть того прошлаго, за которое онъ себя такъ клянетъ, принадлежитъ совсѣмъ не ему, бѣдному и жалкому пропойцу, а какой-то тайной, чудовищной силѣ, которая крутила и вертѣла имъ, какъ крутитъ и вертитъ въ степи вихрь ничтожною былинкою. Что такое его прошлое? почему онъ прожилъ его такъ, а не иначе? что такое онъ самъ? — все это такіе вопросы, на которые онъ можетъ отвѣчать только удивленіемъ и полнѣйшею безсознатель-

ностью. Иго строило его жизнь; подъ игомъ родился онъ, подъ игомъ же сойдетъ и въ могилу. Вотъ, пожалуй, теперь и явилось сознаніе — да на что оно ему нужно? затѣмъ-ли оно пришло, чтобъ безжалостно поставить вопросы и отвѣтить на нихъ молчаніемъ? затѣмъ-ли, чтобъ погубленная жизнь вновь хлынула въ разрушенную храмину, которая не можетъ даже выдержать наплыва ея?

Увы! проснувшееся сознаніе не приноситъ ему съ собой ни примиренія, ни надежды, а встрепенувшаяся совѣсть указываетъ только одинъ выходъ — выходъ безплоднаго самообвиненія. И прежде кругомъ была мгла, да и теперь та же мгла, только населившаяся мучительными привидѣніями; и прежде на рукахъ звенѣли тяжелыя цѣпи, да и теперь тѣ же цѣпи, только тяжесть ихъ вдвое увеличилась потому что онъ понялъ, что это цѣпи. Льются рѣкой безполезныя пропойцевы слезы; останавливаются передъ нимъ добрые люди, и утверждаютъ, что въ немъ плачетъ вино.

— Батюшки! не могу... несносно! крикомъ кричитъ жалкій пропоецъ, а толпа хохочетъ и глумится надъ нимъ. Она не понимаетъ, что пропоецъ никогда не былъ такъ свободенъ отъ винныхъ паровъ, какъ въ эту минуту, что онъ просто сдѣлалъ несчастную находку, которая разрываетъ на части его бѣдное сердце. Если бы она сама набрела на эту находку, то уразумѣла бы, конечно, что есть на свѣтѣ горесть, лютѣйшая всѣхъ горестей — это горесть внезапно обрѣтенной совѣсти. Она уразумѣла бы, что и она на столько же подъяремная и изуродованная духомъ толпа, на сколько подъяременъ и нравственно искаженъ взывающій передъ нею пропоецъ.

— Нѣтъ, надо какъ-нибудь ее сбыть! а то съ ней пропадешь, какъ собака! думаетъ жалкій пьяница, и уже хочетъ бросить свою находку на дорогу, но его останавливаетъ близь стоящій хожалый.

— Ты, братъ, кажется подбрасываніемъ подметныхъ пасквилей заниматься вздумалъ! говоритъ онъ ему, грозя пальцемъ: — у меня, братъ, и въ части за это посидѣть недолго!

Пропоецъ проворно прячетъ находку въ карманъ и удаляется съ нею. Озираясь и крадучись, приближается онъ къ питейному дому, въ которомъ торгуетъ старинный его знакомый, Прохорычъ. Сначала, онъ заглядываетъ потихоньку въ окошко и увидѣвъ, что въ кабакѣ никого нѣтъ, а Прохорычъ одинъ-

одинехонекъ дремлетъ за стойкой, въ одно мгновеніе ока растворяетъ дверь, вбѣгаетъ и прежде, нежели Прохорычъ успѣваетъ опомниться, ужасная находка уже лежитъ у него въ рукѣ.

Нѣкоторое время Прохорычъ стоялъ съ вытаращенными глазами; потомъ, вдругъ весь вспотѣлъ. Ему по чему-то померещилось, что онъ торгуетъ безъ патента, но, оглядѣвшись хорошенько, онъ убѣдился, что всѣ патенты, и синіе и зеленые и желтые, на лицо. Онъ взглянулъ на тряпицу, которая очутилась у него въ рукахъ, и она показалась ему знакомою.

— Эге! вспомнилъ онъ: — да никакъ это та самая тряпка, которую я насилу сбылъ передъ тѣмъ, какъ патентъ покупать! да! она самая и есть!

Убѣдившись въ этомъ, онъ тотчасъ же почему-то сообразилъ, что теперь ему разориться надо.

— Коли человѣкъ дѣломъ занятъ, да этакая пакость къ нему привяжется — говори, пропало! никакого дѣла не будетъ, и быть не можетъ! разсуждалъ онъ почти машинально, и вдругъ весь затрясся и поблѣднѣлъ, словно въ глаза ему глянулъ невѣдомый дотолѣ страхъ.

— А вѣдь куда скверно спаивать бѣдный народъ! шептала проснувшаяся совѣсть.

— Жена! Арина Ивановна! вскрикнулъ онъ, внѣ себя отъ испуга.

Прибѣжала Арина Ивановна, но какъ только увидѣла, какое Прохорычъ сдѣлалъ пріобрѣтеніе, такъ не своимъ голосомъ закричала: «караулъ! батюшки! грабятъ!».

— И за что я, черезъ этого подлеца, въ одну минуту всего лишиться долженъ? думалъ Прохорычъ, очевидно, намекая на пропойца, всучившаго ему свою находку. А крупныя капли пота, между тѣмъ, такъ и выступали на лбу его.

Между тѣмъ, кабакъ мало-по-малу наполнялся народомъ, но Прохорычъ, вмѣсто того, чтобъ съ обычною любезностью потчивать посѣтителей, къ совершенному изумленію послѣднихъ, не только отказывался наливать имъ вино, но даже очень трогательно доказывалъ, что въ винѣ заключается источникъ всякаго несчастія для бѣднаго человѣка.

— Коли бы ты одну рюмочку выпилъ — это такъ! это

даже пользительно! говорилъ онъ сквозь слезы: — а то вѣдь ты наровишь, какъ бы тебѣ цѣлое ведро сожрать! И чтожь? сейчасъ тебя за это самое въ часть сволокутъ, въ части тебѣ подъ рубашку засыплютъ, и выдешь ты оттоль словно кабы награду какую получилъ! А и всей-то твоей награды было сто лозановъ! Такъ вотъ ты и подумай, милый человѣкъ, стòитъ-ли изъ-за этого стараться, да еще мнѣ, дураку, трудовыя твои денежки платить!

— Да чтò, ты никакъ, Прохорычъ, съ ума спятилъ! говорили ему изумленные посѣтители.

— Спятишь, братъ, коли съ тобой такая оказія случится! отвѣчалъ Прохорычъ: — ты вотъ лучше посмотри, какой я ныньче патентъ себѣ выправилъ!

Прохорычъ показывалъ всученную ему совѣсть и предлагалъ, не хочетъ-ли кто изъ посѣтителей воспользоваться ею. Но посѣтители, узнавши въ чемъ штука, не только не изъявляли согласія, но даже боязливо сторонились и отходили подальше.

— Вотъ такъ патентъ! не безъ злобы прибавлялъ Прохорычъ.

— Чтòжь ты теперь дѣлать будешь? спрашивали его посѣтители.

— Теперича я полагаю такъ: остается мнѣ одно — помереть! Потому, обманывать я теперь не могу; водкой спаивать бѣдный народъ тоже не согласенъ; что же мнѣ теперича дѣлать, кромѣ какъ помереть?

— Резонъ! смѣялись надъ нимъ посѣтители.

— Я даже такъ теперь думаю, продолжалъ Прохорычъ: — всю эту посудину, какая тутъ есть, перебить, и вино въ канаву вылить! Потому, коли ежели кто имѣетъ въ себѣ эту добродѣтель, такъ тому даже самый запахъ сивушный можетъ нутро перевернуть!

— Только смѣй у меня! вступилась, наконецъ, Арина Ивановна, сердца который, повидимому, не коснулась благодать внезапно осѣнившая Прохорыча: — ишь добродѣтель какая выискалась!

Но Прохорыча уже трудно было пронять. Онъ заливался горькими слезами, и все говорилъ, все говорилъ.

— Потому, говорилъ онъ: — что ежели ужь съ кѣмъ это несчастіе случилось, тотъ такъ несчастнымъ и долженъ быть. И никакого онъ объ себѣ мнѣнія, что онъ торговецъ, или

купецъ, заключить не смѣетъ. Потому, что это будетъ одно его напрасное безпокойство. А долженъ онъ о себѣ такъ разсуждать: несчастный я человѣкъ въ семъ мірѣ — и больше ничего.

Такимъ образомъ, въ философическихъ упражненіяхъ прошелъ цѣлый день, и хотя Арина Ивановна рѣшительно воспротивилась намѣренію своего мужа перебить посуду и вылить вино въ канаву, однако они въ тотъ день не продали ни капли. Къ вечеру Прохорычъ даже развеселился и, ложась на ночь, сказалъ плачущей Аринѣ Ивановнѣ:

— Ну, вотъ, душенька и любезнѣйшая супруга моя! хоть мы и ничего сегодня не нажили, за то какъ легко тому человѣку, у котораго совѣсть въ глазахъ есть!

И дѣйствительно, онъ, какъ легъ, такъ сейчасъ и уснулъ. И не метался во снѣ, и даже не храпѣлъ, какъ это случалось съ нимъ въ прежнее время, когда онъ наживалъ, но совѣсти не имѣлъ.

Но Арина Ивановна думала объ этомъ нѣсколько иначе. Она очень хорошо понимала, что въ кабацкомъ дѣлѣ совѣсть совсѣмъ не такое пріятное пріобрѣтеніе, отъ котораго можно было бы ожидать прибытка, и потому рѣшилась во что бы то ни стало отдѣлаться отъ непрошенной гостьи. Скрѣпя сердце, она переждала ночь, но какъ только въ запыленныя окна кабака забрезжилъ свѣтъ, она выкрала у спящаго мужа совѣсть и стремглавъ бросилась съ нею на улицу.

Какъ нарочно, это былъ базарный день: изъ сосѣднихъ деревень уже тянулись мужики съ возами, и квартальный надзиратель Ловецъ самолично отправлялся на базаръ для наблюденія за порядкомъ. Едва завидѣла Арина Ивановна поспѣшающаго Ловца, какъ у ней уже блеснула въ головѣ счастливая мысль. Она во весь духъ побѣжала за нимъ, и едва успѣла поравняться, какъ сейчасъ же, съ изумительною ловкостью, сунула, потихоньку, совѣсть въ карманъ его пальто.

Ловецъ былъ малый не то, чтобъ совсѣмъ безстыжій, но стѣснять себя не любилъ и запускалъ лапу довольно свободно. Видъ у него былъ не то, чтобъ наглый, а *устремительный*. Руки были не то, чтобъ слишкомъ озорныя, но охотно зацѣ-

пляли все, что попадалось по дорогѣ. Словомъ сказать, былъ лихоимецъ порядочный.

И вдругъ этого самаго человѣка начало коробить.

Пришелъ онъ на базарную площадь, и кажется ему, что все, что тамъ ни наставлено, и на возахъ, и на рундукахъ, и въ лавкахъ — все это не его, а чужое. Никогда прежде этого съ нимъ не бывало. Протеръ онъ себѣ безстыжіе глаза, и думаетъ: не очумѣлъ-ли я, не во снѣ-ли все это мнѣ представляется? Подошелъ къ одному возу, хочетъ запустить лапу, анъ лапа не поднимается; подошелъ къ другому возу, хочетъ мужика за бороду вытрясти — о, ужасъ! длани не простираются!

Испугался.

— Что это со мной нынче сдѣлалось? думаетъ Ловецъ: — вѣдь этакимъ манеромъ, пожалуй, и на предки все дѣло себѣ испорчу! Ужь не воротиться-ли, за добра ума, домой?

Однако, понадѣялся, что, можетъ быть, и пройдетъ. Сталъ погуливать по базару; смотритъ, лежитъ всякая живность, разостланы всякія матерія, и все это какъ-будто говоритъ: вотъ и близокъ локоть да не укусишь!

А мужики, между тѣмъ, осмѣлились; видя, что человѣкъ очумѣлъ, глазами на свое добро хлопаетъ, стали шутки шутить, стали Ловца Фофаномъ Фофанычемъ звать.

— Нѣтъ, это со мною болѣзнь какая-нибудь! рѣшилъ Ловецъ, и такъ-таки безъ кульковъ, съ пустыми руками и отправился домой.

Возвращается онъ домой, а Ловчиха жена ужь ждетъ, думаетъ: сколько-то мнѣ супругъ мой любезный ноньче кульковъ принесетъ? И вдругъ — ни одного. Такъ и закипѣло въ ней сердце, такъ и накинулась она на Ловца.

— Куда кульки дѣвалъ? спрашиваетъ она его.

— Передъ лицомъ моей совѣсти свидѣтельствуюсь... началъ было Ловецъ.

— Гдѣ у тебя кульки, тебя спрашиваютъ!

— Передъ лицомъ моей совѣсти свидѣтельствуюсь... вновь повторилъ Ловецъ.

— Ну, такъ и обѣдай своею совѣстью до будущаго базара, а у меня для тебя нѣтъ обѣда! рѣшила Ловчиха.

Понурилъ Ловецъ голову, потому что зналъ, что Ловчихино слово твердое. Снялъ онъ съ себя пальто — и вдругъ словно

преобразился совсѣмъ! Такъ какъ совѣсть осталась, вмѣстѣ съ пальто, на стѣнкѣ, то сдѣлалось ему опять и легко и свободно, и стало опять казаться, что на свѣтѣ нѣтъ ничего чужого, а все его. И почувствовалъ онъ вновь въ себѣ способность глотать и загребать.

— Ну, теперь вы у меня не отвертитесь, дружки! сказалъ Ловецъ, потирая руки, и сталъ поспѣшно надѣвать на себя пальто, чтобъ на всѣхъ парусахъ летѣть на базаръ.

Но, о чудо! едва успѣлъ онъ надѣть пальто, какъ опять началъ корячиться. Просто, какъ-будто два человѣка въ немъ сдѣлалось: одинъ, безъ пальто — безстыжій, загребистый и лапистый; другой, въ пальто — застѣнчивый и робкій. Однако, хоть и видитъ, что не успѣлъ за ворота выйти, какъ ужь присмирѣлъ, но отъ намѣренія своего идти на базаръ не отказался. Авось-либо, думаетъ, превозмогу.

Но чѣмъ ближе онъ подходилъ къ базару, тѣмъ сильнѣе билось его сердце, тѣмъ неотступнѣе сказывалась въ немъ потребность примириться со всѣмъ этимъ среднимъ и малымъ людомъ, который изъ-за гроша цѣлый день бьется на дождю да на слякоти. Ужь не до того ему, чтобъ на чужіе кульки засматриваться; свой собственный кошелекъ, который былъ у него въ карманѣ, сдѣлался ему въ тягость, какъ-будто онъ вдругъ изъ достовѣрныхъ источниковъ узналъ, что въ этомъ кошелькѣ лежатъ не его, а чьи-то чужія деньги.

— Вотъ тебѣ, дружокъ, пятнадцать копеекъ! говоритъ онъ, подходя къ какому-то мужику и подавая ему монету.

— Это за что же, Фофанъ Фофанычъ?

— А за мою прежнюю обиду, другъ! прости меня, Христа-ради!

— Ну Богъ тебя проститъ!

Такимъ образомъ, обошелъ онъ весь базаръ и роздалъ всѣ деньги, какія у него были. Однако, сдѣлавши это, хоть и почувствовалъ, что на сердцѣ, у него стало легко, но крѣпко призадумался.

— Нѣтъ, это со мною сегодня болѣзнь какая-нибудь приключилась, опять сказалъ онъ самъ себѣ: — пойду-ка я лучше домой, да кстати ужь захвачу по дорогѣ побольше нищихъ, да и накормлю ихъ чѣмъ Богъ послалъ!

Сказано — сдѣлано; набралъ онъ нищихъ видимо — невидимо, и привелъ ихъ къ себѣ во дворъ. Ловчиха только ру-

ками развела, ждетъ, какую онъ еще дальше проказу сдѣлаетъ. Онъ же потихоньку прошелъ мимо нея и ласково таково сказалъ:

— Вотъ, Ѳедосьюшка, тѣ самые странніе люди, которыхъ ты просила меня привести: покорми ихъ, ради-Христа!

Но едва успѣлъ онъ повѣсить свое пальто на гвоздикъ, какъ ему и опять стало легко и свободно. Смотритъ въ окошко, и видитъ, что на дворѣ у него нищая братія со всего города сбита. Видитъ и не понимаетъ: зачѣмъ? неужто всю эту уйму сѣчь предстоитъ?

— Что̀ за народъ? выбѣжалъ онъ на дворъ въ изступленіи.

— Ка̀къ, что за народъ? это все странніе люди, которыхъ ты накормить велѣлъ! огрызнулась Ловчиха.

— Гнать ихъ! въ шею! вотъ такъ! закричалъ онъ не своимъ голосомъ, и какъ сумасшедшій бросился опять въ домъ.

Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатамъ и все думалъ, что̀ такое съ нимъ сталось? Человѣкъ онъ былъ всегда исправный, относительно же исполненія служебнаго долга просто левъ, и вдругъ сдѣлался тряпицею!

— Ѳедосья Петровна! матушка! да свяжи ты меня, ради-Христа! чувствую, что я сегодня такихъ дѣлъ надѣлаю, что послѣ цѣлымъ годомъ поправить нельзя будетъ! взмолился онъ.

Видитъ и Ловчиха, что Ловцу ея круто пришлось. Раздѣла его, уложила въ постель и напоила горяченькимъ. Только черезъ четверть часа пошла она въ переднюю и думаетъ: а посмотрю-ка я у него въ пальто; можетъ, еще и найдутся въ карманахъ какіе-нибудь грошики? Обшарила одинъ карманъ— нашла пустой кошелекъ: обшарила другой карманъ — нашла какую-то грязную, замасленную бумажку. Какъ развернула она эту бумажку — такъ и ахнула!

— Такъ вотъ онъ ныньче на какія штуки пустился! сказала она себѣ: — совѣсть въ карманѣ завелъ!

И стала она придумывать, кому бы ей эту совѣсть сбыть, чтобъ она того человѣка не въ конецъ отяготила, а только маленько въ безпокойство привела. И придумала, что самое лучшее ей мѣсто будетъ у отставного откупщика, а нынѣ финансиста и желѣзно-дорожнаго изобрѣтателя, еврея Шмуля Давыдовича Бржоцскаго.

— У этого, покрайности, шея толста! рѣшила она: — можетъ быть, и побьется малое дѣло, а выдержитъ!

Рѣшивши такимъ образомъ, она осторожно сунула совѣсть въ штемпельный конвертъ, надписала на немъ адресъ Бржоцскаго и опустила въ почтовый ящикъ.

— Ну, теперь, можешь, другъ мой, смѣло идти на базаръ, сказала она мужу, воротившись домой.

Самуилъ Давыдычъ Бржоцскій сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ, окруженный всѣмъ своимъ семействомъ. Подлѣ него помѣщался десятилѣтній сынъ Рувимъ Самуиловичъ, и совершалъ въ умѣ банкирскія операціи.

— А сто, папаса, если я этотъ золотой, который ты мнѣ подарилъ, буду отдавать въ ростъ по двадцати процентовъ въ мѣсяцъ, сколько у меня въ концу года денегъ будетъ? спрашивалъ онъ.

— А какой процентъ: простой или слозный? спросилъ въ свою очередь Самуилъ Давыдычъ.

— Разумѣется, папаса, слозный!

— Если слозный и съ усѣченіемъ дробей, то будетъ сорокъ пять рублей и семдесять девять копеекъ!

— Такъ я, папаса, отдамъ!

— Отдай, мой другъ, только надо благонадезный залогъ брать!

Съ другой стороны сидѣлъ Іосель Самуиловичъ, мальчикъ лѣтъ семи и тоже рѣшалъ въ умѣ своемъ задачу: летѣло стадо гусей; далѣе помѣщался Саломонъ Самуиловичъ, за нимъ Давыдъ Самуиловичъ и соображали, сколько послѣдній долженъ первому процентовъ за взятые заимообразно леденцы. На другомъ концѣ стола сидѣла красивая супруга Самуила Давыдыча, Лія Саломоновна и держала на рукахъ крошечную Рифочку, которая инстинктивно тянулась къ золотымъ браслетамъ, украшавшимъ руки матери.

Однимъ словомъ, Самуилъ Давыдычъ былъ счастливъ. Онъ уже собирался кушать какой-то необыкновенный соусъ, украшенный чуть не страусовыми перьями и брюсельскими кружевами, какъ лакей подалъ ему на серебряномъ подносѣ письмо.

Едва взялъ Самуилъ Давыдычъ въ руки конвертъ, какъ заметался во всѣ стороны, словно угорь на угольяхъ.

— И сто зе это такое! и зацѣмъ мнѣ эта вессь! завопилъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

Хотя никто изъ присутствующихъ ничего не понималъ въ этихъ крикахъ, однако для всѣхъ стало ясно, что продолженіе обѣда невозможно.

Я не стану описывать здѣсь мученія, которыя протерпѣлъ Самуилъ Давыдычъ въ этотъ памятный для него день; скажу только одно: этотъ человѣкъ, съ виду тщедушный и слабый, геройски вытерпѣлъ самыя лютыя истязанія, но даже пятиалтыннаго возвратить не согласился.

— Это сто зе! это ницего! только ты крѣпце дерзи меня, Лія! уговаривалъ онъ жену, во время самыхъ отчаянныхъ пароксизмовъ: — и если я буду спрасивать скатулку — ни-ни! пусть луци умру!

Но такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ такого труднаго положенія, изъ котораго былъ бы невозможенъ выходъ, то онъ найденъ былъ и въ настоящемъ случаѣ. Самуилъ Давыдычъ вспомнилъ, что онъ давно обѣщалъ сдѣлать какое-нибудь пожертвованіе въ нѣкоторое благотворительное учрежденіе, состоявшее въ завѣдываніи одного знакомаго ему генерала, но дѣло это почему-то изо дня въ день все оттягивалось. И вотъ теперь случай прямо указывалъ на средство привести въ исполненіе это давнее намѣреніе.

Задумано—сдѣлано. Самуилъ Давыдычъ осторожно распечаталъ присланный по почтѣ конвертъ, вынулъ изъ него щипчиками посылку, переложилъ ее въ другой конвертъ, запряталъ туда еще сотенную ассигнацію, запечаталъ и отправился къ знакомому генералу.

— Зелаю, васе превосходительство, позертвованіе сдѣлать! сказалъ онъ, кладя на столъ пакетъ передъ обрадованнымъ генераломъ.

— Что же-съ! это похвально! отвѣчалъ генералъ:—я всегда это зналъ, что вы... какъ еврей... и по закону Давидову... Плясаше—играше... такъ, кажется?

Генералъ запутался, ибо не зналъ навѣрное, точно-ли Давидъ издавалъ законы, или кто другой.

— Тоцно такъ-съ; только какіе зе мы евреи, васе превосходительство! заспѣшилъ Самуилъ Давыдычъ, уже совсѣмъ

облегченный:—только съ виду мы евреи, а въ дусѣ совсѣмъ-совсѣмъ русскіе!

— Благодарю! сказалъ генералъ: — объ одномъ сожалѣю... какъ христіанинъ... отъ чего бы вамъ, напримѣръ?.. а?..

— Васе превосходительство... мы только съ виду... повѣрьте цести, только съ виду!

— Однако?

— Васе превосходительство!

— Ну, ну, ну! Христосъ съ вами!

Самуилъ Давыдычъ полетѣлъ домой словно на крыльяхъ. Въ этотъ же вечеръ онъ уже совсѣмъ позабылъ о претерпѣнныхъ имъ страданіяхъ, и выдумалъ такую диковинную операцію ко всеобщему уязвленію, что на другой день всѣ такъ и ахнули, какъ узнали.

И долго такимъ образомъ шаталась бѣдная, изгнанная совѣсть по бѣлому свѣту и перебывала она у многихъ тысячъ людей. Но никто не хотѣлъ ее пріютить, а всякій, напротивъ того, только о томъ думалъ, какъ бы отдѣлаться отъ нея, и хоть бы обманомъ, да сбыть съ рукъ.

Наконецъ, наскучило ей и самой, что негдѣ ей, бѣдной, голову приклонить, и должна она свой вѣкъ проживать въ чужихъ людяхъ, да безъ пристанища. Вотъ и взмолилась она послѣднему своему содержателю, какому-то мѣщанинишкѣ, который въ проходномъ ряду пылью торговалъ, и никакъ не могъ отъ той торговли разжиться.

— За что вы меня тираните! жаловалась бѣдная совѣсть:— за что вы мной, словно отымалкой какой, помыкаете?

— Что же я съ тобой буду дѣлать, сударыня-совѣсть, коли ты никому не нужна? спросилъ въ свою очередь мѣщанинишка.

— А вотъ что, отвѣчала совѣсть: – отыщи ты мнѣ маленькое русское дитя, раствори ты передо мной его сердце чистое, и схорони меня въ немъ! авось онъ меня, неповинный младенецъ, пріютитъ и выхолитъ, авось онъ меня въ мѣру возраста своего произведетъ, да и въ люди потомъ со мной выйдетъ—не погнушается.

По этому ея слову, все такъ и сдѣлалось. Отыскалъ мѣщанинишка маленькое русское дитя, растворилъ его сердце чистое и схоронилъ въ немъ совѣсть.

Растетъ маленькое дитя, а вмѣстѣ съ нимъ растетъ въ немъ и совѣсть. И будетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть. И исчезнутъ тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая, и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама.

ДИКІЙ ПОМѢЩИКЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ помѣщикъ, жилъ и на свѣтъ глядучи радовался. Всего у него было довольно: и крестьянъ, и хлѣба, и скота, и земли, и садовъ. И былъ тотъ помѣщикъ глупый, читалъ газету «Вѣсть», и тѣло имѣлъ мягкое, бѣлое и разсыпчатое.

Только и взмолился однажды Богу этотъ помѣщикъ.

— Господи! всѣмъ я отъ тебя доволенъ, всѣмъ награжденъ! Одно только сердцу моему непереносно: очень ужь много развелось въ нашемъ царствѣ мужика!

Но Богъ зналъ, что помѣщикъ тотъ глупый, и прошенію его не внялъ.

Видитъ помѣщикъ, что мужика съ каждымъ днемъ не убываетъ, а все прибываетъ; видитъ, и опасается: а ну, какъ онъ у меня все добро пріѣстъ?

Заглянетъ помѣщикъ въ газету «Вѣсть», какъ въ семъ случаѣ поступать должно, и прочитаетъ: старайся!

— Одно только слово написано, молвитъ глупый помѣщикъ:—а золотое это слово!

И началъ онъ стараться, и не то чтобъ какъ-нибудь, а все по правилу. Курица-ли крестьянская въ господскіе овсы забредетъ—сейчасъ ее, по правилу, въ супъ; дровецъ-ли крестьянинъ нарубитъ, по секрету, въ господскомъ лѣсу соберется—

сейчасъ эти самыя дрова на господскій дворъ, а съ порубщика, по правилу, штрафъ.

— Больше я ныньче этими штрафами на нихъ дѣйствую! говоритъ помѣщикъ сосѣдямъ своимъ:—потому что для нихъ это понятнѣе.

Видятъ мужики: хоть и глупый у нихъ помѣщикъ, а разумъ ему данъ большой. Сократилъ онъ ихъ такъ, что некуда носа высунуть; куда ни глянутъ—все нельзя, да не позволено, да не ваше! Скотинка на водопой выйдетъ — помѣщикъ кричитъ: моя вода! курица за околицу выбредетъ—помѣщикъ кричитъ: моя земля! И земля, и вода, и воздухъ — все его стало! Лучины не стало мужику въ свѣтецъ зажечь, прута не стало чѣмъ избу вымести. Вотъ и взмолились крестьяне всѣмъ міромъ къ Господу Богу:

— Господи! легче намъ пропасть и съ дѣтьми съ малыми, нежели всю жизнь такъ маяться!

Услышалъ милостивый Богъ слезную молитву сиротскую, и не стало мужика на всемъ пространствѣ владѣній глупаго помѣщика. Куда дѣвался мужикъ — никто того не замѣтилъ, а только видѣли люди, какъ вдругъ поднялся мякинный вихрь и, словно туча черная, пронеслись въ воздухѣ насконные мужицкіе портки. Вышелъ помѣщикъ на балконъ, потянулъ носомъ, и чуетъ: чистый-пречистый во всѣхъ его владѣніяхъ воздухъ сдѣлался. Натурально, остался доволенъ. Думаетъ: теперь-то я понѣжу свое тѣло бѣлое! тѣло бѣлое, рыхлое, разсыпчатое!

И началъ онъ жить да поживать, и сталъ думать, чѣмъ бы ему свою душу утѣшить.

— Заведу, думаетъ, театръ у себя! напишу къ актеру Садовскому: пріѣзжай, молъ, любезный другъ! и актерокъ съ собой привози!

Послушался его актеръ Садовскій; самъ пріѣхалъ и актерокъ привезъ. Только видитъ, что въ домѣ у помѣщика пусто, и ставить театръ и занавѣсъ поднимать некому.

— Куда же ты крестьянъ своихъ дѣвалъ? спрашиваетъ Садовскій помѣщика.

— А вотъ Богъ, по молитвѣ моей, всѣ мои владѣнія отъ мужика очистилъ!

— Однако, братъ, глупый ты помѣщикъ! кто же тебѣ, глупому, умываться подаетъ?

— Да я ужь и то сколько дней немытый хожу!

— Стало быть, шампиньоны на лицѣ ростить собрался? сказалъ Садовскій, и съ этимъ словомъ и самъ уѣхалъ, и актерокъ увезъ.

Вспомнилъ помѣщикъ, что есть у него по близости четыре генерала знакомыхъ; думаетъ: что это я все гранъ-пасьянсъ, да гранъ-пасьянсъ раскладываю! Попробую-ко я съ генералами въ пятеромъ пульку-другую сыграть!

Сказано—сдѣлано; написалъ приглашенія, назначилъ день, и отправилъ письма по адресу. Генералы были хоть и настоящіе, но голодные, а потому очень скоро пріѣхали. Пріѣхали, и не могутъ надивиться, отъ чего такой у помѣщика чистый воздухъ сталъ.

— А отъ того это, хвастается помѣщикъ: — что Богъ, по молитвѣ моей, всѣ владѣнія мои отъ мужика очистилъ!

— Ахъ, какъ это хорошо! хвалятъ помѣщика генералы: — стало быть, теперь у васъ этого холопьяго запаху нисколько не будетъ?

— Нисколько, отвѣчаетъ помѣщикъ.

Сыграли пульку, сыграли другую; чувствуютъ генералы, что пришелъ ихъ часъ водку пить, приходятъ въ безпокойство озираются.

— Должно быть вамъ, господа генералы, закусить захотѣлось? спрашиваетъ помѣщикъ.

— Не худо бы, г. помѣщикъ!

Всталъ онъ изъ-за стола, подошелъ къ шкапу и вынимаетъ оттуда по леденцу, да по печатному прянику на каждаго человѣка.

— Что же это такое? спрашиваютъ генералы, вытаращивъ на него глаза.

— А вотъ, закусите, чѣмъ Богъ послалъ!

— Да намъ бы говядинки! говядинки бы намъ!

— Ну, говядинки у меня про васъ нѣтъ, господа генералы потому что съ тѣхъ поръ, какъ меня Богъ отъ мужика бавилъ, и печка на кухнѣ стоитъ не топлена!

Разсердились на него генералы, такъ что даже зубы у нихъ застучали.

— Да вѣдь жрешь же ты что-нибудь самъ-то? накинулись они на него.

— Сырьемъ кой-какимъ питаюсь, да вотъ пряники еще покуда есть...

— Однако, братъ, глупый же ты помѣщикъ! сказали генералы и, не докончивъ пульки, разбрелись по домамъ.

Видитъ помѣщикъ, что его ужь въ другой разъ дуракомъ чествуютъ, и хотѣлъ было ужь задуматься, но такъ какъ въ это время на глаза попалась колода картъ, то махнулъ на все рукою и началъ раскладывать гранъ-пасьянсъ.

— Посмотримъ, говоритъ, господа либералы, кто кого одолѣетъ! Докажу я вамъ, что можетъ сдѣлать истинная твердость души!

Раскладываетъ онъ «дамскій капризъ» и думаетъ: ежели сряду три раза выйдетъ, стало быть, надо не взирать. И какъ на зло, сколько разъ ни разложитъ — все у него выходитъ, все выходитъ! Не осталось въ немъ даже сомнѣнія никакого

— Ужь если, говоритъ, сама фортуна указываетъ, стало быть, надо оставаться твердымъ до конца. А теперь, покуда, довольно гранъ-пасьянсъ раскладывать, пойду, позаймусь!

И вотъ, ходитъ онъ, ходитъ по комнатамъ, потомъ сядетъ и посидитъ. И все думаетъ. Думаетъ, какія онъ машины изъ Англіи выпишетъ, чтобъ все паромъ, да паромъ, а холопскаго духу, чтобъ нисколько не было. Думаетъ, какой онъ плодовитый садъ разведетъ: вотъ тутъ будутъ груши, сливы; вотъ тутъ—персики, тутъ—грецкій орѣхъ! Посмотритъ въ окошко, анъ тамъ все, какъ онъ задумалъ, все точно такъ ужь и есть! Ломятся, по щучьему велѣнію, подъ грузомъ плодовъ деревья грушевыя, персиковыя, абрикосовыя, а онъ только знай фрукты машинами собираетъ, да въ ротъ кладетъ! Думаетъ, какихъ онъ коровъ разведетъ, что ни кожи, ни мяса, а все одно молоко, все молоко! Думаетъ, какой онъ клубники насадитъ, все двойной да тройной, по пяти ягодъ на фунтъ, и сколько онъ этой клубники въ Москвѣ продастъ. Наконецъ, устанетъ думать, пойдетъ къ зеркалу посмотрѣться — анъ тамъ ужь пыли на вершокъ насѣло...

— Сенька! крикнетъ онъ вдругъ, забывшись, но потомъ спохватится и скажетъ: — ну, пускай себѣ до поры, до времени такъ постоитъ! а ужь докажу же я этимъ либераламъ, что можетъ сдѣлать твердость души!

Промаячитъ, такимъ манеромъ, покуда стемнѣетъ — и спать!

А во снѣ сны еще веселѣе, нежели наяву, снятся. Снится ему, что самъ губернаторъ о такой его помѣщичьей непреклонности узналъ, и спрашиваетъ у исправника: «какой-такой твердый курицынъ сынъ у васъ въ уѣздѣ завелся?» Потомъ снится, что его за эту самую непреклонность министромъ сдѣлали, и ходитъ онъ въ лентахъ и пишетъ циркуляры: быть твердымъ и не взирать! Потомъ спится, что онъ ходитъ по берегамъ Евфрата и Тигра...

— Ева, мой другъ! говоритъ онъ.

Но вотъ и сны всѣ пересмотрѣлъ: надо вставать.

— Сенька! опять кричитъ онъ, забывшись, но вдругъ вспомнитъ... и поникнетъ головою.

— Чѣмъ бы, однако, заняться? спрашиваетъ онъ себя: — хоть бы лѣшаго какого-нибудь нелегкая принесла!

И вотъ по этому его слову вдругъ пріѣзжаетъ самъ капитанъ-исправникъ. Обрадовался ему глупый помѣщикъ несказанно; побѣжалъ въ шкафъ, вынулъ два печатныхъ пряника и думаетъ: ну, этотъ, кажется, останется доволенъ!

— Скажите, пожалуйста, господинъ помѣщикъ, какимъ это чудомъ всѣ ваши временно-обязанные вдругъ исчезли? спрашиваетъ исправникъ.

— А вотъ такъ и такъ, Богъ, по молитвѣ моей, всѣ владѣнія мои отъ мужика совершенно очистилъ!

— Такъ-съ; а неизвѣстно-ли вамъ, господинъ помѣщикъ, кто подати за нихъ платить будетъ!

— Подати?.. это они! это они сами! это ихъ священнѣйшій долгъ и обязанность!

— Такъ-съ; а какимъ манеромъ эту подать съ нихъ взыскать можно, коли они, по вашей молитвѣ, по лицу земли разсѣяны?

— Ужь это... не знаю... я, съ своей стороны, платить не согласенъ!

— А извѣстно-ли вамъ, господинъ помѣщикъ, что казначейство безъ податей и повинностей, а тѣмъ паче безъ винной и соляной регаліи, существовать не можетъ?

— Я чтожь... я готовъ! рюмку водки... я заплачу!

— Да вы знаете-ли, что, по милости вашей, у насъ на базарѣ ни куска мяса, ни фунта хлѣба купить нельзя? знаете-ли вы, чѣмъ это пахнетъ?

— Помилуйте! я, съ своей стороны, готовъ пожертвовать! вотъ цѣлыхъ два пряника!

— Глупый же вы, господинъ помѣщикъ! молвилъ исправникъ, повернулся и уѣхалъ, не взглянувъ даже на печатные пряники.

Задумался на этотъ разъ помѣщикъ не на шутку. Вотъ ужь третій человѣкъ его дуракомъ чествуетъ, третій человѣкъ посмотритъ, посмотритъ на него, плюнетъ и отойдетъ. Неужто онъ въ самомъ дѣлѣ дуракъ? неужто та непреклонность, которую онъ такъ лелѣялъ въ душѣ своей, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, означаетъ только глупость и безуміе? и неужто, вслѣдствіе одной его непреклонности, остановились и подати и регаліи, и не стало возможности достать на базарѣ ни фунта муки, ни куска мяса?

И какъ былъ онъ помѣщикъ глупый, то сначала даже фыркнулъ отъ удовольствія, при мысли, какую онъ штуку сыгралъ, но потомъ вспомнилъ слова исправника: «а знаете-ли, чѣмъ это пахнетъ?» и струсилъ не на шутку.

Сталъ онъ, по обыкновенію, ходить взадъ да впередъ по комнатамъ, и все думаетъ: чѣмъ же это пахнетъ? Ужь не пахнелъ-ли водвореніемъ какимъ? напримѣръ, Чебоксарами? или, быть можетъ, Варнавинымъ?

— Хоть бы въ Чебоксары, что-ли! по крайней мѣрѣ, убѣдился бы міръ, что значитъ твердость души! говоритъ помѣщикъ, а самъ по секрету отъ себя ужь думаетъ: въ Чебоксарахъ-то я, можетъ быть, мужика бы моего милаго увидалъ! Походитъ помѣщикъ, и посидитъ, и опять походитъ. Къ чему ни подойдетъ, все, кажется, такъ и говоритъ: а глупый ты, господинъ помѣщикъ! Видитъ онъ, бѣжитъ чрезъ комнату мышенокъ и крадется къ картамъ, которыми онъ гранъ-пасьянсъ дѣлалъ и достаточно уже замаслилъ, чтобъ возбудить ими мышинный аппетитъ.

— Кшш... бросился онъ на мышенка.

Но мышенокъ былъ умный и понималъ, что помѣщикъ безъ Сеньки никакого вреда ему сдѣлать не можетъ. Онъ только хвостомъ вильнулъ въ отвѣтъ на грозное восклицаніе помѣщика, и чрезъ мгновеніе уже выглядывалъ на него изъ-подъ дивана, какъ-будто говоря: погоди, глупый помѣщикъ! то-ли еще будетъ! я не только карты, а и халатъ твой съемъ, какъ ты его позамаслишь, какъ слѣдуетъ!

Много-ли, мало-ли времени прошло, только видитъ помѣщикъ, что въ саду у него дорожки репейникомъ поросли, въ кустахъ змѣи да гады всякіе кишмя кишатъ, а въ паркѣ звѣри дикіе воютъ. Однажды, къ самой усадьбѣ подошелъ медвѣдь сѣлъ на корточкахъ, поглядываетъ въ окошки на помѣщика и облизывается.

— Сенька! вскрикнулъ помѣщикъ, но вдругъ спохватился... и заплакалъ.

Однако, твердость души все еще не покидала его. Нѣсколько разъ онъ ослабѣвалъ, но какъ только почувствуетъ, что сердце у него начнетъ растворяться, сейчасъ бросится къ газетѣ «Вѣсть», и въ одну минуту ожесточится опять.

— Нѣтъ, лучше совсѣмъ одичаю, лучше пусть буду съ дикими звѣрьми по лѣсамъ скитаться, но да не скажетъ никто что россійскій дворянинъ, князь Урусъ-Кучумъ Кильдибаевъ отъ принциповъ отступилъ!

И вотъ, онъ одичалъ. Хоть въ это время наступила уже осень и морозцы стояли порядочные, но онъ не чувствовалъ даже холода. Весь онъ, съ головы до ногъ, обросъ волосами, словно древній Исавъ, а ногти у него сдѣлались какъ желѣзные. Сморкаться ужь онъ давно пересталъ, ходилъ же все больше на четвереньках, и даже удивлялся, какъ онъ прежде не замѣчалъ, что такой способъ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратилъ даже способность произносить членораздѣльные звуки и усвоилъ себѣ какой-то особенный побѣдный кликъ, среднее между свистомъ, шипѣньемъ и рявканьемъ. Но хвоста еще не пріобрѣлъ.

Выйдетъ онъ въ свой наркъ, въ которомъ онъ когда-то нѣжилъ свое тѣло рыхлое, бѣлое, разсыпчатое, какъ кошка въ одинъ мигъ взлѣзетъ на самую вершину дерева и стережетъ оттуда. Прибѣжитъ-это заяцъ, встанетъ на заднія лапки и прислушивается, нѣтъ-ли откуда опасности — а онъ ужь тутъ какъ тутъ. Словно стрѣла соскочитъ съ дерева, вцѣпится въ свою добычу, разорветъ ее ногтями, да такъ со всѣми внутренностями, даже со шкурой, и съѣстъ.

И сдѣлался онъ силенъ ужасно, до того силенъ, что даже счелъ себя вправѣ войти въ дружескія сношенія съ тѣмъ самымъ медвѣдемъ, который нѣкогда посматривалъ на него въ окошко.

— Хочешь, Михайло Иванычъ, походы вмѣстѣ на зайцевъ будемъ дѣлать? сказалъ онъ медвѣдю.

— Хотѣть — отъ чего не хотѣть! отвѣчалъ медвѣдь: — только, братъ, ты напрасно мужика этого уничтожилъ!

— А почему такъ?

— А потому, что мужика этого ѣсть не въ примѣръ способнѣе было, нежели вашего брата дворянина. И потому, скажу тебѣ прямо: глупый ты помѣщикъ, хоть мнѣ и другъ!

Между тѣмъ, капитанъ-исправникъ хоть и покровительствовалъ помѣщикамъ, но въ виду такого факта, какъ исчезновеніе съ лица земли мужика, смолчать не посмѣлъ. Встревожилось его донесеніемъ и губернское начальство, пишетъ къ нему: а какъ вы думаете, кто теперь подати будетъ вносить? кто будетъ вино по кабакамъ пить? кто будетъ невинными занятіями заниматься? Отвѣчаетъ капитанъ-исправникъ: казначейство-де теперь упразднить слѣдуетъ, а невинныя-де занятія и сами собой упразднились, вмѣсто же нихъ распространились въ уѣздѣ грабежи, разбой и убійства. Надняхъ-де и его, исправника, какой-то медвѣдь не медвѣдь, человѣкъ не человѣкъ едва не задралъ, въ каковомъ человѣко-медвѣдѣ и подозрѣваетъ онъ того самаго глупаго помѣщика, который всей смутѣ зачинщикъ.

Обезпокоились начальники и собрали совѣтъ. Рѣшили: мужика изловить, а глупому помѣщику, который всей смутѣ зачинщикъ, наиделикатнѣйше внушить, дабы онъ фанфаронства свои прекратилъ, и поступленію въ казначейство податей препятствія не чинилъ.

Какъ нарочно, въ это время чрезъ губернскій городъ летѣлъ отроившійся рой мужиковъ и осыпалъ всю базарную площадь. Сейчасъ эту благодать убрали, посадили въ плетушку и послали въ уѣздъ.

И вдругъ опять запахло въ томъ уѣздѣ мякиной и овчинами; но въ то же время на базарѣ появились и мука и мясо и живность всякая, а податей въ одинъ день поступило столько, что казначей, увидавъ такую груду денегъ, только всплеснулъ руками отъ удивленія и вскрикнулъ:

— И откуда вы, шельмы, берете!!

Что же сдѣлалось, однако, съ помѣщикомъ? спросятъ меня читатели. На это я могу сказать, что хотя и съ большимъ

трудомъ, но его изловили. Изловивши, сейчасъ же высморкали, вымыли и обстригли ногти. Затѣмъ, капитанъ-исправникъ сдѣлалъ ему надлежащее внушеніе, отобралъ газету «Вѣсть», и, поручивъ его надзору Сеньки, уѣхалъ.

Онъ живъ и донынѣ. Раскладываетъ гранъ-пасьянсъ, тоскуетъ по прежней своей жизни въ лѣсахъ, умывается лишь по принужденію, и по временамъ мычитъ.

Библіотека

трудомъ, но его выгонки. Исконный, сойтись, мастерство-
вали, мыли и обстирали нетчи. Затѣмъ, кашитанъ-исправ-
ник, сдѣлать ему надлежащее внушеніе, отобрать расписку
«Вѣсть», и порушить его подворъ. Сонлив, убѣдать.

Онъ жить и помнить. Пасхальникъ, грязь-пасхальникъ, то-
сутъ по прежней своей жизни на лѣсахъ, умаливается лишь
по принужденію, и по роженьмъ мирить.

В. Кирьяновъ
Отдѣлъ библіотеки
Вятскаго Музея Старины

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Сонъ въ лѣтнюю ночь. 5
Дѣти Москвы 46
Похороны 82
Старческое горе 115
Дворянская хандра 163
Больное мѣсто. 194
Повѣсть о томъ какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ. 238
Пропала совѣсть. 246
Дикій помѣщикъ 259

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Сонъ въ лѣтнюю ночь	5
Дѣвъ Москва	46
Пѣсторонъ	82
Старинное горе	115
Горькая судьба	153
Пальное мѣсто	194
Повѣсть о томъ какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ	208
Пропала совѣсть	242
Такой помѣщикъ	259

39.-

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA
098342

Biblioteka WSP Kielce
0162483